T 30 5/56

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

T30 5/56

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

99.1 304
С71/5г

СОЧИНЕНІЯ
В. Д. СПАСОВИЧА.

Т30 5/56

Томъ V.
СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.
(1867—1874)

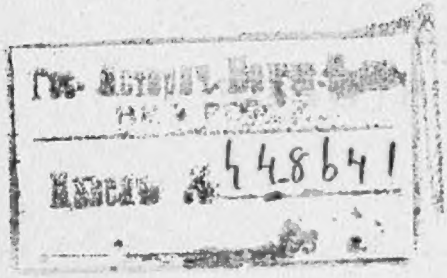
Изданіе П. Гайдебурова книги Вундта. — Шомбергъ-Колонтай. — Шишкины. — Графъ И. Морковъ. — Изъ дѣла о скопцахъ Плотицыныхъ и др. — Изданіе писемъ объ Англіи Луи-Блана Щаповымъ. — Дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона. — Нечаевское дѣло. — Изданіе Поляковымъ «раціонализма» Лекки. — Дуэль между Утинымъ и Жоховымъ. — Пальмъ. — Дементьевъ. — Терпигоревъ. — Дѣло объ убійствѣ Чихачева.—Дѣло Долгушина и др.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
40604

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Юридическій книжный складъ „ПРАВО".
Литейный пр., 28.

1913.


Инв. № 448641

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

1867.

1.

Дѣло о Павлѣ Гайдебуровѣ, судимомъ по поводу изданнаго имъ перевода 2 тома книги Вундта: „Душа человѣка и животныхъ“.

Гайдебуровъ обвинялся въ томъ, что, издавая книгу, въ которой были мѣста, касающіяся прямо религіи и потому дающія полный поводъ сомнѣваться въ возможности допустить это изданіе къ обращенію безъ разсмотрѣнія духовной цензуры, отпечаталъ эту книгу безъ представленія въ предварительную цензуру, что составляетъ преступокъ, предусмотрѣнный 1024 ст. уложенія о наказаніяхъ. Разборъ дѣла происходилъ во 2 Отдѣленіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда 11 апрѣля 1867 года.

Гг. Судьи!

Настоящее дѣло возникло по иниціативѣ комитета духовной цензуры, при посредствѣ комитета цензуры свѣтской, и по отзывамъ ихъ, переданнымъ прокурорскому надзору.

Мнѣ невыгодно имѣть трехъ противниковъ; очень понятно, что я хотѣлъ бы имѣть дѣло съ однимъ. Вотъ почему я прежде всего поставлю слѣдующій вопросъ: какое значеніе можетъ имѣть отзывъ духовной цензуры?

Обязательно ли для окружнаго суда мнѣніе духовной цензуры, или нѣтъ? Если обязательно, то не стоитъ и защищаться; если не обязательно, то я надѣюсь въ судебномъ состязаніи поставить столь сильные доводы въ оправданіе моего кліента, что онъ будетъ отъ суда освобожденъ.

Прежде всего разберемъ, что содержится въ отзывѣ духовной цензуры? Во 1-хъ, обвиненіе книги въ противозаконности и антирелигіозности содержанія; 2) прямое и положительное заявленіе того, что она должна была идти на предварительный просмотръ духовной цензуры. Что касается до перваго пункта, то я бы хотѣлъ, но не въ правѣ его касаться, потому что онъ не внесенъ въ обвинительный актъ, обвинительная власть не поддерживаетъ его. Остается 2-й пунктъ—одинъ, и только одинъ. Духовная цензура прямо утверждаетъ, что книга Вундта подлежитъ ея вѣдѣнію, и изъ этого положенія выводитъ слѣдующія послѣдствія: личную отвѣтственность для издателя по 1024 ст. и конфискацію для сочиненія, какъ можно предугадывать, по 255 ст. цензурнаго устава. Можетъ ли судъ принять это заявленіе на вѣру или долженъ отнестись къ нему критически: разобрать его и повѣрить, согласно ли оно съ дѣйствительностью, или нѣтъ? Я полагаю—отвѣтъ одинъ: мнѣніе духовной цензуры необязательно и должно быть разобрано по всѣмъ правиламъ доказательствъ. Цензурный комитетъ не есть судъ, его отзывъ не можетъ имѣть такого значенія, какъ, напримѣръ, рѣшеніе суда, вошедшее въ законную силу; онъ есть сторона, возбуждающая преслѣдованіе.

Я полагаю, что дѣло Гайдебурова будетъ разбираться, какъ будто бы его обвинялъ одинъ только г. прокуроръ. Обвиненіе г. прокурора держится на 2 статьяхъ цензурнаго устава: 199 и 39. Въ 199 ст. перечислены сочиненія и переводы, которые должны идти на просмотръ духовной цензуры; въ п. 3 сказано: „сочиненія и переводы, содержащіе изложеніе истинъ, относящихся къ основаніямъ христіанской вѣры или религіи вообще“. Въ ст. 39 говорится, что

свѣтская цензура входитъ въ сношеніе съ духовной всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга разсмотрѣнію духовной цензуры, хотя бы по прямому закону она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры. Что касается до 199 ст., то я долженъ поблагодарить г. прокурора за его слова, занесенныя въ обвинительный актъ; эти слова вполнѣ и совершенно оправдываютъ моего кліента. Г. прокуроръ заявилъ въ обвинительномъ актѣ, что сочиненіе Вундта собственно не содержитъ истинъ христіанской вѣры или истинъ религіи вообще, но только близко *касается* ихъ. Но такъ какъ въ ст. 199 не говорится о книгахъ, близко касающихся основаній религіи, а только о содержащихъ изложеніе основаній религіи, то съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ бы былъ и споръ всякій прекратиться, т. е. должно бы быть принято, что т. 2 книги Вундта по собственному признанію г. прокурора, какъ не содержащій изложенія основаній религіи, не подходитъ подъ 199 ст. цен. уст., и, слѣд., цензурѣ духовной не подлежитъ, какъ бы близко онъ ни касался разряда книгъ, подлежащихъ просмотру духовной цензуры. Я ставлю обвиняющей власти слѣдующую дилемму: или книга подходитъ прямо подъ ст. 199, тогда вы должны измѣнить вашъ обвинительный актъ, потому что по вашему она не подходитъ, а только касается, а о подобномъ касательствѣ нѣтъ и помину въ законѣ; или книга не подходитъ подъ 199 ст., тогда незачѣмъ и возбуждать преслѣдованія. Перехожу теперь къ ст. 39. По этой ст. Гайдебурову вмѣняется въ вину не то, что онъ преступилъ законъ, а то, что онъ усомнился, что легко можетъ преступить его; что онъ не подумалъ: авось, можетъ быть, эта книга и въ самомъ дѣлѣ должна идти предварительно въ духовную цензуру. Но чтобы подвергнуть Гайдебурова отвѣтственности за то, что онъ не усомнился, надо доказать, что на немъ лежала юридическая обязанность сомнѣваться. Но сколько я ни вертѣлъ 39 ст., все-таки не могъ взять въ толкъ и

понять, какъ можетъ она относиться къ Гайдебурову. Въ ней излагаются обязанности свѣтской цензуры, т. е. правительственнаго установленія, имѣющаго цѣлью производить просмотръ рукописей и отпечатанныхъ книгъ, а мой довѣритель никогда цензоромъ не былъ и даже въ коронной службѣ не состоялъ. Г. прокуроръ полагаетъ, вѣроятно, что за упраздненіемъ предварительной цензуры для нѣкотораго рода сочиненій, обязанности цензоровъ перешли на сочинителей и издателей. Я думаю, что онъ ошибается: никто не можетъ быть въ одно и то же время и наблюдателемъ и наблюдаемымъ, и цензоромъ и цензуруемымъ. Такое раздвоеніе себя, такое отправленіе двухъ противоположныхъ функцій превышаетъ силы человѣческія. Это свыше природы человѣческой. Ст. 39 существуетъ и до сихъ поръ, но она до сихъ поръ относится къ однимъ цензурнымъ установленіямъ, а не къ частнымъ лицамъ. И теперь еще, когда въ комитетъ свѣтской цензуры представляется отпечатанное сочиненіе, гдѣ оно должно пролежать 3 дня, комитетъ цензуры свѣтской лишь только замѣтитъ мѣста духовнаго содержанія, хотя бы они и не подходили прямо подъ 199 ст. цензурнаго устава, обязанъ тотчасъ препроводить книгу съ отмѣченными мѣстами въ духовную цензуру и подождать до полученія отзыва отъ духовной цензуры. Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что срокъ трехдневный слишкомъ коротокъ; но цензурный комитетъ пользуется, какъ извѣстно, весьма широко правомъ просматривать въ теченіе времени большаго, нежели 3 дня; слѣдовательно это возраженіе не можетъ имѣть мѣста. Такимъ образомъ, я полагаю, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что статья эта не идетъ къ Гайдебурову. Какъ можетъ и какъ смѣетъ Гайдебуровъ входить въ роль цензора и принимать на себя его обязанности?!

Что эта статья не идетъ къ Гайдебурову, можно доказать еще другимъ способомъ, слѣдующимъ: въ ст. 39 излагаются извѣстныя юридическія обязанности; всякая юридическая обязанность выражена въ законѣ и имѣетъ

свою санкцію, т. е. съ нарушеніемъ юридической обязанности соединены невыгодныя для нарушителя послѣдствія; спрашивается, какая санкція ст. 39? Я говорю, уголовной — никакой, потому что пересмотрите весь уголовный кодексъ, вы не найдете наказаній, опредѣленныхъ за такого рода упущенія, совершенныя цензоромъ. А такъ какъ уголовнаго наказанія нѣтъ, то онъ и не можетъ быть преданъ суду, а развѣ подвергнуться отвѣтственности дисциплинарной въ административномъ порядкѣ. Г. Гайдебуровъ подводится подъ 39 ст., слѣдовательно и подъ санкцію 39 ст., а эта санкція есть административное взысканіе. Слѣдовательно, пускай и подвергаютъ его, если могутъ, административнымъ взысканіямъ: выговорамъ, замѣчаніямъ и т. п., но только не по суду, потому что по суду его проступокъ не можетъ подлежать никакому наказанію. Въ законѣ только сказано: „за напечатаніе безъ цензуры произведенія, подлежащаго цензурѣ, хотя бы содержаніе напечатаннаго и не было противозаконно...“ Вину Гайдебурова по обвинительному акту надлежало бы формулировать такимъ образомъ: отпечатаніе сочиненія, хотя и не подлежащаго цензурѣ, но относительно коего былъ поводъ сомнѣваться, не подлежитъ ли оно духовной цензурѣ... Но какъ подобное преступленіе не предусмотрѣно кодексомъ, то и объ уголовной отвѣтственности Гайдебурова не можетъ быть и рѣчи. Nullum crimen, nulla poena sine lege poenali.

Въ доказательство того, что сомнѣніе въ духовномъ содержаніи книги не могло не являться у г. Гайдебурова и что оно дѣйствительно являлось, обвинительный актъ приводитъ два факта: 1) что въ декабрѣ 1865 г. другой издатель Вундта представилъ въ цензурный комитетъ 2-й томъ „О душѣ“ и получилъ отвѣтъ, что духовная цензура не допускаетъ этого сочиненія; 2) что онъ самъ, Гайдебуровъ, повычеркалъ многое въ оригиналѣ, слѣдовательно предвидѣлъ, что цензура неблагопріятно отнесется къ этой книгѣ. Что

касается до 1-го факта, то онъ ничего не доказываетъ и даже къ дѣлу не идетъ: Гайдебуровъ не зналъ и не обязанъ былъ знать, какъ поступила духовная цензура съ другимъ издателемъ. Что касается до 2-го факта, то онъ вполнѣ справедливъ, т. е. что Гайдебуровъ сократилъ и повычеркалъ многое изъ „Души человѣка и животныхъ“; но что же изъ этого слѣдуетъ. Что онъ зналъ, что сочиненіе Вундта подлежитъ духовной цензурѣ? Нисколько. Онъ этого не зналъ, онъ этого не знаетъ; и теперь онъ положительно убѣжденъ, что книга не подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры, хотя въ ней и были нѣкоторые отрывки, которые, въ виду нашихъ цензурныхъ правилъ, подлежали исключенію. Пора вывести споръ изъ той колеи, на которой онъ поставленъ обвинительнымъ актомъ, и обратить его на иную дорогу. Я прямо ставлю вопросъ: подлежалъ ли 2-й т. перевода Вундта, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ отпечатанъ, разсмотрѣнію духовной цензуры, или не подлежалъ? Я утверждаю, что не подлежалъ, что признаетъ и обвинительная власть. Я бы могъ основываться на ея признаніи, но судъ можетъ пойти дальше, нежели прокурорская власть;—я прошу судъ внимательно вникнуть въ содержаніе сочиненія. Задача довольно важна и стоитъ труда. Она состоитъ въ томъ, чтобы провести точную границу между интересами свѣтскими и духовными; между тѣмъ, о чемъ можно свободно писать, и тѣмъ, о чемъ нельзя писать безъ предварительнаго спроса; между богословіемъ и философіею. Постараюсь провести эту предѣльную черту на точномъ основаніи цензурнаго устава.

Всѣмъ извѣстно, что есть цѣлая отрасль знаній, цѣлый циклъ наукъ, которому посвящены за границею особые факультеты въ университетахъ, у насъ особыя академіи; циклъ этихъ знаній носитъ названіе богословія, науки божественнаго, систематическаго изложенія тайнъ откровенія. Эта отрасль знаній отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что она вся основана на авторитетѣ;

между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ знаніяхъ главнымъ орудіемъ и зодчимъ является свободный разборъ, свободная критика. Весь циклъ наукъ богословскихъ изъятъ отъ льготъ, предоставленныхъ 6 апрѣля 1865 г. литературѣ, и остался на прежнемъ положеніи, но только онъ одинъ. Разберите отдѣлъ 3, VI главы цензурнаго устава о предметахъ духовной цензуры и въ особенности ст. 199; здѣсь говорится о тѣхъ только предметахъ, которые распредѣлены въ богословскихъ факультетахъ и академіяхъ между особыми кафедрами: 1) церковное служеніе и житія святыхъ; 2) коментаріи на священное писаніе—герменевтика; 3) догматическое богословіе; 4) апологетика; 5) гомилетика; 6) церковная исторія; 7) церковное право и наука церковнаго управленія, наконецъ 8) учебныя книги для духовныхъ училищъ. Только то, что содержится въ этомъ кругѣ, находится подъ бдительною охраною духовнаго начальства, котораго власть въ этихъ предѣлахъ не подлежитъ ни малѣйшему спору и сомнѣнію. Кто бы осмѣлился напечатать сочиненіе апологетическое, гомилетическое, догматико-богословское, тотъ подлежалъ бы, я признаю, наказанію по 1024 ст., но только тотъ; все остальное, хотя бы въ немъ говорилось о Богѣ, хотя бы въ немъ были тексты изъ священнаго писанія, подлежитъ разсмотрѣнію только свѣтской цензуры.—По 37 ст. цензурнаго устава, книги, относящіяся къ нравственности, даже и тѣ, въ которыхъ разсужденія подкрѣплены ссылкою на священное писаніе, подлежатъ свѣтской цензурѣ. И такъ, прежде всего вопросъ о подвѣдомственности сочиненій рѣшается общимъ характеромъ сочиненія: богословское ли оно или не богословское въ цѣломъ своемъ составѣ. Но затѣмъ можетъ случиться, что будетъ вотъ что: книга свѣтская по общему характеру, а есть въ ней нѣкоторыя мѣста духовныя,—этотъ вопросъ рѣшенъ въ ст. 38: если въ книгѣ свѣтской встрѣтятся мѣста, относящіяся или къ догматамъ вѣры, или къ церковной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ оныя на уваженіе духовной цензуры.

Статьи, которыя я привелъ, рѣшаютъ вполнѣ вопросъ объ обязательности и отвѣтственности издателя. Коль скоро книга по общему содержанію своему свѣтская, то издатель можетъ, не опасаясь никакой личной отвѣтственности, отпечатать ее; но если въ этой свѣтской книгѣ цензура найдетъ нѣчто духовное, то эти мѣста, отдѣльно отъ прочаго, она отправляетъ на разсмотрѣніе духовной цензуры, которая можетъ эти мѣста уничтожить.

Заручившись этими выводами, приступаю къ книгѣ Вундта и задаю себѣ два вопроса: 1) есть ли это книга свѣтская или духовная въ общемъ своемъ составѣ? 2) нѣтъ ли въ ней мѣстъ, относящихся или къ догматамъ вѣры или къ церковной исторіи?

1) Въ 1863 г. гейдельбергскій профессоръ Вундтъ издалъ свои лекціи о психологіи: „Душа человѣка и животныхъ“—сочиненіе весьма серьезное, глубоко ученое, въ которомъ авторъ воспользовался всѣми новѣйшими открытіями физіологіи, лучшій учебникъ опытной психологіи, основанной на наблюденіи фактовъ, а не на метафизикѣ.

Что авторъ не матеріалистъ, это онъ заявилъ со второй лекціи, которая вся посвящена коренному опроверженію грубыхъ недостатковъ матеріалистическаго метода; это онъ заявляетъ вездѣ, постоянно утверждая, что положительное опытное индуктивное знаніе имѣетъ свои, весьма точно очерченныя, границы, которыхъ переступить не можетъ и за которыми лежитъ нѣсколько вопросовъ, которыхъ рѣшить оно не можетъ и не будетъ никогда въ состояніи рѣшить. Первый томъ посвященъ экспериментальному анализу воспріятія ощущеній, законамъ ощущеній, образа представленій, понятій, сужденій—иными словами, онъ вмѣщаетъ въ себѣ теорію ощущеній и теорію логики по новѣйшимъ открытіямъ. Второй томъ занимается изслѣдованіемъ о чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ (теорія сознательныхъ душевныхъ процессовъ, тѣсно соединенныхъ, и опирающаяся на теорію

безсознательныхъ процессовъ, 1 томъ). Сначала разбирается эстетическое чувство, потомъ нравственное—совѣсть; теорія и исторія нравовъ, потомъ умственное чувство, потомъ религіозное чувство; остальныя главы посвящены изслѣдованію законовъ воли, образованію языковъ, законамъ дѣйствій, наконецъ—общимъ выводамъ и соображеніямъ. Такимъ образомъ изъ 57 лекцій въ сочиненіи Вундта есть только 5 ($^1/_{11}$ доля), которыя касаются и то не религіи, а религіознаго чувства въ человѣкѣ: затѣмъ все остальное $^{10}/_{11}$ до того свѣтскаго содержанія, что никакимъ образомъ не должно быть отправлено въ духовную цензуру. Но если такъ, то возможно слѣдующее: Гайдебуровъ пожертвуетъ всѣми этими 5 главами и вырѣжетъ ихъ изъ изданія; выйдетъ, что душа доктора Вундта лишится религіознаго чувства, но сохранитъ всѣ остальныя; что у нея отрѣзано будетъ одно изъ крыльевъ, но черезъ то она все-таки будетъ годна къ общему употребленію. Венера Милосская дивно-хороша, хотя у нея вмѣсто рукъ одни обрубки рукъ; то же самое можно будетъ сказать и о книгѣ доктора Вундта, такъ какъ даже и въ этомъ видѣ она можетъ разойтись, потому что исключенное составляетъ только $^1/_{11}$ часть содержанія. Этимъ рѣшится вопросъ первый, т. е. надо признать, что, по общему своему характеру, книга Вундта не богословская, и потому не подлежитъ предварительному просмотру духовной цензуры, и потому издатель нисколько не провинился, не представляя ее въ рукописи въ духовную цензуру.

2) Есть ли въ этой книгѣ мѣста, относящіяся къ догматамъ вѣры, или къ церковной исторіи? Я прямо отвѣчу, что таковыхъ не имѣется. Авторъ избралъ предметомъ не какую-либо религію, а одно только религіозное чувство у разныхъ народовъ земного шара. Такимъ образомъ, ни одного догмата религіи онъ не разбираетъ, не доказываетъ и не опровергаетъ: ни одного текста священнаго писанія не приводитъ. Такъ какъ, разсматривая религіозное чувство, онъ не могъ не ка-

саться нѣкоторыхъ его проявленій, то и у Вундта были, въ видѣ примѣровъ, нѣкоторыя ссылки на исторію евреевъ, на исторію христіанства; всѣ эти примѣры Гайдебуровъ самымъ тщательнымъ образомъ исключилъ— всѣ до одного, чтобы, именно, сообразовать свою книгу съ ст. 38, т. е., чтобы не было и тѣни подозрѣнія, что въ его книгѣ есть малѣйшая связь съ священною исторіею.

Г. прокуроръ находитъ предосудительнымъ, что на стр. 300 и 301 высказываются мнѣнія объ источникахъ естественной религіи, или стр. 309, въ которой выводится признаніе монотеизма внѣ божественнаго откровенія. Но, въ такомъ случаѣ надлежало бы исключить изъ исторіи Будду, Сократа, Платона. Монотеизмъ лежитъ въ существѣ природы человѣческой и язычники были предрасположены къ воспріятію откровенія. Кто былъ Сократъ: язычникъ или еврей? онъ былъ язычникъ, религія у него была не откровенная, а естественная, и, однако, онъ самъ дошелъ до единобожія. Прокуроръ находитъ, на 341 стр., неумѣстнымъ объясненіе связи идей религіозныхъ и нравственныхъ, между тѣмъ, какъ самъ законъ разрѣшаетъ это объясненіе въ ст. 38 ценз. устава. Наконецъ, я совершенно смущенъ ссылкою г. прокурора на гл. 40, гдѣ говорится о спеціальномъ и политическомъ значеніи христіанства; это возраженіе больше всего приводитъ меня въ затрудненіе. Мѣста, на которыя указываетъ г. прокуроръ, самыя безвинныя; это такія мѣста, что христіанство пріучило человѣка быть гражданиномъ міра, а не быть гражданиномъ одного опредѣленнаго отечества. Но это такія истины, которыя мы слышимъ въ дѣтствѣ, читаемъ во всѣхъ учебныхъ исторіяхъ, слушаемъ въ университетахъ; истины, избитыя отъ частаго повторенія; истины, сдѣлавшіяся давно достояніемъ общественнымъ. Отсылать за подобныя мѣста книгу въ духовную цензуру значитъ изъять изъ вѣдѣнія свѣтской власти и предать духовному вѣдомству всѣ сочиненія, относящіяся къ исторіи

послѣ Р. Х. Исторію цивилизаціи Гизо нельзя переводить и печатать, потому что половина ея посвящена политическому и соціальному значенію христіанства, также и многихъ другихъ сочиненій. Христіанство есть громаднѣйшій фактъ исторіи; запретите говорить о немъ и прагматическая исторія человѣчества невозможна. Мы до сихъ поръ находимся подъ сѣнью креста, водвореннаго на Голгофѣ; мы не можемъ ни видѣть блѣднаго лица Распятаго, ни говорить о немъ, ни изображать его на полотнѣ, ни слѣдить за отраженіемъ его божественнаго слова и въ нравахъ, и въ законахъ,—значитъ всѣ соціальныя науки исключены будутъ отъ дѣйствія закона 6 апрѣля и льготы этого закона коснутся развѣ математики, геологіи и естественной исторіи, да и то, можетъ быть, съ значительными вырѣзками; съ изъятіемъ Кювье и палеонтологіи и теоріи Дарвина, съ его идеями о родствѣ людей съ обезьянами. Я думаю, что подобная строгость далеко оставляетъ за собою даже цензурныя привычки 30 и 40 годовъ.

Перехожу къ окончательнымъ заключеніямъ. Гайдебуровъ судится за преступленіе, въ которомъ онъ невиновенъ; вы не можете его осудить. Дѣло Гайдебурова, повидимому, личное, а между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, потому что вопросъ, который здѣсь рѣшается—вопросъ общій, въ которомъ заинтересована вся литература. Осужденіе Гайдебурова, хотя оно касается его лично, предрѣшаетъ, однако, и судьбу книги; потому что вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено будетъ, что она подлежитъ духовной цензурѣ, а коль скоро она подлежитъ духовной цензурѣ, то приговоръ ей написанъ, она ни подъ какимъ видомъ Гайдебурову не будетъ возвращена. Но независимо отъ матеріальныхъ потерь, ваше рѣшеніе, осуждающее Гайдебурова, повлекло бы за собою слѣдующія послѣдствія: 1) оно убило бы и сдѣлало бы невозможными нѣсколько отраслей литературы, весьма важныхъ, ставя ихъ въ положеніе, худшее, нежели до 6 апрѣля 1865 года, потому что до 6 апрѣля онѣ не были под-

вѣдомы духовной цензурѣ, а теперь будутъ подвѣдомы. Религія и философія (матефизика) двѣ родныя сестры; обѣ занимаются безконечнымъ, обѣ помогаютъ одна другой, и отъ взаимнаго ихъ общенія происходятъ самыя плодотворныя послѣдствія; но онѣ сестры равныя, самостоятельныя, и ни одна не можетъ, не переставая быть, чѣмъ она есть, идти подъ начало другой. Философія уже не будетъ философіей, когда превратится въ службу богословія. Вслѣдъ за богословіемъ и психологія перестанетъ быть свѣтской, чего примѣръ представляетъ подлежащая вашему рѣшенію судьба книги д-ра Вундта. Объ исторіи тоже нечего и говорить; такъ какъ невозможно себѣ представить учебникъ исторіи безъ понятія о христіанствѣ, его соціальномъ значеніи, церкви, ея отношеніи къ государству, то эта вѣтвь литературы изъята будетъ изъ свободнаго обращенія. Очередь дойдетъ и до книгъ юридическихъ, до права гражданскаго, потому что въ немъ говорится о бракахъ, а бракъ есть таинство, и до уголовнаго права, потому что наказаніе есть искупленіе вины, и т. д. до безконечности. 2) Идеѣ религіи ваше осуждающее рѣшеніе не принесло бы никакой пользы, а одинъ только вредъ. Литература для своего развитія нуждается въ свободѣ; отнимите свободу выражать свои мысли, и литература перестанетъ заниматься этими предметами, о которыхъ нельзя свободно выражаться. Скажите, что нельзя ничего печатать о Богѣ и божественномъ, безъ разрѣшенія духовной цензуры, и тотчасъ же увидите, что не будетъ и помину о Богѣ и божественномъ: водворится тотъ религіозный индиферентизмъ, который составляетъ язву и болѣзнь нашего вѣка. Мы жалуемся, что наша наука перестала быть религіозною, нравы наши до того отрѣшились отъ всего религіознаго, что каждый изъ насъ думаетъ, что все сдѣлалъ, когда исполнилъ нѣсколько обрядовъ внѣшнихъ—ваше рѣшеніе будетъ вполнѣ въ духѣ этого индиферентизма. Въ литературѣ есть отрасль подвѣдомственная духовной цензурѣ—богословіе; но религіозное

чувство питается еще сверхъ богословскихъ сочиненій и не богословскими, въ которыхъ люди простые, не ученые, отъ избытка религіознаго чувства прославляютъ Бога. Позвольте имъ прославлять Бога, какъ они умѣютъ, позвольте свободно выражаться, не стѣсняясь канономъ, и тому, кто видитъ въ Богѣ первую причину, кто считаетъ землю его подножіемъ, а небо звѣздное — его шатромъ, и тому, кто понимаетъ Бога, какъ верховный нравственный законъ, царящаго въ недосягаемыхъ глубинахъ нашего духа, и поклоняется ему благоговѣйнымъ вошествіемъ въ себя, возношеніемъ себя къ идеалу.

Наконецъ, если бы вы осудили Гайдебурова, то я замѣчу, что ваше рѣшеніе пойдетъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается; оно не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Книги одинаковаго содержанія съ книгою Вундта печатались и печатаются до сихъ поръ безъ разрѣшенія духовной цензуры. За что же одного Вундта постигнетъ печальная участь? Вотъ напечатанная въ 1866 г. исторія философіи Льюиса. Вотъ исторія умственнаго развитія Дрэпера, родъ философіи исторіи, въ которой множество мѣстъ, относящихся къ религіи и къ христіанству, такъ много, что ихъ не перечтешь. Вотъ Микрокозмъ Лотцэ, система психологіи, совершенно тождественная съ трудомъ Вундта по содержанію. Наконецъ, вотъ Опыты Герберта Спенсера; на эту книгу я обращаю особенное вниманіе, потому что она была задержана цензурою, но потомъ выпущена и разрѣшена къ продажѣ. На страницахъ 217 — 223 тамъ помѣщена статья: польза антропоморфизма — коротенькая, которая содержитъ на 7 страницахъ мнѣніе о религіи посильнѣе и порѣзче, нежели во всей книгѣ Вундта. Но, однако, никто не посылалъ Герберта Спенсера въ духовную цензуру.

Окружный судъ опредѣлилъ: 1) признать, что въ томѣ 2-мъ книги Вундта лекціи 44 — 47 подлежали отдѣльно отъ прочихъ частей представленію въ духовную цензуру; 2) Гайдебурова за непредставленіе этихъ лекцій въ цензуру подвергнуть аресту на 1 недѣлю и штрафу въ 25 рублей. С.-Петербургская Судебная Палата, разсмотрѣвъ дѣло по апелляціямъ сторонъ, утвердила 14 іюля 1867 г. приговоръ Окружнаго Суда относительно уголовной отвѣтственности Гайдебурова, но измѣнила его относительно книги, которую она положила препроводить въ полномъ составѣ на разсмотрѣніе духовной цензуры.

8 ноября 1867 г. Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената отмѣнилъ рѣшеніе Палаты главнымъ образомъ потому, что почти нѣтъ научнаго сочиненія, которое бы не имѣло прямого или косвеннаго отношенія къ предметамъ духовнымъ; что для научныхъ сочиненій вездѣ, гдѣ существуетъ цензура, свобода мысли подвергается наименьшимъ ограниченіямъ; что законъ не указываетъ на то, чтобы въ духовную цензуру отсылались сужденія и усмотрѣнія, касающіяся косвенно предметовъ вѣдомства духовной цензуры.

Вслѣдствіе сего Гайдебуровъ былъ признанъ впослѣдствіи оправданнымъ, а 2-й томъ книги Вундта выпущенъ въ обращеніе.

40624

2.

Дѣло объ уроженцѣ Царства Польскаго, дворянинѣ Евстафіѣ Шомбергъ-Колонтаѣ, обвиняемомъ въ выпускѣ въ обращеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ.

Шомбергъ-Колонтай обвинялся: 1) въ пріѣздѣ въ Россію и проѣздѣ отъ Вержболова до Баку съ завѣдомо чужимъ, выданнымъ на имя великобританскаго подданнаго Гомерри Стефенсона, паспортомъ и ложномъ присвоеніи себѣ означеннаго званія, имени и фамиліи, съ преступною цѣлью скрыть свое настоящее званіе, имя и фамилію; 2) въ привозѣ въ Россію и провозѣ въ предѣлахъ Имперіи отъ Вержболова до Баку купленныхъ за границею, завѣдомо фальшивыхъ заграничнаго издѣлія россійскихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ 50-рублеваго достоинства и въ выпускѣ таковыхъ билетовъ въ обращеніе въ городѣ Баку, на Кавказѣ. Эти преступленія предусмотрѣны 976, 977, 1412, 1416, 573, 571 и 576 ст. уложенія о наказаніяхъ. Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, по Уголовному Отдѣленію 9 августа 1867 года.

Гг. Присяжные!

Подсудимый, котораго судьба рѣшается въ эту минуту, не только сознался, но ни на одну минуту не скрывалъ своего преступленія. Фактъ, который ему вмѣняется въ вину, прямо и безусловно преступенъ; законъ на этотъ счетъ строгъ и положителенъ, и нѣтъ ника-

кихъ обстоятельствъ, которыя бы исключали возможность примѣненія къ нему наказанія. Послѣ двухлѣтняго тюремнаго содержанія подъ слѣдствіемъ, одинокій, оставленный родными, Шомбергъ-Колонтай впалъ въ состояніе близкое къ помѣшательству,—признаки болѣзни замѣчены были слѣдователями, и слѣдователи сами ходатайствовали о томъ, чтобы его помѣстить въ больницѣ умалишенныхъ и пользовать. Его вылечили, и онъ предстоитъ предъ вами умственно здоровый, хотя и истомленный, измученный тяжкою тоскою, подавленный стыдомъ; онъ ни на что не надѣется, онъ только проситъ отпустить его скорѣе, предать его тому наказанію, которое за его преступленіе назначаетъ законъ, той судьбѣ, которую онъ самъ себѣ приготовилъ. При такихъ условіяхъ, повидимому, мнѣ нечего и дѣлать, а вамъ нечего и думать, размышлять и колебаться,—вамъ предстоитъ только сказать два слова: да, виновенъ.

Но въ дѣлѣ суда взвѣшиваніе вины подсудимаго никогда не можетъ быть производимо или какъ работа механическая, или какъ исполненіе обряда, формальности: передъ вами не одно дѣйствіе, о которомъ идетъ разговоръ,—нѣтъ сомнѣнія, что оно безусловно преступно,—но живой человѣкъ, душа, въ тайны которой вы должны заглянуть и изучить ея изгибы; законъ снабдилъ васъ широкою властью смягчать суровость кары признаніемъ виновнаго заслуживающимъ снисхожденія. Законъ далъ защитника подсудимому, который бы сказалъ въ пользу его даже и то, чего онъ самъ не могъ и не хочетъ сказать. Мнѣ выпала на долю эта обязанность; исполняя ее, я и берусь изложить все то, что, по моему мнѣнію, не искупитъ, но ослабитъ вину подсудимаго, и доказать, что онъ не столько злой, сколько слабый и легкомысленный человѣкъ.

Шомбергъ-Колонтай — полякъ, и я долженъ благодарить г. прокурора, что онъ воздержался отъ всякихъ намековъ, относящихся къ національности подсудимаго; нѣтъ ничего легче, какъ ругать въ настоящее время

на эту тему, и пользуясь возбужденнымъ состояніемъ общественнаго мнѣнія, вооружать гг. присяжныхъ противъ подсудимаго во имя ненавистной національности. Свои злодѣи есть у всякаго народа. Въ одномъ только случаѣ на поддѣлку и ввозъ монеты могла бы оказывать вліяніе національность подсудимаго, а именно тогда, если бы это преступленіе имѣло политическій характеръ, если бы оно было совершено съ цѣлью повредить государству, подорвать кредитъ, если бы оно входило въ кругъ дѣйствія революціонной партіи, руководившей въ послѣднее время возстаніемъ. Ничего подобнаго въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ: Колонтай никакого участія въ послѣднемъ польскомъ движеніи не принималъ, ни съ кѣмъ изъ революціонеровъ, ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ эмиграціи за границею знакомъ не былъ. Къ преступленію побуждали его только виды и цѣли личные: желаніе поправить свои денежныя обстоятельства. Я ссылаюсь на заключеніе слѣдственной комиссіи, которая устраняетъ всякую мысль о прикосновенности Колонтая къ какимъ-либо политическимъ замысламъ. Шомбергъ-Колонтай — дворянинъ, принадлежащій къ одной изъ самыхъ богатыхъ, самыхъ знатныхъ фамилій царства польскаго. Есть законъ въ Уложеніи, по которому, чѣмъ выше состояніе, званіе, тѣмъ строже должно быть наказаніе (2 п. 129); но этотъ законъ не для васъ, гг. присяжные,—онъ для судей. Вы по внутреннему убѣжденію будете судить о человѣкѣ, не стѣсняясь его состояніемъ и званіемъ, такъ какъ они въ дѣйствительности далеко не всегда являются обстоятельствами, отягчающими вину; въ настоящемъ случаѣ они располагаютъ скорѣе къ смягченію, нежели къ строгости, ибо подсудимый, именно потому, что онъ баричъ, былъ весьма дурно воспитанъ.

Гг. присяжные засѣдатели! Вамъ извѣстно, что такое воспитаніе барское; оно одно и то же всюду. Съ малыхъ лѣтъ ребенка окружаетъ стая боннъ, гувернантокъ; раньше, нежели на языкѣ родномъ, выучивается

онъ щебетать на иностранныхъ языкахъ; съ раннихъ лѣтъ стараются сообщить дѣтямъ свѣтскія манеры, наружную изящность—обманчивый видъ образованности, безъ внутренняго содержанія. Дома твердятъ ему съ малолѣтства, что онъ графъ, что онъ богатъ, что ему незачѣмъ трудиться,—въ модномъ пансіонѣ онъ можетъ пріобрѣсти весьма легкій запасъ поверхностнаго и болѣе, того—ни на что непригоднаго знанія. Онъ не прошелъ великую школу гражданскаго равенства, которую долженъ пройти всякій, кому приходилось на мѣдныя деньги учиться въ одномъ изъ открытыхъ для всѣхъ сословій училищъ общественныхъ. Въ 20 лѣтъ воспитаніе кончено и въ результатѣ выходитъ молодой человѣкъ, совершенный космополитъ, не имѣющій никакого понятія о долгѣ, объ обязанностяхъ въ отношеніи къ обществу, о значеніи денегъ, о великомъ искусствѣ копить деньгу трудомъ, о необходимости избрать извѣстную карьеру и пролагать себѣ трудовую дорогу въ обществѣ, которое не любитъ паразитовъ.—Добрый малый, но пустой, не способный работать, онъ настолько эстетически развитъ, чтобы умѣть жуировать, кутить и наслаждаться, — а такъ какъ у насъ дома и наслаждаться негдѣ порядкомъ, то въ немъ возбуждается непреодолимая наклонность странствовать за границей и искать тамъ самыхъ дорогихъ и самыхъ утонченныхъ удовольствій. Такимъ образомъ Колонтай изъ всѣхъ общественныхъ заведеній вступилъ только въ дворянскій институтъ, въ 1851 г., когда ему было 21 годъ, потомъ поступилъ въ агрономическую школу, но нигдѣ не кончилъ курса. Съ 1856 г. начинаются его путешествія за границею, странствованія безъ цѣли; его забавлялъ, повидимому, процессъ движенія съ мѣста на мѣсто. Наблюдать съ пользою природу, нравы,—на это надо имѣть подготовку, которой не доставало у Колонтая. Его любимая и единственная книга „L'art d'expliquer les songes", а записная книжка содержитъ кабалистическіе знаки,—и то, и другое хорошій матеріалъ для характеристики умственныхъ спо-

собностей Колонтая. Побывавъ на всѣхъ водахъ Европы, онъ былъ съ паспортомъ бельгійца Фіоно на коронаціи въ Москвѣ, въ Италіи доѣхалъ до Неаполя, былъ въ Бостонѣ и Филадельфіи, въ Ріо-де-Жанейро и на Антилахъ. Остался неизвѣданъ только Востокъ; на Востокъ-то и устремились мысли Колонтая, и онъ думалъ только о томъ, какъ бы пробраться въ Тибетъ, куда его приглашалъ старикъ Тимуръ, съ которымъ онъ познакомился въ Лондонѣ, во время выставки. Этотъ Тимуръ упоминается и въ слѣдствіи; я бы счелъ его вымысломъ, если бы не зналъ, что Колонтай вообще справедливый и не любящій лгать человѣкъ, его показанія всѣ подтверждены самымъ точнымъ образомъ при слѣдствіи. Странствованія по обоимъ полушаріямъ требуютъ денегъ, и денегъ притомъ значительныхъ. На эти поѣздки ушло все состояніе Колонтая. Въ 1855 году, раздѣлившись съ братомъ, онъ получилъ 22,500 руб.; потомъ въ 1863 г., по смерти родственника Колонтая, Діонисія, ему досталось 6,000 р.; отъ матери онъ взялъ въ 1864 г. 45,000 р. Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, на какихъ условіяхъ эти деньги были даны ему. Есть отзывъ брата, будто они даны на покупку имѣнія; но это никакими доказательствами не подтверждено, такъ что, можетъ быть, мать, которая любила сына, подарила ему эту сумму. Изъ всѣхъ этихъ суммъ, около 74,000 р., у него оставалось немного въ половинѣ 1865 г.—какихъ-нибудь 10—12 тысячъ руб., а такъ какъ онъ привыкъ роскошно жить и лишенъ былъ всякой способности зарабатывать, то дѣла его начали принимать оборотъ самый критическій. Въ эту критическую минуту подвернулся человѣкъ, который его опуталъ, явился въ видѣ искусителя, и пріобрѣлъ надъ нимъ такое вліяніе, что превратилъ его въ страдательное орудіе своихъ замысловъ. Этотъ человѣкъ былъ еврей Леонъ Кронгольдъ, съ которымъ теперь приходится познакомиться. Въ вольномъ городѣ Краковѣ жила еврейская фамилія Кронгольдовъ, отецъ былъ токарь, семейство было бѣдное. Они пере-

селились въ царство польское, и потомъ въ Варшаву. Старшій сынъ, Лейзеръ, отошелъ отъ родственниковъ, завелъ связь съ цвѣточницею Стирбель, пропалъ безъ вѣсти и очутился за границею. Скромнаго ремесла было мало для его предпріимчивости. Онъ нашелъ для себя нѣчто получше; изъ-за границы писалъ онъ къ родителямъ, сулилъ имъ золотыя горы, и такимъ образомъ переманилъ ихъ въ Краковъ, куда они и отправились въ началѣ 1864 г. Давидъ и Шива Кронгольдъ остановились въ Бохнѣ; Шива Кронгольдъ разсказывала всюду, что сынъ ей пришлетъ денегъ на покупку помѣстья. Источникъ этихъ ожидаемыхъ благъ былъ очень простой. Леонъ Кронгольдъ сошелся съ дѣлателями фальшивыхъ ассигнацій въ окрестности Манчестера, изъ которыхъ многіе потомъ попались (Шнеуръ, Абрагансонъ) и старался примкнуть къ нимъ и войти съ ними въ союзъ; но чтобы быть сообщникомъ даже ихъ, нужны деньги.— Бумажки, хотя и фальшивыя, а все-таки покупаются. Надобно найти капиталъ, купить на него фальшивыхъ бумажекъ и пустить ихъ въ оборотъ въ Россіи и за границею. Этой цѣли и старался достигнуть Кронгольдъ, когда случай свелъ его съ Колонтаемъ въ Парижѣ. Кронгольдъ понялъ очень скоро, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; опуталъ Колонтая, одурачилъ и сдѣлалъ изъ него совершенную игрушку.

Они были знакомы по Кракову и потому, что сестра Леона Кронгольда была нѣкогда въ услуженіи у матери Колонтая. Съ услужливостью бывшаго кліента великосвѣтскаго дома Колонтаевъ, Кронгольдъ сталъ, вѣроятно, навязываться графу, и узнавъ, что у графа только остатки значительнаго состоянія—около 10,000,—предложилъ ему *„алмазную“* аферу. Для усыпленія совѣсти, Кронгольдомъ пущены были въ ходъ самыя разнообразныя обольщенія: что купцы ростовскіе и нахичеванскіе разбогатѣли отъ фальшивыхъ ассигнацій, что ихъ весьма много обращается въ Россіи, что ими не брезгаетъ даже заграничная эмиграція. Колонтай поймался на эту удочку

и рѣшился поѣхать съ Кронгольдомъ для покупки 50 р. бумажекъ по 17 шиллинговъ за штуку. Кронгольдъ выманивалъ у него сотню за сотнею и прибралъ къ своимъ рукамъ почти весь наличный капиталъ Колонтая — 1,500 ф. стерл. На первыхъ же порахъ онъ обсчиталъ Колонтая самымъ очевиднымъ образомъ. За 15,000, по расчету 17 шил. за штуку, Колонтай долженъ былъ получить около 88,000 р. сер. Кронгольдъ обѣщалъ ему 60,000, но далъ ему только 35,000, изъ остальныхъ 5,000 отсчиталъ для своего отца, а 20 тыс. обѣщалъ доставить Колонтаю по прибытіи въ Москву; обѣщанія этого онъ и не думалъ исполнить. Эти деньги, на которыя Кронгольдъ прислалъ Колонтаю квитанцію берлинскаго почтамта, были просто на просто пересланы Кронгольдомъ, черезъ посредство Ротермана, матери Кронгольда, Шивѣ Кронгольдъ. Ротерманы положили деньги въ амбарѣ; крестьянинъ Май, молотя у нихъ хлѣбъ, утащилъ ящикъ съ бумажками, сталъ ихъ продавать по нѣсколько гульденовъ за пачку изъ 10 бумажекъ. Но бумажки были весьма дурно сдѣланы: бумага простая, безъ водяныхъ знаковъ, оборотная сторона, литографія, весьма топорно исполнена; обманъ обнаружился и правительство австрійское накрыло разомъ на 15,000 фальшивыхъ бумажекъ, и на почтѣ оно перехватило цѣлую корреспонденцію монетнаго свойства между Леономъ, Давидомъ и Шивою Кронгольдами, которые, между тѣмъ, успѣли скрыться. Такимъ образомъ выходитъ, что большую часть денегъ, выманенныхъ у Колонтая, Кронгольдъ обратилъ въ свою пользу на пріобрѣтеніе для себя бумажекъ, и что фальшивыя бумажки, 85,000 р., доставшіеся Колонтаю, обошлись ему по 43 шиллинга штука,—сдѣлка безразсудная, цѣна непомѣрно высокая, и только такой неопытный человѣкъ, какъ Колонтай, могъ поддаться на подобную сдѣлку. Кронгольдъ, мало того, что обсчиталъ Колонтая, онъ сталъ еще доить его систематически. Ни одно государство не терпитъ фабрикаціи иностранныхъ бумажекъ. Англійскій законъ и

англійское правосудіе на этотъ счетъ столь же строги, какъ и всѣ другіе. Кронгольдъ сталъ пугать Колонтая, сталъ намекать, что онъ выдастъ, что донесетъ на него, и этимъ способомъ сталъ собирать съ него оброкъ. Колонтай посылалъ ему по почтѣ, вѣроятно, вслѣдствіе такихъ намековъ, два раза по 50 ф. стерл. „Я просто его боюсь“, говоритъ Колонтай, и это очень вѣроятно. Этимъ психическимъ вліяніемъ, принужденіемъ, объясняется и то, что Кронгольдъ выманилъ у Колонтая его паспортъ, а его убѣдилъ взять новый, англійскій, на вымышленное имя Стефенсона. Наконецъ, когда Колонтай, собравшись ѣхать въ Россію за „алмазнымъ“ дѣломъ, чрезъ Кёльнъ отправился въ Берлинъ, Кронгольдъ нагналъ его въ Берлинѣ и заставилъ дать ему еще 50 ф. стерлинговъ, однимъ словомъ, онъ обдѣлалъ дѣло гладко и обобралъ Колонтая, какъ липку, чисто. Въѣзжая въ предѣлы Россіи, Колонтай имѣлъ всего на всего около 300 ф. стерлинговъ монетами англійскими, французскими и прусскими, ящикъ съ фальшивыми бумажками, самый малый гардеробъ, порядочный запасъ лекарствъ, помады, щипцовъ для завивки волосъ, косметиковъ, пару часовъ и драгоцѣнныхъ камней, колецъ, запонокъ, булавокъ— на сумму $3^1/_2$ т. по самой высокой оцѣнкѣ. Послѣ пріѣзда въ С.-Петербургъ, Колонтай почувствовалъ, что у него не хватитъ духу быть злодѣемъ, не могъ рѣшиться на выпускъ ассигнацій, почувствовавъ слишкомъ поздно, что это не въ его характерѣ. Такимъ былъ онъ въ Петербургѣ и Москвѣ; прожилъ въ обѣихъ столицахъ весьма кротко, весьма одиноко, на настоящія деньги, которыя у него были. Изъ Москвы Колонтай отправился для исполненія завѣтной мысли своей о путешествіи на Востокъ, чрезъ Нижній на Волгу, вплоть до Астрахани. На пароходѣ познакомился онъ съ богатыми купцами закавказскаго края Кочкачовымъ и Шушановымъ, передъ которыми онъ выдавалъ себя за англійскаго консула, ѣдущаго на Востокъ, и показывалъ алмазный перстень, будто бы подаренный ему королевою. Изъ Астрахани,

въ тарантасѣ Шушанова, доѣхалъ до Темиръ-Ханъ-Шуры, гдѣ взялъ подорожную до Тифлиса. Въ Дербентѣ его принималъ радушно и гостепріимно Кочкачовъ. Изъ Дербента онъ проѣхалъ въ Баку. Здѣсь граница Персіи, рубежъ Россіи. За исчерпаніемъ всѣхъ почти средствъ пропитанія, кромѣ драгоцѣнностей, на которыя не было покупщика, Колонтай впервые рѣшился пустить въ ходъ темный товаръ—фальшивыя ассигнаціи. Самъ онъ не отважился мѣнять ихъ у купцовъ, а поручилъ это дѣло отставному рядовому Баусову, который ходилъ по базару и громко окликалъ: „кому нужны крупныя деньги?“. 11 бумажекъ были розданы, на 12-й Баусова поймали; Баусовъ показалъ на Колонтая, полиція отправилась туда и накрыла Колонтая совершенно неожиданно,— весьма немногія только изъ бумажекъ успѣлъ онъ сжечь въ печкѣ, остальныя были найдены и взяты. Колонтай во всемъ повинился, не запираясь ни на одну минуту. Вотъ подробная и вѣрная дѣйствительности исторія преступленія; она довольно назидательна и наводитъ на бездну размышленій.

Прежде всего, гг. присяжные засѣдатели, передъ вами человѣкъ, который не хуже и не лучше сотенъ и тысячъ другихъ людей, избѣгающихъ наказанія, слабохарактерный, податливый, мягкій, но довѣрчивый бы и добродушный, который поскользнулся и упалъ. Если онъ иначе былъ воспитанъ, если бы съ раннихъ лѣтъ былъ пріученъ работать, то, по всей вѣроятности, онъ пошелъ бы своей дорогой и былъ бы очень порядочнымъ, полезнымъ членомъ общества. Онъ еще не старъ, онъ исполненъ стыда и раскаянія, надломленъ и палъ духомъ, онъ не въ конецъ испорченъ; долгъ справедливости, долгъ человѣколюбія требуетъ оставить ему за жестокимъ наказаніемъ, котораго ему не миновать, какой-нибудь выходъ, слабый лучъ надежды на какое-нибудь будущее за острогомъ. Слѣдственная коммисія приписала въ одномъ изъ заключеній своихъ Колонтаю необыкновенную жадность къ деньгамъ, которая, будто бы, и склонила его

войти въ сношенія съ поддѣлывателями бумажекъ. То же говоритъ теперь и прокуроръ. Я убѣжденъ, что это не такъ. Колонтай человѣкъ безпутный, мотъ, человѣкъ, не имѣющій понятія о цѣнности вещей, сорящій деньгами, но онъ не жадный человѣкъ. Если бы онъ былъ жаденъ, то его бы не надулъ Кронгольдъ такимъ очевиднымъ образомъ. Я приведу еще одинъ разительный примѣръ того, какъ мало цѣнилъ свои средства Колонтай: въ Шурѣ, когда у него, кромѣ фальшивыхъ бумажекъ, было всего на всего только какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ рублей, да драгоцѣнности,—средства малыя на дальній восточный путь,—спутникъ его, Шушановъ, даритъ ему бурку, башлыкъ и сумку съ съѣстными припасами, всего на какихъ-нибудь рублей 5—6. Колонтай никакъ не хочетъ остаться въ долгу и отблагодарилъ тотчасъ-же Шушанова кольцемъ съ изумрудомъ и брилліантами, за которое заплатилъ въ Парижѣ 2,600 франковъ. Затѣмъ, гг. присяжные, примите во вниманіе полную и совершенную откровенность Колонтая: съ перваго раза онъ сказалъ, кто онъ, откуда деньги, указалъ на Кронгольда, и съ такою точностью, что по его словамъ и по квитанціи берлинскаго почтамта доискались и открыли цѣлую партію бумажекъ и цѣлое гнѣздо злодѣевъ за границею. Наконецъ, господа присяжные засѣдатели, есть еще одно обстоятельство, которое да будетъ засчитано Колонтаю въ смягченіе наказанія,—долговременность его содержанія подъ стражею: цѣлые три года странствованій по разнымъ тюрьмамъ и острогамъ въ Баку, Тифлисѣ, по разнымъ частямъ С.-Петербурга и въ Литовскомъ замкѣ, при совершенномъ одиночествѣ, потому что родные его оставили на произволъ судьбы, и братъ, проживавшій въ Варшавѣ, отрекся отъ него — ни единаго слова не отвѣтилъ, ни единой копѣйки не прислалъ на улучшеніе содержанія арестанта. Гг. присяжные, будьте сострадательны и милосерды, въ предѣлахъ, предоставляемыхъ вашему состраданію и милосердію самимъ за-

комъ, — признайте Колонтая заслуживающимъ снисхожденія.

Тов. пр. Краснорѣчивое слово г. защитника имѣетъ цѣлью побудить васъ, гг. присяжные, признать Шомберга-Колонтая заслуживающимъ снисхожденія. Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ важно въ общественномъ и государственномъ отношеніи, чтобъ можно было на него смотрѣть такъ легко. Какъ готовымъ мотивомъ для снисхожденія г. защитникъ выставилъ то, что Колонтай слабый человѣкъ, что будто Леонъ Кронгольдъ опуталъ его, увлекъ, что, наконецъ, онъ не зналъ цѣнности денегъ, не имѣлъ никакого понятія о спекуляціи, въ которую вовлекъ его другой, что онъ, какъ говорится, попалъ въ это дѣло, безъ внутренняго убѣжденія, безъ знанія того, что онъ дѣлаетъ. Гг. присяжные засѣдатели! Вы изволили слышать изъ моей рѣчи и изъ рѣчи г. защитника, что Шомбергъ-Колонтай принадлежитъ къ именитому роду, что онъ получилъ, если и поверхностное, то все-таки довольно приличное воспитаніе, что, наконецъ, путешествуя за границей, онъ долженъ былъ развиться. Какъ же онъ пользовался этимъ развитіемъ, какъ онъ исполнилъ тѣ обязанности, которыя лежали на немъ, какъ на человѣкѣ, получившемъ развитіе,— образованномъ? Онъ промоталъ почти всѣ деньги, которыя имѣлъ, за границей; остальныя деньги, которыя онъ могъ съ пользою пустить въ оборотъ, онъ пускаетъ въ оборотъ по такому дѣлу, преступность и гнусность котораго не могла не быть ему извѣстна; онъ пускаетъ въ оборотъ эти деньги, зная тѣ послѣдствія, къ которымъ поведетъ его преступленіе; онъ не могъ не знать, что 35 тысячъ фальшивыхъ рублей могутъ попасть и должны попасть къ людямъ, которые живутъ мелкимъ промысломъ, служебнымъ трудомъ, или занимаются торговлею, и по необходимости будутъ въ убыткѣ, когда обнаружится, что эти деньги, которыя они получили, не имѣютъ никакого значенія—онъ долженъ былъ имѣть это въ виду. Наконецъ, какъ гра-

жданинъ, какъ человѣкъ образованный, онъ долженъ былъ болѣе другихъ сознавать значеніе закона, онъ не можетъ отговариваться незнаніемъ того, что законъ въ подобномъ преступленіи видитъ нарушеніе державныхъ правъ государства. Слабохарактерность не извиняетъ человѣка: человѣкъ, какъ существо нравственное, обязанъ сдерживать свои страсти, обязанъ остановиться, когда уже готовъ преступить законъ. Не можетъ быть принято въ уваженіе и то, что его обманулъ другой человѣкъ, вовлекъ его въ преступленіе. Если бы Шомбергъ-Колонтай не получилъ образованія, тогда еще можно допустить, что другой, болѣе образованный, человѣкъ могъ вовлечь его въ преступленіе; но если поставимъ на одну доску Шомбергъ-Колонтая и Леона Кронгольда, который не могъ получить того образованія, которое получилъ Шомбергъ-Колонтай, то преимущество развитія останется на сторонѣ Шомбергъ-Колонтая; это развитіе должно было предостеречь отъ всякихъ уловокъ и замысловъ Леона Кронгольда. Далѣе защитникъ поводомъ къ заявленію о снисхожденіи ставитъ то, что Шомбергъ-Колонтай совершилъ преступленіе не изъ алчности, не изъ жадности, что ему неизвѣстна цѣна денегъ; изъ этого онъ выводитъ, что такъ какъ Шомбергъ-Колонтай не понималъ толку въ этомъ дѣлѣ, не понималъ цѣны денегъ, то съ его стороны желанія обогатиться полагать нельзя; но я предоставляю вашему усмотрѣнію рѣшить вопросъ, упустилъ ли онъ изъ виду тѣ денежныя выгоды, которыя представляетъ подобная спекуляція. Ему это дѣло было представлено въ видѣ легкаго средства нажить милліоны; Леонъ Кронгольдъ выставляетъ даже тѣхъ лицъ, которыя на дѣлѣ доказываютъ, какъ выгодна подобнаго рода спекуляція, и Шомбергъ-Колонтай рѣшается послѣдовать совѣту Кронгольда. Но если онъ послѣдовалъ не съ тѣмъ, чтобы обогатиться, то какую онъ искалъ другую цѣль?—Другой цѣли я не вижу и заявлять не имѣю основанія. Такимъ образомъ, всѣ эти доводы, которые

выставилъ защитникъ, съ тѣмъ, чтобы возбудить въ васъ гг. присяжные, чувство милосердія, побудить васъ заявить о снисхожденіи, сами по себѣ не представляютъ достаточнаго основанія въ дѣлахъ уголовнаго правосудія.

Пр. пов. Спасовичъ. Я опять долженъ повторить, что, Колонтай по образованію, по умственному развитію, стоитъ низко. Человѣкъ, который ничего не читалъ, человѣкъ, который, какъ это можно видѣть, и по-французски пишетъ не совершенно правильно, такой человѣкъ во всякомъ случаѣ стоитъ низко, ниже Кронгольда. Какъ можно его сравнивать съ Кронгольдомъ, который гораздо его образованнѣе! Что касается до алчности, то я не отрицаю, что алчность была отчасти поводомъ того, что онъ рѣшился на преступленіе; но алчность не есть главная преобладающая черта его характера. Что же касается до виновности, то доказывать его виновность тоже самое, что ломать открытую дверь, онъ виновенъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но вѣдь лежачаго не бьютъ. Для слабаго человѣка, надломленнаго, раскаявшагося будетъ достаточнымъ наказаніемъ и болѣе легкое наказаніе, чѣмъ то, которое опредѣляетъ законъ. Вотъ почему повторяю просьбу о признаніи подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія.

Для разрѣшенія гг. присяжныхъ засѣдателей были поставлены судомъ слѣдующіе вопросы: 1) Виновенъ ли подсудимый, именующій себя графомъ, дворянинъ радомской губерніи, сандомирскаго уѣзда,—Шомбэргъ-Колонтай въ томъ, что проѣхалъ по Россіи отъ Вержболова до Баку, съ завѣдомо чужимъ паспортомъ англійскаго поддаинаго Стефенсона, и въ ложномъ присвоеніи означеннаго званія, имени и фамиліи? 2) Виновенъ ли онъ же, Шомбергъ-Колонтай, въ привозѣ въ Россію и въ провозѣ въ предѣлахъ Имперіи, отъ Вержболова до Баку, купленныхъ имъ за границей, завѣдомо фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ 50 рублеваго достоинства, поддѣланныхъ за границей эстампнымъ и литографическимъ способами? 3) Виновенъ ли онъ же, Колонтай, въ выпускѣ въ обращеніе въ Баку части этихъ фальшивыхъ билетовъ съ знаніемъ лицъ, занимавшихся переводомъ этихъ билетовъ?

На всѣ три вопроса присяжные дали утвердительный отвѣтъ, но притомъ заявили, что подсудимый заслуживаетъ снисхожденія.— По приглашенію предсѣдателя дать заключеніе о наказаніи, слѣдующемъ подсудимому, товарищъ прокурора заявилъ слѣдующее:

Вслѣдствіе приговора гг. присяжныхъ засѣдателей, прошу окружный судъ примѣнить наказаніе по слѣдующимъ статьямъ закона: 1 п. 531, 573, 1 ч. 576, 977, 976, 1416, принявъ во вниманіе 1418 и 152 ст. Улож. о Наказ. и 828 ст. Уст. Угол. Суд.

Пр. пов. Спасовичъ. Шомбергъ-Колонтай совершилъ два преступленія. Первое—подъ чужимъ вымышленнымъ именемъ и не съ принадлежащимъ ему паспортомъ онъ проѣхалъ всю Россію—это преступленіе я оставляю безъ вниманія, потому что наказаніе за него поглощается большимъ наказаніемъ, за второе преступленіе; второе преступленіе—есть распространеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, которое прокурорская власть въ обвинительномъ актѣ старалась разбить на два самостоятельныя: ввозъ въ Россію фальшивыхъ бумажекъ, по 573 ст., и выпускъ ихъ, по 576 ст. Я утверждаю, что это два дѣйствія одного и того же продолжающагося преступленія.

Разница въ обоихъ случаяхъ огромная. Въ первомъ случаѣ, по 1 п. 152, мѣра наказанія назначается за тягчайшее изъ двухъ преступленій, а такъ какъ они совершенно по наказуемости равны, то каторжная работа до 10 лѣтъ. Во второмъ—судъ сохраняетъ полную возможность избирать наказанія въ предѣлѣ maximum'а и minimum'а, и даже смягчить его по облегчающимъ вину обстоятельствамъ. Мою аргументацію основываю на слѣдующемъ. По 573 ст. ввезшій изъ за границы фальшивыя бумажки наказывается какъ участникъ въ самой поддѣлкѣ, хотя бы онъ присталъ къ участію уже въ то время, когда бумажки были поддѣланы. По 576 ст., тотъ, кто будетъ выпускать фальшивыя бумажки, наказывается также, какъ участникъ, и сказано въ законѣ, на основаніи правила, выше сего въ

ст. 573 означеннаго,—слѣдовательно, тоже какъ участникъ, потому что въ статьѣ 573 говорится объ участникахъ. И такъ, оба случая такого соучастія подходятъ подъ одинъ законъ о поддѣлкѣ. Иными словами—поддѣлка кредитныхъ знаковъ есть весьма обширное по закону понятіе, въ которомъ умѣщаются всѣ виды отдѣльныхъ случаевъ: и печатаніе шрифтовъ, и ввозъ въ Россію, и выпускъ. Если такъ, то, по отношенію къ фальшивымъ бумажкамъ, Колонтай виноватъ въ одномъ только продолжающемся преступленіи. Продолженіе преступленія есть понятіе, которое и въ кодексы многіе вошло, и въ теоріи занимаетъ видное мѣсто; объ этомъ много толкуется во всякомъ учебникѣ. Для понятія продолжающагося преступленія необходимо одно преступное намѣреніе, выражающееся въ цѣломъ ряду однородныхъ дѣйствій,—всѣ эти условія налицо. Преступная цѣль: размѣнъ фальшивыхъ бумажекъ на настоящія—и ввозъ въ Россію и выпускъ бумажекъ—только отдѣльныя и однородныя дѣйствія, связуемыя во едино единствемъ намѣренія.—Я поясню мою мысль примѣромъ. Въ Баку посылалъ Колонтай Баусова въ теченіи нѣсколькихъ дней мѣнять то двѣ, то три бумажки, однако онъ не судится за два самостоятельныхъ выпуска фальшивыхъ бумажекъ; такъ точно и за ввозъ и выпускъ онъ не можетъ быть наказанъ какъ за два самостоятельныя преступленія, потому что это только два случая поддѣлки кредитныхъ знаковъ.

Если мое толкованіе будетъ принято и судъ не возьметъ на себя обязанность подвергнуть Колонтая maximum наказанія, то я попрошу судъ обратить вниманіе на то, что онъ имѣетъ власть смягчать наказаніе, независимо отъ смягченія участи подсудимаго присяжными. По смягчающимъ вину обстоятельствамъ, онъ можетъ понизить наказаніе за minimum на 1 и 2 степени. Я и прошу судъ понизить это наказаніе за предѣлы minimum'а—4-хъ лѣтъ каторжной работы, то есть, приговорить Колонтая къ ссылкѣ на поселеніе, по налич-

ности слѣдующихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ. 2 п. 134 ст.—полное признаніе, съ раскаяніемъ при первомъ же допросѣ; 3 п.—указаніе всѣхъ участниковъ преступленія, 4 п.—преступленіе учинено имъ по легкомыслію, которымъ воспользовались другіе для вовлеченія его въ преступленіе. По 152 ст. судъ можетъ понизить такимъ образомъ наказаніе, что Колонтай будетъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, и я прошу именно приговорить его къ этому наказанію.

Тов. пр. Съ этимъ примѣненіемъ наказанія къ настоящему дѣлу, какъ оно излагается защитникомъ, я не могу согласиться на томъ основаніи, что Шомбергъ-Колонтай признанъ виновнымъ въ привозѣ изъ за границы билетовъ и выпускѣ ихъ въ Россіи, потому здѣсь не одно преступленіе, но, въ виду спеціальнаго закона, въ немъ два момента преступленія. Спеціальный законъ существуетъ, дабы пресѣчь въ самомъ началѣ возможность обращенія въ Россіи фальшивыхъ билетовъ, при этомъ взыскивается за самый провозъ билетовъ чрезъ границу (573 ст.). Затѣмъ, законъ взыскиваетъ за выпускъ въ обращеніе билетовъ. Нельзя соединить этихъ двухъ моментовъ въ одинъ, потому что если кто провезъ билеты изъ за границы, но не сбылъ ихъ въ Россіи, тотъ уже подлежитъ наказанію, на основаніи 573 ст.; если же привезъ и затѣмъ сбылъ въ Россіи, то онъ совершаетъ еще другое преступленіе, которое предусмотрѣно въ 576 ст. Такимъ образомъ, я полагалъ бы, что наказаніе должно быть выведено по правиламъ совокупности преступленій, такъ какъ Шомбергъ совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное въ спеціальномъ законѣ, въ статьѣ 573, и преступленіе, предусмотрѣнное 576 ст. Что же касается до того, чтобъ наказаніе сбавить на одну или на двѣ степени по заявленію гг. присяжныхъ засѣдателей о томъ, что подсудимый заслуживаетъ снисхожденія, и, кромѣ того, чтобъ судъ примѣняясь къ 774, еще сбавилъ самъ наказаніе, то я долженъ сказать, что такой взглядъ несовсѣмъ согласенъ съ

буквою и духомъ закона. Статья 774, разрѣшающая суду по обстоятельствамъ уменьшать наказаніе, относится къ тѣмъ приговорамъ, которые постановляются безъ участія присяжныхъ засѣдателей; по приговорамъ же, которые постановляются съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, судъ имѣетъ ту возможность, которая указана въ 828 статьѣ. 828 ст. не можетъ существовать рядомъ съ 774 ст. Поэтому я прошу окружный судъ назначить наказаніе по правиламъ совокупнаго преступленія, сбавивъ, по 828 ст., наказаніе на одну степень и не примѣняя 774 ст.

Прис. пов. Спасовичъ. Я остаюсь при своемъ мнѣніи, что, такъ какъ 573 и 576 ст. говорятъ, что ввозъ и выпускъ фальшивыхъ билетовъ считаются какъ участіе въ поддѣлкѣ, слѣдовательно, преступленіе, за которое приговаривается подсудимый къ наказанію, есть только поддѣлка; что касается до смягченія судомъ наказанія, то это совершенно не зависитъ отъ признанія гг. присяжными засѣдателями подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, потому что въ законѣ опредѣлены уменьшающія вину обстоятельства, которыя не обязательны для гг. присяжныхъ засѣдателей, а обязательны только для суда. А такъ какъ есть драгоцѣнныя вещи, принадлежащія Колонтаю, если онъ будетъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, то съ нихъ должно быть взыскано въ видѣ штрафа столько, сколько выпущено билетовъ, на основаніи 573 ст.

Тов. прок. Я долженъ опять повторить, что 774 ст. не касается до приговоровъ, постановленныхъ съ участіемъ гг. присяжныхъ засѣдателей, иначе она была бы помѣщена въ отдѣлѣ 3, главы 9 Устава. Что же касается до заявленія о вещахъ, то прошу судъ принять во вниманіе законы, которые установлены на случай вознагражденія за убытки съ имущества подсудимыхъ.

По обсужденіи дѣла, судъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе:

На основаніи 6 степ. 19, 1 степ. 20, 2 пун. 152, 2 п. 571 и 573, 1 ч. 576, 976 и 977 ст. Улож. о наказ., изд. 1866 года, и 828 ст.

Уст. Угол. Судопр., именующаго себя графомъ, дворянина радомской губерніи, сандомирскаго уѣзда, Евстафія Шомбергъ-Колонтая, 36 лѣтъ, лишивъвсѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, взыскавъ съ него, Шомбергъ-Колонтая, или его имущества: 1) одну тысячу рублей, какъ сумму, равную представляемой количествомъ выпущенныхъ имъ двадцати фальшивыхъ билетовъ 50 рублеваго достоинства, и 2) судебныя по настоящему дѣлу издержки.

Дѣло объ отставномъ инженеръ штабсъ-капитанѣ Владимірѣ Ивановѣ Шишкинѣ и женѣ его, Вѣрѣ Ивановой Шишкиной, обвиняемыхъ въ присвоеніи и растратѣ чужого имущества.

Бывшая вдова выборгскаго первостатейнаго купца Ландсберга, жена отставного инженеръ штабсъ-капитана, Вѣра Ивановна Шишкина и мужъ ея (по второму браку), отставной военный инженеръ штабсъ-капитанъ, Владиміръ Ивановъ Шишкинъ обвинялись въ томъ, что, утаивъ обманнымъ образомъ отъ описи, присвоили себѣ значительную часть оставшагося послѣ умершаго, 20 октября 1863 г., выборгскаго первостатейнаго купца Давида Ландсберга движимаго имущества, какъ то: цѣнную мебель, экипажи, серебряныя издѣлія, брилліанты, жемчугъ и прочее, а также денежные капиталы, всего по приблизительному расчету сына его, Абрама Ландсберга, на 178,000 р., что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 151, 1665 и 1666 ст. Улож о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, по Уголовному Отдѣленію 28—31 августа 1867 года.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели!

Я слушалъ со вниманіемъ прекрасную, строго логичную, сдержанную рѣчь товарища прокурора, и затѣмъ я все-таки остаюсь въ недоумѣніи; я задаю себѣ вопросъ: въ какомъ преступленіи прокуроръ обвиняетъ подсудимыхъ?—Онъ сказалъ въ утайкѣ. Беру и пере-

листываю уложеніе,—такого преступленія нѣтъ въ уложеніи; тамъ есть кража, разбой, присвоеніе и растрата чужого имущества, но утайки нѣтъ. Для того, чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ,—въ какомъ преступленіи желаетъ товарищъ прокурора обвинить подсудимыхъ, въ чемъ состоитъ то преступное дѣяніе, въ которомъ обвиняются подсудимые,—я долженъ былъ обратиться къ судебному слѣдствію и къ обвинительному акту. Судебное слѣдствіе приводитъ меня къ заключенію, что подсудимые обвиняются въ преступленіи, которое составляетъ прямое воровство-мошенничество; въ обвинительномъ актѣ говорится, что они преданы суду на основаніи 1665 ст. Улож., которая говоритъ дѣйствительно о воровствѣ-мошенничествѣ. Такимъ образомъ, необходимо, чтобы дѣянія, которыя приписывались подсудимымъ, были вмѣнены имъ въ вину, подходили подъ опредѣленіе этого закона. По опредѣленію закона, для того, чтобы существовало мошенничество, необходимо вовлеченіе кого-нибудь въ убыточную сдѣлку посредствомъ обмана; такъ да будетъ позволено мнѣ привести такой примѣръ: если купецъ кого-либо обмѣритъ или обвѣситъ, или продастъ фальшивый товаръ, то это будетъ прямое мошенничество. Нуженъ обманъ, посредствомъ котораго владѣлецъ сдѣлки вступилъ бы въ нее по доброй волѣ. Могутъ быть другого рода преступленія, обманы или лжи, но если этотъ обманъ или ложь не ведутъ къ сдѣлкѣ, то преступленіе не можетъ быть названо мошенничествомъ; такъ, если-бъ воръ вошелъ въ лавку и сказалъ купцу, „смотри, лавка горитъ“, и, пользуясь отвлеченіемъ вниманія купца, схватилъ бы что-нибудь изъ лавки и бѣжалъ; если-бъ кто-нибудь подъ вымышленнымъ предлогомъ вошелъ въ квартиру и, пользуясь этимъ, унесъ бы что-нибудь, то это была бы просто кража. И такъ, полагаю, что главный признакъ мошенничества — то, что въ сдѣлку одна сторона вовлечена обманомъ, думая, что эта сдѣлка доставитъ выгоды, что эта сдѣлка для нея выгодна. Если обратиться къ закону, къ статьѣ

1665, то въ ней преступленіе мошенничество такъ опредѣлено: „мошенничествомъ признается всякое посредствомъ какого-либо обмана учиненное похищеніе чужихъ вещей, денегъ или иного движимаго имущества“. Такимъ образомъ, въ этомъ опредѣленіи есть три признака, которые должны быть признаны въ дѣяніи того, кого мы хотимъ обвинить въ мошенничествѣ. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что предметомъ преступленія должны быть вещи чужія, то есть, кому-либо другому въ собственность принадлежащія; 2-й—вещи эти должны быть похищены, т. е., должны быть взяты преступникомъ изъ чужого владѣнія и переведены въ его владѣніе, и 3-й—онѣ должны быть похищены при посредствѣ обмана того лица, кому вещи принадлежатъ.

Примѣнимъ эти три признака,—разсмотримъ, есть ли они въ дѣяніи, которое вмѣстѣ совершили Шишкины. Что касается до перваго признака, т. е. того, есть ли вещи, составляющія предметъ преступленія, чужія, то есть, кому-либо въ собственность принадлежащія, то я скажу, что это сомнительно. Вещи принадлежали Ландсбергу, но онъ умеръ, слѣдовательно, вещи были еще безхозяиныя или, очевидно, вещи принадлежали наслѣдникамъ; одна изъ наслѣдницъ—Вѣра Шишкина, другая—дочь Ландсберга; другіе наслѣдники были или нѣтъ, этого не знаемъ,—такъ какъ процессъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства кого бы то ни было не конченъ; Ландсбергъ былъ выборгскій купецъ и вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается на основаніи финляндскихъ законовъ, въ которыхъ мы всѣ, сколько насъ ни есть, некомпетентны. Несмотря на то, что мой отводъ былъ отвергнутъ судомъ, я думаю все-таки, что Абрамъ Ландсбергъ неутвержденъ еще въ правахъ наслѣдства. Послѣ Ландсберга осталось имущество движимое и недвижимое; что касается до недвижимаго имущества, то вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается тѣми судебными мѣстами, гдѣ находится недвижимое имущество, и такъ какъ это недвижимое имущество здѣсь, то оно подлежитъ дѣй-

ствію русскихъ законовъ; но что касается до движимаго имущества, то раздѣлъ его совершается по финляндскимъ законамъ, а хотя по этому дѣлу есть постановленіе финляндскаго суда первой степени, но оно до такой степени неясно, что изъ него вытекаетъ сомнѣніе. Тамъ не сказано, что раздѣлъ вступилъ въ законную силу, но сказано, что онъ имѣетъ законную силу потому, что не предъявлено опроверженіе. Изъ этого слѣдуетъ, что если будетъ представлено опроверженіе, то еще Абрамъ Ландсбергъ можетъ быть и не признанъ наслѣдникомъ. Господинъ товарищъ прокурора заявилъ, что если-бъ даже наслѣдниковъ и не было, то онъ все-таки обвинилъ бы Шишкиныхъ въ воровствѣ-мошенничествѣ; здѣсь, въ обвинительной рѣчи, онъ проводилъ мысль, будто наслѣдникомъ послѣ Ландсберга является казна. Признаюсь, въ X томѣ Св. Законовъ нѣтъ такого вида наслѣдованія. Если къ несостоятельному откупщику казна простираетъ свои претензіи, то она можетъ явиться въ видѣ кредитора, наряду съ другими кредиторами, но никакъ не въ видѣ наслѣдника, и это дѣлалось тысячу разъ и постоянно, на каждомъ шагу, встрѣчается, что если послѣ умершаго остаются деньги и кредиторы простираютъ свои претензіи на имущество, то наслѣдники отвѣчаютъ за эти долги, и если не совершена, не сдѣлана опись имущества, оставшагося послѣ умершаго, то кредиторы не только довольствуются всѣмъ тѣмъ имуществомъ, которое осталось послѣ умершаго и перешло къ наслѣдникамъ, но они имѣютъ право простирать свою претензію и на собственное имущество наслѣдниковъ. Слѣдовательно, если бы Шишкиной, какъ наслѣдницей, не были соблюдены формальности, не была составлена опись, то и тогда бы это имѣло только гражданскія послѣдствія, но ни въ какомъ случаѣ она не могла бы быть обвиняема въ воровствѣ-мошенничествѣ.— Что касается до второго признака, т. е. до похищенія вещей изъ чужого владѣнія, то я не вижу, чтобъ этотъ признакъ существовалъ въ настоящемъ дѣлѣ. Вѣра

Ивановна Шишкина осталась вдовою, мужъ ея умеръ, вещи остались на ея рукахъ. Наконецъ, третьяго признака здѣсь я тоже не вижу. Признакъ этотъ—обманъ. Обманъ этотъ можетъ быть только въ отношеніи третьяго лица, именно: посредствомъ этого обмана третье лицо должно было быть вовлечено въ невыгодную сдѣлку. Такимъ лицомъ могли быть только наслѣдники, а наслѣдниковъ-то и не было въ то время, когда совершались тѣ дѣйствія, о которыхъ говоритъ обвиненіе.— Такимъ образомъ, думаю, что за неимѣніемъ признаковъ, которые требуются для понятія мошенничества, не можетъ быть и рѣчи о наказаніи: если нѣтъ признаковъ, которыми характеризуется преступленіе, то нѣтъ и самаго преступленія. Я думаю, что гораздо было бы ближе обвинить Шишкиныхъ въ присвоеніи и растратѣ чужой собственности; но опять здѣсь встрѣчается затрудненіе въ томъ, что законъ наказываетъ только за присвоеніе чужого ввѣреннаго имущества. Здѣсь нѣтъ ввѣренной собственности,—потому что принятія на сохраненіе не было, и я опять повторяю, что къ Шишкиной вещи перешли самымъ естественнымъ образомъ.—Кромѣ того, въ отношеніи присвоенія и растраты имущества, является еще вопросъ: кто такіе были наслѣдники, чье имущество было присвоено и растрачено? Вопросъ этотъ никакимъ образомъ иначе не можетъ быть рѣшенъ, какъ на основаніи финляндскихъ законовъ, въ которыхъ вы, господа присяжные засѣдатели, некомпетентны и вопроса этого потому рѣшить не можете. Здѣсь вы находитесь въ такомъ же положеніи, какъ если бы въ дѣлѣ отравленія васъ заставили судить человѣка и сказали, что не будетъ спрошенъ медикъ о томъ, есть ли въ тѣлѣ этого человѣка несомнѣнные признаки яда, или нѣтъ. Такимъ образомъ, вамъ былъ бы поставленъ вопросъ, о которомъ вы должны были бы сказать „да“ или „нѣтъ“, хотя между вами нѣтъ ни одного человѣка, который бы зналъ толкъ въ этомъ вопросѣ. Я думаю, что съ какой бы стороны ни брать эти дѣйствія Шишкиныхъ, вы

постоянно будете наталкиваться на одно сомнѣніе,—а если въ процессѣ уголовномъ, съ присяжными засѣдателями, встрѣчается какое-нибудь сомнѣніе на счетъ виновности подсудимаго, на счетъ примѣненія къ нему закона, то для присяжныхъ засѣдателей нѣтъ другого выхода, какъ только сказать: *„нѣтъ, невиновенъ“*. Вотъ о произнесеніи этихъ-то словъ я и буду просить васъ, гг. присяжные засѣдатели. Я повторяю и буду повторять еще много разъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее надъ всѣмъ высится одинъ большой гражданскій вопросъ: что дѣло пошло неправильно путемъ уголовнымъ, между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы идти путемъ гражданскимъ.

Если-бъ я защищалъ дѣло въ судѣ безъ присяжныхъ засѣдателей, то, можетъ быть, на этомъ и окончилась бы моя защита; но въ судѣ съ присяжными засѣдателями я на это не рѣшаюсь, потому что въ такомъ судѣ весьма важное значеніе, кромѣ юридической стороны дѣла, съ которой моя довѣрительница неуязвима, имѣетъ нравственная сторона. Я не желаю, чтобъ моя довѣрительница вышла изъ дѣла хотя и оправданною, но съ извѣстными упреками въ неблаговидномъ образѣ дѣйствій; я не хочу оставить Вѣру Ивановну подъ гнетомъ тяжкаго упрека въ неблаговидныхъ поступкахъ. Вотъ почему я долженъ войти въ подробное разсмотрѣніе обвиненія. Обвиненіе съ большимъ искусствомъ сгруппировало факты, освѣтило ихъ извѣстнымъ образомъ и бросило темную полосу тѣни отъ этой группы фактовъ на характеръ, образъ дѣйствій и отношенія подсудимыхъ. Судебное слѣдствіе отчасти разломало это зданіе; весьма многія обвиненія уже отошли, цѣлые куски отвалились, цѣлые своды треснули, остается разрушить и обратить въ сыпь эти остатки зданія обвинительнаго акта, построеннаго съ такимъ трудомъ, съ такимъ искусствомъ; кромѣ того, я долженъ еще отвѣчать гражданскому истцу,—я долженъ устранить малѣйшую тѣнь подозрѣнія въ томъ, что

образъ дѣйствій моей довѣрительницы былъ дуренъ, долженъ буду приступить къ разбору имущества, оставшагося послѣ Давида Ландсберга, по мелочамъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, я обращусь къ тому, каковы были отношенія Ландсберга къ женѣ, съ начала супружества до конца, и къ Шишкину.

Въ городѣ Проскуровѣ, подольской губерніи, жилъ еврей—купецъ, Давидъ-Лейба Ландсбергъ, женатый на Мосци Дзойрѣ, родившійся около 1798 г. или 1799—(по 8 ревизіи 1834 г. ему значится въ сказкахъ 35 л.)—и прижившій съ нею многочисленное потомство: сына Абрама и 5 дочерей. Около 1836 г. Давидъ Ландсбергъ бросилъ жену, оставилъ семью, отдѣлился отъ нихъ съ тѣмъ, повидимому, чтобы никогда къ нимъ не возвращаться, поѣхалъ въ Петербургъ, сталъ странствовать по Россіи и Финляндіи, занимаясь разными болѣе или менѣе удачными спекуляціями, нажился и поставилъ себя такимъ образомъ въ обществѣ, что если не былъ богатъ, то, однако, все-таки считаемъ былъ за богатаго человѣка. Въ то время, когда онъ появился на петербургской аренѣ, главнымъ препятствіемъ успѣховъ его дѣятельности служило вѣроисповѣданіе, которое не допускало, при жизни въ Петербургѣ, пользоваться правами гражданскими. Дабы одолѣть это препятствіе Давидъ Ландсбергъ принялъ въ 1836 г. христіанскую вѣру и, какъ христіанинъ, записался въ выборгскіе первостатейные купцы. Главнымъ предметомъ его спекуляцій были питейные откупа, посредствомъ которыхъ, какъ извѣстно, можно было и милліоны заработать и столь же легко ихъ спустить. Лѣтъ 20 прошло съ тѣхъ поръ, когда Ландсбергъ, уже старикъ подъ 60 лѣтъ, съ виду бодрый и хорошо сохранившійся, присватался къ молоденькой дѣвицѣ изъ купеческаго званія, дочери богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, весьма достаточныхъ родителей, Вѣрѣ Ивановнѣ Калугиной, которой было всего на всего 22 года, и получилъ согласіе на вступленіе съ нею въ бракъ. Передъ невѣстою и передъ свѣтомъ

Ландсбергъ скрывалъ тщательно свои лѣта, и свое недавнее прошлое бѣднаго проскуровскаго купца, и являлся въ видѣ свѣтскаго, хорошо образованнаго, на многихъ языкахъ говорящаго холостяка, если не въ цвѣтѣ, то и не на склонѣ лѣтъ.

Вѣнчаніе происходило въ Морскомъ Богоявленскомъ соборѣ, на Адмиралтейской площади, 6 октября 1857 г. Жениху показали всего 47 лѣтъ, а такъ какъ при запискѣ въ выборгскіе граждане онъ названъ холостымъ, также и въ прибрачномъ обыскѣ онъ назвалъ себя холостымъ; холостымъ онъ названъ въ свидѣтельствѣ пастора Аншпаха, холостымъ его признавали и свидѣтели по немъ, и въ метрикѣ бракосочетанія Вѣра Ивановна названа женою перваго его законнаго брака. Вскорѣ послѣ вступленія въ бракъ обнаружилось, чего собственно хотѣлъ достигнуть Ландсбергъ: ему нужна была не столько жена, сколько сидѣлка, которая бы ухаживала и присматривала за нимъ. Отъ брака этого родилась одна только дочь Евгенія, малолѣтняя теперь (9 л.), затѣмъ больше дѣтей и не могло родиться.

Ландсбергъ пораженъ былъ страшною болѣзнію. Четыре года длились эти страданія,—четыре года Вѣра Ивановна исполняла обязанности присматривающей за мужемъ подруги—4 года скуки, одиночества, возни съ больнымъ старикомъ, обреченнымъ на неминуемую смерть. Одно только обстоятельство разсѣивало эту скуку и вносило немного разнообразія въ жизнь супруговъ Ландсберговъ,—это знакомство, дружба и услуги теперешняго мужа Вѣры Ивановны, Владиміра Ивановича Шишкина. Да, гг. присяжные засѣдатели, дружба! Я долженъ прежде всего говорить истину и буду ее говорить, не стѣсняясь никакими соображеніями, ни даже улыбкою недовѣрія на счетъ того, какъ можно быть въ одно и то же время и другомъ стараго мужа, и другомъ хорошенькой молоденькой жены. Да, гг. присяжные засѣдатели, Шишкинъ былъ другомъ Ландсберга. Ландсбергъ понималъ свое положеніе: онъ зналъ, что и по возрасту, и по здоровью

его отношенія къ женѣ должны походить на отношенія отца къ дочери; онъ былъ сердечно радъ тому, что его женѣ было съ кѣмъ иногда поѣхать въ театръ, на концертъ и проч. Шишкинъ былъ человѣкъ домашній и бывалъ въ послѣдніе годы почти ежедневно. Ландсбергъ зналъ, что по смерти жена его выйдетъ замужъ за Шишкина, онъ благословилъ передъ смертью этотъ бракъ, онъ не ощущалъ никакой ревности, напротивъ того, находилъ утѣшеніе въ той мысли, что жена его, которая окружала его въ теченіи многихъ лѣтъ столь нѣжнымъ попеченіемъ, найдетъ то счастіе, котораго онъ не былъ въ состояніи ей доставить.

Никогда,—ни прежде, ни послѣ—до самой своей кончины, послѣдовавшей 20 октября 1863 года, Ландсбергъ ничего не говорилъ Шишкину и женѣ на счетъ своего прежняго брака, ни на счетъ своей еврейской семьи. Близкому знакомому своему Малеру онъ сообщилъ, что у него есть родные, и изъ показаній Малера видно, что когда сынъ его, Абрамъ, пріѣхалъ, то покойный выпроводилъ его очень скоро, давъ ему рублей 50 на дорогу, потому что „безпорядки будутъ въ семьѣ". Г. Абрамъ Ландсбергъ утверждаетъ, что онъ былъ представленъ г-жѣ Ландсбергъ, что онъ состоялъ съ отцомъ въ корреспонденціи. Но я просто на просто считаю оба эти обстоятельства выдумкою и измышленіемъ, во-первыхъ, потому, что онъ не могъ разсказать даже, при какихъ условіяхъ совершилось это представленіе; во-вторыхъ, потому, что онъ не представилъ ни одного клочка бумажки, написанной отцомъ. Ландсбергъ какъ будто отрекся отъ своей семьи, какъ будто эта семья вовсе не существовала, такъ что, когда онъ умеръ, Вѣра Ивановна была вполнѣ увѣрена, что она и малолѣтняя дочь ея, Евгенія, единственныя наслѣдницы всего оставшагося послѣ Ландсберга имущества. Она была въ высшей степени удивлена, когда не успѣлъ еще остыть трупъ Ландсберга, а уже явилась полиція дѣлать опись имуществу покойнаго, опечатывать мебель, комнаты,

рухлядь. Она была еще болѣе изумлена и приведена въ негодованіе, когда внезапно передъ нею выросъ, будто грибъ изъ земли, Абрамъ Ландсбергъ со своими сестрами, окруженный вліятельными лицами изъ евреевъ, поддерживаемый раввиномъ Нейманомъ и снабженный приказомъ князя Суворова о производствѣ уголовнаго слѣдствія. Спрашивается, могла ли она и ея женихъ и совѣтникъ, Шишкинъ, отнестись иначе къ Абраму Ландсбергу. Они сочли его самозванцемъ, а себя жертвами гнусной еврейской интриги, и рѣшились въ полномъ сознаніи своей правоты отстаивать свое добро. Вѣра Ивановна защищалась какъ мать, съ полною увѣренностью въ правотѣ своего дѣла и съ благою цѣлью спасти достояніе своего ребенка, на котораго простирали руку неизвѣстные пришлецы иного рода, племени и закона. Теперь мы знаемъ, что Абрамъ Ландсбергъ имѣлъ отчасти право дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, какъ сынъ; но что онъ сынъ, того Вѣра Ивановна не знала и въ то не вѣрила до послѣдняго времени. Началась упорная борьба между двумя сторонами изъ-за вещей: накладываніе и сниманіе печатей, понужденіе къ производству и противодѣйствіе противъ описей, заборы вещей и распоряженіе ими какъ своими собственными, въ полной увѣренности, что онѣ составляютъ дѣйствительно собственность. Настойчивость, съ которою дѣйствовали Шишкины при отстаиваніи того, что они считали своимъ правомъ, страшно повредила имъ и привела ихъ на скамью подсудимыхъ. Если бы они предвидѣли этотъ вредъ, то они предпочли бы приплатить свое, откупиться, лишь бы уйти имъ отъ напасти и не сидѣть въ острогѣ. Но побудительныя причины этой настойчивости столь естественны, столь понятны, что гг. присяжные не откажутся войти въ ихъ положеніе и посмотрѣть на дѣло ихъ глазами.

Перенесемся мысленно въ моментъ, когда, по словамъ обвинительнаго акта, началась преступная дѣятельность Шишкиныхъ — въ моментъ смерти Ландсберга,

20 октября, и посмотримъ, какого рода была эта дѣятельность, въ чемъ они и въ какой степени являются преступниками и нарушителями закона. Обвиненіе говоритъ, что они захватили, заграбили имущество, оставшееся послѣ Ландсберга. Спрашивается, изъ чего слагалось это имущество? Когда мужъ съ женою живутъ вмѣстѣ, то и хозяйство у нихъ бываетъ общее; на мебель и рухлядь не наклеиваются ярлыки съ обозначеніемъ, что мужнино, что женино; все смѣшано: мужъ пользуется вещами жены и, не обинуясь, можетъ выдавать ихъ за свои, наоборотъ, такъ же и жена. Заставъ у Ландсберга такое смѣшеніе вещей, обвиненіе стало на ошибочную точку зрѣнія и предпослало раздѣлу имущества супруговъ, который оно старалось совершить, ту ложную, по моему мнѣнію, посылку, что все то, въ общей массѣ мужнино, относительно чего жена не можетъ доказать положительными фактами, что оно принадлежитъ ей въ исключительную собственность. Въ доказательство того, что мужъ—владѣтель массы, а жена—изъятіе изъ этой массы, предъявлялись сторонами самыя странныя соображенія. Изъ мѣдной бляхи на дверяхъ „D. L. Landsberg“, бляхи, которая должна была указывать посѣтителямъ, что въ квартирѣ живетъ такой-то, г. Абрамъ Ландсбергъ выводитъ заключеніе, что все за этими дверями въ квартирѣ принадлежало Д. Л. Ландсбергу. Въ доказательство, что у Д. Ландсберга были капиталы и драгоцѣнности, и что они похищены, указывалось и на несгораемый шкафъ, который оказался пустъ, и на страховой полисъ Royal, по которому вещи въ квартирѣ Ландсберга застраховывались съ 1860 по 1864 г., въ 15,000 р.; какъ будто не бывало примѣровъ, что мужъ страхуетъ на одно свое имя общее семейственное имущество, какъ будто бы не бывало примѣровъ, что разъ застрахованное имущество страхуется въ ту же цѣну и въ послѣдующіе годы, хотя бы составъ его измѣнился—прибыло или убыло изъ него многое. Другая ошибочная посылка въ обвиненіи та, что обвиненіе

принимая на вѣру и безъ критики показанія Абрама Ландсберга и его друзей о богатствѣ и капиталахъ Д. Ландсберга, не подтвердившіяся потомъ послѣ смерти его,—все, что не оказалось, относило на счетъ расхищенія его имущества Шишкиными, а всякія деньги и всякіе капиталы, которые усмотрѣны потомъ въ рукахъ у Шишкиныхъ, считаются неизбѣжно происходящими изъ этого источника, то есть, изъ расхищенія имуществъ Д. Ландсберга. Всего разительнѣе замѣтна эта особенность во всемъ относящемся до *денежныхъ капиталовъ* Д. Ландсберга, которыхъ разборомъ и повѣркою я прежде всего займусь.

Денежные капиталы Д. Ландсберга хранились за его ключомъ, въ его письменномъ столѣ, въ комнатѣ, которая въ послѣднее время служила ему и спальнею, и кабинетомъ. Въ этомъ кабинетѣ, гдѣ лежалъ онъ за занавѣсью и шкафомъ, 3 послѣдніе дня сторожила его безвыходно женщина, заслуживающая всякаго довѣрія—сидѣлка изъ сердобольныхъ, Евдокія Кузнецова, которой присяжное показаніе имѣется въ дѣлѣ. Въ комнату изрѣдка входили слуги и жена. Когда Ландсбергъ скончался, то прислуга засуетилась около трупа—стали его обмывать, а дворникъ побѣжалъ за полиціею. При Кузнецовой никто ничего не бралъ, не вынималъ изъ-подъ подушки, не искалъ ключа или бумажника, не ходилъ въ столъ или въ шкафъ, а такъ какъ тотчасъ же явилась и полиція и за неотысканіемъ ключа отъ шкафа, надзиратель Черкасовъ, не открывая стола, запечаталъ комнату печатями полиціи, то показаніе Кузнецовой вмѣстѣ съ актомъ, составленнымъ Черкасовымъ, и съ показаніемъ обмывавшаго трупъ дворника, Степана Васильева, не видавшихъ ни ключа, ни бумажника, исключаютъ всякую вѣру допустить расхищеніе бумагъ и капиталовъ, бывшихъ во владѣніи Ландсберга въ моментъ его смерти. Послѣ смерти мужа, во время предварительнаго слѣдствія и до сихъ поръ, жена Ландсберга заявила, что у него было 2.000 рублей, припасенные къ поѣздкѣ за-

границу, но эти самыя деньги были израсходованы на погребеніе. Гражданскій истецъ оспариваетъ, чтобы всѣ деньги употреблены были на похороны. Не знаю, на чемъ основываетъ онъ свой споръ; вѣроятно на томъ, что въ виду его не были многіе расходы, напр., на свѣчи и т. п. Когда впослѣдствіи сняты были печати и всѣ бумаги, находившіяся въ комнатѣ Ландсберга, подвергнуты описи, то у него не оказалось никакихъ наличныхъ капиталовъ, кромѣ векселей на 11,000. Изъ того, что капиталовъ не оказалось, обвиненіе выводитъ не то заключеніе, что у Ландсберга ихъ не было, а то, что они были похищены. Что гражданскому истцу выгодно насчитывать баснословныя суммы и утверждать, что у Давида Ландсберга должно быть на 24,000 векселей, на 100,000 именныхъ банковыхъ билетовъ и на 38,000 облигацій городского кредитнаго общества (162 т.),— это понятно, это въ порядкѣ вещей. Я даже удивляюсь скромности вычисленій—можно было насчитать до милліона. Но я удивляюсь, что въ обвинительный актъ вошли, какъ серьезные факты, уличающіе подсудимыхъ, голословные извѣты Абрама Ландсберга, который при отцѣ не былъ и только послѣ его смерти прибылъ въ Петербургъ, раввина Неймана, который съ 1863 г. поселился въ Петербургѣ и никогда съ Ландсбергомъ не имѣлъ знакомства, или г. Малиса, который никогда у Ландсберга не бывалъ. Нисколько не желая порочить лицо гражданскаго истца, я только утверждаю, что онъ здѣсь сторона заинтересованная, сторона незаслуживающая вѣроятія. Нужны положительныя доказательства. Доказательствъ, правда, приведена куча; разберемъ ихъ по одиночкѣ. Служанка Хрущевыхъ, Марья Никольская, слышала отъ няни Хрущевыхъ, Афимьи Ивановой, будто Вѣра Ивановна, въ моментъ смерти мужа, передала Шишкину 40,000. Что это? свидѣтельство по слуху. Законъ воспрещаетъ допрашивать по слухамъ, да и Афимья Ивановна вчерашній день не подтвердила ссылки. Служанка Марья Циммеръ чрезъ замочную скважину

видѣла, какъ въ маѣ 1864 года Вѣра Ивановна отсчитывала мужу 50,000, вынутыхъ изъ шкафа; но потомъ въ своемъ показаніи она показала, что Шишкина дала мужу 25 руб.; потомъ сказала, что Шишкина передала нѣсколько ассигнацій, но сколько—не знаетъ. Но если и правда, что Шишкина, въ маѣ 1864 года, передавала деньги, то что же изъ этого слѣдуетъ? Если она имѣла деньги, а, кажется, тогда уже могла имѣть деньги, и я укажу откуда она могла передать ихъ своему мужу. Другія свидѣтельскія показанія доказываютъ, что Ландсбергъ располагалъ нѣкоторыми средствами. Лури мѣнялъ ему билетъ въ 10,000 р., но это было за три года передъ смертью. Осипъ Васильевъ видѣлъ, когда Ландсбергъ вынималъ купонъ отъ билетовъ на 257 руб., но это было за нѣсколько лѣтъ передъ смертью; затѣмъ въ 1860, 1861 и 1862 годахъ онъ покупалъ билеты и мѣнялъ у Смирнова и Скворцова, но это было тогда, когда дѣла его не были въ дурномъ положеніи, когда онъ еще имѣлъ откупа, и покупка его не выходила изъ предѣловъ 12,000—15,000. Оборотъ не столь значительный, по его оборотамъ. Можетъ быть, покажется ложнымъ показаніе Малера. Г. Малеръ (Андрей) видѣлъ у Ландсберга въ іюнѣ (за три мѣсяца до смерти) 33,000 р. серіями. Малеръ могъ ошибиться, могъ не сосчитать эту сумму,—онъ вышелъ тогда только что изъ больницы, гдѣ его лечили отъ разстройства нервной мозговой системы, тѣмъ болѣе, что все ограничилось тѣмъ, что Ландсбергъ, показавъ пачку серій, сказалъ ему, что тамъ 33,000 р. Эти загадочныя серіи могли уйти куда-нибудь по распоряженію самого Ландсберга въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ его жизни. Я постараюсь впослѣдствіи доказать, что, умирая, Ландсбергъ былъ голъ, какъ соколъ, и потому наличность серій болѣе нежели сомнительна. Вообще относительно Малера я вотъ что замѣчу: я нисколько не сомнѣваюсь въ его добросовѣстности, но нѣсколько рѣзкихъ промаховъ относительно времени, когда онъ вышелъ изъ боль-

ницы, доказываютъ, что память его далеко не надежна. Кромѣ того, Малеръ, по моему мнѣнію, человѣкъ увлекающійся и до того подчиненный авторитету лица, которому онъ служилъ, котораго превосходство денежное и моральное онъ признаетъ, что это подчиненіе превратилось въ культъ, въ обожаніе. Все, что ни дѣлаетъ г. Ландсбергъ, хорошо; онъ покупаетъ хорошія вещи, онъ только покупаетъ и ничего не продаетъ, экипажи у него хорошіе, долговъ никакихъ нѣтъ, откупныя дѣла шли превосходно и т. д. Очевидно, что при такомъ розовомъ взглядѣ на предметъ своего поклоненія г. Малеръ естественно долженъ былъ придти къ тому предположенію, что все, что ни есть у Ландсберга, принадлежитъ ему: домъ, серебро и брилліанты, которые надѣвала жена его, несмотря на то, что въ то же время онъ же, Малеръ, хвалилъ вещи, весьма не подходящія къ такому гиперболическому восхваленію достатковъ Ландсберга, напр., что проживалъ Ландсбергъ всего отъ 5,000 до 6,000 въ годъ. Да это для откупщика болѣе, чѣмъ скромно, просто бѣдно. Въ показаніяхъ Малера необходимо отдѣлить дѣйствительное отъ предположеній, основанныхъ на собственныхъ и совершенно своеобразныхъ умозаключеніяхъ свидѣтеля. Не продалъ мебели Ландсбергъ потому, что онъ никогда не продавалъ ничего, а только покупалъ. Есть еще средство отдѣлить дѣйствительный фактъ, сличивъ его показанія съ показаніями другихъ, болѣе трезво относящихся къ Ландсбергу лицъ, напр. съ Янсеномъ и Васильевымъ. Напр., Янсенъ прямо говоритъ, что Ландсбергъ хвастался, спрашивая о рентахъ, но серьезно не хотѣлъ ихъ покупать, а только любилъ хвастаться. Васильевъ, очень хорошо знакомый съ денежными обстоятельствами Ландсберга, прямо говоритъ, что Ландсбергъ на самомъ дѣлѣ нуждался и только выказывалъ себя богатымъ. Вотъ и всѣ свидѣтельскія показанія, не много въ суммѣ своей стоющія. Важнѣе ихъ письменные документы: векселя г. Охроменко, сохранныя расписки Шишкина на имя жены, да слѣды банковыхъ

билетовъ и облигацій, перешедшихъ черезъ руки Шишкина и Розенкранца. Относительно этихъ документовъ, вотъ что я имѣю честь объяснить.

Г-жа Шишкина, выходя замужъ и состоя въ супружествѣ, была женщина со средствами; она имѣла, по крайней мѣрѣ, собственный домъ на Невскомъ проспектѣ, домъ красивый, дающій 14,000 годового дохода, по другимъ показаніямъ отъ 6,000—8,000, за который она, Шишкина, заплатила г-жѣ Калерджи 105,000 по купчей 30 апрѣля 1858 г. Правда, что и этотъ домъ пытаются теперь отъ нея оттянуть, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, на основаніи отзыва г. Малера, что домъ купленъ на деньги Ландсберга. Странный примѣръ: свидѣтельское показаніе употребляется для опроверженія крѣпостнаго акта, примѣръ, который я разбирать не стану—до такой степени и передъ совѣстью, и передъ закономъ крѣпки права собственности г. Шишкиной на укрѣпленное за нею имущество. Кто имѣетъ дома, тотъ и доходами на нихъ имѣетъ право пользоваться, кто имѣетъ домъ, тому принадлежатъ и суммы, взятыя подъ залогъ дома, не такъ ли? Домъ Калерджи купленъ былъ съ банковымъ долгомъ въ 62,000 р.; своихъ собственныхъ денегъ Вѣра Ивановна вложила туда слишкомъ 40,000. Затѣмъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью, когда доктора сказали Ландсбергу, что ему надо ѣхать за границу, а ѣхать ему было не съ чѣмъ, жена предложила заложить домъ вторично въ городскомъ кредитномъ обществѣ; взято было 78,000 облигаціями городского кредитнаго общества, изъ которыхъ слишкомъ 50,000 ушли на покрытіе прежняго банковаго долга, а 26,000 или 27,000 остались въ запасѣ и не были употреблены на цѣль, на которую предназначались. Когда Ландсбергъ умеръ, то, по совѣту Шишкина, Вѣра Ивановна старалась войти въ соглашеніе съ казною и погасить посредствомъ этой суммы громадную, но безнадежную для казны, недоимку по откупамъ, но тщетно—отъ департамента неокладныхъ сборовъ не было никакой уступки.

Часть этихъ капиталовъ разошлась отъ октября до февраля 1864 г., часть была въ рукахъ у Шишкиной и слѣдъ ея обнаруженъ при обыскѣ въ имуществѣ Шишкиныхъ 7 іюня 1864 г., когда ломали при посредствѣ слесарей принадлежащіе ей ящики съ бумагами. Тогда тамъ и были найдены 2 записки, писанныя рукою Шишкиной со счетомъ денегъ на 500 р., 5 процентныхъ банковыхъ билетовъ на 6,450 и облигацій городского кредитнаго общества на 18,600, всего на 25,000 руб. Шишкинъ, чувствуя, что этотъ капиталъ растаетъ и улетучится, если трудное дѣло, которое имъ приходилось вести съ Абрамомъ Ландсбергомъ, продолжится, убѣдилъ жену отдать ему эти деньги; посредствомъ ихъ онъ хотѣлъ устроить маслобойный заводъ, управляющимъ котораго былъ тотъ самый, который назвался маклеромъ Розенкранцемъ. Ему то Шишкинъ и передалъ изъ этого капитала по счету отъ 7 февраля 1864 г. на 16,100 руб. облигацій городского кредитнаго общества. Капиталъ 25,000 данъ былъ Шишкиною мужу на слово, безъ всякихъ гарантій и обезпеченій; но, употребляя его на рискованное предпріятіе, которое потомъ лопнуло, Шишкинъ для снятія съ себя нравственной отвѣтственности передъ женщиною, довѣрившей ему всю свою наличность, убѣдилъ ее взять съ него, Шишкина, сохранную расписку въ 25,000 р., ту расписку, которая помѣчена 20 февраля 1864 года, числомъ, весьма близкимъ къ тому, въ которое облигаціи общества переданы были Розенкранцу. Что касается до сохранной расписки въ 40,000 руб., то я удивляюсь одному: зачѣмъ она приплетена къ слѣдствію? Я благодарю прокурора, что онъ не упоминалъ о ней въ своей обвинительной рѣчи; но такъ какъ гражданскій истецъ разсказалъ о ней цѣлую исторію, то я считаю себя обязаннымъ отвѣчать ему. Для меня непонятно, какой можно сдѣлать выводъ изъ этой расписки въ смыслѣ обвиненія? Она или денежная, или безденежная. Если безденежная, то Шишкинъ могъ на сотни тысячъ надавать женѣ подобныхъ расписокъ,

отъ чего она ни чуть не стала бы богаче, если ему, Шишкину, платить женѣ нечѣмъ. Если она денежная, то она скорѣе служитъ къ оправданію Вѣры Ивановны. Взгляните на число ея „февраля 1863 года", т. е. за полгода до смерти Ландсберга; значитъ, въ то время у Вѣры Ивановны были въ рукахъ свои собственные капиталы. Или вы будете утверждать, что записка писана заднимъ числомъ, но въ такомъ случаѣ скажите, чѣмъ вы это докажете, гдѣ, кѣмъ, при комъ и при какихъ обстоятельствахъ она сочинена? Или васъ поражаетъ то обстоятельство, что Вѣра Ивановна пыталась при обыскѣ вырвать ее у слѣдователя и изорвать въ клочки? Это движеніе кажется обвиненію подозрительнымъ. Да, она пыталась это сдѣлать; да, ей больно и теперь, что эта расписка попала въ судъ. Но тѣ соображенія, которыя заставили ее рвать записку, не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ дѣломъ. Хотите знать ихъ? нѣтъ ничего проще: взгляните на число 9 февраля 1864 года. Она была еще женою Ландсберга, но уже ей было извѣстно, что Ландсбергъ скоро умретъ, что онъ жилецъ съ краткосрочнымъ паспортомъ; обязанность свою—ухаживаніе за больнымъ, она исполняла, но сердце ея и мысль, даже съ вѣдома и согласія Ландсберга, уже принадлежали Шишкину. Ты меня не оставишь, ты меня не бросишь?—былъ положительный и не умолкающій съ ея стороны вопросъ. Шишкинъ, чтобы ее успокоить и чтобы дать видимый залогъ своей любви, вещественное доказательство, охотно принимаетъ на себя кабалу. Шишкинъ самъ навязалъ ей эту расписку: не оставлю, а если бы оставилъ, такъ вотъ тебѣ бумага: ты меня можешь разорить и посадить въ долговое отдѣленіе. Онъ ей вручилъ записку, а она, несвѣдущая въ дѣлахъ, взяла ее, какъ талисманъ, и оставался онъ забытый между бумагами, послѣ того, какъ совершилось предусмотрѣнное и исполнилось. Потомъ, когда рука обыщиковъ перевернула бумаги, она сама вскрыла этотъ клочекъ, ей вспомнилось былое и

стало ей страшно, что эта записка будетъ схвачена ея врагами и что станутъ они толковать: такъ-то она заботилась о мужѣ! Она помышляла о другомъ замужствѣ, она, сирота, окруженная, по милости своего перваго мужа, всѣми дарами и благами міра сего, говоря слогомъ Абрама Ландсберга!... Она хотѣла спрятать страницы изъ исторіи своего сердца, а перетолковали, что она хочетъ скрыть часть чужого имущества. Но вы, гг. присяжные засѣдатели, взгляните на дѣло человѣчнѣе и оцѣните фактъ по достоинству, какъ обстоятельство, къ дѣлу нисколько не относящееся.

Остается вексель г-жи Охраменко.—У Вѣры Ивановны найденъ вексель, выданный ей вдовою Охроменко 26 октября, нѣсколько дней послѣ похоронъ мужа въ 1,500 р. Абрамъ Ландсбергъ утверждаетъ, со словъ умершаго Эттингера, который, какъ умершій, ни подтверждать, ни отрицать словъ его не можетъ, что г-жа Охроменко была должна Ландсбергу по двумъ векселямъ, на 900 р. каждый, 1,800 р. и что по смерти Ландсберга она согласилась переписать эти векселя вмѣсто Лансберга на его вдову съ уменьшеніемъ суммы съ 1,800 на 1,500 рублей.

Не знаю, откуда взялъ эти подробности Абрамъ Ландсбергъ, не знаю, должна ли была г-жа Охроменко что-либо Ландсбергу. Въ дѣлѣ есть письма Ивана Охроменко къ Ландсбергу о векселяхъ, но между Иваномъ Охроменко и его женою, Охроменко, нѣтъ ничего общаго. Жаль, что ея здѣсь нѣтъ, она бы могла удостовѣрить, что она вексель выдала не безденежный и никогда своихъ векселей на Шишкину не переписывала. Я отрицаю у обвинителей право во всякомъ обязательствѣ г-жи Шишкиной доискиваться похищеннаго, какъ будто бы она никакой своей части собственности не имѣла, какъ будто бы она не въ правѣ была вступать ни въ какія обязательства. Я не вижу никакой надобности со стороны г-жи Шишкиной входить въ какія-либо объясненія по этому предмету и давать какіе-либо отчеты.

Самый крупный предметъ въ имуществѣ, принадлежавшемъ Ландсбергу, безъ сомнѣнія, серебро. Я не скрываю, что это и самый опасный предметъ. Шишкины путались въ показаніяхъ, говорили сначала одно, потомъ другое. При судебномъ слѣдствіи Шишкинъ сознался, что онъ тутъ виноватъ, подбивалъ жену показывать, какъ онъ показываетъ, и поставилъ ее въ весьма опасное положеніе. Если вы, гг. присяжные, полагаете, что всякая ложь уже несомнѣнный признакъ того преступленія, въ которомъ кто-либо обвиняется, то всякая защита будетъ напрасна; но если вы, гнушаясь ложью, захотите, однако, разобрать ее и заглянуть въ самый корень дѣла, въ самую сущность его, то я не сомнѣваюсь, что Шишкины, несмотря на свои противорѣчія, найдутъ передъ вами оправданіе.

Когда полиція совершала опись, то найдено всего серебра 15 ф., по оцѣнкѣ на 322 р., именно, столоваго (8 ложекъ, 12 ножей, 12 вилокъ, чайникъ, сахарница, молочникъ, 1 разливательная ложка, 5 чайныхъ, ситечко). Между тѣмъ, ходили слухи, что у Ландсберга были цѣлыя горы серебра,—кто говоритъ пять, кто десять пудовъ,—которыя будто бы хранились въ несгораемомъ шкафѣ и желѣзномъ сундукѣ. Повидимому, изъ этихъ вещей несгораемый шкафъ только и важенъ, но и онъ представляетъ поводъ къ сомнѣніямъ. Сундукъ, по словамъ свидѣтелей Брудерера и Малера, стоялъ въ спальнѣ г-жи Ландсбергъ. Она говоритъ, что хранила тамъ свои мѣха и другія вещи. И нѣтъ данныхъ предполагать, чтобы этотъ суднукъ, у нея стоявшій, не былъ въ ея владѣніи. Что касается до шкафа, то онъ стоялъ въ комнатѣ смежной со спальнею и, указывая на него, Ландсбергъ говорилъ Брудереру, что здѣсь все мое хранится. По словамъ кистера Брудерера, управляющаго домомъ госпожи Ландсбергъ, въ шкафу хранилось серебро, что довольно невѣроятно, такъ какъ вмѣстимость шкафа мала. По словамъ Малера, серебро уложено было въ сундукѣ подъ кроватью, на которой лежалъ больной·

Супруги Шишкины хранили молчаніе и относительно серебра, и относительно хранилища. Шишкинъ показывалъ, что отъ жены никакого серебра не получалъ. Тогда, по указанію Абрама Ландсберга, произведенъ былъ обыскъ въ нижнемъ этажѣ дома Шишкиной и подъ воротами найдены запертые и шкафъ и сундукъ. Г-жа Шишкина признала ихъ за свои вещи, но не хотѣла отворять замка за неимѣніемъ ключей, потомъ прислала ключи чрезъ Марфу Костюкову. Хранилища оказались совершенно пустыми. Затѣмъ, при обыскѣ, произведенномъ въ имуществѣ Шишкиныхъ, 1 іюня 1864 г., у нихъ найденъ ящикъ краснаго дерева, а въ немъ столовое серебро на 24 персоны, 4 подноса, чайникъ, сахарница плетеная корзинка, лампадка, 2 солонки и еще столоваго серебра на 6 персонъ. Затѣмъ въ ихъ бумагахъ отысканы 4 билета ссудной казны на заложенное серебро, изъ коихъ видно, что черезъ 3 недѣли по смерти Ландсберга заложено серебра на 2,580 руб. Серебро это, уложенное въ 4 наволочки, изъ коихъ двѣ безъ мѣтокъ, а двѣ съ мѣтками *Л.* составляло: овальныя блюда, подносы, ложки, чашки, блюдечки, тарелки, раковины и проч. всего 270 штукъ. Присутствовавшіе при осмотрѣ въ ломбардѣ, 15 декабря, Малеръ и купецъ Янсенъ заявили, что они видѣли эти вещи у Ландсберга, что это то самое столовое серебро. До осмотра серебра Шишкинъ далъ отзывъ, который, очевидно, несостоятеленъ и который отстаивать нѣтъ никакой возможности, что серебро онъ купилъ за 3,000 р. у какого-то коммерческаго человѣка въ началѣ ноября 1863 г., но, не имѣя наличныхъ денегъ, заложилъ его тотчасъ въ ломбардъ, билеты же потомъ подарилъ женѣ за 2 дня до обыска.—Все это ложь, и въ десятитысячный разъ оправдывается въ этомъ случаѣ замѣчаніе, что всякій дурной поступокъ приноситъ съ собою и свое наказаніе: Шишкинъ совралъ и тѣмъ подорвалъ вѣру въ свою искренность, навлекъ на себя тѣмъ подозрѣнія и этому же подвергъ и свою жену. Теперь

онъ кается, но, Богъ вѣсть, исправитъ ли онъ испорченное. Путь настоящій есть путь прямой, а не кривой, и, между тѣмъ, какъ легко было ему избрать эту прямую дорогу, сказавъ: все это серебро принадлежало моей женѣ. Да, оно принадлежитъ всецѣло Вѣрѣ Ивановнѣ. Приборъ обѣденный на 24 персоны, найденный у нея въ сундукѣ краснаго дерева, подаренъ ей былъ мужемъ вскорѣ послѣ женитьбы въ 1858 г. и она его хранила въ память покойнаго. Остальное куплено въ теченіе супружескаго сожитія, и, понятно, на ея деньги. Она имѣла домъ и съ этого дома получалось до 14,000 р. дохода, или, по словамъ другихъ, до 8,000; онъ же, разоренный откупщикъ, какъ я докажу впослѣдствіи, не имѣлъ никакой возможности дѣлать столь значительныя затраты. Серебро заложено въ 3,000 р.; положимъ, оно стоило 5,000 р. 5,000 р. не Богъ вѣсть какая сумма для женщины съ состояніемъ, подобнымъ тому, какое несомнѣнно имѣла Вѣра Ивановна. Оно было въ домѣ, оно подавалось, когда были гости; Ландсбергъ могъ его показывать Малеру и Янсену, не объясняя имъ, чье оно, и оставляя ихъ въ убѣжденіи, что оно составляетъ его собственность. Какъ еврей, какъ откупщикъ, какъ человѣкъ, живущій кредитомъ, онъ любилъ щеголять и хвастаться, выдавать себя за богатаго. Онъ зналъ всю цѣну репутаціи богача, хотя бы эта репутація ничѣмъ не оправдывалась въ дѣйствительности. И онъ, Ландсбергъ, могъ съ тѣмъ большимъ основаніемъ щеголять добромъ, купленнымъ на доходы жены и, слѣдовательно, принадлежащимъ женѣ, что шведскіе законы о супружествѣ, которымъ онъ подчинялся, какъ выборгскій купецъ, не устанавливаютъ между супругами той совершенной раздѣльности имуществъ, какая имѣется въ нашихъ законахъ. Серебро это не хранилось въ несгораемомъ шкафѣ, который былъ для этой цѣли малъ, и не въ ящикахъ подъ кроватью, потому что ящики бы не помѣстились, да и видѣлъ бы кто-либо изъ прислуги—сердобольная Кузнецова, двор-

никъ, полиція—если-бъ ихъ выносили. Что же касается до хранилищъ, то исторія ихъ слѣдующая: сундукъ всегда принадлежалъ Вѣрѣ Ивановнѣ, а шкафъ мужу. Мужъ хранилъ въ немъ дѣйствительно свои бумаги, но когда все состояніе лопнуло и пришелъ онъ въ разореніе, то съ тѣхъ поръ шкафъ оставался пустой и даже ключъ отъ шкафа былъ переданъ Ландсбергомъ женѣ.

Перехожу къ брилліантамъ. Въ бумагахъ покойнаго Ландсберга найденъ безъ года и числа расчетъ брилліантщика Григорьева, изъ котораго видно, что когда-то изъ лавки Григорьева отпущено было Ландсбергу брилліантовъ на 6,510 р. Куда ушли эти брилліанты, съ какою цѣлью они были пріобрѣтены—неизвѣстно; можетъ быть, онъ подарилъ ихъ кому-либо, можетъ быть, перепродалъ,—но эти брилліанты не имѣютъ ничего общаго съ брилліантами г-жи Шишкиной, которые описаны и найдены въ незначительномъ количествѣ. Говорятъ, что у Ландсберга была діадема, но діадемы никто не видалъ, кромѣ Малера; нѣкоторые изъ брилліантовъ видѣлъ Брудереръ, но эти брилліанты могли принадлежать его женѣ. Я полагаю, напримѣръ, что фермуаръ былъ женинъ. Но если-бы этихъ брилліантовъ найдено было гораздо больше у г-жи Шишкиной, если-бъ у нея нашлась та нитка крупныхъ брилліантовъ, которую видѣлъ Брудереръ, какъ онъ утверждаетъ, и та діадема или вѣнецъ и тотъ жемчугъ, которые видѣлъ Малеръ, то и это обстоятельство вины Шишкиныхъ еще не доказываетъ; Ландсбергъ могъ распоряжаться этими вещами до смерти, могъ, наконецъ, показывать постороннимъ драгоцѣнности жены. Во всякомъ случаѣ, при отсутствіи другихъ данныхъ и за смертью Ландсберга, если идетъ споръ объ извѣстныхъ драгоцѣнностяхъ: брошкѣ, браслетѣ, серьгахъ, діадемѣ, то я только въ такомъ случаѣ склоненъ былъ бы допустить предположеніе, что эти вещи—собственность Ландсберга, если-бы онъ былъ ювелиръ, если-бы онъ торговалъ каменьями. Коль скоро

онъ имъ не былъ, то не естественнѣе ли предположить, что эти принадлежности дамскаго туалета, что эти украшенія собственность той, которая можетъ ими пользоваться, а не того, кто не можетъ изъ нихъ извлекать никакой непосредственной пользы.

Я готовъ обойти молчаніемъ неважные предметы—шубы, столовые съ козелкомъ часы, про которые говорятъ, что они были спрятаны въ диванѣ; дѣйствительно, они были спрятаны въ диванѣ; но для чего? Неужели въ видахъ утайки! Если вы, гг. присяжные засѣдатели, находите возможнымъ осудить обвиняемыхъ за этого злополучнаго козелка, то осудите. При обыскѣ 1-го іюня въ бумагахъ Шишкина найденъ, отъ 24 мая 1864 года, счетъ мѣхового магазина Одноушевскаго о принятіи на сбереженіе двухъ мѣховыхъ шинелей. Одна изъ этихъ шинелей означена въ видѣ ильковой шубы въ описи вещей Ландсберга, въ актѣ 2 января 1864 г. Отдача ея въ лавку не есть утайка, а просто желаніе сбереженія, предохраненія шубы отъ моли.—Другая шинель, дрянная, старая, въ 25 руб., не вошла въ опись потому, что про нее забыли, на нее, по ея ветхости, не обратили вниманія. Шуба, которая въ обвинительномъ актѣ названа бобровою, которая считается утаенною, и есть та самая, которая въ описи названа ильковою.

Что касается до самаго главнаго, по смыслу обвинительнаго акта, пункта—присвоенія экипажей и мебели, то моя защита должна, по необходимости, соображаться съ отношеніемъ къ сему моей довѣрительницы. Она только знала, что этими предметами распоряжается такимъ образомъ ея женихъ, а потомъ мужъ, знала и соглашалась на эти распоряженія; распоряжался же онъ самъ непосредственно.—Онъ и дастъ полный и подробный отчетъ. Моя защита будетъ по необходимости самая общая, не потому, чтобы жена въ этомъ случаѣ отдѣляла передъ вами свою отвѣтственность отъ отвѣтственности мужа и старалась взвалить на него всю

вину; нѣтъ, супруги Шишкины не доставятъ врагамъ своимъ удовольствія раздора и пререканій предъ судомъ—они неразрывно связаны судьбою на жизнь и смерть, на осужденіе и оправданіе—въ такомъ смыслѣ мнѣ поручена и защита; но потому, что она гораздо меньше знаетъ, нежели Шишкинъ, о предметахъ, которые подлежатъ разбирательству, о ихъ происхожденіи, принадлежности и переходахъ съ одной квартиры на другую и изъ одного города въ другой. У Ландсберга была дача въ Павловскѣ, хорошо меблированная, съ конюшнями, сараями, экипажами—все это осталось на мѣстѣ, когда 29 сентября Ландсберга, уже трудно больного, перевезли изъ Павловска въ С.-Петербургъ, въ домъ Вѣры Ивановны, гдѣ онъ и скончался 20 октября.—Экипажи, которые помѣщались на этой дачѣ: коляску, фаэтонъ, двѣ кареты, г-жа Шишкина признавала и признаетъ своею собственностью, и нѣтъ никакихъ въ дѣлѣ данныхъ, которыя изобличали бы ее въ этомъ пунктѣ во лжи. Самъ кучеръ Петровъ и досихъ поръ не знаетъ, чьи были лошади, чьи были экипажи. Что касается до мебели, то Вѣра Ивановна Шишкина знала, что передъ самою смертью мебель на дачѣ въ Павловскѣ продана Ландсбергомъ Шишкину, за 7,000 р. Она слышала о томъ отъ Шишкина, слышала отъ самого Ландсберга, который нуждался въ деньгахъ для поѣздки за границу и радъ былъ получить ихъ отъ Шишкина. Когда Ландсбергъ умеръ и полиціею заявлено было, что она приступитъ къ описи его имущества, очень понятно, что Шишкинъ принялъ свои мѣры, чтобы пріобрѣтенная имъ движимость не попала въ эту опись. 7 ноября 1863 г. нанято имъ было помѣщеніе съ сараемъ на Лиговкѣ, въ домѣ Балашова, и 8 ноября туда привезены экипажи и разная дорогая мебель на 14 возахъ. Перемѣщеніе дѣлалось не воровскимъ образомъ, не тайно, но явно, на глазахъ множества людей, какъ фактъ вполнѣ естественный и законный, въ которомъ нѣтъ ничего дурного. Потомъ, черезъ мѣсяцъ, въ декабрѣ,

Шишкины собирались сочетаться бракомъ и надо было подумать о помѣщеніи для предполагаемаго супружескаго хозяйства.—Опротивѣла Вѣрѣ Ивановнѣ та квартира, гдѣ она пробыла 4 года съ умирающимъ мужемъ; въ жилыхъ комнатахъ—въ кабинетѣ, въ спальнѣ, все ей напоминало болѣзнь, смерть. Она хотѣла бѣжать подальше отъ этихъ тяжелыхъ воспоминаній. Какъ разъ въ ту пору съѣхалъ съ квартиры г. Янсенъ, котораго помѣщеніе примыкало къ большому залу бывшей квартиры Ландсберговъ, съ балкономъ. Шишкины и рѣшили поселиться здѣсь въ квартирѣ Янсена, присоединивъ къ ней залу съ балкономъ, а бывшую квартиру Ландсберговъ отдать квартирантамъ, устроивъ меблированныя комнаты. Такъ и сдѣлано. Около 19 декабря отъ бывшей квартиры Ландсберговъ отдѣлена комната съ балкономъ и присоединена къ новой Янсенской.—Въ эту новую квартиру стали переносить нѣкоторыя вещи Вѣры Ивановны, потомъ привезли изъ дома Балашова мебель, взятую изъ дачи въ Павловскѣ, напримѣръ, золотую бесѣдку, и другія золоченыя вещи. 15 января 1864 года отпраздновали свадьбу, и бракосочетавшіеся поселились на новомъ мѣстѣ. Теперь имъ ставятъ въ главную улику, въ одну изъ самыхъ существенныхъ, отдѣленіе комнаты: украли, значитъ, комнату, въ нее спрятали похищенное, и ее спрятали въ карманъ, чтобъ нельзя было ничего отыскать—обвиненіе въ высшей степени спутанное и по истинѣ удивительное, котораго цѣли и до сихъ поръ не могу себѣ уяснить. Украдена комната, а для чего? Для сокрытія золотой мебели; но золотая мебель привезена изъ Павловска въ Петербургъ и помѣщена въ комнатѣ съ балкономъ уже послѣ отдѣленія этой комнаты отъ бывшей въ квартирѣ Ландсберговъ. Или для сокрытія мебели, бывшей въ квартирѣ Ландсберговъ; но Шишкины вовсе не скрывали, что они переселяются изъ старой квартиры на новую, и Шишкина на глазахъ у всѣхъ перенесла туда всѣ свои пожитки: рояль, органъ и дру-

гія вещи и мебель, которую она признаетъ своею собственностью. И что же значитъ это обвиненіе въ сокрытіи мебели? Если бы еще эту комнату, которую отдѣлили и въ которую помѣстили мебель, замуровали со всѣхъ сторонъ, тогда можно было бы сказать, что скрыли; но дѣло извѣстное, что перехода на другую квартиру и отдѣла комнаты ни отъ кого не скрывали. Разборъ статей имущества, которое предполагается похищеннымъ, разборъ тяжелый, утомительный, скучный, оставляетъ только то впечатлѣніе, что нельзя разобрать, кому какая вещь принадлежала, что права собственности крайне перепутаны, и не разобрать—что было мужнино и что женино. Но эта запутанность можетъ, хотя отчасти, быть устранена, если отъ мелочей мы перейдемъ къ общему и, вмѣсто того, чтобы перебрать каждый стулъ, столикъ, рамку отдѣльно, спросимъ себя объ источникахъ происхожденія этихъ предметовъ, или о состоятельности лицъ, которыхъ отношенія мы разбираемъ: кто изъ нихъ богатъ, кто бѣденъ: жена ли и Шишкинъ жили на счетъ мужа или Ландсбергъ держался средствами своей жены и своего пріятеля? Вопросъ громадной важности, дающій всему дѣлу новое освѣщеніе, вопросъ, который даже и не поставило обвиненіе, а между тѣмъ въ немъ вся суть, въ немъ корень дѣла. Если Шишкины — голые паразиты, обвившіеся кругомъ богача, то они присвоили чужое имущество; если Ландсбергъ, проспекулировавшійся банкротъ, то тѣ сотни тысячъ, которыя отыскиваетъ гражданскій истецъ, не болѣе, какъ мифъ, мечта воображенія, мыльный пузырь, и тогда правдоподобіе на той сторонѣ, которая богаче. Г-жа Шишкина изъ рода зажиточныхъ купцовъ Калугиныхъ, она имѣла домъ, это ея неоспоримая и неотъемлемая собственность; съ дома получала доходы, внесла въ него приданое. Самъ гражданскій истецъ не отвергалъ здѣсь, что Калугины имѣли значительные капиталы, но онъ говоритъ только, что капиталы эти долговые. Г. Шишкинъ также изъ купе

ческихъ дѣтей—у родителей его домъ въ С.-Петербургѣ. Самъ онъ имѣетъ кирпичный заводъ. Спрашивается, что же такое Ландсбергъ? Гдѣ его золотоносные рудники? Гдѣ нажился этотъ новый Монтекристо? Гдѣ его имѣнія, конторы? То вѣроятно, что онъ не торговалъ, подъ ручные залоги денегъ не давалъ, акціонерныхъ компаній не основывалъ; онъ только откупщикъ по виннымъ откупамъ, не болѣе. Какъ откупщикъ, онъ имѣетъ свои откупныя книги. Эти книги есть, и если бы совокупною дѣятельностью обвиненія и защиты, при пособіи экспертовъ по откупному дѣлу, можно было разобрать ихъ, то тогда опредѣлилось бы состояніе Ландсберга до копѣйки. Обвиненіе не взялось за эту работу и защита не нашла нужнымъ прибѣгать къ ней,—для защиты достаточно и тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя были прочитаны при судебномъ слѣдствіи и которыя изображаютъ, какъ нельзя лучше, положеніе Давида Ландсберга—его страшное безденежье, его медленную финансовую агонію. Съ 1851—1857 год. Ландсбергъ содержитъ откупъ яранскій. Въ пакетѣ № 7 есть его записка съ обозначеніемъ выручки—недобора 152,000 р. Съ тѣхъ поръ начинаются его слезныя записки къ начальнику губерніи о разореніи, о безвыходномъ положеніи, о спасеніи, если не его, то залогодателей,—его вопли и стоны, его прошеніе къ Государю (прошеніе 2 марта 1860 г.) о томъ, что онъ внесъ 33,000 руб., и еще остается внести 134,000 р., и такъ какъ онъ такихъ средствъ не имѣетъ дабы расплатиться, то проситъ ихъ сложить. Съ большихъ откуповъ онъ сходитъ на мелкіе, беретъ въ 1859 г. два незначительные откупа—варнавинскій и солигаличскій. Онъ такъ стѣсненъ, что проситъ костромскую казенную палату отпустить ему вина въ 1859 г. подъ залоги Орловой. Въ то же время Утинъ отнимаетъ у него залоги по варнавинскому и солигаличскому откупамъ. Въ началѣ 1862 г. и этихъ откуповъ онъ содержать не въ силахъ: 1-го февраля яранскій откупъ перешелъ къ Расланину, 7 іюня солигаличскій—

къ Вѣткину, не за деньги, а просто за документы, за векселя, за которые никто теперь и 10 рублей не даетъ, потому что и Расланинъ и Вѣткинъ сдѣлались банкротами. Конецъ всѣхъ отношеній и вѣнецъ откупной дѣятельности Ландсберга—это отношеніе с.-петербургской казенной палаты отъ 19 мая 1864 г. въ вятскую казенную палату о казенной недоимкѣ въ 93,905 руб., которая, по недостаточности залоговъ (27,000), должна быть пополнена изъ всего его имущества. Такимъ образомъ имущество Ландсберга, не плюсъ, а минусъ, призракъ, миражъ въ пустынѣ, и я удивляюсь смѣлости и рѣшительности гражданскаго истца, старающагося взять эту тяжелую, претяжелую ношу.

Тщательно скрываемый дефицитъ въ концѣ операцій, минусъ въ кассѣ, скрываемый за тремя замками и семью печатями, доставляютъ намъ возможность разгадать Ландсберга, его характеръ, его дѣятельность, и раскрыть весь секретъ Ландсбергова наслѣдства. Этотъ проскуровскій еврей, бѣгущій отъ своей семьи, бросаетъ свое имущество, которое потомъ продается съ публичнаго торга, продолжаетъ вездѣ потомъ ту же самую игру, ведетъ жизнь таинственную, загадочную—смѣсь блеска и тумана. Блескъ этотъ чисто наружный—перстни на пальцахъ, богатая пріемная, серебро столовое, хотя и взятое въ долгъ, ложа въ театрѣ, хотя бы потомъ пришлось сидѣть въ долговомъ отдѣленіи. Всякая операція построена на одномъ только кредитѣ; кредитъ поддерживается ловкимъ образомъ дѣйствій—умѣньемъ показать немногое за многое, оцѣнкою своего имущества въ десять разъ болѣе противъ настоящей стоимости. Въ концѣ концовъ послѣ каждой операціи—fiasco, паденіе, и опять повтореніе той же сизифовой работы, но, между тѣмъ, цѣль достигнута,—и жизнь пройдена, если не безъ колючекъ и терній, то, по крайней мѣрѣ, со всѣми признаками, а порою и наслажденіями великой роскоши, великаго богатства. Картина, которую я рисую, можетъ быть и не красива. Я прошу

извиненія у моей довѣрительницы и у гражданскаго истца, что я ее изображаю, что память мужа и отца можетъ пострадать отъ судебнаго состязанія и выйти не совсѣмъ чистою изъ этого засѣданія; но интересы правды выше всякихъ другихъ интересовъ, а въ отношеніи мертвыхъ, если мы чѣмъ-либо обязаны, то только одною чистою и ничѣмъ неприкрываемою истиною — нагою истиною, безъ покрывала, какъ изображала ее древность. Гг. присяжные, во имя этой истины я прошу васъ, въ интересѣ моей довѣрительницы, вникнуть въ то, что такое наслѣдство Ландсберга и вы увидите, что оно все состоитъ не изъ настоящаго богатства, а изъ фальшивой репутаціи о мнимомъ богатствѣ, которая Шишкину давитъ и не даетъ ей жить. Я не сомнѣваюсь, что вы освободите ее отъ этого фальшиваго наслѣдства, то есть, что вы признаете ее невинною въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя такъ не юридически и не согласно съ дѣйствительностью взводятся на нее гражданскимъ истцомъ и обвинительною властью.

Для обсужденія присяжныхъ были постановлены слѣдующіе вопросы:

1) Виновна ли бывшая вдова выборгскаго купца Ландсберга, нынѣ жена инженеръ шта бсъ-капитана, Вѣра Ивановна Шишкина, въ томъ, что присвоила часть не принадлежащаго ей имущества или денежнаго капитала, оставшагося послѣ умершаго, 20 октября, купца Давида Ландсберга, на сумму свыше 300 руб.?

2) Виновенъ ли въ томъ же преступленіи отставной инженеръ штабсъ-капитанъ Шишкинъ?

На оба вопроса присяжные засѣдатели отвѣтили отрицательно, почему судъ объявилъ подсудимыхъ свободными.

1868.

4.

Дѣло о графѣ Ираклiѣ Морковѣ, судимомъ за убiеніе крестьянина Будилы.

Дѣло докладывалось 7 мая 1868 г. во 2 отдѣленіи 5 департамента правительствующаго сената.

---

1) Гг. Сенаторы! 26 декабря 1866 г. совершено таинственное убійство крестьянина Будилы, а въ ночь съ 3 на 4 января еще болѣе таинственное похищеніе головы трупа того же Будилы. По стеченію нѣсколькихъ уликъ, на графа Моркова направлено обвиненіе въ томъ, что онъ похитилъ голову у трупа, а такъ какъ въ похищеніи головы могъ быть заинтересованъ только убійца, для сокрытія слѣдовъ преступленія, то и выведено было заключеніе, что убійца графъ Морковъ. Къ этой догадкѣ пришла сначала слѣдственная коммиссія, ее разнесла потомъ широко молва, вслѣдъ за молвою явились оговоры со стороны лицъ, болѣе или менѣе замѣшанныхъ въ дѣло. По этимъ даннымъ графъ Морковъ попалъ въ тюрьму и приговоренъ подольскою уголовною палатою къ $12^1/_2$-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Прямыхъ доказательствъ противъ него нѣтъ, онъ съ

негодованіемъ отвергалъ и отвергаетъ обвиненіе. Какой же вѣсъ для усиленія его могутъ имѣть слова какого-нибудь Тишковскаго или Замеховскаго; графъ Морковъ для нихъ лѣстница, по которой они надѣются выбраться изъ острожной ямы. Самъ Флорчукъ, столь неправильно спрошенный коммиссіею подъ присягою, есть лицо, прикосновенное къ дѣлу, укрыватель, давшій при первоначальномъ слѣдствіи лживое показаніе. Если устранить всѣ эти три поздніе сомнительные оговоры, то останутся однѣ лишь улики. Я бы могъ въ этомъ случаѣ сказать бездну вещей о томъ, какъ опасно судить по уликамъ, основывать приговоръ на уликахъ и какъ ошибочны бываютъ догадки. Идя отъ догадки къ догадкѣ, отъ предположенія къ предположенію, можно достигнуть до заключеній, повидимому, логически правильныхъ, а между тѣмъ совершенно нелѣпыхъ, то есть не согласныхъ съ истиною. Я могъ бы затѣмъ бить на то, что судъ, въ которомъ я имѣю честь говорить, есть судъ по старому закону, связанный строгою теоріею законныхъ доказательствъ, то есть присуждающій къ наказанію только тогда, когда есть прямыя и несомнѣнныя, закономъ предусмотрѣнныя, доказательства вины. Я могъ бы заключить мою рѣчь разными пошлостями, въ родѣ той, что лучше оправдать десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго. Однако, положеніе мое, какъ защитника графа Моркова, вовсе не столь отчаянное, чтобы прибѣгать къ подобнымъ избитымъ пріемамъ, которые надлежитъ предоставить защитникамъ совершенно потерянныхъ дѣлъ и окончательно пропадающихъ подсудимыхъ. Судись это дѣло десять лѣтъ тому назадъ, я бы могъ ссылаться, съ нѣкоторою вѣроятностью успѣха, на эту старинную теорію законныхъ доказательствъ, потому что она кое-какъ еще соблюдалась. Но нынѣ время взяло свое; въ практику даже и старыхъ судовъ вошелъ обычай постановлять приговоры по совокупности обстоятельствъ, исключающихъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго, то есть въ сущности по внутрен-

нему убѣжденію и совѣсти, потому, строго говоря, въ дѣйствительности нѣтъ обстоятельствъ, исключающихъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго. Въ сущности и вы, гг. сенаторы, рѣшаете огромное число дѣлъ, какъ присяжные, по голосу совѣсти и внутреннему убѣжденію, а потому я и попрошу васъ, чтобы вы такимъ образомъ судили графа Моркова. Я буду говорить передъ вами, какъ говорилъ бы передъ присяжными, но такъ какъ говорить мнѣ все-таки будетъ труднѣе, нежели передъ присяжными по невозможности ссылаться на несуществующее въ настоящемъ случаѣ судебное слѣдствіе, то я попрошу вашего особеннаго снисхожденія, вниманія и терпѣнія, то есть прошу васъ дать мнѣ высказаться цѣликомъ и до конца, хотя бы рѣчь моя и утомила васъ своею длиннотою. Я думаю, что имѣю право на это вниманіе не потому, что Морковъ знатный человѣкъ, графъ, но просто потому, что это молодой человѣкъ, исполненный силъ, коего судьба могла бы лежать на совѣсти тѣхъ, кои бы осудили его быть заживо погребеннымъ въ рудникахъ Сибири. Я не берусь разоблачить тайну убійства и указать, кто его виновникъ, но я увѣренъ, что докажу, что виновникомъ убійства никакъ не могъ быть Морковъ.

2) Разстояніе отъ села Мазепинецъ до усадьбы Одои, принадлежащей тому же помѣщику, $2^1/_2$ версты. Дорога отъ дома священника идетъ сначала селеніемъ, причемъ по правой сторонѣ остается церковь съ кладбищемъ, потомъ она поворачиваетъ направо черезъ мостикъ, лѣсомъ. Передъ самымъ въѣздомъ въ усадьбу и экономическимъ строеніемъ стоитъ одиноко домикъ, занимаемый семействомъ экономическаго писаря Замеховскаго. Вдоль этой дороги, по правой ея сторонѣ, нѣсколько прудовъ, изъ коихъ одинъ весьма большой близъ самихъ Одоевъ. Въ усадьбѣ Одояхъ проживалъ гусарскій отставной поручикъ графъ Ираклій Морковъ, имѣвшій 26 лѣтъ во время происшествія, возбудившаго слѣдствіе, человѣкъ холостой. И слѣдователи въ своихъ заключеніяхъ

и уголовная подольская палата въ своемъ приговорѣ стараются всячески унизить графа Моркова въ нравственномъ отношеніи, представить его какимъ-то малограмотнымъ дикаремъ, буяномъ, выгнаннымъ изъ службы за дурные поступки. Дѣло въ томъ, что Морковъ не литераторъ, не ученый, онъ ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ не былъ, а прямо изъ юнкеровъ дослужился до офицерскаго чина, однажды въ полку, поссорившись съ товарищемъ Сипягинымъ, ударилъ его въ лицо, за что и наказанъ двухмѣсячнымъ содержаніемъ въ крѣпости (наказаніе весьма снисходительное, можетъ быть, вся вина была на сторонѣ Сипягина). Морковъ самъ добровольно вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Всѣ спрошенные по дѣлу одобрили его поведеніе и характеръ, никто никакихъ ни явныхъ, ни тайныхъ пороковъ за нимъ не указалъ, даже невидно, чтобы онъ имѣлъ привычку предаваться пьянству. Какъ молодой человѣкъ, онъ любилъ иногда погулять и выпить въ компаніи, напримѣръ въ великіе праздники, когда всѣ бражничаютъ отъ мала до велика.

Одинъ изъ такихъ праздниковъ и былъ день Рождества Христова 25 дек. 1866 года. Какъ подобаетъ въ праздникъ, и графъ и его люди отправились утромъ въ церковь въ Мазепинцы къ обѣднѣ; при выходѣ изъ церкви дворовые графа Юшка съ Блащукомъ стали зазывать къ себѣ въ Одои скрипача Сорокопуда. Сорокопудъ спросилъ позволенія ѣхать у священника, взялъ съ собою игравшаго на бубнѣ мальчика Марка Будилу и поѣхалъ въ Одои. Вскорѣ туда же прибылъ и священникъ Лозинскій поздравить помѣщика. Графъ Морковъ угощалъ священника, музыка играла на кухнѣ. Подъ вечеръ и дворню и музыканта позвали въ покои графа. Священникъ былъ порядочно выпивши, графъ навеселѣ; Графъ угощалъ всѣхъ водкой и заставилъ плясать. У скрипача Сорокопуда лопнула струна; когда онъ сталъ перевязывать ее, священникъ сказалъ: „смотри, я тебѣ задамъ, если еще разъ порвется“. Порвалась таки, тогда

священникъ собственною рукою заушилъ музыканта такъ, что пошла кровь изъ носу. Скрипачъ пересталъ играть и хотѣлъ было отправиться пѣшкомъ обратно въ Мазепинцы, но его вернули Одоецкіе люди и онъ легъ спать на кухнѣ. Между тѣмъ священникъ пригласилъ къ себѣ графа въ гости, и оба они вмѣстѣ на парѣ графскихъ лошадей и на графскихъ саняхъ съ кучеромъ Тишковскимъ отправились къ священнику въ Мазепинцы.

Графъ ѣхалъ въ гости и не имѣлъ при себѣ никакого оружія. У священника Лозинскаго графъ загулялъ до поздней ночи, причемъ люди священника Керекеша, Мазуръ и молодой 19-лѣтній парень Павелъ Будило приходили колядовать, причемъ графъ вынулъ изъ кармана 4 или 5 штукъ серебряныхъ монетъ, передалъ ихъ Будилѣ, а Будило подѣлился потомъ этими деньгами съ товарищами, но расплатился съ ними не серебромъ, а мѣдью. Есть показанія, что и Тишковскій былъ въ числѣ колядовавшихъ, хотя съ другой стороны онъ утверждаетъ, что напившись пьянъ онъ завалился спать на кухнѣ у священника. Я считаю долгомъ обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что у Будилы была мѣдь, что къ нему перешли и тѣ 4 или 5 штукъ серебра, которые происходили отъ щедротъ графа, кромѣ того, мать его показала, что наканунѣ Рождества она дала ему 3 р. 35 к. с. на покупку водки на Одоецкой винокурнѣ, которой онъ, однако, не купилъ. Я считаю это обстоятельство важнымъ, потому что, такъ какъ при трупѣ Будилы не оказалось потомъ ни копѣйки въ порожнемъ кожаномъ кошелькѣ, то неизвѣстно, куда дѣвались деньги, и зарождается сомнѣніе, не съ корыстною ли цѣлью совершено убійство.

Отужинали сытно и плотно; никто не смотрѣлъ на часы, но было далеко за полночь—часа 3 или 4 утра, когда графъ сталъ собираться къ отъѣзду. Такъ какъ на дворѣ, по показанію священника, была мятель и вьюга, то онъ и распорядился припречь къ парѣ графской свою пару, причемъ на графскихъ лошадей надѣта

была упряжь священника. Графъ долго не выходилъ, тогда Будило, Керекеша и Тишковскій стали проѣзжать четверню. Графъ вышелъ и спьяна повздорилъ на прощаніи со священникомъ. Онъ разсердился за то, что лошадей не было и приходилось ждать; ему не понравилось, что въ сани запряжены были лошади священника, наконецъ онъ вышелъ изъ себя, когда Будила не далъ ему возжей въ руки, потому что священникъ не приказалъ дать ихъ графу. Морковъ велѣлъ выпречь лошадей священника,—священникъ велѣлъ выпречь всю четверню, что и исполнено Будилою и Керекешею, такъ какъ на графскихъ лошадяхъ была упряжь священника. „Воръ арестовалъ моихъ лошадей, сказалъ графъ, ни за что не поѣду, лучше найму лошадей или пѣшкомъ пойду въ Одои...“ и направился съ Тишковскимъ пѣшкомъ. Изъ дѣла видно, что Тишковскій стучался къ крестьянину Слобонюку и хотѣлъ нанять у него лошадей; самъ ли онъ по своему усмотрѣнію это дѣлалъ или по приказанію графа, неизвѣстно; графъ говоритъ, что онъ его не посылалъ. Между тѣмъ какъ они шли пѣшкомъ, Будило и Керекеша успѣли переложить сбрую. Священникъ отправилъ Будилу на парѣ графскихъ, съ колокольчикомъ въ погоню за графомъ и сказалъ ему: „проводи графа до дому, а если графъ не захочетъ, то воротись“. Будила нагналъ графа и Тишковскаго за деревнею у мостика, передалъ возжи Тишковскому, а самъ помѣстился на запяткахъ. Графъ не кричалъ, не обнаружилъ ни малѣйшаго признака злобы къ Будилѣ, если бы онъ питалъ злобу, то онъ бы тутъ его прибилъ, но питать эту злобу къ Будилѣ онъ не могъ. Онъ зналъ, что Будило дѣлалъ то, что ему приказано; что если слѣдуетъ гнѣваться, то только на священника, который „арестовалъ лошадей“. Такимъ образомъ падаетъ сама собою вся приводимая въ приговорѣ палаты теорія мотивовъ, заставившихъ будто-бы Моркова предпринять съ предумышленіемъ убійство Будилы. Я не отрицаю, что отъ Моркова можно было бы ожидать, что, разсердившись на Будилу, онъ

ударитъ его; но дать ему сѣсть на запяткахъ, обдумать въ теченіе ѣзды планъ убійства, запастись пистолетами, запречь лошадей и ѣхать съ тѣмъ, чтобы убить человѣка, который ему лично никакого зла не сдѣлалъ, а дѣйствовалъ по чужому приказанію, это такая психологическая невозможность, которая не выдерживаетъ критики. Не доѣзжая за нѣсколько десятковъ шаговъ до господскаго дома, Будило спрыгнулъ съ саней подъ горкою, съ тѣхъ поръ никто уже его живымъ и не видалъ.

Въ господскомъ домѣ графа были уже люди на ногахъ, а на людской кухнѣ потѣшалась прислуга. Дворня графа разбудила музыканта, пѣла и плясала до бѣлаго утра. Слѣдуетъ разсмотрѣть въ подробности, что происходило въ это время въ господскихъ комнатахъ и на кухнѣ, что и дастъ возможность разрѣшить, по показаніямъ свидѣтелей, капитальный вопросъ, который упущенъ былъ изъ виду и слѣдствіемъ и судомъ, между тѣмъ какъ отъ него зависитъ сама возможность преступленія со стороны Моркова, вопросъ о часѣ ночи, когда графъ пріѣхалъ домой.

Въ комнатахъ своихъ Морковъ засталъ на ногахъ Семена Флорчука повареика, который отворилъ ему двери, прачку Рогальскую, съ которою онъ имѣлъ связь и которая занимала комнату возлѣ его спальни, служанку Ульяну Мельникову и ключницу Янковскую, которая суетилась возлѣ больного Никиты Старыхъ и поила его чаемъ. Самоваръ ставила Мельникова, ключницу разбудили, когда надобно было заварить чай. Она говоритъ, что легла въ 11 ч., а проспала 5 или 6 часовъ, слѣдовательно, разбужена была въ 4 или 5 утра. Графъ спросилъ Никиту о здоровьѣ, потребовалъ себѣ стаканъ чаю, отправился въ спальню и легъ. Янковская подъ присягою и Рогальская безъ присяги показываютъ, что графъ никуда затѣмъ ночью не уѣзжалъ, легъ въ постель и спалъ до самаго утра. Съ другой стороны скрипачъ Сорокопудъ разсказываетъ, что за два примѣрно часа до дня, слѣдовательно, въ шестомъ часу (такъ какъ въ концѣ

декабря свѣтаетъ въ восьмомъ), его разбудила графская прислуга и заставила играть. Въ то же время Ульяна Мельникова пришла ставить самоваръ. Сорокопудъ говоритъ, что онъ сыгралъ два или три танца, когда раздался говоръ, что графъ пріѣхалъ, изъ чего можно заключить, что пріѣздъ графа былъ никакъ не раньше 5 или 6 часовъ утра. Затѣмъ показаніе Сорокопуда становится еще интереснѣе, оно пріобрѣтаетъ такую громадную важность, что въ немъ можетъ быть и заключается вся разгадка великой тайны убійства. Сорокопудъ утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ, что *полчаса* спустя послѣ пріѣзда графа въ кухню вошелъ Тишковскій весь въ снѣгу, съ подмерзшими волосами и усами. Сорокопудъ удивился, откуда взялся Тишковскій весь обмерзшій, такъ какъ уже полчаса прошло съ пріѣзда графа. На вопросъ: „куда ты ѣздилъ" Тишковскій отвѣтилъ: „ты хочешь знать, куда я ѣздилъ? чортъ знаетъ куда?—чертей глушить я ѣздилъ!" Послѣ сихъ зловѣщихъ словъ Тишковскій взялъ свѣчу и отправился на конюшню распрягать лошадей, откуда вернулся черезъ *пять* минутъ. Важность показанія Сорокопуда заключается въ томъ, что оно удостовѣряетъ: 1) что по пріѣздѣ графа Тишковскій, не распрягая лошадей, куда-то пропадалъ въ теченіи $^1/_2$ часа, именно въ тотъ самый получасъ, когда графъ навѣщалъ Никиту и пилъ чай; 2) что онъ вернулся весь въ снѣгу; 3) что онъ произнесъ загадочныя, двусмысленныя и зловѣщія слова. Все, что происходило затѣмъ на кухнѣ, можетъ быть до точнѣйшихъ подробностей возстановлено не по одному только показанію Сорокопуда, но и по совершенно согласному съ нимъ показанію приказчика Родзеевскаго. Въ промежуткѣ времени, когда Тишковскій пошелъ распрягать лошадей, а оставался еще часъ до разсвѣта, въ конюшню вошелъ Родзеевскій, уже вставшій отъ сна, совершенно трезвый. При немъ уже на кухню пришли писарь Замеховскій въ короткомъ сюртукѣ, а за нимъ и Тишковскій въ тулупѣ или кожухѣ и свитѣ. Тишковскій

потребовалъ, чтобы Сорокопудъ игралъ, самъ же пустился плясать; плясалъ сначала въ кожухѣ, а потомъ сбросилъ кожухъ и танцовалъ въ одной рубахѣ и подштанникахъ. Потомъ онъ присталъ къ ключницѣ Янковской, требуя водки, но ключница ему отказала, сказавъ, что графъ спитъ и что она не пойдетъ его будить. За симъ, хотя музыка и пляска продолжались до совершеннаго разсвѣта, Тишковскій исчезъ изъ кухни и Родзеевскій видѣлъ его днемъ спящимъ на конюшнѣ, въ то время, какъ по приказанію Родзеевскаго Блащукъ и другіе работники давали кормъ лошадямъ.

Таковы подробности всего происходившаго ночью въ усадьбѣ Одояхъ, въ ночь съ 25 на 26 декабря. На слѣдующій день въ 9 часовъ утра найденъ на снѣжномъ полѣ въ окрестностяхъ Мазепинецъ трупъ Будилы.

3) 26 декабря, между 9 и 10 часами утра, въ лѣсу, близъ самой дороги, въ $1^1/_2$ версты отъ Одои и въ 1 верстѣ отъ Мазепинецъ, найденъ ничкомъ распростертый на снѣгу мертвый человѣкъ, оказавшійся Будилою. На немъ была свита, полушубокъ, рубаха, подштанники и шерстяные штаны полосатые, сапоги съ длинными голенищами, въ карманѣ пустой кожаный кошелекъ, на шеѣ красный шерстяной шарфъ или шаликъ, возлѣ трупа валялась барашковая шапка. Крестьяне и священникъ Лозинскій, ѣхавшій въ Одои, осмотрѣли трупъ, не снимая шарфа съ шеи, опускали штаны до голенищъ и поднимали рубаху до шеи, но ничего на тѣлѣ не замѣтили. Лицо умершаго было въ крови, но осматривавшіе излагали, что кровь шла изъ носа и что онъ замерзъ. Но когда трупъ привезли въ Мазепинцы и въ теплой избѣ обмыли водою, то оказалась сквозная рана въ головѣ отъ лѣваго уха до праваго глаза. Отверстіе этой раны ниже уха прикрыто было краснымъ шарфомъ, изъ чего можно было заключить или, что шарфъ надѣтъ на рану послѣ убійства или, что онъ надвинутъ на рану послѣ убійства. Подъ трупомъ и даже подъ частью лица, прилегавшаго къ снѣгу, крови найдено мало, изъ чего

можно заключить, что убійство совершено не въ томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ трупъ. Такъ какъ ранѣ сдѣланъ только наружный осмотръ, послѣ котораго до пріѣзда врача голова умершаго была похищена, то всѣ сужденія о причинахъ смерти Будилы могутъ быть основаны только или на признакахъ, описанныхъ въ актѣ станового пристава Грищенки, или на личныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ лицъ, бывшихъ при составленіи этого акта. Каждое слово, каждая черта въ этомъ актѣ имѣетъ значеніе. Я постараюсь передать ихъ вполнѣ.

Одно отверстіе раны было на шеѣ со стороны лѣваго уха ниже онаго. Рана продолговатая, величиною въ мѣдный трехкопѣечникъ, говорятъ актъ и священникъ Лозинскій, въ большой палецъ, говорятъ Ковальчукъ и Мельнючукъ, въ пять мѣдныхъ копѣекъ, говоритъ гр. Морковъ. По удостовѣренію пристава Грищенки и матери Будилы, въ эту рану вкладывалъ при нихъ одинъ изъ понятыхъ два пальца. Другое меньшее отверстіе, по единогласному удостовѣренію всѣхъ видѣвшихъ, возлѣ носа подъ правымъ глазомъ величиною въ мизинецъ. Дыра круглая по акту, совсѣмъ круглая по удостовѣренію священника, продолговатая по словамъ Мельнючука и Ковальчука. Актъ говоритъ, что большее отверстіе на шеѣ наполнено закипѣвшею кровью. Одинъ только Ковальчукъ и то не при первомъ, а при позднѣйшемъ допросѣ (16 марта Ш) показалъ, что вокругъ раны замѣтно было довольно большое, въ полъ ладони, черное пятно. Эти два признака, запекшаяся кровь въ ранѣ и кровяное пятно вокругъ раны, даютъ намъ возможность сказать почти навѣрное, что рана нанесена живому человѣку. Всякій учебникъ судебной медицины скажетъ, что если вокругъ раны было подкожное черное пятно, это кровяной подтекъ (sugillatio), а кровяной подтекъ образуется всегда, когда, вслѣдствіе ушиба, удара, раны, разрываются волосные кровеносные сосуды и кровь еще теплая, не свернувшаяся изливается въ ткань кожи. На трупѣ цвѣтъ подтековъ бываетъ

темнѣе съ буровато-краснымъ или чернымъ оттѣнкомъ, но чѣмъ больше времени прошло съ момента смерти, тѣмъ менѣе вѣроятности, чтобы отъ удара могъ образоваться подтекъ, наконецъ, когда кровь свернулась въ сосудахъ умершаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ всякая возможность образованія подтека. Точно также и обиліе запекшейся крови въ ранѣ, указываетъ прямо, что кровь ключемъ текла въ жилахъ, когда нанесенъ ударъ, слѣдовательно рана нанесена живому, а не мертвому Будилѣ.

Какая рана?—конечно не *порѣзанная* и не *порубленная*, а или *колотая* или *огнестрѣльная*. Первая мысль осматривавшихъ трупъ 27 декабря была та, что голова пробита насквозь какимъ-то острымъ желѣзнымъ орудіемъ, на подобіе пики, но въ то же время мать умершаго, солдатка Будилиха, бывшая съ мужемъ въ Севастополѣ и видавшая много ранъ, утверждала, что сынъ не пробитъ желѣзомъ, а прострѣленъ пулею. Которое изъ этихъ предположеній правильнѣе, рѣшить трудно при отсутствіи раненой части тѣла; но если сообразить тѣ немногія данныя, которыя собраны 27 декабря, то надо прійти къ заключенію, что гораздо правдоподобнѣе, что рана была *колотая*, уже просто потому, что невѣроятно, чтобы пуля могла произвести рану въ 5 копѣекъ. Въ актѣ и въ своемъ отзывѣ становой приставъ Грищенко проводитъ ту мысль, что въ огнестрѣльной ранѣ отверстіе входное бываетъ меньше выходнаго, что не совсѣмъ вѣрно. Во всѣхъ новѣйшихъ руководствахъ и учебникахъ судебной медицины, принято за достовѣрное, что выходное отверстіе равно или немножко меньше входнаго, но разница между ними ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть столь велика, какъ въ настоящемъ случаѣ (2 пальца и мизинецъ). Исключеніе изъ общаго правила составляетъ выстрѣлъ на весьма близкомъ разстояніи, почти въ упоръ. Тогда тѣло подвергается дѣйствію не только пули, не только пыжа загоняемаго въ рану, но и внезапно расширеннаго столба воздуха, слѣдовательно над-

лежало-бы предположить, что если Будило застрѣленъ, то онъ застрѣленъ въ упоръ. Но принять подобное предположеніе рѣшительно не возможно: при выстрѣлѣ на очень близкомъ разстояніи, вспыхивающее пламя зажигаетъ платье, опаляетъ кожу, оставляетъ на ней пороховыя синеватыя пятна. Раскаленныя частицы угля, не сгорѣвшія зернышки пороха располагаются на краяхъ раны, черными, весьма замѣтными, и очень характеристическими крапинками, слѣды обжога бываютъ замѣтны при выстрѣлахъ на разстояніи 2, 3 и даже 4 футовъ отъ дула. Отсутствіе этихъ признаковъ исключаетъ возможность предполагать рану въ упоръ, а при стрѣльбѣ на дальнемъ разстояніи не мыслимо столь разительное различіе отверстій. Такимъ образомъ не вѣроятно, чтобы рана была огнестрѣльная; что же касается до соображеній по вопросу какимъ огнестрѣльнымъ орудіемъ нанесена рана, ружьемъ или пистолетомъ, то ихъ надобно отнести къ области чистѣйшей фантазіи. И изъ ружья можно произвести выстрѣлъ отъ лѣваго уха къ правому глазу, стрѣляя не снизу вверхъ, а просто горизонтально, при извѣстномъ наклонѣ внизъ головою того, въ кого стрѣляютъ.

Таковы были слѣды преступленія на трупѣ. Кромѣ того обнаружены одновременно нѣкоторыя весьма важныя улики преступленія. Въ мѣстѣ лежанія трупа замѣченъ засыпанный не много снѣгомъ слѣдъ отъ саней. Сани были съ крыльями, взята мѣра ширины полозьевъ, но нигдѣ въ Одояхъ не найдено саней, къ этому слѣду подходящихъ. Тѣ сани, на которыхъ ѣздилъ графъ имѣли полозья на 1 дюймъ и безъ крыльевъ. Слѣдъ шелъ отъ домика Замеховскаго до мѣста, гдѣ нашли трупъ и исчезалъ въ лѣсу. Другая важная примѣта найдена близъ домика Замеховскаго, въ 114 шагахъ отъ домика тотъ же слѣдъ на дорогѣ и возлѣ него кровь, въ значительномъ количествѣ подъ выпавшимъ снѣгомъ, изъ чего можно заключить, что тутъ то и было совершено убійство. Спросъ прислуги Замеховскаго обнаруживаетъ

слѣдующее. Замеховскій съ женою и съ служанкою Соломеею Серветниковою былъ въ Одоякъ во дворѣ въ первый день Рождества до вечера. Когда баринъ уѣхалъ въ Мазепинцы, Замеховскій съ женою и служанкою отправился также домой и легъ спать. Ночью передъ разсвѣтомъ, по показанію работницы Варвары Кудрихи, кто-то стукнулъ въ окно, крича „Замеховскій", онъ съ просонковъ отвѣтилъ „слухамъ", побѣжалъ босикомъ не одѣтый въ сѣни, потомъ воротился, надѣлъ сапоги сюртукъ съ барашками и побѣжалъ неизвѣстно куда. Полчаса спустя жена Замеховскаго, полагая, что онъ отправился на дворъ Одоецкій, велѣла Серветниковой взять овчинный тулупъ и снести его къ мужу. Серветникова поднялась мѣшкая, взяла тулупъ и вышла, но едва сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію ко двору, какъ кто-то крикнулъ сзади. Она оглянулась, Замеховскій стоялъ на порогѣ дома, явившись неизвѣстно откуда и кликнулъ ее назадъ. Замеховскій не могъ и не хотѣлъ объяснить, кто его вызывалъ ночью, онъ былъ смущенъ и дрожалъ отъ страха. Онъ показываетъ, что передъ разсвѣтомъ, никѣмъ незванный, пошелъ на господскій дворъ въ людскую кухню, гдѣ еще играла музыка. Что онъ былъ вызванъ нѣтъ сомнѣнія и это обстоятельство остается не раскрытымъ и темнымъ. Для насъ важно, что онъ пробылъ внѣ дома, какіе-нибудь три четверти часа, или часъ, а по показанію дворни графа и Родзеевскаго онъ появился почти одновременно съ Тишковскимъ на кухнѣ, въ то время когда Тишковскій взялъ свѣчу распрягать лошадей. Становой Грищенко хотѣлъ доискиваться не обнаружатся ли у людей одоецкихъ слѣды крови на платьѣ, но поиски его остались тщетными. На тулупѣ Тишковскаго найдены правда какіе-то затертыя пятна, не то сальныя, не то кровяныя—онъ отозвался, что клалъ себѣ въ карманъ тулупа пищу, рыбу, когда ѣздилъ съ бариномъ. У Замеховскаго въ лѣвомъ карманѣ сюртука на подкладкѣ оказались грязныя пятна и крапинки крови. Онъ отозвался, что стрѣлялъ во-

робьевъ и клалъ ихъ въ карманъ, что возможно. У него въ домѣ найденъ фартукъ окровавленный, но кровь происходила отъ мѣсячныхъ очищеній жены. За симъ, кончивъ первоначальное дознаніе, Грищенко распорядился о помѣщеніи и храненіи трупа впредь до пріѣзда врача. Вырыли яму на кладбищѣ, уложили Будилу въ гробъ, на который Морковъ отпустилъ досокъ изъ своего амбара, опустили въ яму, прикрыли яму 4 досками и на доски навалили земли, предоставивъ крестьянамъ держать караулъ у могилы. Здѣсь выходитъ разногласіе между Грищенкою и крестьянами. Онъ утверждаетъ, что велѣлъ крестьянамъ сторожить умершаго, смѣняясь днемъ и ночью, они же говорятъ, что велѣно имъ только навѣдываться по утрамъ и вечерамъ.

4) Церковь Мазепинецкая и кладбище помѣщаются въ концѣ деревни, т. е. на окраинѣ ея между двумя почти параллельными дорогами, изъ коихъ одна ведетъ изъ Мазепинецъ въ Одои, а другая изъ Старо-Константинова въ Сальницу. Ночью съ 3 на 4 января никто не караулилъ могилу. Утромъ 4 января крестьяне, которымъ старостою Ковальчукомъ приказано было осматривать могилу, нашли, что доски, прикрывавшія ее, раздвинуты и крышка гроба не пристаетъ къ нему плотно. Позвали старосту Ковальчука, сотскаго Коломійца, сняли крышку и нашли, что у трупа нѣтъ головы, что голова отрѣзана тупымъ ножемъ ниже отверстія раны, такъ что вся рана съ головой вмѣстѣ исчезла. Ножемъ обрѣзаны были мясныя части, но такъ какъ ножъ не могъ перерѣзать кость, то эта кость скручена по всей вѣроятности руками. Первое предположеніе совершенно правильное, которое должно было явиться у каждаго, было то, что голова унесена, чтобы поставить судъ въ невозможность опредѣлить родъ убійства. Желать достиженія этой цѣли могъ разумѣется только или самъ убійца, или кто нибудь по его внушенію и навѣту. Какъ ни хитро была придумана эта штута, однако,

нельзя было спрятать всѣ концы, похитителямъ измѣнилъ снѣгъ, сохранившій отпечатки ихъ ногъ. Не смотря на принятыя похитителями предосторожности обнаружено, что похитителей было двое, что у одного нога была поменьше и тотъ шелъ первый, у другого нога побольше и тотъ ступалъ въ слѣды перваго и уничтожалъ эти отпечатки. Похитители пришли на кладбище съ дороги Сальницко-Константиновской и ушли, совершивъ свое дѣло, на ту же дорогу. Слѣдъ меньшей стопы не могъ быть опредѣленъ и возстановленъ, что же касается до слѣда большей ноги, то священникъ Лозинскій вырѣзалъ мѣтку одного изъ каблуковъ. Каблуки были простые, очевидно принадлежащіе парѣ неуклюжихъ крестьянскихъ сапогъ, подкованные гвоздями, причемъ замѣчено, что число гвоздей было не ровное на каблукахъ, что на одномъ каблукѣ было двумя гвоздями больше, нежели на другомъ, и изъ этихъ двухъ гвоздей у одного головка сломана. При изученіи этихъ слѣдовъ на скорую руку, крестьянами и священникомъ сдѣланы *три* существенные промаха и упущенія, которые подвергаютъ сильнѣйшему сомнѣнію всѣ выводы изъ числа гвоздей: а) Вышло разногласіе относительно числа гвоздей. Въ актѣ станового пристава Грищенки сказано (5 января), по словамъ свидѣтелей, что гвоздей было 11 на одномъ и 13 на другомъ каблукѣ, Ковальчукъ и Павлюкъ говорятъ, что ихъ было 12 и 14. Затѣмъ со словъ ихъ и въ приговорѣ Подольской уголовной палаты значится вездѣ 12 и 14, въ противность акту 5 января. б) Не отмѣчено расположеніе гвоздей, по которому вѣрнѣе нежели по числу гвоздей можно было бы доискаться владѣльца сапогъ. в) Наконецъ, не отмѣчено по слѣдамъ на снѣгу, который каблукъ на правой или на лѣвой ногѣ имѣетъ 11 (или 12) и который 13 (или 14) гвоздей.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ характеристическихъ признаковъ обращено вниманіе на одно только число гвоздей и при томъ само это число опредѣлено разно-

рѣчиво. Затѣмъ начался осмотръ сапогъ у всей дворни одоецкой и оказалось, что подходящіе сапоги находятся у 38-ми лѣтняго работника на одоецкой конюшнѣ Кузьмы Блащука—то есть, что у Блащука на каблукахъ оказалось на одномъ двумя гвоздями меньше, нежели на другомъ и изъ лишнихъ двухъ на одномъ недостаетъ головки. Особенность замѣчательная и характеристичная, но тогда, когда она совпадаетъ съ другими подробностями и уликами, въ настоящемъ же случаѣ нельзя сказать, чтобы она совпадала, потому что каблуки Блащука не оказались одинаковой величины съ слѣдами на снѣгу. Это несходство каблуковъ со слѣдами по величинѣ я вывожу изъ акта 5 января. Изъ этого акта видно, что мѣрка слѣда снимаема была на снѣгу двукратно, сначала въ день отрѣзанія головы, священникомъ и старостой. Этотъ слѣдъ не пришелся къ сапогу Блащука, онъ оказался больше; но есть еще мѣрка другая, снятая на слѣдующій день Грищенкомъ, мѣрка, относительно которой сказано было въ актѣ, что она меньше священнической, потому что нынѣ по случаю „оттепели и отъ таянія снѣга слѣды измѣнились“. Эта мѣрка дѣйствительно пришлась къ сапогамъ Блащука, но она видимо и положительно невѣрная. Итакъ, на основаніи шаткихъ данныхъ, которыя обнаружены были при дознаніи относительно слѣдовъ на снѣгу, сомнительно, отъ сапогъ ли Блащука произошли эти слѣды. Я считаю этотъ фактъ положительно не доказаннымъ. Но если бы онъ и былъ доказанъ, то изъ открытія слѣдовъ сапогъ Блащука на кладбищѣ еще нельзя заключить о присутствіи самого Блащука и тѣмъ не менѣе графа Моркова на этомъ кладбищѣ. Напротивъ того, если давать какую-нибудь вѣру свидѣтельскимъ показаніямъ, надо принять за достовѣрное, что Блащукъ не могъ быть на кладбищѣ въ ночь съ 3 на 4, потому что всю эту ночь онъ пробылъ въ Одоях.

Похищеніе головы совершилось въ темнотѣ ночи до разсвѣта: 1) потому что на разсвѣтѣ приходили кре-

стьяне навѣдываться, въ какомъ положеніи могила, 2) что днемъ люди ходятъ и ѣздятъ по староконстантиновской дорогѣ и замѣтили бы пришельцевъ, но ихъ никто не видалъ. По мѣсяцеслову Бердичевскому солнце восходитъ 4 января въ 7 ч. 56 м., свѣтаетъ, положимъ, въ 7 часовъ, итакъ похищеніе совершилось никакъ не позже 7 или 8 часовъ. Между тѣмъ всю ночь до разсвѣта Блащукъ провелъ въ Одояхъ, въ экономической пекарнѣ. По словамъ его и служанки Мельниковой, новые сапоги, подходящіе по числу гвоздей къ слѣдамъ, онъ надѣлъ въ первый разъ 3 января, но они были неподкованы и потому онъ ихъ подковалъ гвоздями вымазалъ дегтемъ и поставилъ на печкѣ сохнуть, а самъ легъ спать раздѣвшись въ той же пекарнѣ и не выходилъ всю ночь. Спавшія въ той же пекарнѣ двѣ служанки Мельникова и Мотра Осаулова показали, что на разсвѣтѣ видѣли его въ томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи, т. е. совершенно раздѣтымъ, въ какомъ видѣли его вечеромъ, когда онъ ложился спать. Есть еще и другой фактъ, подтверждающій то же. Пѣшкомъ нельзя совершить странствованія; если отъ Одои до Мазепинецъ $2^1/_2$ версты, то, дабы объѣхать прудъ и попасть на кладбище съ другого пути Сальницко-Константиновскаго, нужно сдѣлать по крайней мѣрѣ 5 верстъ; чтобы совершить этотъ путь необходимы лошади. Между тѣмъ кучеръ Высоцкій, спавшій въ конюшнѣ, утверждаетъ, что никто на конюшню въ ночь съ 3 на 4 не приходилъ и лошадей не бралъ.

Съ разсвѣтомъ, когда начало сѣрѣть, т. е. примѣрно въ 7 часовъ (никакъ не раньше половины 7-го), Блащукъ всталъ, пошелъ въ конюшню и получилъ приказаніе отъ эконома Родзеевскаго запрягать лошадей, чтобы отвезти его въ Игнатовку нанимать рабочихъ. Пока Родзеевскій заходилъ на домъ за желѣзомъ, чтобы въ Игнатовкѣ заодно подковать лошадей, вышелъ графъ и распорядился иначе, сѣлъ на сани, приготовленныя для Родзеевскаго и поѣхалъ на вѣтряную мельницу. Это

обстоятельство объясняется по словамъ Моркова очень просто: былъ сильный вѣтеръ и Моркову хотѣлось видѣть дѣйствіе мельницы. Такъ какъ на дворѣ только свѣтало, а внутри мельницы было еще темно, то по приказанію графа мельникъ Матеушъ зажегъ свѣчу и повелъ графа на верхъ показать машину. Съ вѣтряной мельницы Морковъ поѣхалъ на конную, гдѣ пробылъ не долго и гдѣ его видѣли Давыдъ Мокодай и Иванъ Левицкій, потомъ онъ отправился на винокуренный заводъ, гдѣ его видѣли мастеръ Ааронъ и подвальный Юдко Гольденбергъ. Слѣдователи старались выставить какъ можно рельефнѣе неестественность появленія графа на мельницахъ, въ столь раннюю пору, и дѣйствительно, по отзывамъ мельниковъ, онъ никогда столь рано не бывалъ на мельницахъ, но съ другой стороны Юдко и Ааронъ удостовѣряютъ, что графъ всякій день приходилъ на заводъ рано въ 7, 8 и 9 часовъ. Пріѣхавъ на заводъ, графъ отпустилъ Блащука, который вернулся съ поѣздки спустя часъ послѣ выѣзда съ графомъ по показанію Юдки, слѣдовательно въ ясный день. Здѣсь возникаетъ вопросъ, въ какихъ сапогахъ ѣздилъ Блащукъ, въ старыхъ или въ новыхъ? Въ этомъ отношеніи онъ сбивался въ показаніяхъ и при слѣдствіи и въ уголовной палатѣ, сначала говорилъ, что въ новыхъ, а затѣмъ утверждалъ, что въ старыхъ, что ему памятно потому, что сильно въ ногахъ озябъ, надѣлъ же новые сапоги вернувшись, при чемъ не замѣтилъ, чтобы они были ношены или запачканы. Я полагаю, что это разногласіе слѣдуетъ отнести къ запамятованію обстоятельствъ, потому что какое ни взять изъ двухъ предположеній, все-таки изъ нихъ ничего не можетъ выйти, никакого заключенія относительно похищенія головы. Если Блащукъ съѣздилъ въ старыхъ сапогахъ, то значитъ не его ноги въ этихъ сапогахъ странствовали на кладбище: если онъ ѣздилъ въ новыхъ, то значитъ не его сапоги отпечатлѣли слѣдъ, а сапоги похожіе, потому что не могъ же онъ въ одно и то же время быть и на вѣтря-

ной мельницѣ и за 5 верстъ на Старо-Константиновской дорогѣ. Здѣсь обрывается нить руководящая и кончается разборъ серьезныхъ фактовъ дѣла, остальные факты, по моему мнѣнію, не серьезные, подозрѣнія, слухи, молва и, наконецъ, оговоры со стороны лицъ, замѣшанныхъ и заподозрѣнныхъ въ преступленіи. Я долженъ теперь приступить къ этимъ оговорамъ, но я не иначе могу ихъ разсмотрѣть какъ совмѣстно съ разборомъ образа дѣйствія слѣдственныхъ комиссій, съ которыми они имѣютъ тѣснѣйшую связь. Первая комиссія направила подозрѣніе на Моркова, второй велѣно было искать вокругъ Моркова, она стала искать, тогда и явились запоздалые оговоры. Насколько эти оговоры заслуживаютъ вѣры, это легко опредѣлить изъ соображенія ихъ съ открытыми и достовѣрными обстоятельствами дѣла.

5) Когда совершится какое-нибудь таинственное и загадочное преступленіе, то прежде чѣмъ слѣдствіе раскроетъ истину, въ народѣ слагаются легенды, фантастическіе разсказы, догадка превращается мгновенно въ достовѣрность и начинаютъ ходить самые обстоятельные слухи, которые повторяетъ каждый встрѣчный, не имѣя возможности и не стараясь указать на источникъ. Первыя догадки должны были непремѣнно направиться на графа и на Тишковскаго. Вѣроятно, очень многіе разсуждали, какъ разсуждала мать Будилы: „Графъ Морковъ долженъ знать, кто убилъ Будилу,— сына моего убилъ графъ Морковъ, потому что сынъ мой съ нимъ ѣздилъ“. По всей вѣроятности, эти же слухи уже распространились, когда начато слѣдствіе комиссіею подъ предсѣдательствомъ судебнаго слѣдователя Василевскаго 21 февраля, слѣдовательно спустя 2 мѣсяца послѣ происшествія. Очень понятно, что подозрѣніе направилось на Тишковскаго, котораго загадочныя слова и появленіе чрезъ полчаса послѣ пріѣзда изъ Мазепинецъ графа должны были возбудить сомнѣніе, и на Замеховскаго, который неизвѣстно кѣмъ былъ вызванъ ночью, какъ будто для совѣщаній, куда спря-

тать трупъ Будилы, убитаго близъ его дома. Но я не могу не видѣть вліянія молвы и предубѣжденія отъ слуховъ въ разсужденіяхъ комиссіи о происхожденіи раны. Комиссія разсудила 25 февраля 1867 г., что рана имѣетъ круглый видъ, слѣдовательно, сдѣлана непремѣнно пулею, что произвольно, потому что рана была продолговатая и могла быть произведена острымъ оружіемъ; мало того—комиссія заключила, что рана произведена непремѣнно пистолетомъ, что еще болѣе произвольно, потому что и изъ ружья можно стрѣлять снизу вверхъ и сдѣлать рану подобную ранѣ Будилы; можно причинить такую же рану горизонтальнымъ выстрѣломъ при извѣстномъ наклоненіи головы или даже выстрѣломъ сверху внизъ, если стрѣлять въ лежащаго ничкомъ человѣка. Подобныя заключенія, при всей своей произвольности, мѣтили прямо въ Моркова, потому что пѣшни, пики, острыя желѣзныя орудія могли найтись у всѣхъ, ружья у немногихъ, а пистолеты въ этомъ околодкѣ ни у кого кромѣ Моркова. Наконецъ, къ довершенію произвола, въ протоколѣ 26 марта комиссія, вопреки очевидности, полагаетъ за достовѣрное, что рана произведена въ упоръ. Такимъ образомъ возникло, выработалось и принято на вѣру, какъ нѣчто несомнѣнное положеніе, на которомъ потомъ построенъ весь приговоръ палаты, что Будила убитъ изъ пистолета.

Была еще и другая улика, которая погубила Моркова въ глазахъ первой комиссіи и уголовной палаты, хотя это такая улика, которая при малѣйшей критикѣ должна бы быть отклонена, я разумѣю похищеніе головы у Будилы. Въ похищеніи головы нельзя было подозрѣвать ни Тишковскаго, ни Замеховскаго потому, что они содержались подъ карауломъ; Морковъ оставался на свободѣ и комиссія заподозрила Моркова. Въ логикѣ принято за правило дѣлать заключеніе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ достовѣрнаго къ предполагаемому. Если бы было достовѣрно извѣстно, что Будилу убилъ Морковъ, то я допускаю, что можно было

бы заключить, что и голову похитилъ Морковъ. Но убіеніе Будилы Морковымъ была и есть только догадка, подъ которую подыскивались основанія. Изъ этой догадки комиссія вывела вторую догадку: если Будилу убилъ Морковъ, то и голову похитилъ Морковъ, а эта послѣдняя догадка обращена потомъ въ свою очередь въ средство, подкрѣпленіе и подтвержденіе первой: если голову похитилъ Морковъ, то, по всей вѣроятности, онъ же и убилъ Будилу. Выходитъ то, что называютъ въ логикѣ *circulus vitiosus*. На этихъ весьма непрочныхъ основаніяхъ первая комиссія заключила, оканчивая слѣдствіе, что въ убійствѣ Будилы можно, если не обвинить, то заподозрить Тишковскаго и Замеховскаго, съ которыми участвовалъ еще кто-нибудь, а можетъ быть и самъ графъ Морковъ.

Не знаю, чѣмъ руководилась уголовная палата, слухами ли, дошедшими въ Каменецъ-Подольскъ, или иными соображеніями, но она высказалась въ этомъ дѣлѣ еще прямѣе и рѣшительнѣе, нежели комиссія (указъ 19 мая 1867 г. № 153). Она нашла, направляя дѣло къ дослѣдованію, что *въ слѣдствіи нѣтъ ни тѣни стремленія обнаружить истину*, что комиссія *закрыла истину*, что *главный виновникъ убійства не обнаруженъ*, а слѣдовательно вина второстепенныхъ участниковъ неизвѣстна еще положительно, что *если бы всѣ прикосновенные къ дѣлу, а въ томъ числѣ и графъ Морковъ, были арестованы, то они не могли бы подготовить къ отвѣтамъ свидѣтелей.* Я привожу подлинныя выраженія указа, въ коемъ палата предрѣшила дѣло по существу и прямо указала новой комиссіи, чего она должна искать и кто по ея мнѣнію убійца. Новая комиссія взялась за дѣло съ усердіемъ и въ духѣ указа палаты, но весьма не согласно съ закономъ. Съ начала до конца она дѣйствовала одностороннимъ образомъ и съ недостаточнымъ уваженіемъ къ истинѣ.

Она заковала Тишковскаго и Замеховскаго въ ручные и ножные кандалы, за симъ съ полнѣйшимъ пре-

небреженіемъ къ 5 п. 215 ст. II части XV т., запрещающему допрашивать свидѣтелей по слуху, комиссія начала съ допроса доносчика, который былъ только свидѣтелемъ по слуху и передавалъ съ десятыхъ устъ былину, потому только, что эта былина гласила объ убійствѣ Будилы Морковымъ. Этотъ свидѣтель былъ отставной дьячекъ *Палій*. Онъ указалъ на Флорчука, Флорчукъ вмѣстѣ съ Тишковскимъ и Замеховскимъ повторяютъ слово въ слово разсказъ дьячка, разнообразя его незначительными прибавленіями. Хотя, по собственному признанію Флорчука, онъ оказался виновнымъ въ сокрытіи трупа и, слѣдовательно, прикосновеннымъ къ дѣлу, комиссія, вопреки I пунк. 216 ст. 2 ч. XV т., привела его къ присягѣ и, заручившись этими тремя оговорами, всѣхъ несогласныхъ съ ними въ показаніяхъ или арестовала, какъ, напримѣръ, Островецкаго, Блащука, или подвергла полицейскому надзору, какъ, напримѣръ, Никиту Старыхъ, Шлему Шафира, чѣмъ не могла не навести всеобщій страхъ на допрашиваемыхъ. Забѣгая впередъ рѣшенію суда, комиссія опредѣлила, что Флорчукъ не подлежитъ отвѣтственности, ни дѣйствія его вмѣненію, наконецъ, замѣтивъ въ показаніяхъ оговаривающихъ нѣкоторыя противорѣчія, комиссія рѣшаетъ очныхъ ставокъ не давать, такъ какъ противорѣчія произошли отъ того, что одинъ изъ оговорщиковъ, Тишковскій, былъ пьянъ. Не вдаваясь въ разборъ всѣхъ неправильностей въ дѣйствіяхъ второй комиссіи, перехожу прямо къ результатамъ ея дѣйствій, къ тѣмъ оговорамъ, которымъ она придала такой вѣсъ и значеніе. Сначала я передамъ вкратцѣ содержаніе оговоровъ, а потомъ разберу, сходны ли они съ обстоятельствами дѣла.

Вотъ что они разсказываютъ—Тишковскій, Флорчукъ и Замеховскій: на возвратномъ пути изъ Мазепинецъ графъ Морковъ велѣлъ Тишковскому остановиться у дома Замеховскаго и кликнуть сего послѣдняго къ себѣ во дворъ, потомъ, вернувшись домой, вошелъ черезъ двери,

которыя отворилъ ему Флорчукъ въ спальню, стрѣлялъ изъ пистоновъ, очищая пистолеты, и спросилъ у Флорчука, умѣетъ ли онъ стрѣлять голубей. Тутъ же явился въ спальню Замеховскій, которому графъ сказалъ: „поѣдемъ волковъ стрѣлять“ (съ пистолетомъ и притомъ въ мятель и вьюгу?). Всѣ трое пошли на дворъ къ конюшнѣ, гдѣ Тишковскій и Будило распрягали лошадей. Велѣно опять запречь лошадей, Тишковскій оставленъ, на козлы сѣлъ съ правой стороны Замеховскій (не возница), слѣва Будила (Богъ-вѣсть зачѣмъ; если охотиться на волковъ, то должны же бы быть чѣмъ-нибудь вооружены всѣ охотники), Флорчукъ на запяткахъ. У домика Замеховскаго графъ внезапно выстрѣлилъ въ Будилу, на такомъ близкомъ разстояніи отъ Замеховскаго, что сей послѣдній на лѣвое ухо оглохъ. Затѣмъ Замеховскій держалъ лошадей, а графъ и Флорчукъ возились съ трупомъ и бросали на него снѣгъ. Отпустивъ Замеховскаго домой, графъ вернулся во дворъ Одоецкій, зашелъ къ лакею Никитѣ и велѣлъ ставить самоваръ. Но пришедши въ спальню графъ опять засуетился, что трупъ нехорошо спрятанъ и приказалъ Флорчуку запрягать лошадей во второй разъ. Флорчукъ зашелъ на кухню, вызвалъ Тишковскаго, который успѣлъ выспаться на конюшнѣ и зайти гдѣ играла музыка. Пока Тишковскій запрягалъ, Флорчукъ по приказанію барина вынесъ ему водки и пирожковъ. Поѣхали втроемъ: Флорчукъ, Тишковскій и графъ, подняли трупъ, положили въ сани и повезли черезъ дворъ на винокуренный заводъ мимо конюшни. Здѣсь одна изъ лошадей пристала, ее перемѣнили, повезли трупъ на прудъ, искали проруби, не нашли, поѣхали по дорогѣ въ Сальницу; здѣсь лошади стали подъ горою, тогда графъ велѣлъ направиться опять во дворъ. Здѣсь повстрѣчали на дворѣ Родзеевскаго, графъ соскочилъ съ саней, сталъ разговаривать съ Родзеевскимъ и сказалъ Флорчуку и Тишковскому, чтобы они куда-нибудь отвезли и бросили трупъ. Самъ онъ отправился въ свои комнаты и легъ спать. Тиш-

ковскій и Флорчукъ отвезли трупъ Будилы на полъ дороги отъ Мазепинецъ и бросили его. Возвратившись Тишковскій зашелъ на кухню, плясалъ и сказалъ слова: «чертей глушить ѣздилъ». Тутъ же явился и Замеховскій, который выспавшись отправился тоже на разсвѣтѣ въ кухню и тоже принималъ участіе въ увеселеніяхъ. Такова сущность разсказа, за исключеніемъ мелочей и живописныхъ подробностей, которыхъ нельзя повѣрить: какъ напримѣръ, что Флорчука волосы стали дыбомъ и съ головы свалилась шапка, что Замеховскій оглохъ на лѣвое ухо. Оговорщики указали и сани, на которыхъ будто бы возили трупъ, это тѣ самыя сани, на которыхъ пріѣхалъ Морковъ изъ Мазепинецъ, съ пятнами красными будто бы отъ крови на этихъ саняхъ.

Въ сущности всѣ эти оговоры вполнѣ согласны и съ показаніями Палія, но легко усмотрѣть, что они находятся въ положительномъ противорѣчіи со всѣми обстоятельствами дѣла. Для того, чтобы выйти изъ этого противорѣчія, необходимо сдѣлать одно изъ двухъ, или пожертвовать обстоятельствами дѣла оговорамъ или, наоборотъ, оговорами въ пользу несомнѣнныхъ обстоятельствъ дѣла. 1) Можно сказать, что всѣ свидѣтели лгутъ, что они находятся подъ вліяніемъ помѣщика, что они подговорены, подкуплены, но это объясненіе есть обоюдоострое оружіе. Если бы дѣло случилось при крѣпостной зависимости, то еще въ нѣкоторой степени понятно было бы рѣшительное вліяніе помѣщика на крестьянъ, но въ 1866 и 1867 годахъ и притомъ въ западныхъ губерніяхъ скорѣе можно допустить противное, то есть, что оговоры внушены были страхомъ, который навела комиссія, что коль скоро сдѣлалось извѣстнымъ чего она ищетъ и какой ея взглядъ на дѣло, тотчасъ же по образцу показанія Палія даны всѣ оговоры столкнувшимися оговорщиками, изъ коихъ двое спасали сами себя. 2) Гораздо основательнѣе сказать, что оговорщики показываютъ неправду, коль скоро ихъ показанія прямо противны обстоятельствамъ дѣла и по-

казаніямъ другихъ свидѣтелей. Если такимъ образомъ отнестись къ оговорамъ, то они падутъ неминуемо. Оговорщики показываютъ неправду; потому что ихъ показанія неоправдались; сани, на которыхъ они указываютъ и на которыхъ ѣздилъ Морковъ, не похожи на сани, оставившія слѣдъ на снѣгу, онѣ уже на дюймъ; что слѣдовъ крови на саняхъ этихъ при микроскопическомъ изслѣдованіи ихъ не оказалось, а только жиръ, грязь, смола и окраска. Оговорщики показывали неправду, потому, что ни одна, кромѣ нихъ, душа во дворѣ не видѣла двукратнаго выѣзда графа ночью, что вся прислуга графа прямо отрицаетъ всякую бытность Замеховскаго въ покояхъ графа. Они показываютъ неправду потому, что на волковъ не ѣздятъ съ пистолетами, не ѣздятъ въ мятель, что если бы графъ стрѣлялъ въ Будилу, сидѣвшаго предъ нимъ влѣво отъ него на козлахъ, то прострѣлилъ бы ему голову отъ праваго уха къ лѣвому глазу, а не отъ лѣваго уха къ правому глазу. Они показываютъ неправду потому, что весь ихъ разсказъ не совмѣщается съ разсказомъ Сорокопуда и людей, бывшихъ на кухнѣ, о времени появленія Тишковскаго и Замеховскаго въ кухнѣ, о томъ, что черезъ полчаса по пріѣздѣ барина вошелъ Тишковскій засыпанный снѣгомъ, что тогда онъ сказалъ: „чертей глушить ѣздилъ“, что тогда онъ вышелъ, но только на пять минутъ, что послѣ пяти минутъ онъ появился почти одновременно съ Замеховскимъ, что оба они пробыли въ кухнѣ до разсвѣта.

Разсказъ этотъ видимо сочиненъ и при томъ не ловко, при такихъ условіяхъ, что для составленія его приняты въ соображеніе заключенія прежней комиссіи, въ особенности ея соображенія о пистолетѣ.

6) Дѣло объ убійствѣ Будилы послѣ всѣхъ изслѣдованій и объясненій остается все-таки загадочнымъ и темнымъ, но дѣлъ уголовныхъ, темныхъ и неразгаданныхъ весьма много, по крайней мѣрѣ десятая часть совершающихся преступленій остается нераскрытою.

Есть два обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, препятствуютъ допустить, чтобы кто-нибудь изъ допрошенныхъ лицъ былъ убійцею Будилы: 1-е несходство саней въ усадьбѣ Одояхъ со слѣдами таковыхъ на снѣгу и 2-е изумительное спокойствіе всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ тотчасъ послѣ убійства, непостижимое даже въ самыхъ закоренѣлыхъ злодѣяхъ. Графъ и Флорчукъ идутъ спать, Тишковскій и Замеховскій потѣшаются и пляшутъ. И такъ нельзя положительно сказать, кто убійца, но похищеніе головы наводитъ на мысль, что убійца былъ лицо близкое, кто-нибудь изъ жителей Одоевъ или Мазепинецъ. Впрочемъ, если подозрѣвать въ убійствѣ спрошенныхъ по дѣлу лицъ, то скорѣе Тишковскаго, который неизвѣстно куда ѣздилъ въ теченіи получаса послѣ пріѣзда Моркова и Замеховскаго, котораго неизвѣстно кто вызывалъ ночью изъ дому. Какая побудительная причина могла заставить ихъ дѣйствовать? Можетъ быть, корысть. Бывали убійства съ корыстною цѣлью изъ-за ничтожныхъ выгодъ и малыхъ денегъ; можетъ быть, дѣйствовали и другіе мотивы, которыхъ мы не знаемъ и которые посему непонятны. Если непонятны мотивы, которые бы могли руководить къ убійству Тишковскаго и Замеховскаго, то еще непонятнѣе они со стороны графа Моркова. По всѣмъ симъ даннымъ Моркова слѣдуетъ освободить, какъ человѣка, совершенно непричастнаго преступленію и ничѣмъ не навлекающаго на себя даже подозрѣнія. Я убѣжденъ, что Вы его оправдаете, гг. сенаторы.

Дѣло о графѣ Морковѣ по разногласію восходило до Государственнаго Совѣта. Въ 1870 г. Морковъ былъ по обвиненію въ убійствѣ Будилы оправданъ.

1869.

5.

Дѣло о скопцахъ Плотицыныхъ и др.

Тамбовская уголовная палата, по дѣлу о скопцахъ Плотицыныхъ и др., 13 мая 1869 г., между прочимъ, опредѣлила: I) моршанскихъ 1-й гильдіи купцовъ, почетныхъ гражданъ, Максима Кузьмина, 63 лѣтъ и Татьяну Егорову, 70 лѣтъ, Плотицыныхъ, за принадлежность къ скопческой сектѣ, покровительство скопцамъ и распространеніе ереси, и изъ нихъ Татьяну Плотицыну за укрывательство ея оскопителя, на основаніи 197 и 201 ст. уложенія, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, и изъ нихъ Максима Плотицына 3-хъ медалей и ордена святой Анны, сослать на поселеніе въ отдаленный край Восточной Сибири съ порученіемъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства, о чемъ въ отношеніи ихъ увѣдомить тобольскій приказъ о ссыльныхъ; II) моршанскаго мѣщанина, объявленнаго скопцомъ, Іевлія Степанова Зыкина, 79 лѣтъ, за продерживаніе въ домѣ своемъ женщинъ, оказавшихся оскопленными и укрывавшаго принадлежность свою къ скопческой сектѣ, на основаніи 202 и 201 ст. улож., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводы на 4 года, о чемъ тобольскій приказъ о ссыльныхъ увѣдомить; но такъ какъ Зыкинъ продерживалъ у себя женщинъ многіе года, которыя, со всею вѣроятностью, подверглись оскопленію въ давнишнее время, то ходатайствовать также у правительствующаго сената объ отмѣнѣ Зыкину наказанія за давностью.

На это опредѣленіе подана была въ V департаментъ правительствующаго сената апелляціонная жалоба и представлены защитою личныя объясненія.

Разбирательство происходило въ 1-мъ отдѣленіи V-го департамента правительствующаго сената 20-го августа 1869 года.

Отрывокъ изъ рѣчи защитника Татьяны Плотицыной и Іова Зыкина, *прис. пов. Спасовича.*

Настоящее дѣло о моршанскихъ скопцахъ есть, конечно, одинъ изъ эпизодовъ въ исторіи скопчества въ Россіи. Посему, да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ изъ исторіи скопчества; данныя я заимствую изъ книги Надеждина, на которую сослался и защитникъ Плотицына. Скопчество выродилось изъ такъ называемой хлыстовщины, появившейся въ 1733 г., въ царствованіе Анны Іоанновны. Начало скопчеству положилъ въ концѣ прошлаго столѣтія Кондратъ Селивановъ, выдававшій себя за Петра III и за Христа. Онъ проповѣдывалъ свое ученіе въ Моршанскѣ, въ Сосновкѣ, въ той самой Сосновкѣ, о которой упоминается столько разъ въ дѣлѣ Плотицынскомъ; здѣсь онъ наказанъ былъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Въ царствованіе Павла I онъ былъ вызванъ изъ ссылки и посаженъ въ домъ сумасшедшихъ. Въ 1802 г. онъ былъ выпущенъ; въ періодъ религіозной терпимости, въ первые годы царствованія Александра I, снова дѣйствовалъ, съ 1802 г. по 1820 г. заводилъ круги и братства, наконецъ, въ 1820 г. заточенъ въ суздальскій монастырь, гдѣ и умеръ. Въ числѣ его послѣдователей была Анна Сафоновна, скопческая пророчица, дочь Сафона Попова изъ Сосновки, одного изъ первыхъ послѣдователей Селиванова. Она жила еще въ Моршанскѣ въ то время, когда Надеждинъ писалъ свою книгу, т. е. въ 1844 г. Такимъ образомъ, Моршанскъ и вся мѣстность вокругъ, суть та почва, которая породила и выростила скопчество. Когда начались преслѣдованія, то верхушки ереси были срѣзаны, но корни остались; потомъ о нихъ и забыли. Нынѣ, когда вновь моршанскимъ дѣломъ было обращено вниманіе общества на скопчество, то оказалось, что оно не истреблено, и существуетъ, хотя нѣтъ данныхъ, чтобы оно особенно распространялось. Число скопцовъ по Надеждину въ сороковыхъ годахъ было въ Россіи отъ 8 до 10 т.; можетъ быть, ихъ и теперь не меньше.

Оказалось по настоящему дѣлу, что въ Моршанскѣ, Сосновкѣ, Правыхъ-Ломкахъ, Атмановомъ-углѣ, есть цѣлыя гнѣзда скопческія, которыя не значатся въ спискахъ правительства. Если-бы розыски пошли далѣе этой стороны, то можетъ быть обнаружилось-бы больше неизвѣстныхъ правительству скопцовъ. Такъ, за послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ по газетамъ, что скопчество распространяется въ средѣ крестьянъ петербургской губерніи, даже между лютеранами. Но слѣдствіе съ перваго раза было озабочено не тѣмъ, чтобы какъ можно больше раскрыть и привлечь лицъ, приверженцевъ скопчества, а чтобы ударить на главные центры скопчества. Мнѣ кажется, что дѣло не приняло бы такихъ размѣровъ, если бы съ перваго раза не было направлено противъ человѣка, который дѣйствительно выходилъ изъ ряда простонародья, по своему положенію въ обществѣ, и о которомъ молва гласила, что онъ весьма богатый человѣкъ, обладаетъ цѣлыми милліонами. Этотъ человѣкъ Максимъ Плотицынъ, живущій купно съ двоюродною сестрою, которую считаютъ скопчихою, хотя слѣдствіемъ обнаружено, что Плотицынъ далеко не имѣетъ тѣхъ несмѣтныхъ сокровищъ, о которыхъ гласила молва, хотя оказалось, что онъ вовсе не скопецъ, и не воспріялъ ни огненнаго крещенія, ни такъ называемой царской печати, хотя ни у кого изъ живущихъ въ домѣ его мужчинъ не найдено, чтобы они были изувѣчены, хотя даже женщины, которыя были найдены въ его домѣ, весьма сомнительныя скопчихи, а относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можно положительно сказать, что онѣ ничуть не оскоплены, хотя недоказано, чтобы Плотицынъ кого либо совращалъ, а жилъ весьма уединенно, такъ что нѣтъ собственно никакихъ ровно признаковъ, по которымъ можно-бы было причислить его къ распространителямъ ереси. Дѣйствительно, у него и у его сестры были найдены нѣкоторые подозрительные предметы, но изъ нихъ можно заключить не о принадлежности его къ скопческой сектѣ, но лишь о

связяхъ, знакомствѣ съ скопцами или, пожалуй, даже о нѣкоторомъ сочувствіи ихъ ученію. Онъ и живущіе въ его домѣ люди странны, не ѣдятъ мяса и живутъ затворнически; въ домѣ его, надъ его кроватью, найденъ портретъ Селиванова; у Татьяны портретъ Петра III съ мистическимъ ореоломъ и факелами. Попались и другія вещи, довольно загадочныя, какъ-то: волоса, миндалины, молитвы, замѣтка въ книгѣ: „дождусь словесника и трехъ государей“. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ образуетъ то, что уголовной палатѣ угодно было назвать скопческой обстановкой, но я никакъ не могу согласиться на это наименованіе и называю всѣ эти вещи только признаками, по которымъ можно заключить лишь о связяхъ Плотицына съ скопцами, о его общеніи съ ними. Допустимъ даже, что эти признаки изобличаютъ его вполнѣ въ личномъ его сочувствіи къ ученію скопчества. На основаніи одной только этой такъ называемой неправильно скопческой обстановки Плотицыны привлечены и преданы суду, надъ ними виситъ строгая кара закона, преслѣдующаго распространеніе сектантскихъ ересей въ Россіи.

Гг. сенаторы! Вы должны примѣнить законъ, какъ бы онъ строгъ не былъ; вы судъ, а судъ не милуетъ, онъ только примѣняетъ законъ, но самый законъ долженъ быть примѣненъ съ толкомъ и разумѣніемъ; одно толкованіе даетъ закону жизнь и смыслъ; толкованіе его можетъ быть широкое и можетъ быть узкое; то толкованіе истинно, которое ближе всего подходитъ къ цѣли и намѣреніямъ законодателя. Вотъ почему, предварительно разсмотрѣнія вопроса, идутъ-ли тѣ законы которые установлены для скопцовъ, къ Плотицынымъ, да будетъ мнѣ позволено остановиться на вопросѣ: какая цѣль руководила законодателемъ при установленіи такихъ строгихъ законовъ о скопчествѣ? ради чего преслѣдуются скопцы? Изъ-за вѣры-ли? Я думаю, что нѣтъ. Въ настоящее время грѣшно сказать, что могутъ быть какія либо преслѣдованія за вѣру. Не намъ, людямъ

XIX вѣка, возстановлять память о прежнихъ гоненіяхъ, пятиться въ средніе вѣка; нашъ законъ — святая вѣротерпимость, неприкосновенность личныхъ убѣжденій. Не намъ принуждать къ единенію въ вѣрѣ человѣка, какъ бы онъ ни былъ странно убѣжденъ, коль скоро онъ никому не вредитъ. Я полагаю, что таково отношеніе государства ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; оно терпитъ и евреевъ и магометанъ и раскольниковъ. Я полагаю, что такъ относится къ расколу и наша православная церковь; извѣстно, что она не отличается особеннымъ духомъ гоненія. Я просилъ бы вспомнить прочитанный при докладѣ отзывъ протоіерея Коптевскаго о Плотицыныхъ. Протоіерей моршанскаго собора свидѣтельствуетъ, что Максимъ Плотицынъ, его сестра и всѣ живущіе въ ихъ домѣ исполняли весьма ревностно всѣ обязанности, всѣ обряды христіанской вѣры, и что онъ, священникъ, вообще считаетъ Плотицыныхъ хорошими христіанами. Конечно, не могли не дойти до духовенства слухи, что Плотицынъ принадлежитъ къ сектѣ скопцовъ, не могло оно не имѣть въ виду не посѣщаетъ-ли онъ церквей страха ради іудейска, но такъ какъ онъ никого не совращалъ, то духовенство разсуждало: пускай живетъ затворнически, монашески, и онъ и его сестра со своими дѣвицами — скучная, пасмурная жизнь, безъ всѣхъ тѣхъ радостей, безъ которыхъ жизнь намъ бы опостыла; тѣмъ менѣе вѣроятности, что найдутся послѣдователи, которые пойдутъ тою же стезею.

Если преслѣдованіе не проистекаетъ изъ религіи, то не совершается-ли оно изъ видовъ политическихъ, потому что скопцы вредны въ государственномъ отношеніи? Я полагаю, что этотъ взглядъ дѣйствительно когда-то господствовалъ у насъ; подъ его вліяніемъ сложились законы о скопцахъ, имъ пропитана книга, писанная Надеждинымъ; онъ говоритъ, что это люди богатые, образуютъ тѣсное братство, что они толкуютъ о пришествіи Христа своего, который придетъ изъ

страны Иркутскія и ударитъ въ колоколъ успенскій; что этимъ вѣрованіемъ крамольники наши могутъ воспользоваться и произвести безпорядки. Этотъ взглядъ теперь всѣми оставленъ; исторія послѣднихъ лѣтъ доказала, что вообще расколъ въ Россіи нисколько не опасенъ, не имѣетъ никакого значенія, даже никакого элемента политическаго, что онъ не поддается искушеніямъ и навѣтамъ, что раскольники такіе же вѣрные слуги государства и государя, какъ и православные, и даже тѣ изъ нихъ, которые отвергаютъ государство, исполняютъ однако по долгу и совѣсти всѣ государственныя повинности и обязанности.

Итакъ, во имя чего же должны быть преслѣдуемы скопцы? Во имя человѣческой природы, во имя чувствъ человѣческихъ, оскорбляемыхъ жестокимъ изувѣрствомъ. Государству нѣтъ дѣла до того, во что кто вѣруетъ, но оно можетъ сказать: живите смирно, не смѣйте калѣчить другъ друга, не смѣйте вредить другъ другу, не смѣйте и сами себя калѣчить. Всякаго нарушителя этого запрета государство вправѣ подвергнуть самому строгому наказанію, все равно съ какою бы цѣлью онъ ни сдѣлалъ это нарушеніе. Я полагаю, что эта точка зрѣнія самая вѣрная, самая раціональная, Я не могу сказать, чтобы она была точка зрѣнія нашего законодательства, потому, что если бы наше законодательство стояло на ней, то оно отнесло бы оскопленіе къ разряду тяжкихъ увѣчій, между тѣмъ какъ законы о скопцахъ помѣщены въ раздѣлѣ улож. о преступленіяхъ противъ вѣры. Но я полагаю, что точка зрѣнія, которой я осмѣливаюсь дать названіе раціональной, не далека однако отъ той, на которой стоитъ наше законодательство. Я заключаю это, во 1-хъ, изъ того, что законъ, 1477 ст. улож., за тяжкое изувѣченіе, за лишеніе дѣторолныхъ частей, полагаетъ наказаніе совершенно такое же, какое положено и за оскопленіе; слѣдовательно, законъ наказываетъ одинаково увѣчье съ какок бы цѣлью оно ни было сдѣлано, съ цѣлью

религіозною или не религіозною. Во 2-хъ, изъ того, что законодательство (201 и 202 ст. улож.) главное вниманіе обращаетъ на матеріальный фактъ оскопленія, а не на исповѣданіе скопческихъ догматовъ. Въ этихъ статьяхъ полагается наказаніе не за принадлежность къ скопческой сектѣ, а за самое оскопленіе себя и другихъ. Всѣ законоположенія о скопцахъ сводятся къ слѣдующимъ 5 пунктамъ: 1) всякій оскопившій себя наказывается ссылкою въ Восточную Сибирь; 2) всякій найденный оскопленнымъ, если не укажетъ оскопителя, считается оскопившимъ себя самъ и ссылается въ Восточную Сибирь; 3) всякій оскопляющій другихъ подвергается ссылкѣ въ каторжныя работы на срокъ до 6 лѣтъ; 4) *хозяинъ скопецъ*, держащій у себя другихъ, не обозначенныхъ въ паспортѣ скопцами, считается оскопившимъ ихъ и подвергается наказанію какъ оскопитель; 5) наконецъ, тотъ, кто распространяетъ скопческую ересь и совращаетъ въ оную другихъ, подвергается, по 197 ст. улож., ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Восточной Сибири. Но здѣсь законъ прямо говоритъ: если онъ кого совратилъ въ свою вѣру. Такимъ образомъ, для того, чтобы подвести кого-либо подъ дѣйствіе законовъ о скопцахъ, необходимо, чтобы подводимый или: а) оскопилъ себя, или б) оскопилъ другихъ, или в) распространялъ скопческое ученіе и совратилъ другихъ въ эту ересь. . . . . .

Если Татьяна Плотицына не оскоплена, о чемъ едва даже слѣдуетъ спрашивать медицинскій совѣтъ, если она не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ оскопленія, то тотчасъ же падаютъ всѣ тѣ обвиненія, которыя противъ нея выставлены. Она не оскоплена—слѣдовательно, сама себя не оскопила, она не оскоплена—слѣдовательно, не укрывала своего оскопителя; она и не обвиняется въ передержательствѣ другихъ оскопленныхъ женщинъ, по 202 ст. улож. о нак., но если даже у нея и проживали такія женщины, у которыхъ оказались бы знаки на дѣторождныхъ частяхъ, то все-таки

къ ней не можетъ быть примѣнена 202 ст. улож. о нак., потому что 202 ст. говоритъ, что если у *хозяина скопца* окажется на жительствѣ или въ услуженіи оскопленный и въ паспортѣ этого не будетъ оговорено, то виновные подвергаются такому-то наказанію. А такъ какъ *хозяиномъ* былъ Максимъ Плотицынъ, а не Татьяна Плотицына, и притомъ ни онъ, ни она не скопцы, то и объ обвиненіи въ передержательствѣ не можетъ быть и рѣчи. За что-же будетъ судиться Татьяна Плотицына? За свои религіозныя убѣжденія, за то, что не ѣла мяса, за то, что жила вмѣстѣ съ дѣвами, которыя вели такую же жизнь, какъ и она, за затворническую, скучную жизнь, за то, что была совершенно чужда помышленій о плотскомъ совокупленіи, за то, что называется скопчествомъ по духу и за добровольное воздержаніе отъ похоти? Но это такое явленіе, которое было во всѣ времена исторіи. У евреевъ были іесеи; средніе вѣка исполнены такихъ цѣломудренниковъ и цѣломудренницъ; есть они и теперь въ Европѣ. Да что же, наконецъ, такое монастыри, какъ не учрежденія, установленныя съ тою же аскетическою цѣлью. Здѣсь невольно навязывается сравненіе. Есть любопытная книжка, переведенная на всѣ европейскіе языки: „Новая Америка“ Диксона, въ которой описываются поселенія такъ называемыхъ шекеровъ или трясушекъ. Въ Сѣверной Америкѣ существуютъ совершенно явно цѣлыя общины мужчинъ и женщинъ, которыя исповѣдуютъ догматы, очень близко подходящіе къ скопческимъ, живутъ вмѣстѣ—мужчины съ женщинами въ безбрачіи, думаютъ, что ихъ братство и есть второе пришествіе Христа, не ѣдятъ мяса, молятся стихами. Никто не думаетъ ихъ преслѣдовать и Диксонъ полагаетъ, что они имѣютъ значительное вліяніе на религіозную жизнь въ Сѣверной Америкѣ.

Мало того, если Татьяна Плотицына будетъ наказана, то нельзя сказать, чтобы она подвергалась наказанію за ея убѣжденія (это скорѣй можетъ быть у

Максима Плотицына); она будетъ казнена только за свою преданность семейнымъ воспоминаніямъ; вся семья у нея скопческая, отецъ ея скопецъ, дядя скопецъ. Но за это невозможно наказывать и я полагаю, что правительствующій сенатъ не примѣнитъ къ ней тѣхъ строгихъ уголовныхъ законовъ, которые примѣнила уголовная палата.

Кромѣ того, я долженъ сказать нѣсколько словъ еще о другомъ моемъ кліентѣ — объ Іовѣ Зыкинѣ. Онъ 80-тилѣтній старикъ, совершенно дряхлый, воинъ наполеоновскихъ временъ, оскопленъ въ 1809 г., а въ 1838 г. получилъ разрѣшеніе жить въ Моршанскѣ и въ скопческую ересь никого не совращалъ. Но изъ дѣла оказывается, что въ домѣ его жили уже 30 лѣтъ три женщины, которыя оказались необъявленными скопчихами, но по совершенно такимъ же признакамъ, какіе имѣетъ Татьяна Плотицына и друг., такъ что еще сомнительно, могутъ ли онѣ быть признаны скопчихами. Къ нему примѣненъ законъ о передержательствѣ безъ паспортовъ. Но надо замѣтить, что всѣ три женщины живутъ у него 30 лѣтъ и перешли къ нему вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ проживалъ Зыковъ и въ которомъ проживали родители одной изъ этихъ трехъ женщинъ. Затѣмъ, когда домъ перешелъ къ г. Зыкину, то и женщины остались жить въ этомъ же домѣ. Паспортовъ у нихъ не было, да и не могло быть, такъ какъ онѣ моршанскія мѣщанки. Уголовная палата проситъ объ отмѣнѣ Зыкину наказанія за давностью, я же прошу того, о чемъ ходатайствуется не въ видѣ милости, а въ видѣ строгой справедливости.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: а) признавъ апелляціонный отзывъ не заслуживающимъ уваженія, Плотицыну, какъ скопчиху, не подходящую подъ условія 589 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак., по руководству 588 ст. тѣхъ же тома и книги, на основаніи 3 ч. 197 ст улож., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сослать въ отдаленный край Восточной Сибири, съ порученіемъ ея строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства, съ послѣдствіями для нея въ.

22, 23, 26—28 ст. улож. опредѣленными, причемъ находящійся въ Моршанскомъ отдѣленіи гос. банка капиталъ Плотицыной и прочее имущество ея передать въ вѣдѣніе Тамбовскаго губернскаго правленія впредь до выдачи оныхъ законнымъ наслѣдникамъ Плотицыной,—и подвергнуть ее, согласно 483 ст. 2 кн. XV Т. Св. Зак., взысканію гербовыхъ пошлинъ и б) признавъ ходатайство бывшей Тамбовской угол. палаты объ отмѣнѣ наказанія за принадлежность къ скопческой ереси, укрывательство оскопителей и продерживаніе объявленными скопцами у себя на жительствѣ не объявленныхъ скопчихъ, за давностью — не заслуживающимъ уваженія, — мѣщанина Ива Зыкина, за продерживаніе въ своемъ домѣ оскопленныхъ женщинъ, непринадлежащихъ къ числу объявленныхъ скопчихъ, на основаніи 2 ч. 202, 201 и 74 ст. улож., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

6.

Дѣло о почетномъ гражданинѣ Петрѣ Щаповѣ, судимомъ по поводу изданія имъ перевода «Писемъ объ Англіи» Луи-Блана.

Дѣло разбиралось въ С.-Петербургской судебной палатѣ 12-го августа 1869 года.

Рѣдко мнѣ случалось выступать защитникомъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, какъ по настоящему дѣлу. По инымъ дѣламъ мнѣ приходилось обращаться къ снисхожденію судей, къ чувству справедливости и т. п. По дѣлу Щапова я могу прямо сказать, что вполнѣ увѣренъ въ томъ, что вы, гг. судьи, не накажете вовсе Щапова, то есть лично его никоимъ образомъ уже потому одному, что онъ стоитъ передъ вами закрытый непроницаемымъ щитомъ. Щитъ этотъ есть недавнее рѣшеніе правительствующаго сената по дѣлу Павленкова, рѣшеніе, которое должно быть примѣнено и къ настоящему случаю. Правительствующимъ сенатомъ по дѣлу Павленкова разрѣшенъ вопросъ, какого рода осуществленію злой воли соотвѣтствуетъ представленіе издателемъ на предварительный просмотръ въ цензуру отпечатанныхъ экземпляровъ книги безъ выпуска книги въ обращеніе, есть ли здѣсь одно только

приготовленіе къ преступленію, покушеніе, или уже совершенное преступленіе? Правительствующій сенатъ рѣшилъ, что представленіе въ цензуру отпечатаннаго сочиненія никоимъ образомъ иначе названо быть не можетъ, какъ только однимъ приготовленіемъ; а такъ какъ приготовленіе къ преступленію ненаказуемо за исключеніемъ особенныхъ, въ законѣ указанныхъ, случаевъ, какъ-то воззванія къ бунту, къ сопротивленію установленнымъ властямъ, оскорбленія величества и къ нѣкоторымъ другимъ самымъ тяжкимъ политическимъ преступленіямъ, то такимъ образомъ и Павленковъ былъ освобожденъ отъ наказанія, и утверждено начало, что вообще издатель при подобныхъ условіяхъ ненаказуемъ. Я полагаю, что это рѣшеніе правительствующаго сената, на основаніи 933 ст. уст. уг. суд., должно служить для судебной палаты полнѣйшимъ авторитетомъ при рѣшеніи дѣла о Щаповѣ. Такимъ образомъ я полагаю, что Щаповъ не можетъ быть наказанъ, какъ говоритъ пословица, „ни рублемъ, ни дубьемъ", ни арестомъ, ни штрафомъ. Остается одна только книга его, которая, независимо отъ освобожденія отъ наказанія личности издателя, можетъ быть запрещена, изъ которой могутъ быть выключены, вырваны нѣкоторыя страницы, вымараны нѣкоторыя мѣста. Конечно, судьба книги касается косвенно и самого. Щапова въ имущественномъ отношеніи; онъ пострадаетъ, какъ торговецъ, онъ уже пострадалъ: книга лежала нѣсколько лѣтъ, не пущенная въ торговлю; если она будетъ обрѣзана, то, конечно, она не пойдетъ такъ хорошо, не будетъ такъ хорошо раскупаться. Но все-таки книга не живой предметъ, способный страдать, и мнѣ кажется, что судъ не поцеремонится съ нею, обрѣжетъ, даже совершенно задержитъ, если она *вредна*. Но въ этомъ-то и заключается вся суть дѣла: *если она вредна*! Если же она не вредна, если она содержитъ мысли хорошія и трезвыя, тогда уничтоженіе, или изуродованіе ея будетъ, смѣю сказать, сильнымъ

ударомъ, направленнымъ на свободу мысли, на литературу вообще, будетъ нарушеніемъ закона 6 апрѣля 1865 г., который изданъ въ виду дарованія большей свободы отечественной печати, и будетъ дѣйствіемъ противнымъ волѣ законодателя, который издалъ этотъ законъ. Вотъ почему дѣло настоящее пріобрѣтаетъ громадный интересъ. Щаповъ стушевывается, и на скамьѣ подсудимыхъ въ лицѣ Щапова садится сама наша литература, и отъ васъ, гг. судьи, ожидается установленіе границъ, въ какихъ можетъ она трактовать серьезнымъ и приличнымъ образомъ о предметахъ важныхъ: о правѣ, морали, религіи и государствѣ. И вотъ почему еще особеннаго вниманія заслуживаетъ настоящее дѣло. Привлекается къ суду сочиненіе не какого-нибудь изъ нашихъ доморощенныхъ публицистовъ, но сочиненіе одного изъ людей весьма знаменитыхъ на западѣ, изъ первостепенныхъ историковъ, человѣка, которому каждый изъ насъ одолженъ многими хорошими минутами, потому что нѣтъ болѣе хорошихъ минутъ, какъ тѣ, которыя проводятся въ обществѣ талантливаго художника и первостепеннаго мыслителя. Эта книга обвиняется по двумъ пунктамъ. Первый пунктъ заключается въ томъ, что книга Луи-Блана содержитъ въ себѣ такія мысли и взгляды, противные христіанскому ученію, которые, если бы она была препровождена первоначально на просмотръ духовной цензуры, были бы исключены. Другой пунктъ обвиненія заключается въ томъ, что въ ней заключаются мысли, противныя монархическому образу правленія. Сообразно этой системѣ обвиненія, я долженъ раздѣлить на двѣ части и мою защиту. Первая часть защиты будетъ посвящена разбору обвиненія въ нерелигіозности.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что книга Щапова есть настоящій калейдоскопъ; это сборникъ разнообразныхъ корреспонденцій Луи-Блана, писемъ, сочиненныхъ имъ въ 1862 г. Извѣстно, что Луи-Бланъ послѣ февральской революціи изъ Франціи, своей ро-

лины, долженъ былъ бѣжать въ Англію, и такъ какъ онъ человѣкъ, который снискивалъ себѣ пропитаніе перомъ, то онъ и писалъ корреспонденціи въ разныя газеты. Въ нихъ затрогиваются самые разнообразные предметы и вопросы, говорится и о д'Израэли, и о Пальмерстонѣ, о парламентѣ и эпсомскихъ скачкахъ, о королевѣ, армстронговыхъ пушкахъ и мониторахъ. Такъ какъ въ англійскомъ обществѣ и государствѣ весьма важное значеніе имѣетъ духовенство, то, конечно, и о немъ говорится часто въ этихъ корреспонденціяхъ. Изображенъ въ карикатурѣ рочестерскій списокъ или такъ называемый циркулярный списокъ, циркулярами внушающій своимъ священникамъ, чтобы они брили бороду. Передается множество анекдотовъ о проповѣдникахъ и о скукѣ, какую наводятъ проповѣди ихъ. Передается, наконецъ, перечень извѣстныхъ новѣйшихъ сочиненій, которыя появились въ духовно-клерикальномъ мірѣ, и сдѣланъ разборъ одной книги: „Essays and Reviews“, которая произвела нѣкотораго рода движеніе въ англиканской церкви. Сочиненіе это не отличается особенною прогрессивностію. Мнѣ кажется, что если бы оно появилось въ Германіи, то на него посмотрѣли бы свысока, потому что англичане, хотя весьма свободный въ политической жизни народъ, въ то же время не отличаются особенною смѣлостью мышленія, весьма постепенны и не дѣлаютъ ничего скачками. То, что у нихъ считается передовымъ и новымъ, едва ли сочтено было бы таковымъ въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи, которая гораздо дальше Англіи ушла въ исторической критикѣ и философіи, да, можетъ быть, и у многихъ изъ насъ, потому что у насъ складъ ума таковъ, что мы любимъ скакать впередъ, и если пускаемся впередъ, то непремѣнно додумаемся до послѣднихъ столбиковъ въ мышленіи. Въ своихъ письмахъ Луи-Бланъ передаетъ содержаніе книги „Essays and Reviews“, въ которой говорится, между прочимъ, что библія не можетъ служить въ наше время авторитетомъ

въ наукахъ естественныхъ, что вся космогонія Моисеева теперь едва ли годится, что нѣтъ чудесъ, и они невозможны, и что разсказы объ нихъ слѣдуетъ толковать иносказательно. Наконецъ, сообщаются мнѣнія и результаты изслѣдованій Риттера-фонъ-Бунзена, друга умершей королевы прусской и Александра Гумбольдта, бывшаго прусскаго посланника въ Англіи, протестантскаго мистика и глубокаго ученаго, который полагалъ, что книга Даніила есть поэма, написанная при одномъ изъ Антіоховъ, что разсказы библіи надо толковать фигурально, что грѣхопаденіе, рай и адъ должны быть понимаемы не матеріально, что адъ будетъ состоять въ терзаніяхъ совѣсти и т. п. Вотъ и все, что извлекъ Луи-Планъ изъ „Essays and Reviews"; вотъ все, что пишутъ всѣ мистеры Гудвинъ, Вильямъ Тэмпль, Поуэль и другіе профессора оксфордскіе и высокопоставленныя въ англійскомъ духовенствѣ лица. Луи-Блана отличаетъ не особенная новость мыслей и взглядовъ въ книгѣ „Essays and Reviews", потому что новаго собственно тутъ ничего нѣтъ; онъ замѣчаетъ только то, что почти всѣ эти лица занимаютъ высокое положеніе, что нѣкоторыя изъ нихъ, звѣзды оксфордскаго университета, а другіе, чуть ли не епископы. Вотъ въ этомъ-то явленіи, въ томъ, что человѣкъ, принадлежащій къ высшему духовенству, можетъ писать, однако, свободно о религіи, не подвергаясь преслѣдованію, вносить въ религію принципъ свободнаго разсужденія, видитъ онъ торжество протестантизма, и этому принципу онъ сочувствуетъ, потому что при такихъ условіяхъ вѣроисповѣданіе дѣлается неспособнымъ къ тираніи. Я извлекъ все религіозное изъ книги Луи-Блана. Нѣтъ, ошибаюсь, не все; есть еще одна маленькая выходка, маленькая фраза, не составляющая передачи чужихъ мнѣній; фразу эту проронилъ мимоходомъ Луи-Планъ; въ ней сказался дѣйствительно соціалистъ со всѣми увлеченіями и, можетъ быть, и со всѣми несбыточными мечтами этого направленія. Это то мѣсто, въ которомъ

авторъ разсуждаетъ о тюрьмахъ. Прежде, говоритъ онъ, преступника казнили, вѣшали; это былъ самый дешевый и скорый способъ расправы. Затѣмъ заведена была ссылка, которая продолжалась до тѣхъ поръ, пока колоніи не отказались ссыльныхъ принимать. Надо было, слѣдовательно, прибѣгать къ другимъ средствамъ. Заведены тюрьмы. Тюрьмы дорого стоятъ, и онѣ мало исправляютъ: общество постоянно въ опасности. Послѣ того Буи-Бланъ, разсуждая, какъ соціалистъ, проводитъ мысль, что преступленіе есть продуктъ нищеты, невѣжества, голода, однимъ словомъ, всей внѣшней обстановки человѣка. Попробуйте уничтожить преступленіе въ его корнѣ, попытайтесь уничтожить нищету. Приводимое мною мѣсто заключается фразою, которую да будетъ мнѣ дозволено привести въ подлинныхъ словахъ: „Вотъ уже 2,000 лѣтъ, говоритъ онъ, какъ умеръ Искупитель, когда же наступитъ искупленіе“? Въ этихъ словахъ цензурный комитетъ находитъ попытку уронить нравственное значеніе христіанства. Вотъ и все, что содержитъ въ себѣ антицензурная, по мнѣнію цензурнаго комитета, книга. Прежде всего замѣчу, что, на мой взглядъ, между мнѣніемъ цензурнаго комитета, которое передано въ обвинительномъ актѣ, и требованіями, которыя поставлены со стороны прокурорскаго надзора, есть нѣкотораго рода несоотвѣтствіе. По моему мнѣнію, если дѣйствительно въ книгѣ Луи-Блана есть мѣста, которыя содержатъ въ себѣ разсужденія, враждебныя христіанству, отрицающія откровеніе и направленныя къ поколебанію авторитета библіи, то, конечно, Щаповъ долженъ судиться не по 1024 ст., а по 181 ст. улож., за порицаніе христіанской вѣры и церкви православной. Вотъ куда ведетъ прямо Щапова заключеніе цензурнаго комитета. Прокурорская власть измѣнила обвиненіе и подводила Щапова только подъ 1024 ст., но такъ какъ все-таки въ обвинительномъ актѣ прописано цѣликомъ заключеніе цензурнаго комитета, и такъ какъ я боюсь, чтобы гг. судьи не остались подъ

впечатлѣніемъ заключенія цензурнаго комитета, то прежде, нежели я приступлю къ доказательствамъ, что къ Щапову не идетъ статья 1024, долгомъ считаю заявить прямо, что всѣ тѣ мѣста, которыя приведены въ обвинительномъ актѣ, нисколько не противны христіанству; мало того, нѣтъ въ письмахъ Луи-Блана ни одного такого мѣста, которое не могло бы исходить изъ устъ хорошаго и истиннаго христіанина и даже православнаго человѣка.

Если бы всѣ тѣ мѣста, кои отмѣчены у Луи-Блана, составляли не передачу чужихъ мнѣній, но выраженіе собственныхъ убѣжденій автора, то и въ такомъ случаѣ они не содержали бы ничего противнаго христіанству. То, что библія не можетъ служить авторитетомъ для наукъ естественныхъ, — это извѣстно уже со временъ Галилея и Коперника: земля вертится, а солнце стоитъ. Точно такъ же и въ геологіи и въ палеонтологіи значительно измѣнились взгляды на теорію міросданія, изложенную въ книгѣ Бытія. Съ каждымъ днемъ кругозоръ научный расширяется, открываются новые законы, несходные съ мнѣніями и положеніями библіи. Спрашивается, сокрушается ли отъ этого религія? Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что нисколько, потому что библія учитъ насъ не географіи, не астрономіи, а только морали и благочестію. Мнѣ же кажется, что не будетъ вовсе согласно съ истиннымъ благочестіемъ коснѣніе въ невѣжествѣ, отказываніе себѣ въ знакомствѣ съ новѣйшими изобрѣтеніями и изслѣдованіями науки. Наука основана на знаніяхъ, религія же основана не на знаніяхъ, а на религіозномъ чувствѣ. Какъ бы ни былъ великъ прогрессъ въ знаніяхъ, положительная наука не можетъ разрѣшить нѣкоторыхъ вопросовъ, которыхъ разрѣшеніе составляетъ функцію религіи. Испоконъ вѣка религія привыкла дѣлать уступки наукѣ; уступки эти дѣлаются и дѣлались; онѣ не только не колебали авторитета религіи, но, напротивъ того, скорѣе его укрѣпляли. Религія уступила наукѣ вѣру въ неподвижность

солнца и положеніе о шести дняхъ міросданія. Я могу указать на весьма серьезныя сочиненія, чисто богословскія, напр., на книгу Пфлейдерера „Die Religion“, 1869 г., въ которыхъ доказывается, что для религіи совершенно безразлично, отъ одной или отъ многихъ паръ произошелъ родъ человѣческій. То же сочиненіе устраняетъ вопросъ о чудесахъ, устраняя понятіе о чудесахъ, какъ явленіяхъ сверхъестественныхъ, которыя немыслимы, потому что съ допущеніемъ ихъ надобно бы уничтожить всѣ науки естественныя, основанныя на томъ, что законы природы неизмѣнны. Затѣмъ едва ли нужно добавлять, что Библія можетъ быть изслѣдуема критически, точно такъ же, какъ всякая другая историческая книга. Я утверждаю, и оно, конечно, и вамъ, гг. судьи, не безызвѣстно, что въ Германіи произведены громаднѣйшія критическія работы надъ св. писаніемъ, и произведены не какими-нибудь мірянами, но знаменитѣйшими профессорами богословскихъ факультетовъ тюбингенскаго, берлинскаго и другихъ. Теперь уже сомнѣнію не подлежитъ, что все пятикнижіе моисеево не написано въ одно и то же время, что второзаконіе возникло позднѣе, въ періодъ царей.—Послѣ того нѣтъ ничего особеннаго и страннаго въ отзывѣ Бунзена о книгѣ Даніила.

И такъ, если бы Луи-Бланъ выдавалъ все, что онъ писалъ о библіи, за свои собственныя мнѣнія, и въ такомъ случаѣ мнѣнія эти надлежало бы пропустить. Но я утверждаю къ тому же, что Луи-Бланъ всѣ эти мнѣнія выдаетъ не за свои собственныя, а только за то, что вообще пишется о св. писаніи въ Англіи. Правда, онъ выражаетъ при этомъ свое сочувствіе—чему? принципу свободнаго изслѣдованія. Замѣчу, что я могу вовсе не сочувствовать результатамъ извѣстнаго изслѣдованія,—тѣмъ не менѣе, однако, я вполнѣ сочувствую распространенію и свободѣ изслѣдованія вообще; я ни въ малѣйшей степени не сочувствую взглядамъ г. Юрія Самарина въ его *Окраинахъ Россіи*; я также раздѣляю

далеко не всѣ мнѣнія и взгляды профессора Ширрена въ его отвѣтѣ г. Самарину, тѣмъ не менѣе я желалъ бы, чтобы какъ можно болѣе разбирался остзейскій вопросъ, потому что это вопросъ серьезный и весьма существенный. Слѣдовательно, за что же нападать на Луи-Блана? Развѣ за то, что онъ отстаиваетъ принципъ свободнаго изслѣдованія въ области религіозныхъ вопросовъ? Но спрашивается, развѣ это дурной принципъ. Да вѣдь мы обязаны этому принципу большею половиною нашей цивилизаціи. Мы всѣ въ нѣкоторой степени дѣти Лютера и его реформы. Вѣдь, благодаря этому принципу, люди теперь спокойно живутъ, не рѣжутся, не сожигаютъ другъ друга, принадлежа къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, благодаря этому принципу, придетъ время, когда они привыкнутъ уживаться въ одномъ и томъ же государствѣ, говоря на разныхъ языкахъ. Этотъ принципъ нельзя не отстаивать, потому что, если уничтожить его, то людямъ мысли придется положить перья и отказаться отъ всякой работы. Мало того, я полагаю, что этотъ принципъ свободнаго изслѣдованія необходимо поддерживать въ видахъ чисто-религіозныхъ: онъ необходимъ для распространенія благочестія. Коль скоро не будетъ свободнаго изслѣдованія вопросовъ религіи, коль скоро не будетъ споровъ и изслѣдованій о дѣлахъ, вѣры, то, спрашивается, чѣмъ будетъ питаться благочестіе? Оно питается именно тѣмъ, что есть что дѣлать, есть кого убѣждать, есть кому проповѣдывать. Если не будетъ споровъ, то благочестіе уснетъ. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ согласенъ съ мыслію Луи-Блана, за которую вооружается на него обвинительный актъ. „Человѣческій разумъ рискуетъ погибнуть тамъ, гдѣ вѣрованія фабрикуются небольшимъ числомъ избранныхъ людей". Я бы только измѣнилъ редакцію этой мысли такимъ образомъ: истинная вѣра рискуетъ погибнуть, гдѣ вѣрованія фабрикуются небольшимъ числомъ избранныхъ людей.

Если исключить все то, что говоритъ Луи-Бланъ со словъ мистеровъ Поуэля, Гудвина и другихъ, если

исключить также все то, что онъ говоритъ о принципѣ свободнаго изслѣдованія, останется одна только фраза, одна только, какъ я ее назвалъ, соціалистическая выходка, въ словахъ: „Вотъ уже 2.000 лѣтъ, какъ умеръ Искупитель, когда же наступитъ искупленіе"? Въ этой выходкѣ цензурный комитетъ находитъ намѣреніе уронить нравственное значеніе христіанства. Я полагаю, что этотъ выводъ основанъ на легкомъ измѣненіи настоящаго смысла сочиненія Луи Блана. Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ выражается только тотъ взглядъ, что Іисусъ Христосъ былъ *и великій соціальный реформаторъ*; цензурный же комитетъ полагаетъ, что, по мнѣнію Луи Блана, Іисусъ Христосъ былъ *только* соціальный реформаторъ. Не касаясь вовсе догмата божества Іисуса Христа, спрашиваю, можно ли отрицать то, что Іисусъ Христосъ дѣйствительно былъ великій реформаторъ? Стоитъ только свести балансъ исторіи за послѣднія 2000 лѣтъ. Что мы видимъ до того времени? Рабство, какъ главный остовъ общественнаго быта. Что послѣ того? Нѣтъ рабства, и трудъ свободенъ; значитъ— произошла перемѣна въ соціальномъ быту: рабство, которое существовало, исчезло не вдругъ; рабство изъ грубыхъ формъ невольничества перешло въ болѣе тонкія—крѣпостного права, и затѣмъ является еще и нынѣ, по мнѣнію Луи-Блана, въ видѣ зависимости человѣка отъ разныхъ внѣшнихъ условій его существованія. Представимъ себѣ, что и теперь еще продолжается та война, которая такъ недавно обагряла кровію сѣверную Америку, война изъ-за невольничества, и что явился проповѣдникъ, который въ проповѣди перепечатанной и у насъ, сказалъ: „Вотъ уже 2,000 лѣтъ, какъ умеръ Іисусъ Христосъ, а рабы все еще существуютъ!" или если у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ кто-либо сказалъ, что вотъ уже 2.000 лѣтъ, какъ умеръ Іисусъ Христосъ, а крѣпостное состояніе существуетъ! Мнѣ кажется, что въ этихъ случаяхъ въ приведенныхъ фразахъ не заключалось бы ровно ничего антирелигіоз-

наго. Мнѣ кажется также, что въ фразѣ, порицаемой у Луи-Блана, нѣтъ также ничего предосудительнаго. Я не отрицаю, чтобы въ ней не проглядывали утопическія, можетъ быть, надежды, которыя не сбудутся; но я не вижу тутъ попытки уронить значеніе ученія Христа. Луи-Бланъ полагаетъ, что рабство существуетъ еще и до сихъ поръ, но въ иной формѣ; онъ признаетъ рабство въ нищетѣ, онъ вѣруетъ въ то, что нищету можно истребить... Я полагаю, что это вѣрованіе можно отстаивать даже съ точки зрѣнія чисто ортодоксальной. Спрашивается: совершилось ли уже теперь искупленіе всего рода человѣческаго? Конечно, нѣтъ. Искупленіе совершается вѣрою во Христа и христіанскою жизнію: цѣлая треть рода человѣческаго пребываетъ въ буддизмѣ, другая треть приходится, конечно, на еврейство, магометанство и язычничество и, наконецъ, одна только треть вѣруетъ въ ученіе Христа. Мало того, и въ этой послѣдней трети есть еще весьма много такихъ, которые только имя носятъ христіанъ, которые дѣйствительно окроплены водою крещенія, но которые не живутъ по-христіански, и поэтому мнѣ кажется, что и въ настоящее время еще слѣдуетъ усердно проповѣдывать объ искупленіи Христомъ, и я не знаю, кто выше и достойнѣе, тотъ ли, который говоритъ: „душа моя яждь, пей и веселись: Искупитель, женихъ пришелъ“... или тотъ, который непрестанно, неусыпно продолжаетъ работу евангельскую?

Съ мнѣніемъ цензурнаго комитета я совершенно покончилъ; я пришелъ къ тому результату, что во всемъ приведенномъ и сказанномъ Луи-Блановъ нѣтъ даже и тѣни антихристіанскаго. Теперь приступаю къ обвиненію, которое поставлено прокурорскою властью. Издатель Луи-Блана обвиняется не въ томъ, что перевелъ письма, а въ томъ, что напечатавъ ихъ, не соблюлъ 38 § цензурнаго устава, что напечаталъ это сочиненіе безъ предварительнаго представленія его въ духовную цензуру. Мнѣ кажется, что тутъ вышло нѣкоторое не

доразумѣніе, или просмотръ. Мнѣ кажется, что вопросъ о томъ, что должно подлежать предварительному просмотру духовной цензуры, и что не должно подлежать, разрѣшенъ окончательно по дѣлу, которое разбиралось въ окружномъ судѣ и въ судебной палатѣ и, наконецъ, въ сенатѣ, какъ въ кассаціонной инстанціи. Я разумѣю дѣло Гайдебурова, напечатавшаго переводъ учебника Вундта: „Душа человѣка и животныхъ". Въ учебникѣ этомъ 5 лекцій посвящены разбору религіознаго чувства и произведеній религіознаго чувства, т. е. религіи, разбору происхожденія всѣхъ миѳовъ, и въ языческихъ религіяхъ и въ христіанской. Кажется, это предметъ, близко касающійся религіи. Цензурный комитетъ эту книгу предалъ суду, и с.-п.-б. окружный судъ, и судебная палата находили, что дѣйствительно въ этой книгѣ есть пять лекцій духовнаго содержанія. Но правительствующій сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе окружнаго суда и судебной палаты и установилъ слѣдующее толкованіе 38 § цензурнаго устава. Въ 38 § цензурнаго устава говорится, что просмотру духовной цензуры подлежатъ сочиненія или совершенно богословскаго содержанія, или такія, въ которыхъ есть мѣста совершенно духовнаго содержанія. Правительствующій сенатъ нашелъ, что тѣ пять лекцій, въ которыхъ разбирается происхожденіе религіознаго чувства, никакъ нельзя было признать мѣстами *совершенно духовнаго* содержанія; хотя въ нихъ и содержатся отрывочныя умозрѣнія, или сужденія, касающіяся догматовъ церкви или св. писанія. Такіе отрывки, по мнѣнію сената, никоимъ образомъ не должны быть отсылаемы на просмотръ духовной цензуры по двумъ причинамъ; во-первыхъ, потому что если въ 181 ст. положены наказанія за богохулѣніе и кощунство въ сочиненіяхъ свѣтскаго содержанія, изданныхъ безъ предварительнаго просмотра духовной цензуры, значитъ тутъ рѣчь о книгахъ свѣтскихъ, разсуждавшихъ о Богѣ и вѣрѣ и не представленныхъ предварительно въ духовную цензуру. Во-вторыхъ—и

этотъ мотивъ несравненно важнѣе перваго—правительствующій сенатъ нашелъ, что если бы всякую книгу, которая содержитъ какое-нибудь сужденіе о вѣрѣ или священномъ писаніи, отсылать въ духовную цензуру, то, такъ какъ нѣтъ почти ни одного сочинителя, который бы не затронулъ какой-либо догматъ вѣры или фактъ изъ св. писанія,—ни одинъ изъ сочинителей не былъ бы увѣренъ, не слѣдуетъ ли ему прибѣгнуть къ духовной цензурѣ, и не будетъ ли сочиненіе его задержано, и такимъ образомъ, всякій сочинитель представлялъ бы свою книгу въ цензуру свѣтскую для отправленія въ духовную. Такимъ образомъ снова была бы возстановлена въ прежнемъ видѣ предварительная цензура, и законъ 6-го апрѣля 1865 года былъ бы de facto отмѣненъ. Въ виду этихъ соображеній правительствующій сенатъ не только освободилъ Гайдебурова отъ всякой отвѣтственности, но и книгу его, въ которой 5 лекцій исключительно посвящены разбору различныхъ вѣрованій, освободилъ отъ разсмотрѣнія духовной цензуры.

Перейдемъ къ книгѣ Луи-Блана и посмотримъ, что такое она содержала бы, на столько богословскаго, чтобы ее слѣдовало отправить предварительно въ духовную цензуру. Та выходка, о которой я говорилъ, называя ее соціалистическою, есть не болѣе, какъ отрывочное сужденіе свѣтскаго человѣка. Сочувствіе, выраженное имъ же вѣротерпимости и свободному изслѣдованію въ дѣлахъ вѣры, есть опять предметъ чисто свѣтскій, нисколько церкви не касающійся. Тутъ говорится о томъ, какъ должно поступать государство въ отношеніи различныхъ вѣроисповѣданій, на сколько должна быть дарована свобода разсуждать или не разсуждать о вопросахъ вѣры. Наконецъ, что касается въ письмахъ Луи-Блана до книги «Essays and Reviews» и ея разбора, то это, какъ уже мною высказано, не есть изложеніе убѣжденія самого Луи-Блана, а только передача мнѣній нѣсколькихъ протестантскихъ писателей

англійскаго толка. Спрашивается, зачѣмъ ходить этой книгѣ въ духовную цензуру, и что можетъ сказать о ней духовная цензура? Будетъ ли она посылаться въ духовную цензуру на то только, чтобы констатированъ былъ фактъ существованія этой книги и вѣрной передачи ея содержанія? Но о томъ, что происходитъ въ нѣдрахъ англиканской церкви, наша цензура, конечно, ничего не знаетъ. Или отошлется эта книга въ духовную цензуру, чтобы духовная цензура рѣшила, на сколько согласны мнѣнія мистеровъ Поуэля, Гудвина и др. съ догматами православной церкви? Но, разумѣется, что они несогласны, что и понятно. Въ IX вѣкѣ случился расколъ: раздѣлились двѣ церкви, восточная и западная; въ XVI опять новый расколъ: въ нѣдрахъ римскаго католичества явилась протестантская вѣра, образовалась англиканская церковь, и затѣмъ въ этомъ новомъ расколѣ появляются новаторы, которые грозятъ породить новый расколъ, который, само собою, не согласенъ съ догматами православной церкви. Конечно, духовная цензура забракуетъ мнѣнія, приведенныя въ письмахъ Луи-Блана; но если она забракуетъ мнѣнія эти, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть забракованы и всѣ свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ нѣдрахъ церквей римско-католической и протестантской. Далѣе, если быть послѣдовательнымъ, то слѣдуетъ забраковать и всѣ статьи, которыя появились у насъ о нашемъ расколѣ, которыя помѣщаются, напримѣръ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Равнымъ образомъ подлежалъ бы строжайшему запрещенію переводъ книги «New America» Диксона, который знакомитъ насъ съ сектами въ Соединенныхъ Штатахъ. Наконецъ, надлежало бы вычеркнуть въ любомъ учебникѣ географіи свѣдѣніе о томъ, что есть, молъ, сектанты, называемые мормонами, живущіе при Соляномъ озерѣ, которые вѣруютъ въ то-то. Я полагаю, что если и такое мѣсто изъ учебника географіи и все прочее, мною названное, будетъ забраковано, выброшено, то изъ этого выйдетъ все, что угодно, но только не

торжество религіи. Я полагаю, что 38 § устава цензурнаго долженъ быть совершенно иначе толкованъ, чѣмъ онъ толкуется цензурнымъ комитетомъ. Есть сочиненія чисто богословскаго содержанія популярно-религіознаго, которыя назначены для простонародія, для публики такой, которая не относится критически къ читанному, которая воспринимаетъ все и вѣруетъ во все, что вычитаетъ. Въ такихъ книгахъ дѣйствительно надлежитъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы не проскользнуло мнѣніе, несогласное съ догматами вѣры, потому что такія мнѣнія могутъ надѣлать много вреда. Но всякая книжка, назначенная для болѣе образованнаго общества и по содержанію своему свѣтская, а не богословская, не подлежитъ подобнымъ ограниченіямъ цензуры. Иностранная цензура пропустила для публики, читающей по-французски, „Lettres sur l'Angleterre“ Луи-Блана цѣликомъ. Мнѣ кажется, что люди, которые могутъ читать книгу „Lettres sur l'Angleterre“, безъ всякаго для себя вреда могутъ прочитать и русскій переводъ этой книги, изданный г. Щаповымъ.

Кончивъ первую часть моей защиты, я обращаюсь къ обвиненію Щапова въ политическомъ преступленіи. Прежде всего я долженъ замѣтить, что съ писателями, игравшими политическую роль и съ государственными людьми, часто случается слѣдующее: если такой человѣкъ случайно въ какой-нибудь исторической минутѣ извѣстнымъ своимъ дѣйствіемъ выказался съ какой-либо стороны, хотя-бы и не самой выгодной, то въ этотъ одинъ моментъ своей жизни онъ врѣзывается столь глубоко въ память общества, что все, чтобы не дѣлалъ онъ потомъ и прежде, не въ состояніи изгладить произведенное имъ въ этотъ моментъ впечатлѣніе. Клеймо приложено—и онъ отдѣлаться отъ него не можетъ. Я полагаю, что къ числу такихъ клейменныхъ людей принадлежитъ и Луи-Бланъ. Онъ отличный писатель, замѣчательный экономистъ и историкъ; но ему посчастливилось, или, лучше сказать, непосчастливилось играть

роль въ февральской революціи и предсѣдательствовать въ извѣстныхъ ассизахъ рабочаго пролетаріата въ люксембургскомъ дворцѣ. Въ слѣдствіе того, въ глазахъ французской буржуазіи, а затѣмъ и въ глазахъ разныхъ псевдо-консерваторовъ всего свѣта, Луи-Бланъ прослылъ какимъ-то „краснымъ“ призракомъ, какимъ-то людоѣдомъ. Его считаютъ почему-то атеистомъ, коммунистомъ, революціонеромъ, замышляющимъ одну какую-то всесвѣтную соціальную и демократическую республику. Я полагаю, что это предубѣжденіе повредило больше всего его письмамъ. Напиши ихъ какой-нибудь Филиповъ или Ивановъ—никто бы ихъ не заподозрилъ; но съ именемъ Луи-Блана они получаютъ совершенно другое значеніе и толкуются въ другую сторону посредствомъ обобщенія. Если онъ говоритъ о монархической власти въ извѣстномъ государствѣ, сейчасъ его слова обобщаютъ, и говорятъ, что вотъ онъ разсуждаетъ о монархической власти во всѣхъ странахъ міра. Такія обобщенія ведутъ къ весьма страннымъ результатамъ. Разберемъ самымъ строгимъ образомъ, что содержатъ антимонархическаго и въ особенности, что содержатъ враждебнаго образу правленія въ Россіи письма Луи-Блана. Прежде всего замѣчу, что Луи-Бланъ въ своихъ письмахъ нисколько не касается ни Россіи, ни Германіи, ни Пруссіи, ни Австріи, если же говоритъ объ Италіи, то только по поводу толковъ объ Италіи, о Гарибальди и Кавурѣ у англичанъ. Луи-Бланъ проводитъ, правда, параллель между учрежденіями французскими и англійскими, но такую параллель, которую можно провести и въ нашей литературѣ. Сущность его мнѣній, относящихся къ Англіи, заключается въ слѣдующемъ: англійскій народъ—великій, всемірно-историческій; онъ сдѣлалъ весьма многое для цивилизаціи; политическія учрежденія его великолѣпны; существуетъ мнѣніе, что какъ римское право служитъ образцомъ для гражданскихъ законовъ народовъ Европы, такъ для государственнаго права тѣхъ же народовъ будутъ служить образцомъ

англійскія государственныя учрежденія. Намъ тѣмъ менѣе можно оспаривать это мнѣніе, что мы сами заимствовали изъ Англіи институтъ присяжныхъ и мировой институтъ. Всѣмъ, чѣмъ она есть, Англія обязана аристократіи. Была тамъ когда-то монархическая власть сильная, суровая; она держала подъ собою два племени—поработителей и порабощенныхъ. Въ теченіе времени гнетъ ея сдѣлался столь силенъ, что поработители и порабощенные соединились на отпоръ. Аристократія стала во главѣ движенія, подала руку нижнимъ слоямъ, и никогда съ тѣхъ поръ не отдѣлялась отъ народа, не требовала для себя особыхъ привилегій. Она всегда старалась только занимать первое мѣсто въ жизни и движеніи общественномъ. Послѣдній моментъ борьбы ея съ монархіею было изгнаніе Стюартовъ въ 1688 году. Съ тѣхъ поръ утвердилась слѣдующая форма правленія: республика по существу, по формѣ монархія. Есть король или королева, но власть, имъ данная—призрачна; они только—одушевленныя статуи; они идолы, предъ которыми преклоняются „столько гордыхъ головъ“.—Государство королевы, армія королевы, флотъ королевы; сама оппозиція называетъ себя „оппозиціею ея королевскаго величества“, между тѣмъ скипетръ королевы не тяжелѣе веретена. Чѣмъ больше безсильна королевская власть, тѣмъ больше ей оказывается почетъ, какъ будто у этой власти сила была громадная. Луи-Бланъ, между прочимъ, описываетъ юмористически обряды Drawing Room'a, церемоніалъ пріема въ одномъ изъ дворцовъ королевы, тѣсноту, толкотню, людей, прыгающихъ черезъ желѣзныя барьеры, оборванные костюмы, оттиснутые бока и т. под. Сцены эти взяты прямо изъ „Пунча“ (а „Пунчъ“ не антимонархическій журналъ). Но есть ли возможность придти къ заключенію, что эти сцены могутъ быть отнесены къ нашему двору, къ царскимъ выходамъ во дворцахъ? Вся пикантность разсказа у Луи-Блана въ томъ, что въ Англіи власть королевская страшно слаба, а между тѣмъ ей отдаютъ ве-

личайшія почести. У насъ—на оборотъ. У насъ, во-первыхъ, власть дѣйствительно монархическая всесильная и, во-вторыхъ, всѣ формы правленія ея гораздо проще. Но если считать такимъ образомъ, что описаніе комичныхъ церемоніаловъ, существующихъ при одномъ дворѣ, относится ко всѣмъ дворамъ вообще, то нельзя бы было изобразить, напр., пріемъ у королевы Помаре, которая выходитъ безъ чулокъ, или царя Ашантіевъ, или Дагоме. Но Луи-Бланъ, передавая только, какъ смотрятъ въ Англіи на монархическую власть, чего требуютъ отъ нея (чтобы король ничего не дѣлалъ), самъ же указываетъ оборотную сторону медали, самъ же дѣлаетъ замѣчаніе, что англійская конституція только на то и разсчитана, чтобы престолъ занимали одни посредственности, лица, ничего незначущія; но съ нею трудно справиться человѣку геніальному, которому не въ моготу оставаться государемъ безъ собственной мысли, безъ иниціативы, безъ дѣйствительной жизни; конституціи грозила бы опасность, если бы такой человѣкъ воцарился. Если я хорошо понимаю эти слова, то въ нихъ заключается ѣдкая критика англійской конституціи. Хорошъ тронъ, который годится лишь для карликовъ, но не для геніальныхъ людей! Если довольствоваться тутъ простымъ и настоящимъ смысломъ сказаннаго, если не обобщать, а брать вещи, какъ онѣ есть, то изъ всѣхъ этихъ изображеній и описаній невозможно вывести никакихъ заключеній, которыя могли-бы быть примѣнены къ нашему образу правленія. Но обобщить все возможно, и посредствомъ обобщеній можно дойти до какихъ угодно послѣдствій. Говоритъ, напримѣръ, Луи-Бланъ объ епископѣ рочестерскомъ—епископъ! но епископы есть и у насъ, слѣдовательно онъ оскорбляетъ и нашъ епископатъ, а слѣдовательно и нашу церковь. Вслѣдствіе обобщенія, цензурный комитетъ влечетъ Луи-Блана къ отвѣтственности за ту шутку, которая и отмѣчена въ обвинительномъ актѣ, что вотъ греки не могутъ пріискать себѣ короля. Но мнѣ кажется, что даже посредствомъ обоб-

щеній въ этой шуткѣ для нашего образа правленія нельзя видѣть ничего предосудительнаго, потому что она могла бы къ нему относиться, еслибъ на тронѣ нашемъ сидѣлъ какой-нибудь иностранецъ, а не наша династія, которая, какъ извѣстно, есть кость отъ костей народа.

Вотъ что говоритъ Луи-Бланъ объ Англіи. Другой членъ проводимой имъ параллели — Франція. Народъ французскій не менѣе англійскаго знаменитъ; онъ провелъ еще болѣе глубокую борозду въ волнахъ всемірно-историческаго развитія. Этотъ народъ, при всей своей даровитости, не успѣлъ возстановить у себя прочный государственный порядокъ. Онъ испыталъ нѣсколько послѣдовательныхъ революцій. Послѣ каждой революціи вслѣдствіе истощенія общества, бразды правленія доставались въ руки какого-нибудь человѣка сильнаго, энергическаго, честолюбиваго, который не давалъ мѣста проявленію свободной мысли, и оставлялъ только призрачное народное представительство. Луи-Бланъ не можетъ любить эту форму правленія — отъ нея то онъ бѣжалъ и пребываетъ въ изгнаніи. Англичане называютъ ее абсолютизмомъ или деспотизмомъ. Они объ ней судятъ и толкуютъ. Луи-Бланъ только передаетъ эти сужденія, и только они-то и выхвачены изъ его писемъ и сопоставлены въ обвинительномъ актѣ. Между тѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что это не его собственные толки, а толки англичанъ. Они говорятъ: абсолютная власть есть рабъ своего собственнаго положенія; сегодня правитель такъ настроенъ, и такъ дѣйствуетъ—завтра необходимость заставитъ его дѣлать иное. Соразмѣрно силѣ, ему предоставленной, растутъ и ожиданія народа; эти ожиданія столь велики, что нельзя ихъ удовлетворить. Абсолютизмъ долженъ забавлять народъ, давать ему славу вмѣсто свободы, затѣвать экспедиціи мексиканскую и иныя — вотъ почему мы, несмотря на дружбу, вооружаемъ нашихъ волонтеровъ. Все это прямо относится къ французскому правленію. Спрашивается: чѣмъ насъ могутъ касаться не одни толки Луи-Блана,

но даже и толки англичанъ о вредѣ абсолютизма, который установился безъ всякаго содѣйствія нашего, и который въ настоящее время пытается самъ себя ограничить, какъ видно изъ газетъ, созидая либеральныя учрежденія, тоже безъ всякаго нашего участія? Развѣ допустить, что есть одна только законная форма правленія на всемъ земномъ шарѣ — монархическая, и что всѣ монархіи между собою солидарны? Но мнѣ кажется, что нѣтъ лучшаго друга для Россіи, какъ напр. президентъ Соединенныхъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Наконецъ, нѣтъ ничего общаго между абсолютизмомъ, возникнувшимъ на облитой кровію мостовой при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ ему, въ странѣ, привыкшей къ свободѣ, и нашимъ правленіемъ, которое по крайней мѣрѣ въ послѣднія 15 лѣтъ дѣлаетъ совершенно противоположное тому, что творилъ французскій абсолютизмъ: уничтожило крѣпостное состояніе, создало либеральныя учрежденія, упрочило законъ, поставило на стражѣ его независимый судъ, открыло публикѣ тайны государственныхъ финансовъ... Больше мнѣ говорить запрещаетъ чувство приличія. Я боюсь, чтобы меня не заподозрили въ тонкой лести, или чтобы словъ моихъ не взяли за адвокатскій пріемъ, съ цѣлью выгородить моего кліента. Что касается до цитаты, приведенной въ обвинительномъ актѣ, позаимствованной Луи-Бланомъ отъ безобиднѣйшаго изъ экономистовъ Ганиля, касательно того, что въ коммерческомъ отношеніи абсолютная власть невыгодна, то съ этимъ я не могу не согласиться. Наконецъ есть еще мѣсто въ обвинительномъ актѣ, гдѣ издатель привлекается къ отвѣтственности за то, что въ книгѣ восхваляется тотъ принципъ, существующій въ Англіи, что не власти служатъ, а власть сама служитъ, что въ Англіи министры называются public servants— слугами общества. Мнѣ кажется, что нападать на эту мысль крайне неприлично въ отечествѣ Петра Великаго.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ выставленными въ обвинительномъ актѣ мѣстами изъ книги Луи-Блана,

я обращусь затѣмъ къ примѣненію къ этой книгѣ закона. Если бы книга и была вредна въ томъ смыслѣ, въ какомъ она выставлена въ обвинительномъ актѣ, то и въ такомъ случаѣ она не подходила бы подъ статьи, которыя приводятся въ обвинительномъ актѣ, а подходила бы подъ 252 ст. улож. о наказ.; но не подъ эту статью подвела обвинительная власть книгу Щапова, а подъ статью 1035. Но такъ какъ письма Луи-Блана не содержатъ ни слова о законахъ дѣйствующихъ въ Россіи и не позволяютъ себѣ оспаривать обязательную силу русскихъ законовъ или распоряженій русскихъ властей административныхъ или судебныхъ, то къ нимъ и статья 1035 примѣняема быть не можетъ. Вотъ почему не только Щаповъ отъ всякой отвѣтственности долженъ быть освобожденъ, но также, въ виду всего мною сказаннаго, прошу судебную палату и книгу его, какъ безвредную, допустить къ обращенію.

По рѣшенію палаты Щаповъ былъ по всѣмъ пунктамъ обвиненія оправданъ.

Въ правительствующемъ сенатѣ по протесту прокурора палаты состоялось въ 1870 г. 18 февраля слѣдующее рѣшеніе: 1) что въ книгѣ Луи-Блана нѣтъ никакихъ мѣстъ, подходящихъ подъ 1035 ст. улож.; 2) что изложеніе содержанія «Essays and Reviews» и статьи эдинбургскаго обозрѣнія предварительной духовной цензурѣ не подлежатъ; 3) что собственныя мысли Луи-Блана по поводу статьи эдинбургскаго обозрѣнія и поставленный имъ за словами Св. Августина вопросъ: когда же совершится искупленіе? по совершенно духовному содержанію сихъ мѣстъ должны были быть представлены въ духовную цензуру и потому ихъ слѣдуетъ передать въ эту цензуру, не подвергая Щапова никакому наказанію.

1870.

7.

Дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона.

Разбиралось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ 28 и 29 марта 1870 года.

Гг. присяжные засѣдатели!

Если есть дѣло, которое могло бы прямо идти на судъ безъ судебныхъ преній, прямо послѣ судебнаго слѣдствія, такъ это именно настоящее. Фразы, слова не въ состояніи ничего ни прибавить, ни убавить къ тому сильному впечатлѣнію, которое оставилъ на васъ самый фактъ, голый, дикій, вопіющій. Въ центрѣ столицы, въ двухъ шагахъ отъ гауптвахты на Сѣнной, устраивается разбойничій притонъ, свиваетъ себѣ гнѣздо шайка злодѣевъ, распредѣляющихъ между собою работу; одни изъ нихъ заманиваютъ, другіе сидятъ въ засадѣ, ожидая добычи, и наконецъ совершается дѣло *кровавое,* надъ старикомъ, который, забывъ стыдъ и достоинство своихъ сѣдыхъ волосъ, далъ завлечь себя въ эту нечистую берлогу. Совершается дѣло крови — какъ по мановенію одного человѣка — говоритъ обвинительная власть, неизвѣстно по чьему велѣнію, говоритъ товарищъ мой по защитѣ.—Изъ этихъ двухъ предположеній, я дол-

женъ откровенно сказать, что не могу не стать на сторону перваго. Конечно, есть приличія, которыя должна соблюдать защита, но есть и истина, которая имѣетъ также свои права. Мнѣ кажется, что изъ всего судебнаго слѣдствія, изъ разсказовъ тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ преступленіи и передали всѣ мельчайшія подробности, вы не могли не убѣдиться, что главнымъ дѣятелемъ былъ одинъ Максимъ Ивановъ, который руководилъ предпріятіемъ. Преступники какъ будто бы поторопились совмѣстить въ одномъ злодѣяніи всевозможные признаки, изъ которыхъ и одного достаточно, чтобы по смыслу закона сдѣлать смертоубійство— изъ простого особеннымъ, квалифицированнымъ. Тутъ есть и истязанія, тутъ есть и отравленіе, и задушеніе и битье утюгами. Наконецъ, къ довершенію впечатлѣнія оказывается, что изъ всѣхъ этихъ людей, только двое совершеннолѣтніе, остальные — молодежь. Дѣло, повторяю, страшное. Я и не буду пытаться ослабить то впечатлѣніе, которое оно производитъ; оно и есть общее дѣло всѣхъ соучастниковъ, значитъ и моей кліентки. Но это общее дѣяніе ложится не на всѣхъ съ одинаковою тяжестью, и въ особенности тѣ изъ нихъ, участіе которыхъ было второстепенное, имѣютъ право, чтобы ихъ судили по степени этого участія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ защитникамъ, кромѣ защитника Максима Иванова, открывается поле, не весьма широкое, сказать что-нибудь въ пользу своихъ кліентовъ для смягченія наказанія. Я долженъ сказать, что это поле, эта возможность добиваться смягченія участи особенно малы, особенно ничтожны для меня, какъ защитника Авдѣевой. Возьмите только обвинительный актъ и оговоры другихъ подсудимыхъ: если бы вы слышали только этотъ обвинительный актъ и эти оговоры, невидавъ и неслыхавъ самой Авдѣевой, то вы должны бы придти къ заключенію, что изъ всѣхъ лицъ, которыя участвовали въ этомъ злодѣяніи, самое главное послѣ Максима лицо и есть Александра Авдѣева. И въ самомъ

дѣлѣ, она ѣдетъ съ Зономъ на квартиру, она вывѣдываетъ сколько у него денегъ, она воруетъ эти деньги, она потомъ если не подноситъ ему ядъ (она это отрицаетъ, я объясню впослѣдствіи, что это отрицаніе можетъ быть правдоподобно), но, во всякомъ случаѣ, чокается съ отравляемымъ Зономъ, зная, что Зонъ пьетъ ядъ; наконецъ, когда начинается убійство, когда пошли въ ходъ ремень, пледъ, утюги, она садится за фортепіано, стучитъ руками и ногами и заглушаетъ крики и стоны несчастной жертвы. Такимъ образомъ, если бы вы не имѣли передъ собою живое лицо, его послѣдовательный разсказъ, то въ вашемъ воображеніи должно бы составиться представленіе о какомъ-то чудовищѣ,— что это не женщина, а какой-то демонъ, уродъ, страшилище, что въ ней нѣтъ ничего человѣческаго. Но я полагаю, что это не разрѣшеніе вопроса. Что такое чудовище? Это уклоненіе отъ естественныхъ законовъ, нѣчто необычайное, загадка. Сказавъ, что Авдѣева чудовище, вы бы поставили вмѣсто вопроса загадку. Но, затѣмъ, вы натолкнетесь на слѣдующія соображенія: какъ же могло появиться такое чудовище? Мыслило ли оно и чувствовало ли оно, какъ всѣ другія лица? Какое было его сердечное участіе въ дѣлѣ, сверхъ несомнѣннаго механическаго? Вотъ тѣ вопросы, съ которыми я шелъ къ моей кліенткѣ въ тюрьму, слушалъ ее, изучалъ, съ которыми я слѣдилъ за нею и на судебномъ слѣдствіи. Я позволю себѣ подѣлиться съ вами результатомъ моихъ наблюденій, т. е. передамъ вамъ, что я подмѣтилъ и что я изъ подмѣченнаго вывелъ. Этотъ анализъ наблюденій можетъ быть и послужитъ до нѣкоторой степени ей въ защиту, т. е. побудитъ васъ къ тому, чтобы вы не слишкомъ строго смотрѣли на Александру Авдѣеву. Александра Авдѣева, или— какъ называютъ ее товарки — „Саша большая“, есть женщина, что называется, потерянная, притомъ она потерялась въ весьма раннихъ лѣтахъ, вступивъ на тотъ путь разврата, который, какъ напр. въ настоящемъ слу-

чаѣ привелъ ее на скамью подсудимыхъ. Вы слышали, что Авдѣевой 17 лѣтъ—18-й; два года назадъ она уже была въ публичномъ домѣ, слѣдовательно, къ 15-лѣтнему возрасту относится то обстоятельство, когда она была соблазнена. Она дочь бѣдныхъ родителей; отецъ ея, портной, умеръ очень рано; она жила отчасти въ деревнѣ, отчасти въ городѣ; ѣздила въ Москву, дорогою познакомилась съ офицеромъ, который увлекъ ее и съ которымъ она прожила недѣлю, предавшись ему даромъ. Это было на 15 году ея жизни; затѣмъ, она возвратилась, была въ ученьи, потомъ переѣхала жить къ матери. Жить было тѣсно, скучно; она стала бѣгать отъ матери, — два мѣсяца пропадала. Мать была очень строгая, такъ что Александра хотѣла утопиться, чтобы избѣжать ея гнѣва. Въ этихъ странствованіяхъ она познакомилась съ нѣкоторыми подругами, которыя твердили ей: „зачѣмъ тебѣ работать, еще успѣешь, наработаешься, ты можешь жить лучше, имѣть шелковыя платья, пить вино, водку, веселиться“ и т. д. И вотъ, вслѣдствіе такихъ наставленій, Авдѣева, едва достигши 15-ти лѣтъ, переходитъ жить въ публичный домъ Рыбаковой или Рыбаковской, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ и пробыла 2 года. Извѣстенъ бытъ проститутки—весьма однообразный при всемъ своемъ безобразіи: неимѣніе никакой собственности, — все, что на тѣлѣ, принадлежитъ хозяйкѣ; у женщины, которая промышляетъ собою, никогда нѣтъ ни копѣйки за душою; ее кормятъ, поятъ... если найдется кому угостить... Такъ проводила время Авдѣева здѣсь зимою въ Петербургѣ, а лѣтомъ на островахъ. И вотъ, въ Новой деревнѣ, въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній, такихъ же точно, какъ и Эльдорадо, въ Элизіумѣ, она столкнулась съ Максимомъ Ивановымъ. Максимъ Ивановъ сманилъ ее къ себѣ въ концѣ іюля 1869 года, въ день Петергофскаго гулянья. Ее привезли въ домъ Максима Иванова, пріодѣли, а ея платье отослали къ прежней хозяйкѣ, и она осталась жить и промышлять своимъ тѣломъ для

Максима Иванова. Жить ей было тутъ получше, ее не такъ тѣснили: Максимъ Ивановъ вообще былъ къ ней снисходительнѣе, нежели прежняя хозяйка; Турбина также была съ ней добра.

Вы знаете, что такое квартира Максима Иванова. Въ Спасскомъ переулкѣ, на заднемъ дворѣ, было помѣщеніе, залъ—нарядная комната въ 2 окна, для пріема гостей, затѣмъ спальня, кухня и передняя; собственно всего двѣ комнаты, и въ нихъ отъ 7 до 8 жильцовъ. Въ кухнѣ, какъ могутъ мѣстятся, какъ сельди въ боченкѣ, мужчины, изъ которыхъ только одинъ Грачевъ исполняетъ необходимую роль лакея, а остальные, Федоровъ и Ивановъ, живутъ такъ, дожидая, пока явится хорошій случай: затѣмъ залъ—для гостей, въ передней помѣщается самъ Максимъ Ивановъ съ Дарьей и наконецъ спальня также для гостей или для двухъ трехъ женщинъ; тутъ, какъ вы слышали, спали и другія приходившія женщины — Елена и Клавдія; разумѣется, что одна или двѣ спятъ здѣсь въ одно время, а остальныя рыскаютъ по городу. Все это общество, довольно многочисленное, держится вкупѣ однимъ Максимомъ Ивановымъ. Максимъ Ивановъ имѣлъ двоякое отношеніе къ своимъ жильцамъ: къ женскому населенію, и къ половинѣ мужской. Между этими двумя половинами положительно не было никакой связи. Я спрашивалъ Александру Авдѣеву, какія отношенія были между ними и людьми, жившими на кухнѣ? Изъ нихъ Грачевъ постоянно прислуживалъ, исполнялъ всѣ порученія: бѣгалъ въ лавку, убиралъ комнаты и проч., да и остальные прислуживали также, когда не было Грачева—и только. Что касается до женщинъ, то условія ихъ съ Максимомъ могутъ быть возстановлены по разсказамъ Александры Авдѣевой и другой Александры—„Саши маленькой“. Каждая изъ нихъ, какъ вы слышали, жила у Максима Иванова точно такъ же, какъ онѣ обыкновенно живутъ у всѣхъ содержателей; тамъ онѣ были въ полнѣйшей, безусловной зависимости отъ своего хозяина;

каждая изъ нихъ должна была платить по 40 рублей въ мѣсяцъ за кушанье и квартиру; сверхъ того ей ставили на счетъ одежду; разумѣется ни одна изъ нихъ не могла покрыть всего, что насчитывали на нее, тѣмъ болѣе что насчитывали за вещи вдвое больше противу настоящей стоимости. Такимъ образомъ у Александры Авдѣевой точно также, какъ и у Семеновой, какъ у всякой подобной женщины, никогда не было ни гроша. Авдѣева тотчасъ же послѣ поступленія къ Максиму Иванову — я не могу скрыть этого — присутствовала при отравленіи котовъ; она смотрѣла какъ кормили ихъ насильно ядомъ, какъ они потомъ издыхали; это она сама подтвердила. Затѣмъ что было, какіе разговоры шли? Хорошихъ не было; говорили какъ бы завлечь кого, убить, ограбить, и на добытыя деньги жить въ Москвѣ. Она и это сама разсказала съ полною откровенностью. Спрашивается, какимъ образомъ женщина, попавъ въ этотъ вертепъ, слыша постоянно всѣ эти разговоры, присутствуя при отравленіи котовъ и при приготовленіяхъ къ отравленію людей, не бѣжала оттуда, если не изъ того, что ея чувства должны были возмутиться, то изъ боязни отвѣтственности, изъ опасенія, чтобы не попасться вмѣстѣ съ другими разбойниками? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я скажу слѣдующее.

Вы сообразили можетъ быть, гг. присяжные засѣдатели, изъ тѣхъ разсказовъ, которые вы слышали, что это за субъектъ Авдѣева, какой уровень ея нравственнаго и умственнаго образованія? Она разсказывала, кажется довольно толково, но о чемъ же? О внѣшнихъ предметахъ: какъ что было, кто что сказалъ, что дѣлалъ, какъ распорядились. Въ ней видна извѣстная сноровка говорить, но та сноровка, которая пріобрѣтается въ Эльдорадо и подобныхъ заведеніяхъ; она вѣроятно умѣетъ также шутить съ мужчинами, поддержать съ ними извѣстнаго рода разговоръ, но дальше этого не идетъ. Отбросьте этотъ эльдорадный лоскъ, и эта

женщина окажется въ полномъ смыслѣ слова дикаркою. Она, гг. присяжные засѣдатели, не имѣетъ никакого образованія; она читаетъ только печатанное большими буквами, и то плохо; она ничему не училась. Я старался объяснить, умѣетъ ли она играть на фортепьяно, оказалось, что она и понятія не имѣла объ игрѣ,—кулаками била по клавишамъ и топала ногами, когда понадобилась ея игра. Неграмотность не всегда доказываетъ отсутствіе всякаго образованія: есть неграмотные люди, но весьма умные, дѣльные. Первый признакъ человѣка, какъ человѣка, то есть какъ существа разумнаго, то чѣмъ человѣкъ прежде всего отличается отъ животнаго, заключается въ томъ, что онъ думаетъ о себѣ, что онъ „себѣ на умѣ“, что онъ старается сдѣлаться самостоятельнымъ, не подчиняться другимъ, а напротивъ того возвышается надъ ними и самъ старается подчинить другихъ своему вліянію. Хотя это чистый эгоизмъ, но такой эгоизмъ, который свойственъ только человѣку. Вотъ этого то признака человѣка у Александры Авдѣевой и не было. Она въ полномъ смыслѣ слова дикарка; такова она была у прежней хозяйки, такова и у Максима Иванова; она дѣйствовала совершенно пассивно, она дѣлала только то, что ей приказываютъ: ей говорятъ—привези фонъ-Зона,—она привозитъ; говорятъ—узнай сколько у него денегъ,—она узнаетъ; говорятъ вытащи ихъ,—она вытаскиваетъ: играй, стучи,—она стучитъ кулаками и ногами!—Она дѣйствуетъ во всемъ какъ дрессированная собачка. Посмотримъ какое участіе принимаетъ она и въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ, въ дѣлежѣ добычи. Добыча дѣлится такъ, какъ угодно Максиму Иванову: Авдѣевой выдѣляется 5 рублей, она и этимъ не воспользовалась. Вольно вамъ вѣрить ей или Максиму Иванову... но я думаю, что нѣтъ причины отдавать предпочтеніе въ этомъ отношеніи Максиму Иванову.—Если, бы у нея были деньги, то она куда-нибудь да ушла бы, но нѣтъ слѣда, чтобы у нея была хотя одна ко-

пѣйка: все забралъ себѣ Максимъ Ивановъ. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей, какія только проявляются въ ея дѣйствіяхъ, замѣтнѣе только одно,—это какое-то ребяческое любопытство. Она желаетъ смотрѣть, какъ будутъ издыхать дрыгая ногами коты, она хочетъ знать, какъ дѣйствуетъ отрава и на Зона. На слѣдующій день она просится въ спальню смотрѣть, какъ Зонъ лежитъ подъ кроватью. Наконецъ изъ всѣхъ подсудимыхъ она одна выноситъ спокойно зрѣлище, котораго не выносятъ и мужчины, люди съ болѣе крѣпкими нервами. Они, самъ Максимъ, не хотѣли присутствовать при открытіи чемодана и вынимании полусгнившаго трупа несчастной жертвы, она подходитъ и осматриваетъ его внимательно, заглядываетъ въ лицо, обходитъ кругомъ. Когда я ее спрашивалъ, какъ она могла вынести это ужасное зрѣлище, она отвѣчала: „что же мнѣ дѣлать! когда у меня такой характеръ“. Это, господа, умственное ея развитіе; перейдемъ къ нравственному ея образованію, Оно оказывается еще ниже. Эта женщина безъ всякихъ привязанностей; никогда никого она не любила. Отца она лишилась очень рано; мать ея была строга къ ней, и она ее боялась, такъ что хотѣла топиться. Она такъ рано предалась разврату, что у нея не было почти того промежуточнаго періода между состояніемъ, когда у дитяти еще нѣтъ стыдливости, и состояніемъ, когда уже нѣтъ и не можетъ быть никакой стыдливости. Она, такъ сказать, съ самаго дѣтства перешла прямо въ публичный домъ. Она никого не любила, знакомство съ офицеромъ было мимолетное; въ публичномъ домѣ она въ полномъ смыслѣ была рабочая сила, зарабатывала деньги для хозяевъ, исполняла все, что отъ нея требовали; отношеній съ людьми, которые могли бы имѣть на нее хорошее вліяніе, она не имѣла; она не встрѣчалась ни съ кѣмъ, кто бы могъ познакомить ее хотя съ понятіями о добрѣ и злѣ, объ обязанностяхъ нравственныхъ и гражданскихъ, который бы могъ вселить въ нее какую-нибудь наклонность къ чему-нибудь идеальному. Вся

жизнь ея не выходитъ изъ области самаго грубаго цинизма. При такомъ состояніи полнѣйшаго нравственнаго неразвитія не можетъ быть сознанія объ обязанностяхъ гражданскихъ и нравственныхъ, нѣтъ того, что называется гуманностью, человѣчностью. Вы знаете, гг. присяжные, что такое человѣчность? Я изобразилъ вамъ эгоизмъ какъ первую ступень человѣческаго бытія; вторая затѣмъ, которая ставитъ его еще выше, есть человѣчность или способность чувствовать не только за себя, но и за другихъ, видѣть какъ другой страдаетъ и самому переживать ту самую боль, тѣ самыя мученія, которыя испытываетъ страдалецъ. Эта-то способность и отсутствуетъ вполнѣ у Авдѣевой. Нельзя сказать, чтобы она была женщина безъ всякаго чувства: она не камень, она имѣетъ нервы, она при мнѣ плакала, но плакала только о себѣ, не о другихъ. Эта безчувственность въ отношеніи къ страданіямъ другихъ не можетъ быть поставлена вполнѣ ей въ вину. Разберите, гг. присяжные засѣдатели, эти признаки, которые я старался изобразить. Мнѣ кажется, этими признаками, этимъ недостаткомъ умственнаго и нравственнаго развитія, при содѣйствіи еще одного агента — вина, которое она выпила въ ночь 7 ноября, и объясняется весь образъ дѣйствій Авдѣевой съ 7 на 8 ноября. Она съ поступленія своего въ заведеніе Максимова постоянно слышитъ разговоры, что надо кого-нибудь завлечь, ограбить, убить; но это до нея не касается, это дѣло Максима Иванова, притомъ это только предположенія, которыя еще не воплощались въ какое-либо опредѣленное дѣйствіе. Затѣмъ ей говорятъ: „приведи Зона“, она приводитъ,—для нее это не ново, она всегда приводила съ собою мужчинъ... Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы съ самаго пріѣзда на квартиру былъ обдуманный планъ дѣйствій, сочиненный всѣми участвовавшими; планъ этотъ если существовалъ, то въ головѣ одного Максима Иванова, всѣ другіе присоединяются, когда уже пришлось дѣйствовать, т. е. только

въ ту минуту, когда Зонъ, ушедши изъ квартиры, вернулся опять назадъ. Осуществленіе этого замысла идетъ такимъ порядкомъ, что въ залѣ остается съ фонъ-Зономъ одинъ только Максимъ Ивановъ; входятъ Александра Авдѣева и Дарья Турбина, остальныя лица находятся въ кухнѣ; Александра Семенова и Елена Дмитріева спятъ. Что происходитъ въ это время въ залѣ— извѣстно весьма поверхностно. Максимъ Ивановъ идетъ въ кухню, не предупредивъ даже женщинъ о томъ, что онъ будетъ дѣлать, и приготовляетъ то вещество, которое считалось ядомъ; было или не было оно ядомъ, это вопросъ другой и если разсмотрѣть его отдѣльно, то онъ долженъ быть разрѣшенъ скорѣе отрицательно. По всей вѣроятности, это ядовитое вещество попортилось, оно не могло имѣть никакого вреднаго вліянія; но для меня это совершенно безразлично, я мирюсь даже съ тѣмъ, что дѣйствовавшіе считали это вещество ядомъ, считала его ядомъ и Александра Авдѣева. Если вамъ угодно будетъ, вмѣсто ея отрицанія на счетъ вливанія яда, принять разсказъ другихъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ же преступленіи, которыя говорятъ, что Авдѣева вливала ядъ, то для меня въ этомъ нѣтъ значительной разницы, — то, въ чемъ она признается, выходитъ на одно и то же съ тѣмъ, что говорятъ другіе: она сознается, что когда Максимъ Ивановъ говорилъ фонъ-Зону: „пейте же“, и когда онъ приглашалъ ее подчивать гостя, она, наливъ себѣ стаканъ вина, чокалась съ фонъ-Зономъ и значитъ склоняла его къ принятію яда. Потомъ началась сцена съ ремнемъ и битье утюгами. Вотъ при этой сценѣ Авдѣева, по приказанію хозяина, стучала, топтала, кричала до тѣхъ поръ, пока ее не отправили въ кухню, гдѣ она преспокойно улеглась съ Александрой Семеновою и проспала до слѣдующаго утра. Все, что можетъ отяготить участь Авдѣевой, относится къ событіямъ этой ночи; затѣмъ въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ другихъ участниковъ преступленія она не принимала никакого непосредственнаго участія: продажа

вещей, покупка чемодана, укладываніе и отправка трупа; дѣлежка денегъ—это все дѣйствія, которыя совершались безъ нея, потому что даже тѣ 5 руб., которые приходились на ея долю, Максимъ Ивановъ забралъ къ себѣ. Затѣмъ совершилось слѣдующее: весь этотъ домъ, вся эта какъ бы семья, вся шайка какъ до убійства была дружна и крѣпко держалась авторитетомъ Максима Иванова, такъ потомъ подъ вліяніемъ совершеннаго преступленія начинаетъ раздробляться; съ самаго начала отдѣляется Иванъ Федоровъ, который взялъ деньги на поѣздку и ихъ не возвратилъ; далѣе происходитъ ссора между Максимомъ Ивановымъ и Александромъ Ивановымъ, ссора между Максимомъ и Турбиною, между Авдѣевою и Александромъ Ивановымъ. Всѣ перессорились, такъ что сама Александра Авдѣева хочетъ бѣжать отъ Максима къ другой хозяйкѣ. Александръ Ивановъ отправляется въ сыскное отдѣленіе, дѣлаетъ доносъ, по доносу всѣхъ арестуютъ и съ перваго же раза Авдѣева разсказываетъ все съ полной откровенностью, такъ какъ она передала всѣ подробности здѣсь передъ вами. Я долженъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, на которое былъ только намекъ въ слѣдствіи, а именно о предположеніи убить Клавдію Стрешневу и воспользоваться ея пожитками. Это предположеніе передавалось такимъ образомъ: жительницамъ дома Максима Иванова будто бы понравились вещи Клавдіи, и Максимъ Ивановъ поэтому будто бы хотѣлъ убить ее, чтобы вещи отдать Авдѣевой. Такъ какъ мужской половинѣ своего заведенія онъ не хотѣлъ дать участія въ дѣлежѣ добычи, то это и послужило побудительною причиною къ ссорѣ съ Александромъ Ивановымъ. Я думаю, что во всѣхъ этихъ событіяхъ единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ является одинъ Максимъ Ивановъ. Если онъ пріохотился, разъ совершивши убійство, тотчасъ составилъ новый планъ убійства, то нѣтъ никакой надобности предполагать, чтобы въ составленіи этого плана участвовала непремѣнно Александра Ав-

дѣева; Максимъ могъ дѣйствительно желать воспользоваться вещами Клавдіи съ тѣмъ, чтобы подарить ихъ потомъ или Турбиной, или Авдѣевой, причемъ Авдѣева могла и не подстрекать его къ этому новому убійству. Но если бы даже и допустить, что она и сама науськивала его на убіеніе Клавдіи, то и тутъ вы не встрѣтите ничего, чтобы отступало отъ изображеннаго мною очерка ея характера: эта женщина такъ мало развита, и потомъ преступленіе, которое совершилось на ея глазахъ, до такой степени могло подѣйствовать на еще большее ея паденіе, стереть совершенно всѣ ея нравственныя понятія, что она точно такъ же не сознавала гнусности и преступности убійства Клавдіи, какъ не сознавала преступности убійства фонъ-Зона. Она не сознавала, что есть обязанность, лежащая на всякомъ человѣкѣ, когда онъ видитъ, что убиваютъ другого, вмѣшаться и заслонить его хотя бы своею собственною грудью; наконецъ она вовсе не знала и не понимала, что надобно бѣжать, что надо открыть преступленіе, во избѣжаніе отвѣтственности. Сознаніе есть плодъ опытности, знанія, а этой-то опытности, этого знанія и не было у Александры Авдѣевой.

До сего времени, гг. присяжные засѣдатели, я только разсказывалъ и описывалъ, но мнѣ кажется, что это-то описаніе и послужитъ въ защиту Авдѣевой. Сообразите,—вы видите теперь, что это за субъектъ? Онъ измельчалъ при внимательномъ разборѣ. Вмѣсто чудовища, наводящаго ужасъ, вмѣсто демона, вмѣсто женщины, увлеченной сильнымъ порывомъ страсти,—оказывается въ дѣйствительности только существо, едва походящее на человѣка недоразвитаго, существо, съ которымъ только и можно обойтись какъ съ неразумнымъ животнымъ. Эта женщина нельзя сказать, чтобы была совершенно неспособна къ развитію, къ исправленію; вы слышали, что разсказъ ея довольно толковый... и если постигнетъ ее та кара, которая грозитъ ей, то я думаю, что это наказаніе для нея все-таки будетъ благотворно,

потому что оно не можетъ на нее не подѣйствовать. Положеніе, которое будетъ создано для нея вашимъ вердиктомъ, какъ оно ни ужасно, для нея будетъ все-таки лучше, нежели то положеніе, въ которомъ она находилась у Максима Иванова. Кромѣ того она существо совершенно пассивное: не будь она въ домѣ Максима Иванова, попади она въ другое мѣсто, она была бы самая обыкновенная публичная женщина. Точно такъ же и всѣ остальныя лица, которыя сидятъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, кромѣ Максима Иванова.—Это совершенно обыкновенные люди, такъ что, собственно говоря, они должны возбуждать скорѣе жалость... Вы соразмѣрите строгость вашего приговора съ дѣйствительною виною каждаго изъ нихъ. Вотъ почему я думаю, что, оцѣнивъ малый уровень развитія Александры Авдѣевой, вы признаете на нею два обстоятельства: во-первыхъ, что она заслуживаетъ снисхожденія и во-вторыхъ то (что для меня совершенно ясно), что она дѣйствовала не самостоятельно, а была вовлечена въ это преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ, которое имѣло въ глазахъ ея большую силу, большой авторитетъ, потому что то былъ ея хозяинъ, распоряжался ею, какъ своимъ товаромъ. Я кончилъ.

Признанная присяжными заслуживающею снисхожденія Авдѣева приговорена къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

1871.

8.

Дѣло о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи (Нечаевское дѣло).

Осенью 1869 года образовалось въ Москвѣ тайное общество, члены котораго обвинены въ томъ, что поставили себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи правительства и измѣненіе образа правленія. Произведеннымъ по сему дѣлу предварительнымъ слѣдствіемъ были привлечены къ отвѣтственности 84 подсудимыхъ, раздѣленныхъ обвинительною властью на 11 группъ. Каждая изъ этихъ группъ въ послѣдовательномъ порядкѣ судилась въ особомъ присутствіи С.-Петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Дѣло разбиралось съ 1 іюля по 28 августа 1871 года. Первая группа обнимала 11-ти подсудимыхъ, въ числѣ которыхъ обвинялись:

а) Купеческій сынъ *Алексѣй Кирилловъ Кузнецовъ*, въ томъ: во 1-хъ, что, по соглашенію съ прибывшимъ изъ Женевы осенью 1869 года бывшимъ приходскимъ учителемъ Сергѣемъ Нечаевымъ и другими лицами, они составили въ Москвѣ, а изъ нихъ Кузнецовъ началъ составлять въ Петербургѣ, заговоръ съ цѣлью ниспроверженія правительства во всемъ государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, причемъ злоумышленіе ихъ открыто было правительствомъ заблаговременно при самомъ онаго началѣ; и во 2-хъ, въ томъ, что они, по предварительному между собою согласію, но по подговору вышепоименованнаго Нечаева, совершили 21-го ноября 1869 года убійство слушателя Петровской академіи Иванова, заманивъ его въ

уединенное мѣсто, т. е. обвинялся въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ 249, 250, 13 и 3 п. 1453 ст. улож. о наказ., изд. 1866 г.

б) Кандидатъ правъ *Петръ Никитинъ Ткачевъ* и др., въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершилъ для сего приготовительныя дѣйствія, причемъ злоумышленіе его открыто было правительствомъ заблаговременно въ самомъ началѣ онаго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. улож.

в) Жена полковника *Елизавета Христіановна Томилова* въ томъ, что дѣйствіями своими помогала обвиняемымъ Нечаеву и Орлову совершать приготовленія къ государственному преступленію, которое потомъ выразилось въ составленіи заговора ниспровергнуть правительство и перемѣнить образъ правленія, причемъ Томилова знала о такомъ ихъ злоумышленіи, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, 121, 249 и 250 ст. улож. о наказ.

Рѣчь въ защиту Алексѣя Кузнецова.

Гг. Судьи. Въ городѣ Херсонѣ было купеческое семейство, одно изъ рѣдкихъ въ купеческомъ быту: отецъ и три сына. Самыя нѣжныя отношенія соединяли ихъ между собою. Отношенія эти были скорѣе дружественныя, нежели основанныя на строгой власти. Отецъ не поскупился дать своимъ сыновьямъ возможно хорошее воспитаніе по своимъ средствамъ. Онъ помѣстилъ старшаго сына Алексѣя сначала въ коммерческое училище, а потомъ въ земледѣльческую Петровскую академію, одно изъ высшихъ спеціальныхъ заведеній. Особенныя надежды возлагались на этого Алексѣя Кузнецова, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ хорошимъ человѣкомъ. Такимъ знали его въ академіи. Онъ совершенно искренно могъ сказать, что въ теченіе многихъ лѣтъ не имѣлъ ни одного врага, ни одного недоброжелателя. Онъ былъ добрый сынъ, добрый другъ и товарищъ, внимательный, снисходительный, любящій. Таковъ былъ Алексѣй Кузнецовъ въ сентябрѣ 1869 года. Въ ночь со 2-го на 3-е декабря, по истеченіи не болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, мы находимъ того же Кузне-

цова оторваннымъ отъ почвы и занятій, бросившимся въ омутъ агитаціи, пропагандирующимъ, читающимъ студентамъ правила организаціи и участвующимъ, съ вѣдома или безъ вѣдома, въ такихъ махинаціяхъ, въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя по мысли учредителя заговора клонились къ тому, чтобы произвести страшный переворотъ въ Россійской Имперіи, поставить вверхъ дномъ все существующее, точно метлой вымести всѣ высшіе классы и заварить такую кашу не только россійскую, но даже европейскую, какъ сказано въ одномъ изъ писемъ Нечаева, которую и черезъ 50 лѣтъ не расхлебали бы наши потомки. Добро бы перемѣна эта произошла только въ одномъ образѣ мыслей Кузнецова. Всякій знаетъ, что помыслы юношей измѣнчивы какъ морская волна. Всякому изъ насъ случалось испытать на себѣ или подмѣчать весьма часто измѣненія въ молодомъ человѣкѣ, когда онъ отъ школьной жизни переходитъ къ жизни дѣйствительной и практической, или когда еще въ школѣ передъ нимъ развертается новый міръ, вслѣдствіе того, что этотъ молодой человѣкъ приходитъ въ соприкосновеніе съ требованіями времени, съ духомъ вѣка. Онъ въ немногіе мѣсяцы переживаетъ цѣлые періоды, главныя фазы развитія человѣчества; на разстояніи нѣсколькихъ недѣль онъ можетъ быть и мистикомъ, и крайнимъ скептикомъ, консерваторомъ и революціонеромъ, протестантомъ, римскимъ католикомъ и ультра-православнымъ. У каждаго изъ насъ была такая пора въ жизни, когда онъ смотрѣлъ титаномъ, готовымъ весь міръ объять, пересоздать и превратить въ земной рай. Потомъ пора эта проходитъ: титанъ возвращается къ обыденнымъ занятіямъ и становится самымъ добродушнымъ филистеромъ, самымъ усернымъ и аккуратнымъ чиновникомъ. Если бы въ эту бурную пору молодости случилось такому молодому человѣку войти даже въ союзъ съ другими подобно мыслящими людьми, составить, что называется, тайное общество, то и это еще не большая бѣда. Безчисленное множе-

ство такихъ тайныхъ обществъ возникаетъ. Они не могутъ не возникать, потому что первое чувство, являющееся въ молодомъ человѣкѣ, который обладаетъ новою идеею—страстное желаніе подѣлиться ею съ другими и сдѣлать другихъ соучастниками этой идеи. Если бы онъ даже и попался въ этомъ случаѣ, то, конечно, подвергся бы весьма непріятнымъ послѣдствіямъ, заключенію, ссылкѣ, но его натура такая крѣпкая, что заключеніе это, отъ котораго многіе изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу зачахли, погибли, не сломило бы его; притомъ надо замѣтить, что наказанія за принадлежность къ тайнымъ обществамъ не въ примѣръ слабѣе тѣхъ, коимъ подвергались люди за то же самое, на моей памяти, лѣтъ двадцать тому назадъ. Но съ Кузнецовымъ случилось худшее несчастье. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, въ эти два съ половиною мѣсяца онъ, попавъ въ омутъ заговора, не только увлекъ за собою многихъ другихъ, но еще окровавилъ свои руки убійствомъ; онъ принялъ участіе, хотя и не главное, въ трагической смерти человѣка невиннаго, въ смерти друга, товарища, къ которому питалъ уваженіе, котораго обязанъ былъ защищать. Когда случается внезапная перемѣна въ жизни человѣка, вслѣдствіе которой онъ выходитъ совершенно не похожимъ на то, чѣмъ былъ прежде, то такія перемѣны можно объяснить двоякимъ образомъ: или психологическимъ процессомъ его собственнаго развитія, тѣмъ, что бывъ извѣстнымъ образомъ воспитанъ, имѣя извѣстное направленіе и бывъ поставленъ въ извѣстныя условія жизни, онъ собственнымъ умомъ додумался до извѣстныхъ результатовъ и собственною силою воли рѣшился на извѣстное дѣйствіе; или же перемѣна можетъ быть объясняема вліяніемъ другого лица, которое на него до того сильно подѣйствовало, что увлекло его и толкнуло на несвойственный ему путь. Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то кажется несомнѣнно можно сказать, что здѣсь имѣлъ мѣсто второй случай, т. е. что Алексѣй

Кузнецовъ былъ увлеченъ Нечаевымъ. Безъ сомнѣнія, вы, гг. судьи, признаете, что Кузнецовъ былъ болѣе увлеченъ, чѣмъ другіе люди, которые стоятъ рядомъ съ нимъ въ организаціи и на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ былъ увлеченъ болѣе нежели Успенскій, Прыжовъ, люди болѣе его образованные, хотя я долженъ сказать, что онъ былъ увлеченъ менѣе нежели Николаевъ, гораздо менѣе развитый нежели Кузнецовъ, а извѣстно, что кому меньше дано, отъ того меньше и взыщется. Спрашивается, какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ этого положенія, которое я считаю безспорнымъ? Не оправдать ли Кузнецова, не отрицать ли всякую его отвѣтственность? Я никогда не рѣшился бы поставить защиту на столь шаткое основаніе, я никогда не рѣшился бы прибѣгнуть къ столь рискованному средству. Ни одинъ судъ въ государствѣ не можетъ слѣдовать такой теоріи; принявъ ее, пришлось бы оправдать и самого Нечаева, если бы его судили, такъ какъ и Нечаевъ есть продуктъ своего вѣка и той атмосферы, въ которой онъ жилъ и вращался. Притомъ подобное объясненіе совсѣмъ противорѣчило бы натурѣ Кузнецова. Кузнецовъ вовсе не слабое созданіе, это человѣкъ съ характеромъ, прямой и довольно устойчивый, съ хорошими задатками и зачатками, съ качествами, хотя не блистательными, но солидными. Итакъ, я полагаю, что скажу правду, когда отнесу увлеченіе Кузнецова къ смягчающимъ его вину обстоятельствамъ. На этомъ можно бы и покончить защиту, но тогда она была бы весьма банальная, потому что, что же значитъ для судьи увлеченіе, когда не опредѣлены ни мѣра его, ни степень, когда не опредѣлено, какая сила увлекала Кузнецова, легко ли было сопротивляться ей или не легко. Надобно сравнить эту силу съ тѣмъ субъектомъ, который увлеченъ, рядомъ поставить искусителя и искушаемаго, опредѣлить свойства и пріемы искушенія, заглянуть въ душу подсудимаго—тогда можно будетъ съ достовѣрностью заключить, чего бы стоило Кузне-

цову сопротивляться и, значитъ, заслуживаетъ ли онъ снисхожденія. Если вы убѣдитесь, что сопротивляться было трудно, то вы не откажетесь признать его заслуживающимъ снисхожденія, даже особеннаго снисхожденія, по крайней мѣрѣ такого, которое даетъ вамъ въ руки законъ, потому что законъ предоставляетъ вамъ права, по вашему внутреннему убѣжденію и безъ приведенія даже основаній, понизить наказаніе на одну или двѣ степени. Кромѣ того, если-бы вы не признали его заслуживающимъ снисхожденія, если-бы была къ нему примѣнена полная мѣра наказанія, налагаемая за его преступленіе закономъ (какъ бы ни была велика эта казнь, онъ не сочтетъ ее несоотвѣтствующею его винѣ, которая весьма велика), то самъ разсказъ, который я прошу выслушать, будетъ все-таки полезенъ для моего кліента, онъ будетъ дополненіемъ той искренней исповѣди, которую онъ принесъ на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ. Въ рѣчи г. прокурора сквозила та мысль, что Кузнецовъ какъ будто бы не все сказалъ что знаетъ, что онъ скрываетъ нѣкоторые факты. Я полагаю, что онъ сказалъ все весьма искренно, что слова его, это исповѣдь человѣка, который былъ въ чаду, въ бреду, а теперь стоитъ предъ вами отрезвленнымъ и совершенно обновленнымъ не похожимъ на того Кузнецова, который былъ арестованъ 2-го декабря, въ такой же степени, въ какой арестованный Кузнецовъ не похожъ былъ на Кузнецова въ академіи.

Изложивъ планъ моей защиты, я по необходимости долженъ начать разсказъ мой съ человѣка, которымъ все дѣло полно, хотя его здѣсь нѣтъ, съ Дмитрія Ѳедорова, съ Кинявскаго, съ Ивана Петровича или Ивана Павлова, съ офицера путей сообщенія Панина, однимъ словомъ съ того Протея, который подъ сотнею именъ вдоль и поперекъ изъѣздилъ землю русскую—съ Нечаева.

Въ обвинительномъ актѣ проведена та мысль, что студенческія волненія, которыя начались въ 1868 и

окончились катастрофой въ мартѣ 1869 года, были главнымъ образомъ произведены лицами, стоявшими внѣ университета и совершенно ему чуждыми, которыя мутили молодежь. Въ числѣ лицъ этихъ упоминается и Нечаевъ. Хотя Нечаевъ—лицо весьма недавно здѣсь бывшее, однако онъ походитъ на сказочнаго героя. Его называютъ сыномъ священника, но оказывается, что онъ сынъ мѣщанина-живописца; иные даютъ ему 19, иные 23 года; иные говорятъ, что онъ не получилъ никакого образованія, что 16-ти лѣтъ едва зналъ грамоту и затѣмъ въ 3 года достигъ такого совершенства, что читалъ по-нѣмецки, по-французски и понималъ философскія книги. Я знаю только то, что Нечаевъ былъ учителемъ въ Сергіевскомъ приходскомъ училищѣ въ Петербургѣ и въ качествѣ вольнослушателя посѣщалъ университетъ. Подсудимая Томилова, бывшая въ университетѣ, видѣла вѣшалку, на которой висѣло его платье съ надписью его фамиліи. Если онъ былъ вольнослушателемъ, то онъ долженъ былъ бы имѣть гимназическій аттестатъ. Въ университетѣ всѣ тѣ, которые посѣщаютъ его, вольнослушатели и студенты, собственно говоря, находятся въ одинаковомъ къ университету отношеніи, они одинаково къ университету близки и одинаково пользуются въ немъ правомъ гражданства. Какъ пользовался Нечаевъ этимъ правомъ гражданства—это другое дѣло. Ему и въ то время было, повидимому, уже присуще то направленіе, тѣ затѣи, которыя опредѣлили его дальнѣйшую дѣятельность. И тогда уже онъ старался возбуждать студентовъ, и тогда уже онъ проговаривался, что наука не нужна, что она мѣшаетъ смотрѣть на вещи прямо, что она онанизмъ мысли въ дни практическаго дѣла, что надо подталкивать людей, что наше общество состоитъ изъ холоповъ; и тогда уже онъ собиралъ подписку на петицію, которая должна была быть подана отъ имени всей учащейся молодежи и въ которой молодежь должна была протестовать, отъ всѣхъ учебныхъ заведеній, противъ условій своего умствен-

наго воспитанія и развитія. Но какъ бы ни было опредѣленно тогда уже то направленіе, которому и потомъ слѣдовалъ Нечаевъ, мнѣ кажется ему многаго еще не доставало. Его мало слушали, на него мало обращали вниманія. Когда молодежь собирается на шумную сходку, то всѣ толпятся, галдятъ, кричатъ; въ этомъ крикѣ трудно отличиться и заставить себя слушать. Нечаеву нужно было во что бы то ни стало взойти на пьедесталъ, стать на подмостки, выставить себя выше того, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ возымѣлъ еще въ январѣ 1869 г. мысль геніальную, онъ задумалъ (живой человѣкъ) создать самому для себя легенду, сдѣлаться мученикомъ и прослыть таковымъ на всю землю русскую. Не знаю, вызывали ли его, за студенческія сходки, къ отвѣту къ г. Колышкину или нѣтъ; можетъ быть и призывали, но во всякомъ случаѣ онъ арестованъ не былъ. Задумавъ исчезнуть изъ Петербурга, онъ озаботился препроводить къ друзьямъ чрезъ Вѣру Засуличъ записку о вымышленномъ своемъ арестѣ. Въ этой запискѣ онъ притворяется отправленнымъ въ крѣпость и проситъ друзей похлопотать и помочь ему. Явившись въ Москву, онъ разнообразитъ эту тему болѣе и болѣе живописными варіаціями. Его сажали въ промерзлый казематъ Петербургской крѣпости; онъ до того окоченѣвалъ въ этихъ стѣнахъ покрытыхъ льдомъ, что ему ножемъ разнимали при допросѣ стиснутые зубы, чтобы впустить нѣсколько капель спирта; онъ ушелъ, надѣвъ шинель какого-то генерала и очутился въ Москвѣ. Изъ Москвы отправился онъ въ Одессу. Тутъ новая сказка: его арестуютъ и везутъ въ кибиткѣ— жандармъ и чиновникъ; но онъ далъ тумака одному и другому и явился опять въ Москву. Наконецъ Нечаевъ заправду нырнулъ и очутился за границей. Поѣздка эта была крайне необходима; она должна была поставить его въ соприкосновеніе съ нѣкоторою частію русской эмиграціи, отъ которой онъ и надѣялся получить, такъ сказать, рукоположеніе, заручиться такимъ авторитетомъ,

предъ которымъ бы безпрекословно преклонялись люди, на коихъ онъ намѣревался дѣйствовать. Гг. судьи, я долженъ теперь коснуться предмета весьма тонкаго и труднаго, котораго не слѣдовало бы касаться, если бы его можно было обойти—я разумѣю отношенія Нечаева къ русской эмиграціи. Собственно слѣдовало бы и не говорить объ эмигрантахъ, такъ какъ ихъ здѣсь нѣтъ, они не могутъ отвѣчать и защищаться, но я не могу обойти молчаніемъ этотъ предметъ и долженъ коснуться его хотя въ нѣсколькихъ словахъ, такъ какъ обвиненіе представляетъ вообще все дѣло организаціи выросшимъ цѣликомъ на русской почвѣ, безъ всякихъ приходящихъ элементовъ изъ-за границы. Здѣсь оно, будто бы, задумано еще въ мартѣ мѣсяцѣ, постепенно осуществлялось и дошло до катастрофы. Мнѣ кажется, что на исключительно русской почвѣ дѣло это не могло бы сложиться, что для него необходимъ былъ привходящій элементъ, что много заимствовано оттуда Нечаевымъ самаго существеннаго, того, что помогло ему дѣйствовать на русскую молодежь, что онъ позаимствовалъ отъ эмиграціи извѣстный образъ дѣйствій, извѣстныя идеи, извѣстную даже организацію. О своихъ сношеніяхъ съ эмигрантами Нечаевъ, по пріѣздѣ своемъ въ Россію во второй разъ, разсказывалъ дивныя вещи. Мы слышали отъ князя Черкезова, что Нечаевъ попалъ будто-бы въ Бельгію, гдѣ поступилъ въ рабочіе, устроилъ стачку рабочихъ; затѣмъ этими рабочими онъ отправленъ былъ делегатомъ въ Женеву, гдѣ познакомился съ Бакунинымъ, послѣ чего сдѣлался членомъ такъ называемаго интернаціональнаго или международнаго общества рабочихъ. Подсудимому Успенскому Нечаевъ передавалъ о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ (умершимъ 1870 г. 7-го января). Герценъ будто-бы говорилъ про него: „что у васъ, Сергѣй Геннадьевичъ, все рѣзня на умѣ!“ Николаеву, который гораздо болѣе простъ и довѣрчивъ, Нечаевъ сообщилъ, что столь недовѣрчиво относился къ нему Герценъ только сначала, но что затѣмъ Нечаевъ

подъѣхалъ къ нему поближе, употребивъ нѣсколько недѣль на то, чтобы его обработать, достигъ того, что Герценъ сдѣлался совершенно его сторонникомъ, вполнѣ сочувствующимъ всему тому, что выражено въ „Народной расправѣ“.

Многое еще передавалъ Нечаевъ о Бакунинѣ, Огаревѣ, Герценѣ, о герценовской книгѣ автографовъ; наконецъ онъ даже показывалъ стихотвореніе Огарева, игравшее немаловажную роль въ волненіи студентовъ, подъ заглавіемъ: „Къ моему другу Нечаеву“. Нечаевъ особенно старался распространить эти стихи и даже пріискивалъ къ нимъ музыку, чтобы молодые люди пѣли ихъ. Конечно, въ этихъ разсказахъ есть бездна придуманнаго, лживаго. Вообще можно сказать, если Нечаевъ выкроенъ по типу одного изъ героевъ романа Гончарова „Обрывъ“—Марка Волохова, то, кромѣ того, въ немъ есть еще много хлестаковскаго. Маркъ Волоховъ былъ правдивъ, а Нечаевъ не былъ правдивъ, и вралъ немилосердно. Это вранье явилось въ немъ, по всей вѣроятности, потому, что въ планѣ его дѣйствій была ложь, какъ средство для достиженія извѣстной цѣли; но извѣстно, что такое средство весьма опасно дѣйствуетъ на характеръ. Оно до такой степени входитъ въ плоть и въ кровь лжеца, что сей послѣдній не замѣтно привыкаетъ употреблять ее потомъ безъ всякой нужды, просто изъ любви къ искусству. Я могъ бы привести бездну примѣровъ недостовѣрности ихъ сомнительности разсказовъ Нечаева объ эмиграціи. Для доказательства возьму хотя бы стихотвореніе „Студентъ“, тотъ маленькій листокъ, отпечатанный на одной страницѣ, который я просилъ бы приложить къ числу вещественныхъ доказательствъ. Этотъ листокъ носитъ подпись Н. Огарева. Хотя Огаревъ не первостепенный поэтъ, но стихи эти до такой степени слабы и плохи, что трудно предполагать, чтобы даже и на старости лѣтъ они вышли изъ-подъ пера Огарева... Вдумаемся въ смыслъ отношеній, который они предполагаютъ между

Нечаевымъ и Огаревымъ. Если бы они были огаревскіе, то надлежало бы заключить, что Огаревъ вступилъ въ заговоръ съ Нечаевымъ съ цѣлью надуть русскую публику безъ всякой пользы для дѣла, въ личную угоду, въ личное одолженіе одному только Нечаеву, мало того: даже во вредъ дѣлу. Если бы Нечаевъ не имѣлъ намѣренія возвратиться въ Россію, то можно бы подумать, что престарѣлый авторъ поддался слѣдующимъ соображеніямъ: „пускай у русскаго народа прибавится одинъ лишній мученикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавится лишній стчетецъ народу съ правительствомъ“. Но замѣтьте, что Нечаевъ ѣхалъ въ Петербургъ и Москву, тамъ его должны были знать, и съ перваго же разу онъ не могъ не встрѣтить знакомыхъ, а если бы увидѣли, что Нечаевъ живъ, то этого одного уже достаточно, чтобы обличить во лжи, какъ его, такъ и Огарева. Мало того; въ этой пьесѣ есть стихи, которые въ устахъ Огарева звучатъ какъ самая адская насмѣшка: *„но, весь вѣкъ нелицемѣренъ, онъ борьбѣ остался вѣренъ.“* Не верхъ ли это лицемѣрія выдавать себя за мученика не бывъ таковымъ никогда? Наконецъ, есть одна фраза, которая положительно не могла выйти изъ подъ пера Огарева: „Жизнь онъ кончилъ въ этомъ мірѣ...“ и т. д. Это совершенно противорѣчитъ совсѣмъ нерелигіозному, какъ извѣстно, образу мыслей Огарева. Такимъ образомъ я думаю, что нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы стихотвореніе „Студентъ“ было писано Огаревымъ, чтобы оно вышло изъ Женевы; оно скорѣе суздальское издѣліе, отпечатанное подпольно ручнымъ станкомъ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ или за границей, гдѣ, по словамъ Нечаева, готовились кой-какіе оттиски. Я указалъ на то, какъ осторожно надо пользоваться данными, исходящими отъ Нечаева. Но если Нечаевъ дѣйствительно многое сочинялъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что онъ находился въ тѣсной связи съ нѣкоторыми выходцами, напримѣръ съ Бакунинымъ. На судѣ была прочитана записка, писанная рукою Бакунина, съ № 2,771,

въ которой рекомендуется агентъ, долженствующій изображать собою этотъ нумеръ русской революціонной организаціи. Есть свѣдѣніе, что въ Москвѣ по рукамъ ходитъ уставъ интернаціональнаго общества, съ собственноручною припискою Бакунина, извлеченною изъ одной его прокламаціи. Къ Бакунину долженъ былъ посылаться, по словамъ Успенскаго, подсудимый Прыжовъ для передачи отчета. Всего важнѣе, наконецъ, разсказъ Успенскаго о событіи, относящемся къ періоду, предшествовавшему пріѣзду Нечаева въ Россію, именно къ лѣту 1869 года. Лѣтомъ 1868 г. пріѣзжалъ изъ-за границы нѣкто Негрескулъ (нынѣ умершій), человѣкъ весьма замѣчательный, находившійся въ весьма дурныхъ отношеніяхъ съ Нечаевымъ и съ которымъ, вѣроятно, случилось бы въ Петербургѣ то же самое, что съ Ивановымъ въ Москвѣ, если бы онъ сталъ противодѣйствовать планамъ и намѣреніямъ Нечаева. Этотъ человѣкъ, нимало несочувствовавшій Нечаеву и ненавидѣвшій его, разсказывалъ, что бывъ въ Женевѣ, видѣлъ Бакунина и Нечаева вмѣстѣ и что Бакунинъ, трепля Нечаева по плечу, говорилъ: „вотъ какіе у насъ въ Россіи люди есть“. Эти данныя не оставляютъ сомнѣнія, что съ нѣкоторыми изъ эмигрантовъ Нечаевъ имѣлъ сношенія. Вѣроятно, явившись въ Женеву Нечаевъ наговорилъ три короба лжи о томъ, что дѣлается въ Россіи, какъ революція близка, какъ она растетъ по днямъ, какъ волнуется вся молодежь и т. д. Подобные разсказы для людей, находящихся въ положеніи эмигрантовъ, давно оторванныхъ отъ Россіи, не знающихъ, что въ ней дѣлается, но желающихъ на нее вліять, точно то же, что манна небесная. Они готовы вѣрить всякой сказкѣ, небылицѣ, мало-мальски совпадающей съ ихъ пожеланіями. Является человѣкъ энергическій, смѣлый, который говоритъ самымъ рѣшительнымъ образомъ,—какъ же его не одобрить и какъ же его не благословить, если онъ говоритъ, что отправляется на мѣст родины. Но благословить чѣмъ? день-

гами? нѣтъ, не деньгами,—по всей вѣроятности ихъ немного у выходцевъ и свои деньги они вообще берегутъ. Притомъ Нечаевъ разсказывалъ, что у него есть связи, есть друзья, есть готовыя средства, ставилъ себя въ такое положеніе, что и просить денегъ было не ловко, развѣ на то, чтобы добраться до границы. Но отчего же не благословить Нечаева тѣмъ, что такъ не трудно, что такъ дешево, что стоитъ немного дороже молитвы, а именно прокламаціями, нѣсколькими брошюрками, нѣсколькими печатными листками. И вотъ, съ этимъ то легкимъ багажомъ отправляется Нечаевъ въ Россію. Кромѣ этихъ вещей съ нимъ или за нимъ отправляется печатка съ топоромъ, да еще одна книжечка, писанная шифромъ, которую онъ берегъ весьма тщательно, которую онъ отдалъ потомъ на сохраненіе Успенскому и которой онъ никому не читалъ. Это такъ называемый катехизисъ революціонера.

Да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ объ этой книжкѣ, которая весьма замѣчательна; она самая характерная изъ всѣхъ имѣющихся въ дѣлѣ документовъ. Нѣкоторыя изъ прокламацій, которыя были привезены Нечаевымъ и доставлены потомъ по почтѣ, очевидно были назначены для того, чтобы только запугивать правительство; къ такимъ прокламаціямъ я причисляю безъ всякаго колебанія ту потѣшную прокламацію отъ брюссельскаго революціоннаго комитета, гдѣ говорится о томъ, что русское дворянство съ потомкомъ Рюрика во главѣ должно занять подобающее мѣсто на государственной аренѣ, согнавъ чиновную мелюзгу и нѣмецкую челядь. Очевидно, это воззваніе, должно быть, предназначалось для разсылки его въ Россіи, только для того, чтобы лица, получившія это воззваніе, отсылали его въ полицію или въ III отдѣленіе. Весьма любопытно было бы знать то впечатлѣніе, какое произведетъ на г. барона Вольфа, коего дѣтей училъ Нечаевъ, такая прокламація, гдѣ говорится объ истребленіи нѣмецкой челяди. Очевидно, что эта прокламація была на

то и назначена, чтобы ее сейчасъ же передали въ полицію. Кромѣ того были такія прокламаціи, которыя имѣли цѣлью дѣйствовать на молодежь извѣстнымъ образомъ, какъ напримѣръ „Народная расправа“, имѣющая весьма эфектное мѣсто, гдѣ Нечаевъ сопоставляется съ Бакунинымъ, и гдѣ его прокламаціи „Къ учащимся“ дается предпочтеніе предъ бакунинской. Что касается до катехизиса, то онъ занимаетъ особое мѣсто и выдаваемъ былъ за особый знакъ, отличающій коммисара или агента международнаго общества. Если бы этотъ катехизисъ употреблялся только какъ знакъ, то непонятно, отчего же брать именно этотъ знакъ, а не изобрѣсти другой, напримѣръ печатку съ изображеніемъ на ней вмѣсто одного топора двухъ топоровъ, или чего-нибудь подобнаго. Всякому знаку повѣрили бы люди русскіе. Если задаться вопросомъ, почему этотъ катехизисъ, столь старательно составленный, никому не читался, то надо придти къ заключенію, что не читался онъ потому, что если бы читался, то произвелъ бы самое гадкое впечатлѣніе. Даже молодежь, такъ не критически относящаяся къ дѣлу, не могла не задуматься, когда прочла одиннадцатый параграфъ, въ которомъ говорится, что каждый членъ организаціи разсматривается какъ капиталъ, состоящій въ распоряженіи организаціи, и если попадется, то организація озаботится его освобожденіемъ только тогда, когда на это освобожденіе не потребуется особенно значительныхъ затратъ, въ противномъ случаѣ онъ предоставляется на произволъ судьбы. Такое же впечатлѣніе произвелъ бы и тотъ параграфъ, въ которомъ говорится, что надо искоренить въ себѣ всѣ чувства дружбы, любви, благодарности и даже чувство чести. Отвратительное впечатлѣніе произвело бы то мѣсто катехизиса, въ которомъ предписывается втираться во всякія общества, къ людямъ, не дѣлающимъ собственно никому никакого зла, но виновнымъ только тѣмъ, что у нихъ есть связи, положеніе или деньги; ихъ предписывается опутать,

завладѣть ихъ тайнами и потомъ выдать головою правительству. Весьма многіе съ негодованіемъ отступили бы отъ дикой идеи, что единственный надежный революціонеръ въ Россіи—это лихой разбойничій людъ. Наконецъ, всякаго мыслящаго человѣка озадачило бы то, что въ концѣ концовъ катехизисъ ни до чего не договаривается и совсѣмъ даже отрицаетъ какую бы то ни было цѣль переворота. Какое устройство будетъ дано обществу—неизвѣстно, совершенная темень. Сказано, что устройство будетъ безсословное, безпоповское, безгосударственное, но это признаки чисто отрицательные; за исключеніемъ ихъ ничего и не остается. Я полагаю, что гораздо болѣе смысла даже въ программѣ революціи, не знаю, кому принадлежащей, найденной у г-жи Антоновой, въ которой говорится, по крайней мѣрѣ, о томъ, что въ данный моментъ съѣдутся юристы и экономисты революціи, которые и установятъ форму правленія и устройства Россіи; но въ катехизисѣ ничего подобнаго нѣтъ. Я полагаю, что этотъ катехизисъ въ своихъ коренныхъ началахъ мало отходитъ отъ убѣжденій Нечаева и почти съ ними совпадаетъ, т. е., что Нечаевъ осуществлялъ на дѣлѣ по мѣрѣ возможности, теоріи катехизиса. Но между авторомъ катехизиса и Нечаевымъ есть и громадная разница, а именно такая, какая существуетъ между революціонеромъ дѣла и революціонеромъ мысли. Нечаевъ былъ прежде всего революціонеръ дѣла. Если онъ и думалъ то, что написано въ катехизисѣ, то никому бы, однако, не сообщилъ, что людей нужно надувать, потому что въ такомъ случаѣ кто же бы согласился, чтобы его завѣдомо надули? никто бы, конечно, при такихъ условіяхъ и не поступилъ въ организацію. Возясь съ этими мыслями, Нечаевъ, конечно, поступалъ бы, какъ король французскій Людовикъ XI, который говаривалъ, что если бы шляпа его знала, что у него въ головѣ, то онъ бы ее бросилъ въ огонь. Между тѣмъ, въ авторѣ катехизиса мы видимъ теоретика, который на досугѣ, вдали

отъ дѣла, сочиняетъ революцію, графитъ бумагу, раздѣляетъ людей на разряды по этимъ графамъ, однихъ обрекаетъ на смерть, другихъ полагаетъ ограбить третьихъ запугать, и т. д. Это чистѣйшая отвлеченная теорія. Я вижу въ содержаніи этого катехизиса большое сродство, такъ сказать химическое, съ образомъ мыслей Нечаева. Нечаевъ многое оттуда позаимствовалъ. Вспомните, гг. судьи, слова, которыя онъ сказалъ Кузнецову послѣ убійства: «теперь ты обреченный человѣкъ». Это слово «обреченный» повторяется нѣсколько разъ въ томъ же смыслѣ въ катехизисѣ. Вспомнимъ то мѣсто, въ которомъ говорится о разбойничьемъ людѣ, который надо вербовать. Эта мысль безпрерывно вертится на умѣ у Нечаева, когда онъ пріѣхалъ въ Москву; съ этою цѣлью знакомится онъ съ Прыжовымъ, съ этимъ добрякомъ, простымъ, какъ дитя, съ этимъ фантазеромъ, любящимъ толкаться между народомъ безъ всякой опредѣленной задачи. Вспомните, что Нечаевъ пытается создать кружокъ около Прыжова для вербованія публичныхъ женщинъ, жуликовъ и тому подобнаго люда. Такимъ образомъ, я полагаю, что катехизисъ есть эмиграціонное сочиненіе, произведшее на Нечаева извѣстное впечатлѣніе и принятое имъ во многихъ частяхъ въ руководство. Я не смѣю приписывать его Бакунину; но во всякомъ случаѣ происхожденіе его эмиграціонное.

Съ такимъ легкимъ багажомъ, какъ я уже описалъ, этотъ человѣкъ поѣхалъ одинъ въ Россію, одинъ, съ тѣмъ, чтобы безъ денегъ, безъ средствъ, совершить государственный переворотъ. Средствъ у него не было никакихъ—онъ долженъ былъ ихъ создать, а созидать ихъ и добывать доводилось ему только обманомъ и ложью. Къ этимъ способамъ Нечаевъ и прибѣгалъ ежеминутно. Какъ на примѣръ безцеремонности, я могу указать на взятіе векселя въ 6,000 рублей отъ г. Колачевскаго, о чемъ узналъ Скипскій въ Петербургѣ, векселя, который былъ переданъ Кузнецову.

Конечно, въ то время, когда Нечаевъ ѣхалъ въ Россію, у него не было еще готовыхъ списанныхъ на бланкѣ правилъ организаціи, сѣтей для отдѣленій, прокламацій отъ сплотившихся къ разрозненнымъ; всѣ эти документы принадлежали къ позднѣйшему времени, когда Нечаевъ былъ въ Москвѣ. Но, конечно, и тогда, лѣтомъ 1869 г., въ головѣ его былъ планъ организаціи, который въ общихъ чертахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Организація состояла изъ кружковъ. Сами по себѣ кружки не новость: это обыкновенный, неизбѣжный пріемъ всякой революціи, самая старая, но невыходящая никогда изъ употребленія рутина. Если въ древней Ниневіи или Египтѣ были какія-нибудь тайныя общества, то несомнѣнно и они прибѣгали къ устройству кружковъ. Разница могла быть только въ мелочахъ, въ числѣ членовъ и т. п. Я полагаю, что идею кружковъ Нечаевъ не заимствовалъ ни отъ каракозовскаго заговора, ни вообще откуда бы то ни было. Кружки эти явились естественнымъ образомъ, сами собою. Но важны градація степеней и связь высшихъ изъ этихъ степеней съ заграницей. Организація должна была быть по идеѣ создателя слѣдующая. Внизу кружки первой степени; когда ихъ образуется много, то заводится центральный кружокъ, въ который входятъ представители отдѣльныхъ кружковъ первой степени. Затѣмъ, когда центральныхъ кружковъ заведено много, то для цѣлой страны, для цѣлой мѣстности, напримѣръ для Петербурга, Москвы, учреждается отдѣленіе, съ особымъ кружкомъ отдѣленія во главѣ, изъ представителей центральныхъ кружковъ; отдѣленіе, вмѣщающее въ себѣ кружокъ отдѣленія, центральные кружки и кружки первой степени, образуетъ особую единицу и получаетъ особый нумеръ. Такъ для Петербурга была цифра 9, для Москвы 3, для Молдо-Валахіи 4, и такъ далѣе— однимъ словомъ дѣлалось то, что дѣлаютъ издатели газетъ, которые, чтобы показать, что у нихъ много подписчиковъ, выдаютъ билеты съ 2,000-го и т. д. нуме-

ровъ. Этотъ фиктивный нумеръ дѣлается для того, чтобы показать, что много подписчиковъ. Въ цѣломъ отдѣленіи сверху до низу должно было быть проведено одно начало: все основано на личномъ довѣріи къ тому, кто являлся представителемъ единицы высшаго порядка. Члены организаціи разныхъ кружковъ не должны были знать другъ друга; въ отдѣльные кружки должны были наѣзжать часто ревизоры; кружки постоянно должны находиться подъ впечатлѣніемъ, что кто-нибудь явится записывать, что они дѣлаютъ и какъ работаютъ. Въ такомъ кружкѣ стоялъ Нечаевъ, окруженный товарищами. Этими товарищами онъ могъ руководить своими словами, личнымъ своимъ авторитетомъ; но этого было ему мало: онъ привыкъ командовать и не могъ терпѣть разсужденій. И вотъ для достиженія этой цѣли, для усиленія своей власти, онъ созидалъ и ставилъ за своими плечами цѣлый рядъ призраковъ. Онъ измышляетъ, что есть особый комитетъ поблизости, въ Москвѣ, съ которымъ онъ сносится, отъ котораго получаетъ распоряженія. За этимъ комитетомъ мистическая сѣть или русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго общества, наконецъ само всемірное революціонное общество, отождествляемое Нечаевымъ, съ международнымъ обществомъ рабочихъ. Для русскаго человѣка, мало знающаго, что дѣлается за границею, весьма легко смѣшать этотъ всемірный революціонный союзъ съ дѣйствительно существующимъ интернаціональнымъ обществомъ рабочихъ, имѣющимъ свои опредѣленныя цѣли, свои задачи, но котораго какое бы то ни было отношеніе къ настоящему дѣлу не усматривается; въ дѣлѣ нѣтъ на то никакихъ данныхъ. Таковы были основныя правила организаціи, въ которыхъ было, между прочимъ, сказано, что цѣль организаціи не убѣждать, а готовое только сплачивать, что вступившій въ отдѣленіе не споритъ и не разспрашиваетъ, но даетъ обязательство, что онъ будетъ подчиняться во всемъ тому, чего потребуетъ отъ него комитетъ. Такова была основа органи-

зацiи. Этимъ основамъ соотвѣтствовали въ умѣ организатора самыя блистательныя надежды, которыя должны были заключаться въ слѣдующемъ: общество растетъ, число отдѣленiй увеличивается, вслѣдъ за московскимъ образуется петербургскiй, работа кипитъ, переносится въ губернскiе города, затѣмъ въ уѣздные, пропаганда обхватываетъ всѣ селенiя, привлекаются крестьяне, образуются шайки воровъ и мошенниковъ, наконецъ финалъ 19 февраля 1870 г.—это всеобщiй кавардакъ, преставленiе свѣта, всеобщее движенiе. Чѣмъ болѣе приближалось это 19-е февраля, тѣмъ больше отдалялась вѣроятность достигнуть желаемаго именно 19-го февраля 1870 г.; но для людей, которые на этомъ пути останавливали Нечаева, онъ имѣлъ различные отвѣты, что, конечно, 19-е февраля 1870 г., будетъ только исходнымъ пунктомъ движенiя, началомъ работы, но сама работа продолжится 3—4 года; она будетъ длиннѣе, но полезно, чтобы большинство, не относящееся критически къ дѣлу, вѣрило, что все 19-мъ февраля и покончится. Вотъ его организацiя, его планы, его намѣренiя. Его путь пролегалъ съ юга, чрезъ Бессарабскую область, гдѣ онъ былъ въ августѣ 1869 г. и ѣхалъ въ Москву. Этотъ страшный, роковой человѣкъ всюду, гдѣ онъ ни останавливался, приносилъ заразу, смерть, аресты, уничтоженiе. Есть легенда, изображающая повѣтрiе въ видѣ женщины съ кровавымъ платкомъ. Гдѣ она появится, тамъ люди мрутъ тысячами. Мнѣ кажется, Нечаевъ совершенно походитъ на это сказочное олицетвореніе моровой язвы. Читались показанiя студента Енишерлова, который дошелъ до того, что подозрѣвалъ, не былъ ли Нечаевъ сыщикомъ. Я далекъ отъ этой мысли, но долженъ сказать, что если-бы сыщикъ съ извѣстною цѣлью задался планомъ какъ можно болѣе изловить людей готовыхъ къ революцiи, то онъ дѣйствительно не могъ искуснѣе взяться за это дѣло, нежели Нечаевъ.

Я перехожу къ тому живому матерiалу, на который долженъ былъ дѣйствовать Нечаевъ, т. е. къ тѣмъ

людямъ, изъ которыхъ онъ сплачивалъ свою организацію. Живой матеріалъ, на который долженъ былъ дѣйствовать Нечаевъ, состоялъ, во-первыхъ, изъ его земляковъ. Такихъ было нѣсколько: Орловъ, Николаевъ, Аметистовъ. Всѣ эти люди были безъ ума отъ него, они его любили— это заявилъ прокуроръ, и это совершенно вѣрно. Съ ними Нечаевъ могъ не стѣсняться, онъ могъ говорить совершенно откровенно. Съ такимъ мало развитымъ человѣкомъ, какъ Николаевъ, онъ имѣлъ, однако, разговоръ о комитетѣ. Николаевъ сказалъ ему: „Да самъ ты что ли комитетъ?“ Другой разрядъ людей составляли тѣ, которые знавали его учителемъ Сергіевскаго училища или во время бѣгства изъ крѣпости въ Москву въ началѣ 1869 года. Къ третьему разряду я отношу людей, съ которыми Нечаевъ познакомился въ первый разъ только послѣ пріѣзда въ Москву. Нечаевъ имѣлъ удивительную способность комбинировать эти элементы и такъ ихъ сочетать, чтобы они производили впечатлѣніе огромной силы; огромнаго количества. Конечно, если одного человѣка поставить въ десяти разныхъ мѣстахъ, то можно подумать, что стоятъ десять человѣкъ. Такъ дѣлалъ Нечаевъ. Вспомните пріѣздъ Лихутина. Нужно внушить москвичамъ, что за ними наблюдаетъ женевскій комитетъ. Нечаевъ отправляется нарочно въ Петербургъ, въ концѣ сентября, беретъ тамъ офицера Лихутина, котораго зналъ на сходкахъ, превращаетъ его въ агента женевскаго комитета, привозитъ его въ Москву, гдѣ Лихутинъ и разыгрываетъ свою роль; этимъ искусствомъ „de la mise en scène“ обладалъ Нечаевъ въ высшей степени. Вспомнимъ, что онъ говоритъ о кучкахъ, которыя будто бы арестованы въ Петербургѣ, вспомнимъ, какъ онъ вдругъ является въ офицерскомъ платьѣ, говорилъ, что иначе онъ не могъ явиться, такъ какъ сейчасъ былъ на сходкѣ офицеровъ и т. д.

Кромѣ этого дѣленія людей, вошедшихъ въ организацію, можно сдѣлать еще другое, не менѣе важное, на которое я прошу обратить особенное вниманіе. Въ

организацію вошли, во-первыхъ, люди, прошедшіе сквозь извѣстный огнь житейскій, испытавшіе кое-что въ жизни, избравшіе затѣмъ извѣстное дѣло, извѣстный родъ занятій; таковъ, напримѣръ, былъ Успенскій. Во-вторыхъ, въ организацію вошли школяры, люди незнающіе практическаго дѣла и сидящіе за тетрадями, книжками; это учащаяся молодежь. Отношенія Нечаева къ этимъ двумъ категоріямъ были существенно различны. Съ людьми первой категоріи, то есть съ такими, на которыхъ ему указывали какъ на недовольныхъ, ему было легче сходиться, потому что это были люди подготовленные, у которыхъ на душѣ лежалъ горькій осадокъ ѣдкихъ воспоминаній и неудовлетворенныхъ желаній. Въ каждомъ обществѣ, какомъ бы то нибыло, есть партіи, есть оппозиція. Это необходимое условіе жизни обществъ. Въ каждомъ обществѣ бываютъ моменты медленнаго и постепеннаго развитія и моменты порывистыхъ движеній, бываетъ непремѣнно акція и реакція. Именно въ этихъ порывистыхъ движеніяхъ и умножается число людей недовольныхъ. Вы слышали здѣсь показаніе Прыжова. Онъ говорилъ, что видалъ двѣ реакціи: первую 1848 г., вторую 1862 г., но Прыжовъ, сравнительно съ другими подсудимыми, человѣкъ старый; всѣ другіе прошли одну только реакцію. Впрочемъ я долженъ сказать, что эта реакція была по своимъ составнымъ элементамъ двойная и потому сильная. Нашъ вѣкъ пережилъ два важныя движенія: одно, которое привело къ великимъ реформамъ—къ положенію 19-го февраля, къ новому судебному устройству, къ земскимъ учрежденіямъ. Правительство предусмотрѣло, предупредило и направило это движеніе; оно провело реформы весьма сильной рукою, причемъ ему содѣйствовали всѣ ряды прогрессистовъ, начиная съ самыхъ умѣренныхъ и до самыхъ крайнихъ. Когда реформы проведены, то бываетъ одновременно слѣдующее: наступаетъ извѣстный моментъ остановки, чтобы сжиться съ новымъ, привыкнуть къ нему, ввести его въ дѣй-

ствіе. Такая реакція необходима послѣ каждаго движенія реформистическаго и революціоннаго. Другое движеніе, испытанное потомъ обществомъ, но не предусмотрѣнное, это движеніе извѣстное подъ именемъ польскаго мятежа, которому дѣлались сначала уступки, а потомъ живьемъ его укротили, что вызвало тоже реакцію. Во время этой двойной реакціи пришлось пострадать весьма многимъ, быть оторваннымъ отъ своихъ, потерять свое семейство, свое состояніе. Было очень много недовольныхъ, и это недовольство нельзя имъ вмѣнить въ вину, такъ какъ порядокъ вещей для нихъ въ самомъ дѣлѣ былъ тяжелъ, если стать на ихъ точку зрѣнія. Къ такимъ людямъ легко было приступить Нечаеву, легко было сказать: вы недовольны—я васъ избавлю отъ этого положенія и введу въ міръ вашихъ мечтаній, дайте мнѣ руку. Съ такими людьми онъ могъ быть даже весьма откровененъ, могъ сообщить, что для пользы дѣла нужно кое-что измыслить, представить существующимъ комитетъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ и не существуетъ, и тому подобное. Загѣмъ другой разрядъ вербуемыхъ—это учащіеся школяры. Тутъ пріемъ вербовки былъ уже гораздо труднѣе; надо было измыслить что-нибудь другое, чтобы подѣйствовать на это юношество, узнать съ какой стороны за него взяться. Я долженъ сказать, что пріемъ, который употребилъ Нечаевъ, дѣлаетъ честь его уму и почти неотразимъ при извѣстныхъ условіяхъ воспитанія и развитія нашего общества. Остановимся на этихъ юношахъ. У молодого человѣка нашего вѣка главное, первенствующее чувство, съ которымъ онъ вступаетъ въ міръ, есть чувство прекрасное, преблагородное, это чувство любви къ народу, чувство демократическое, желаніе идти въ этотъ народъ, сжиться съ нимъ. Я самъ на своемъ вѣку видѣлъ дѣтей аристократовъ, которые надѣвали крестьянскія сермяги и поселялись между крестьянами. У многихъ чувство это проходитъ потомъ, когда наступитъ зрѣлость или когда мечтанія столкнутся съ матеріальными интересами; но

многіе также до конца жизни остаются людьми этого закала. Это неопредѣленное демократическое чувство должно чѣмъ-либо выражаться. Способъ его выраженія въ значительной степени зависитъ отъ національности. Возьмемъ для примѣра двухъ людей: молодого поляка и молодого русскаго. Полякъ любитъ народъ, т. е. свой народъ, у этого народа есть богатое прошлое, есть въ прошломъ многое, отъ чего и донынѣ бьется сердце у современниковъ. Это прошлое и возникаетъ передъ его глазами въ пурпурѣ и златѣ, въ дивномъ величіи, и онъ кидается въ это національное прошлое съ тѣмъ, чтобы осуществить посредствомъ него свои демократическія мечтанія. Вотъ какимъ способомъ дѣлается онъ революціонеромъ. Другое дѣло русскій юноша. Прошлое его не богато, весьма не богато, что ни говори славянофильство; настоящее сухо, бѣдно, голо, какъ степь раскатистая, въ которой можно разгуляться, но не на чемъ остановиться! Та размашистость русской натуры, о которой такъ много говорятъ, тотъ радикализмъ, который замѣтенъ въ большинствѣ русскихъ дѣятелей, происходятъ именно отъ неимѣнія прошлаго, отъ отсутствія культуры, отъ того, что не на что опереться. Радикализмъ этотъ есть самая крупная, всего болѣе выдающаяся черта въ дѣятеляхъ русскихъ; почти всякій молодой человѣкъ дѣлается радикаломъ, то есть по необходимости, по естественному ходу идетъ докапываться до корня вещей, до сути отношеній, до самой сокровеннѣйшей подкладки; онъ пробивается разлагающимъ эти отношенія умомъ сквозь государство, сословность, религію, науки, искусство, сквозь всѣ эти оболочки, и останавливается на томъ, откуда дальше и пути никакого нѣтъ — на экономическомъ основаніи быта, на противоположностяхъ и борьбѣ съ одной стороны капитала и собственности, съ другой стороны—труда. Когда онъ остановился на этой точкѣ, то здѣсь встрѣчаетъ цѣлую богатую литературу иностранную о рабочемъ вопросѣ на западѣ и по необходимости дѣлается

соціалистомъ. Можно сказать, что почти всѣ мы тамъ были, въ этой соціалистической странѣ, и что эти путешествія не происходятъ отъ какого бы то ни было заговора, напримѣръ отъ каракозовскаго, и даже не отъ того такъ называемаго тайнаго общества, которое называютъ именемъ Петрушевскаго. Мысль русскаго молодого человѣка принимаетъ этотъ складъ самымъ естественнымъ образомъ и порядкомъ.

Русскій соціализмъ не заключаетъ самъ въ себѣ ничего вреднаго для государства. Само по себѣ благородно предпріятіе составить ассоціацію эксплоатируемыхъ, выстроившихся фалангою, чтобы честнымъ образомъ и дружными усиліями побороть эксплоататоровъ на почвѣ законности, чтобы создать земледѣльческія образцовыя фермы, рабочія артели, школы и т. п. Во всѣхъ этихъ благихъ предпріятіяхъ есть однако одинъ коренной недостатокъ — страшная несоразмѣрность между богатствомъ ожидаемыхъ въ будущемъ благъ съ крайнею бѣдностью непосредственныхъ результатовъ дѣятельности при самомъ усиленномъ трудѣ. Собралась, положимъ, артель состоящая изъ 5, 6, допустимъ изъ 20 человѣкъ, изъ двадцати бѣлоручекъ, которые взялись по книжкамъ землю пахать или сыры варить. Конечно, они весь свой вѣкъ ничего великаго, обширнаго не сдѣлаютъ. Съ простымъ народомъ они не сойдутся. Русскій мужичекъ имѣетъ свою ассоціацію, свою общину, которая ему подъ часъ очень тяжела — извѣстно, что польза крестьянской общины есть еще вопросъ спорный. Что касается рабочаго фабричнаго люда, то его у насъ мало и нѣтъ матеріала, на который можно было бы дѣйствовать съ такими идеями, какъ напр. идеи Шульце-Делича или Лассаля. Кромѣ предмѣстья Чулкова въ Тулѣ есть можетъ быть двѣ, три мѣстности, въ которыхъ бѣдствуютъ фабричные рабочіе. Такимъ образомъ выходитъ на практикѣ, что ассоціація представляется толченіемъ воды. Затѣмъ, малостью результатовъ вводится разладъ

между дѣятелями, они расходятся. Кто поступаетъ въ чиновники, кто въ контору, кто думаетъ о томъ, какъ бы переселиться въ другія страны, напримѣръ въ Америку. Такими идеалистическими соціалистами являются если не всѣ, то значительное большинство молодыхъ людей, которые привлечены къ дѣлу, не только по настоящей группѣ, но и по всѣмъ послѣдующимъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Кузнецовъ. Онъ былъ въ земледѣльческой Петровской академіи, онъ думалъ о томъ, чтобы устроить земледѣльческую образцовую ферму, или о томъ, чтобы образовать артель бродячихъ школьныхъ учителей. Образъ дѣйствія Нечаева былъ слѣдующій. Я излагалъ уже идеи Нечаева, идеи сумасбродныя; могло показаться страннымъ, какъ могъ онъ подыскать столько подобныхъ себѣ сумасшедшихъ. Съ другой стороны, вы замѣтили, гг. судьи, что всѣ соумышленники его, изображаютъ его человѣкомъ страшно сильнымъ, энергическимъ, которому противостоять не было никакой возможности, который и въ діалектикѣ былъ первостепенный боецъ, такъ что всякаго одолѣетъ, и характеръ имѣетъ такой желѣзный, что заставляетъ всѣхъ передъ собою трепетать. По справедливости, выслушавъ подсудимыхъ, г. прокуроръ могъ поставить вопросъ: неужели же человѣкъ этотъ былъ выше роста человѣческаго, а всѣ остальные ниже обыкновеннаго уровня человѣческой природы? Между тѣмъ сомнѣніе объясняется просто. Нечаевъ былъ человѣкъ дѣла. Всякій человѣкъ дѣла, котораго всѣ силы направлены въ одну какую-либо сторону, дѣлается страшно одностороннимъ, но и пріобрѣтаетъ огромное вліяніе на другихъ, когда ему удается подѣйствовать на нихъ именно этою стороной. Представимъ же себѣ человѣка, у котораго одна только идея и засѣла въ голову, да притомъ засѣла гвоздемъ, такъ что все, что онъ видитъ, слышитъ, читаетъ, онъ относитъ къ этой идеѣ и посредствомъ ея перерабатываетъ—идея о неизбѣжности, о близости революціи въ Россіи. Толкуя съ сотнями

людей различныхъ классовъ все объ одной и той же идеѣ, онъ натурально изловчился до такой степени, что знаетъ какъ кого убѣдить. Всѣ описываютъ, какъ онъ ловко умѣлъ диспутировать; ему говорятъ, напримѣръ, что прокламаціи вздоръ, онъ отвѣчаетъ: прокламаціи хороши, потому что пріучаютъ публику къ самостоятельности, къ болѣе правильной постановкѣ вопросовъ. Ему говорятъ позволительно-ли обманывать, не войдетъ ли ложь въ плоть и кровь? Нѣтъ—говоритъ онъ—регуляторомъ и охранителемъ должна служить человѣку идея. Ему говорятъ: все что вы преслѣдуете противорѣчитъ русской исторіи. Нѣтъ—говоритъ онъ—русская исторія имѣетъ только двѣ эпохи, все же остальное не русская исторія; только въ эти два момента и жилъ русскій народъ; эпоха Стеньки Разина, да эпоха Емельки Пугачева, и т. д.

Разсмотримъ теперь какимъ образомъ сошлись Кузнецовъ съ Нечаевымъ. Кузнецовъ былъ соціалистъ и радикалъ, съ этихъ обѣихъ сторонъ и прихлопнулъ его Нечаевъ. Предъ радикаломъ онъ явился радикаломъ наирадикальнѣйшимъ, какого можно только себѣ представить, т. е. такимъ, о каковомъ Кузнецовъ и понятія отродясь не имѣлъ — безпредѣльнымъ, безшабашнымъ; онъ явился также и соціалистомъ, но положилъ вмѣстѣ съ тѣмъ палецъ на болящее мѣсто соціализма. „Дѣйствуя такъ, какъ ты дѣйствуешь, вѣдь въ 1.000 лѣтъ одной версты не уѣдешь“. Слѣдовалъ вопросъ: почему не уѣдешь? „Да потому, что доѣхать некуда, впереди пустота“. Но Нечаевъ этого то послѣдняго и не сказалъ. Онъ представилъ дѣло такъ: „твои соціальныя розы не расцвѣтутъ на гниломъ болотѣ, васъ разгонятъ, уничтожатъ, правительство недопуститъ“. Затѣмъ Нечаевъ сказалъ: „знаешь-ли ты, что въ Европѣ есть такое сякое интернаціональное общество, громадный союзъ изъ многихъ милліоновъ людей: знаешь ли что этотъ союзъ имѣетъ сотни рукъ; знаешь ли, что онъ произвелъ студенческія сходки въ Петербургѣ, что произ-

водитъ волненія рабочихъ, волненія крестьянъ въ 8 губерніяхъ, страдающихъ голодомъ, что моментъ избавить голодающій людъ приближается шибко, что Петербургъ горитъ, что Москва горитъ, что сейчасъ и сдѣлается переворотъ. И такъ, если ты человѣкъ дѣла, а не праздной мысли, то ты долженъ бросить свои соціалистическія утопіи и приступить прежде всего къ уничтоженію того порядка, при коемъ нельзя ихъ осуществить: если ты живой человѣкъ, а не мертвецъ, то становись вмѣстѣ со мной и подай мнѣ руку".

Въ положеніи Кузнецова, пріемъ этотъ былъ почти неотразимъ. Мечтателю всего больше жаль отказаться отъ своихъ утопій. Притомъ отъ него какъ будто немного требовалось: подай только руку и будь готовъ, когда наступитъ часъ переворота. Какъ было не стать на эту почву? Но прежде чѣмъ рѣшиться, Кузнецовъ колебался. Страшныя мысли приходили ему въ голову; „да скажите же, какія средства, какія цѣли этого общества". Но тутъ у Нечаева былъ готовый отвѣтъ: это тайна, всѣ вы баре привыкли сидѣть, разсуждать да совѣтовать и генеральствовать, а не угодно ли вамъ стать въ рядъ простыхъ солдатъ и, соблюдая тайну высшихъ лицъ, дѣлать то, что вамъ будетъ приказано. Потомъ, когда вы сподобитесь болѣе высокой степени, вамъ скажутъ. Ежели вы не баринъ, а настоящій демократъ, то должны покориться этому". Конечно, Кузнецовъ человѣкъ слабый, ему слѣдовало бы поступить такъ, какъ поступилъ Прокофьевъ, который, не обѣщаясь войти въ организацію сразу, сказалъ: дѣло серьезное— надо подумать. Но Кузнецовъ рѣшился и вошелъ. Въ легендахъ есть разсказъ о томъ, какъ дьяволъ заключаетъ договоръ съ человѣкомъ о его душѣ. Здѣсь произошло нѣчто подобное; разница только въ томъ, что дьяволъ давалъ человѣку всѣ блага земныя и бралъ только будущую жизнь; Кузнецову даже и личныхъ благъ не предлагалось. Онъ и не требовалъ никакого личнаго счастія; онъ вступилъ весь, какъ есть, со всѣми

своими силами и обрекъ себя, закрѣпостилъ себя этому невѣдомому обществу безъ всякихъ условій.

Съ этихъ именно поръ и начинается исторія постепеннаго паденія Кузнецова; съ каждымъ днемъ онъ опутывается бо́льше и больше. Я разскажу суду эту исторію паденія. Разсказъ мой займетъ немного времени, такъ какъ большая часть фактовъ уже окончательно выяснена. Нечаевъ, по пріѣздѣ въ Москву, прежде всего возобновилъ свое знакомство съ Успенскимъ; чрезъ Успенскаго онъ познакомился съ Прыжовымъ, добрѣйшею-душою, мечтателемъ, на котораго Нечаевъ возлагалъ огромныя надежды, чтобы посредствомъ него сойтись съ поддонками общества, съ подпольнымъ людомъ, копошащимся въ разныхъ мѣстностяхъ Москвы. Чрезъ Успенскаго Нечаевъ успѣлъ найти притонъ себѣ въ Петровской академіи и завербовалъ бездну лицъ. Въ академіи познакомился онъ съ Долговымъ, а черезъ Долгова съ Ивановымъ, Кузнецовымъ и Рипманомъ. Изъ этихъ-то лицъ онъ и образовалъ первый кружокъ. Замѣтимъ, что эта организація не шла по первоначальному плану Нечаева; это былъ планъ идеальный; но тутъ пришлось начинать съ крыши, съ центральнаго кружка и затѣмъ предлагать каждому изъ членовъ центральнаго кружка, чтобы онъ образовалъ, въ свою очередь, вокругъ себя кружки первой степени и прочитывалъ имъ правила организаціи. Кузнецовъ вошелъ въ эту организацію и былъ весьма полезенъ. Онъ вообще человѣкъ прямой, что обѣщаетъ, то старается сдержать точно; на что пошелъ, то исполнитъ. Ему предоставлено было собирать деньги, которыя необходимы были для того, чтобы быть готовыми въ моментъ производства революціи. По идеѣ Нечаева всѣ кружки должны были дѣлиться на два разряда: одни назначались для собиранія средствъ и денегъ, нужныхъ на поддержку общества на всякій случай; другой разрядъ кружковъ предназначался для того, чтобы прямо идти въ народъ, дѣйствовать на него и вести его подъ картечь. Затѣмъ образовался централь-

ный кружокъ. Изъ этого кружка въ скоромъ времени взятъ былъ Кузнецовъ вмѣстѣ съ Ивановымъ, и оба перемѣщены въ кружокъ отдѣленія. Затѣмъ всѣ сношенія Кузнецова съ первоначально образованнымъ имъ кружкомъ и съ центральнымъ кружкомъ кончились. Собственно отдѣленіе должно было стоять надъ нѣсколькими центральными кружками; но оказалось не такъ: кружокъ отдѣленія былъ точно также недодѣланная работа, опять-таки крыша, по построеніи которой подводится подъ нее основаніе. По составленіи кружка отдѣленія, предполагалось додѣлать нѣсколько центральныхъ кружковъ, отъ которыхъ должны были разойтись въ свою очередь кружки первой степени. Такъ Кузнецову предложено сойтись съ Черкезовымъ и Скипскимъ: образовать кружокъ Прыжова и т. д. Но до этой работы не дошло. Затѣмъ Нечаевъ предложилъ Кузнецову переѣхать въ Москву. Кузнецовъ поселяется въ Москвѣ; а потомъ, въ началѣ октября, ему говорятъ опять: поѣзжай въ Петербургъ. Наконецъ 21-го числа совершается убійство Иванова. Такова хронологія событій. Какое-же участіе принималъ въ нихъ Кузнецовъ? Участіе это заключалось въ слѣдующемъ: во-первыхъ, поступленіемъ въ кружокъ отдѣленія ему поручено вести пропаганду въ купеческой средѣ, отыскивать тамъ людей и средства. Кузнецовъ не былъ знакомъ съ купечествомъ. Это знакомство я совершенно отвергаю: оно ничѣмъ не доказано. Кузнецовъ былъ поставленъ въ крайне неловкое положеніе. Съ одной стороны на него возлагаютъ надежды, и онъ горячо желаетъ ихъ поддержать и оправдать; съ другой стороны выполнить возложенное на него онъ не въ силахъ. Онъ и прибѣгаетъ къ притворству. Онъ вноситъ въ кассу свои собственныя деньги, говоря, что это собранныя, и вноситъ болѣе даже чѣмъ всѣ остальные—около 300 рублей. Въ этой организаціи, исполненной фальши, всякій старается представить, что онъ дѣлаетъ больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Кузнецовъ начинаетъ уже стѣсняться непріятными

условіями, въ которыя онъ поставленъ, именно шпіонствомъ. За нимъ постоянно кто-нибудь надзираетъ, наблюдаетъ; постоянно возникаютъ споры о томъ, что такой-то членъ разсказалъ тому или другому, чего онъ не долженъ былъ разсказывать. Шпіонство вообще противно во всякой организаціи, а тѣмъ болѣе въ тайномъ обществѣ. Поэтому Кузнецовъ былъ собственно даже радъ, когда ему сказали, что ему надо переселиться изъ академіи въ Москву. Онъ былъ радъ потому, что поселясь въ Москвѣ, онъ думалъ, что отдалится отъ товарищей, окончитъ курсъ и сдастъ экзаменъ. Вышло совсѣмъ не такъ, какъ онъ разсчитывалъ: квартира его сдѣлалась притономъ для другихъ—сказали что тутъ будетъ складъ костюмовъ; да наконецъ посадили человѣка весьма сомнительнаго, котораго Кузнецовъ не могъ раскусить, именно Николаева, которому въ свою очередь было внушено, чтобы онъ скрытничалъ, не проговаривался и держалъ въ тайнѣ, что онъ переписывалъ прокламаціи. Такимъ образомъ Кузнецовъ и Николаевъ сидятъ рядомъ, наблюдаютъ одинъ за другимъ и одинъ страшится другого. Кузнецовъ опять бѣжитъ изъ этой квартиры, шляется по библіотекамъ, по своимъ знакомымъ, опять лжетъ, сочиняетъ; самъ онъ ненавидитъ хлестаковщину, но, однако, чувствуетъ какъ хлестаковщина его заѣдаетъ, какъ онъ въ нее погружается. Онъ не имѣетъ ни пріюта, ни собственности, оторвался отъ всего, совсѣмъ сбился съ толку. Вотъ первый плодъ принадлежности его къ организаціи. Когда 12-го ноября ему велѣно ѣхать въ Петербургъ, то онъ въ сущности былъ радъ перемѣнѣ, потому что житья ему не было въ Москвѣ.

Но, прежде чѣмъ онъ выѣхалъ, дано ему было участвовать помимо его воли и желанія, въ одной изъ страшнѣйшихъ драмъ, какія только можно себѣ представить, именно въ убійствѣ Иванова. Я долженъ передать логическое развитіе этой драмы. Я сказалъ уже, что Нечаевъ, для усиленія своей власти, для сообщенія

себѣ большого авторитета, прибѣгалъ къ призракамъ. Такимъ призракомъ былъ комитетъ, который долженъ быть парить, стоять надъ всѣми членами отдѣленія и внушать къ себѣ страхъ и уваженіе. Собственно никакой надобности въ этомъ комитетѣ не существовало для кружковъ 1-й степени и для центральныхъ кружковъ, такъ какъ даже имени комитета нѣтъ въ общихъ правилахъ организаціи. Комитетъ существовалъ только для отдѣленія. Но съ какой же цѣлью? съ какимъ рискомъ? Съ большимъ. Положимъ, что члены даже вѣрятъ въ комитетъ и подчиняются ему, но вѣдь придетъ минута, когда они разувѣрятся и тогда окажется, что вся власть построена на обманѣ. Конечно практичнѣе было бы сказать, что комитетъ и есть само отдѣленіе; отдѣленіе имѣло бы тогда громадный авторитетъ и первенствующее значеніе. Но Нечаевъ былъ человѣкъ, который предпочиталъ спокойно властвовать и командовать, нежели разсуждать. Привычка генеральствовать какъ будто была врождена ему, та привычка, въ которой онъ обвинялъ всѣхъ тѣхъ, которые его распрашивали объ обществѣ. Я не думаю, чтобы изъ членовъ организаціи всѣ были одинаково увѣрены, что комитетъ существуетъ. Съ положительною ясностью изъ показанія Успенскаго выходитъ, что онъ зналъ, что никакого комитета нѣтъ, когда онъ оставался одинъ въ Москвѣ при отъѣздѣ Нечаева, когда все дѣлопроизводство было въ его рукахъ и когда всѣ отчеты для отсылки за границу къ Бакунину готовились у него для отправленія. Что касается до Прыжова, то вопросъ о комитетѣ не былъ его дѣломъ и его заботою. Это человѣкъ совершенно посторонній, выходившій изъ ряда другихъ и менѣе всего заботившійся о самыхъ пружинахъ организаціи. Затѣмъ Бѣляева, это тоже оригинальное лицо, и та не спрашивала. Остаются Кузнецовъ и Ивановъ. Кузнецовъ смѣло и безусловно вѣрилъ въ существованіе комитета. Это былъ человѣкъ прежде всего прямой, онъ шелъ постоянно одною дорогою, пока

не натолкнулся головою на стѣну, пока не увидалъ воочію неправду. Но Ивановъ былъ человѣкъ совершенно иного рода. Все то, что собрано относительно Иванова, говоритъ только въ его пользу. Это былъ настоящій демократъ, сынъ народа, крестьянинъ, воспитывавшійся на Жмуди, пріѣхавшій въ Москву, учившійся въ страшной бѣдности и пробивавшійся уроками. Бывали мѣсяцы, въ которые онъ, какъ говорятъ, не принималъ горячей пищи по неимѣнію денегъ. Но онъ былъ самостоятеленъ, любилъ относиться критически ко всякому дѣлу, и преблагородная черта въ его характерѣ— это настоящая любовь къ свободѣ, т. е. отвращеніе его отъ всякаго притѣсненія, отъ кого бы оно ни исходило. Есть еще одна черта, на которую указывали стороны при разборѣ настоящаго дѣла и о которой говорили мой товарищъ по защитѣ князь Урусовъ и прокуроръ—это извѣстнаго рода честолюбіе. Можетъ быть Ивановъ, вступивши въ организацію, не хотѣлъ быть простою пѣшкою, машиною, а хотѣлъ сознательно участвовать въ дѣлѣ и, можетъ быть, играть общественную роль. Но вообще самое основаніе характера его—это качества какъ нельзя больше благороднаго, какъ нельзя больше честнаго человѣка. Этотъ человѣкъ былъ сначала подъ полнѣйшимъ обаяніемъ Нечаева, но мало по малу онъ, можетъ быть, началъ соображать, относиться критически, оспаривать нѣкоторыя распоряженія Нечаева. Какъ разрѣшить ихъ? Обращеніемъ къ комитету. Но изъ комитета всегда выходятъ распоряженія, которыя подтверждаютъ повелѣнія Нечаева. Значитъ является мысль, что комитетъ этотъ есть Нечаевъ. Эту мысль высказывалъ Ивановъ передъ товарищами. Эта-то мысль и встревожила Нечаева до такой степени, что она необходимо должна была сдѣлаться предметомъ разговоровъ съ приближенными, по крайней мѣрѣ съ Успенскимъ, и предметомъ того именно теоретическаго разговора, о которомъ Успенскій говорилъ и въ которомъ, можетъ быть, не называя Иванова, онъ описывалъ однако

вопросъ такимъ образомъ: что дѣлать съ Ивановымъ? Въ разговорѣ съ Успенскимъ Нечаевъ употребилъ весьма замѣчательный, весьма характеристическій пріемъ. Успенскій сомнѣвался насчетъ предѣловъ власти общества, насчетъ того, въ правѣ ли общество располагать жизнью человѣка? На это Нечаевъ сказалъ на отрѣзъ: „вы о подсудности, что ли, говорите? Есть препятствіе,, значитъ его надо устранить". Такимъ образомъ вопросъ собственно былъ уже заранѣе въ идеѣ рѣшенъ. Одно изъ главныхъ столкновеній Нечаева съ Ивановымъ произошло 4-го ноября. Этого числа на сходкѣ была высказана мысль о томъ, чтобы извѣстнаго рода прокламаціи выставлять въ кухмистерской студентовъ. Но студенты дорожили этой кухмистерской, это было одно изъ корпоративныхъ учрежденій академистовъ, весьма для нихъ полезное. Ивановъ воспротивился этой мысли. Тогда говоритъ ему Нечаевъ: „а если комитетъ прикажетъ?" На это Ивановъ отвѣчаетъ: „Я и комитета не послушаю, когда онъ какой-нибудь вздоръ прикажетъ дѣлать".—„Такъ ты и комитета не послушаешь?" Затѣмъ пошли большіе споры; струна личныхъ отношеній натягивалась больше и больше, до такой степени, что связь готова была разорваться. Вмѣшался Кузнецовъ, остановилъ спорящихъ; ему даже удалось на минуту примирить ихъ—Ивановъ уступилъ. Тогда теоретически вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, что слѣдуетъ ли вообще подчиняться распоряженіямъ комитета? На этотъ разъ вопросъ разрѣшился кое-какъ и дѣло пошло обычнымъ чередомъ. Нечаевъ возымѣлъ мысль уѣхать въ Петербургъ. Но передъ самымъ отъѣздомъ случилось слѣдующее. Ивановъ разорвалъ связь съ Нечаевымъ, сказалъ: „я не буду подчиняться" и перадалъ это Прыжову, причемъ сказалъ, что хочетъ устроить свой особый кружокъ и учредить особую кассу. Этотъ разговоръ съ Прыжовымъ происходилъ 19-го ноября. На другой день, 20-го числа, Прыжовъ передалъ извѣстіе Успенскому, и въ тотъ же день Николаевъ отъ Успенскаго поѣхалъ къ Нечаеву

съ этимъ извѣстіемъ. Нечаевъ приходитъ къ Кузнецову, котораго ему пришлось ждать. Кузнецовъ въ этотъ день собирался ѣхать въ Петербургъ, но до отъѣзда онъ въ тотъ же день съ другой запиской Прыжова былъ въ Разумовскомъ, гдѣ Ивановъ угощалъ его чаемъ и объяснялся съ нимъ самымъ спокойнымъ образомъ, ничего не подвзрѣвая. Внезапно въ 8 часовъ вечера къ Кузнецову является Нечаевъ и говоритъ ему, что теперь дѣло не до поѣздки, что Ивановъ бунтуетъ, что Ивановъ сопротивляется, что надо какъ-нибудь покончить съ нимъ: „мнѣ комитетъ велѣлъ—такъ какъ я ввелъ его въ общество—расправиться съ Ивановымъ и устранить его". Кузнецовъ былъ озадаченъ этимъ въ высшей степени; онъ понималъ, что происходитъ нѣчто недоброе. Онъ притворяется, показываетъ видъ, что не понимаетъ. куда клонитъ Нечаевъ. Приходятъ къ Успенскому. Здѣсь завязывается длинный разговоръ, въ которомъ принимаетъ участіе и г. Прыжовъ; но г. Прыжовъ скоро оставляетъ спорящихъ: ему эти разсужденія противны. Остаются Нечаевъ, Успенскій и Кузнецовъ. Нечаевъ гнетъ на то, чтобы Иванова устранить, уничтожить. Кузнецовъ притворяется, что не понимаетъ, говоритъ, что это неудобно, что это невозможно—однимъ словомъ, старается какъ-нибудь разстроить предпріятіе. Тогда Успенскій, уже прежде рѣшившій теоретически вопросъ объ убійствѣ во время происходившаго передъ тѣмъ разговора, сказалъ, что нельзя останавливаться, надо покончить съ Ивановымъ. Дѣло рѣшено Нечаевымъ; онъ повелѣваетъ именемъ комитета. Кузнецовъ, который вѣритъ въ существованіе комитета и который считаетъ себя связаннымъ обѣщаніемъ подчиняться всѣмъ распоряженіямъ комитета, долженъ замолчать. Затѣмъ начинаются разсужденія, какъ привести это рѣшеніе въ исполненіе. Предлагаются различные способы: ядъ, удушеніе и т. д. Кузнецовъ представляетъ всевозможныя возраженія противъ каждаго изъ этихъ способовъ: и то неудобно, и этого нельзя, и это невозможно. Тутъ Не-

чаевъ вспомнилъ гротъ, въ которомъ былъ когда-то въ академіи. Кузнецовъ замѣчаетъ, что въ гротѣ нельзя, что есть сторожа, что люди ходятъ. Нечаевъ говоритъ: „вздоръ, рѣшено!“ и послѣ этого рѣшенія Кузнецовъ, какъ шальной, въ страшномъ волненіи, самъ не зная что дѣлаетъ, возвращается домой. Здѣсь я теряю почти всякую возможность защищать Кузнецова. Я вполнѣ сознаю, что онъ нехорошо поступилъ, весьма нехорошо; ему слѣдовало бы, выходя отъ Успенскаго, взять извозчика и отправиться къ Иванову предупредить его. Правда, онъ имѣлъ въ своей квартирѣ Николаева, который, какъ казалось Кузнецову, слѣдилъ за его дѣйствіями; ему слѣдовало отправиться въ академію утромъ, ему слѣдовало не идти въ трактиръ, ему не слѣдовало идти за Николаевымъ, когда Николаевъ отправился за Ивановымъ къ Лау, ему не слѣдовало идти въ гротъ, ему не слѣдовало присутствовать при тѣхъ опытахъ, когда Нечаевъ, въ первый разъ испытывая свою силу, и готовясь къ первому въ жизни кровавому дѣйствію, закидывалъ себѣ веревку на шею и самъ себя душилъ, спрашивая другихъ, слышатъ ли они его хрипѣніе или нѣтъ. Кузнецову слѣдовало бы бѣжать сказать Иванову: бѣги, но онъ не бѣжалъ, онъ не сказалъ, онъ подчинился и автоматически исполнялъ все, что ему приказывали. Онъ исполнялъ не потому, чтобы не возмущался всѣмъ, что происходило; напротивъ, все нутро его переворачивалось отъ страшнаго мученія, отъ кошмара, который давилъ его. Всѣ люди, которые видѣли его, говорятъ, что они его не узнавали, что на немъ лица человѣческаго не было. Но это такой человѣкъ, который, разъ обѣщавши что-нибудь, исполнитъ пока въ приказывающаго вѣритъ. Слѣдовательно, чтобы сдѣлать то, о чемъ говорилъ, т. е. пойти и предупредить Иванова, сказать ему бѣги, ему надо было разбить всѣ свои идеалы, разбить представленіе о томъ общемъ дѣлѣ, которому онъ всѣмъ пожертвовалъ, о томъ, что оно существуетъ и требуетъ подчиненія безпрекословнаго и

самоотверженнаго. Онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ всего этого, а событія шли съ неимовѣрной быстротой: 20-го числа послѣдовало рѣшеніе, а на слѣдующій день Ивановъ уже не жилъ, и Кузнецовъ самъ былъ при этой смерти. Но онъ не принималъ никакого участія, не налагалъ своей руки на Иванова. Онъ былъ почти помѣшанный. Ему сунули въ руки деньги изъ портмонэ Иванова — онъ бросилъ эти деньги; ему велѣли тащить тѣло—тащили всѣ. Затѣмъ онъ одинъ возвратился на квартиру, потому что ему противны были всѣ, противны были Николаевъ и Успенскій. — Въ квартирѣ онъ ставилъ самоваръ въ то время, когда убійцы смывали съ себя кровь и жгли платье въ печи и когда затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ. На слѣдующій день Нечаевъ взялъ съ собою Кузнецова и полетѣлъ въ Петербургъ. Прежде чѣмъ я окончу мой разсказъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ этого убійства, о томъ, какія побужденія могли влечь Нечаева къ совершенію этого преступленія и на сколько оно извинительно, даже при условіяхъ тайной организаціи, подпольнаго, тайнаго общества. Я полагаю, гг. судьи что тайное общество, заговоръ, вслѣдствіе органической необходимости своего существованія, долженъ допускать возможность насильственной смерти членовъ, но только въ одномъ единственномъ случаѣ, только въ случаѣ грозящей ему измѣны. Я полагаю, что каждый членъ, вербуемый въ тайное общество, долженъ или не вступать въ него, или, разъ вступивъ, знать, что когда дѣло зрѣетъ, когда сотни людей работаютъ, когда одного слова достаточно для того, чтобы вся эта выведенная уже постройка могла вдругъ обрушиться, вдругъ нашелся доносчикъ, шпіонъ, который намѣренъ раскрыть тайну дѣла, то въ такомъ случаѣ трудно не рѣшиться казнить его, чтобы предупредить доносъ. Это дѣяніе будетъ преступно съ уголовной точки зрѣнія; но съ нравственной оно до нѣкоторой степени извинительно. Внѣ этого единственнаго случая я не допускаю смерти

человѣка. Положимъ, что между многими находящимися въ обществѣ начинаются антагонизмъ и распря; каждый изъ спорщиковъ проводитъ свою идею. Развѣ изъ этого выходитъ необходимость убійства?.. Нисколько. Если двое мужчинъ любятъ одну женщину и одинъ изъ нихъ, видя, что она предпочитаетъ ему другого, рѣшается убить этого другого изъ-за угла, очевидно, что тутъ никакого оправданія допустить нельзя. Нельзя его допустить между соперниками по одному общему дѣлу. Если бы у г. Нечаева была капля благородства въ характерѣ, если бы онъ былъ не насквозь деспотъ, то онъ конечно нашелъ бы способъ выйти изъ своего столкновенія съ Ивановымъ; если-бы онъ обладалъ сколько-нибудь благородствомъ и имѣлъ какую-нибудь преданность дѣлу, то онъ просто могъ бы сказать Иванову: братъ, ты думаешь дѣйствовать такъ, а я иначе; если по твоему лучше, то замѣни меня и сядь на мое мѣсто; это дѣло общее, слѣдовательно, надо дѣйствовать согласно. Или онъ могъ бы ему сказать: братъ, ты ошибаешься; возьмемъ товарищей, они будутъ посредниками между нами и скажутъ, кто правъ, кто виноватъ; мы люди благородные, честные, положимъ передъ товарищами наши мнѣнія, и на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, тотъ и останется, а другой уйдетъ и не будетъ мѣшать. По всей вѣроятности, такой судъ принялъ бы Ивановъ, этотъ добродушный, мягкій человѣкъ, который, когда ему говорятъ: иди въ гротъ открывать типографскій станокъ, идетъ безъ всякаго подозрѣнія, безъ всякой злобы къ Нечаеву. Если бы было какое-нибудь малѣйшее озлобленіе или какой-нибудь упрекъ на совѣсти у Иванова, если бы онъ опасался этихъ людей и сколько нибудь подозрѣвалъ, что они такъ съ нимъ поступятъ, онъ конечно, никогда не пошелъ бы на вѣрную смерть, онъ не пошелъ бы, если бы узналъ, что съ нимъ расправятся такимъ способомъ, какъ расправился съ нимъ Нечаевъ. Нечаевъ, разъ остановившись на этой ложной дорогѣ, подыскалъ сейчасъ и разные

болѣе или менѣе убѣдительные мотивы: надо провести идею подчиненности; Ивановъ нарушилъ данное слово, даже обязательство подчиняться распоряженіямъ комитета; надо притомъ дать примѣръ другимъ, навести на нихъ спасительный страхъ, цементировать кровью дѣло, которое всего лучше скрѣпляется кровью. Жалкіе софизмы! Подчиненность какъ основаніе организаціи — это подчиненность общему дѣлу, а не г. Нечаеву. Обязательство безпрекословно повиноваться распоряженіямъ комитета можетъ существовать только подъ условіемъ, что и самъ комитетъ дѣйствительно существуетъ. Но какъ скоро оказывается, что этого комитета нѣтъ, то весьма естественно было со стороны членовъ отклонить обязательство ему подчиняться и сказать: да дѣйствительно, я далъ обязательство подчиняться комитету, но если оказывается, что такого комитета нѣтъ, то я не хочу быть обманутымъ и беру свое обязательство назадъ. Что касается до укрѣпленія дѣла кровью, то я вполнѣ понимаю это изреченіе Нечаева. Союзъ былъ скрѣпленъ, но только между четырьмя убійцами, связавшимися другъ съ другомъ — они и сидятъ всѣ четверо на скамьѣ подсудимыхъ, но эта кровь не скрѣпила организаціи. Великія и благородныя дѣла, совершаемыя во имя блага народа, никогда не цементируются невинною, напрасно пролитою, кровью. И не правда то, будто бы Ивановъ, бывъ на мѣстѣ Нечаева, прибѣгнулъ бы тоже къ убійству. Ивановъ никогда бы этого не сдѣлалъ— онъ былъ благородный, хорошій человѣкъ.

Затѣмъ мнѣ остается сказать немного словъ. Я перехожу къ поѣздкѣ въ Петербургъ Нечаева и Кузнецова. Кузнецовъ не можетъ спать. Онъ самъ не свой, онъ точно также пассивно, какъ и въ Москвѣ, исполняетъ то, что ему приказываютъ; говорятъ: иди, сообщи, подыщи такое то лицо — онъ идетъ и исполняетъ. Онъ ходилъ по городу... Ему ставятъ въ вину, что онъ, будучи государственнымъ преступникомъ, ходилъ открыто по улицамъ, пѣшкомъ. Но спрашивается: какъ же не

по улицамъ ходить? И почему не ходить пѣшкомъ, когда у него хорошія ноги есть, когда это физическое движеніе ему помогало; наконецъ, онъ совсѣмъ не объ опасности думалъ, онъ не думалъ, найдутъ его или нѣтъ, онъ искалъ спасенія во внѣшней дѣятельности отъ тѣхъ страшныхъ воспоминаній, которыя его преслѣдовали въ продолженіе всей бытности его въ Петербургѣ. До отъѣзда и послѣ отъѣзда Нечаева онъ дѣлалъ кое что, прочелъ правила организаціи двумъ молодымъ людямъ, Топоркову и Святскому; онъ былъ при отъѣздѣ Нечаева въ Москву, онъ взялъ бумаги, чтобы тотчасъ же передать ихъ. Наконецъ онъ былъ арестованъ. Когда онъ былъ арестованъ, когда въ тюрьмѣ онъ остался наединѣ съ собою, предъ нимъ воскресли съ необычайною силою тѣ образы, которые преслѣдовали его, и которые онъ старался отогнать; онъ дошелъ до галлюцинацій, ему чудились призраки отца и убитаго Иванова. Онъ былъ почти помѣшанный. Но онъ — натура сильная, онъ отрезвился, переживъ страшныя муки, онъ все разсказалъ, гг. судьи.... Вы имѣете передъ собою этого человѣка, и я полагаю, что вы найдете основаніе къ значительному смягченію его участи. Я поручаю судьбу его вамъ.

Рѣчь въ защиту Петра Ткачева.

Гг. судьи! Я готовился говорить весьма много; я готовился защищать Ткачева по обвиненію въ государственномъ преступленіи, имѣющемъ цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка. Обвиненіе это, хотя не основывалось на сильныхъ данныхъ, хотя, по правдѣ скажу, оно и ни на чемъ не основывалось, кромѣ образа мыслей и знакомства Ткачева съ Нечаевымъ, но все-таки было строго формулировано въ обвинительномъ актѣ. За тѣмъ судебное слѣдствіе не прибавило ничего, не убавило ничего. Но г. прокуроръ отказался отъ обвиненія Ткачева. Хотя отказъ г. прокурора не избавляетъ васъ отъ постановки вопроса по обвинительному акту, такъ какъ извѣстно, что ex nihilo nihil, то я и

не буду утомлять вашего вниманія защищеніемъ Ткачева, по предмету, по которому онъ, по крайнему моему разумѣнію, совершенно безопасенъ. Мнѣ приходится защищать его только въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ самъ, какъ подобаетъ честному и благородному человѣку, здѣсь предъ вами откровенно сознался, при томъ сознался, никѣмъ не принуждаемый. Данныхъ, которыя прямо на него указывали бы, кромѣ слуховъ, не было. Если бы онъ самъ не сознался, то вы, вѣроятно, затруднились бы признать его виновнымъ, даже и въ написаніи прокламаціи „къ обществу“. Онъ не одинъ виновенъ въ этой прокламаціи: вмѣстѣ съ нимъ участвовала г-жа Дементьева. Это былъ союзъ лицъ совершенно, можно сказать, равный. Онъ—писатель, она—содержательница типографіи. Они рѣшили дѣло вмѣстѣ. Неизвѣстно, кому первому пришла мысль. Вѣроятно, что никто другъ друга не увлекалъ. Эта прокламація проистекла изъ совершенно одинаковаго сердечнаго отношеніи обоихъ къ студенческому дѣлу. Сердечныя отношенія обоихъ къ студенческому дѣлу такъ хорошо, съ такою логическою послѣдовательностью, такъ талантливо были изложены г-ою Дементьевой, что этой стороны дѣла, какъ шла студенческая исторія, я не буду касаться и остановлюсь, за тѣмъ, только на самой прокламаціи. Я постараюсь ее разобрать; я постараюсь потомъ подвести ее подъ ту или другую статью закона и опредѣлить то наказаніе, которое, по моему мнѣнію, долженъ понести Ткачевъ.

Прежде всего да будетъ мнѣ позволено привести нѣсколько чиселъ для поясненія, когда именно послѣдовали тѣ событія, которыя вызвали прокламацію, и сопоставить съ ними время выпуска прокламаціи, 15-го марта была закрыта медико-хирургическая академія: 19-го марта была сходка въ технологическомъ институтѣ; сходка, которая требовала у директора Ламанскаго кассы и другихъ преимуществъ: 18 19 и 20-го были бурныя сходки въ университетѣ, послѣ которыхъ 20

числа судъ университетскій собрался судить 9 лицъ. Когда приговоръ его былъ объявленъ 21, то 22 были новыя сходки, и опять 72 человѣка были преданы суду. Затѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, кончилось это дѣло совсѣмъ и произошли тѣ высылки, о которыхъ много говорилось въ дѣлѣ. Выслано всего 68 человѣкъ, изъ которыхъ 32 изъ Университета, 28 изъ медико-хирургической академіи, 8 изъ технологическаго института. Сама прокламація помѣчена 20-мъ числомъ; 22 числа она была опубликована въ газетѣ „Вѣсть". Такимъ образомъ между моментомъ, который далъ импульсъ этому дѣлу, т. е. между 19-мъ и 20-мъ марта, и временемъ сочиненія и опубликованія прокламаціи, былъ такой ничтожный промежутокъ, что можно сказать, что эта прокламація прямо и непосредственно явилась подъ первымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ; она вылилась непосредственно изъ подъ пера Ткачева; некогда было совѣщаться, собираться и т. д.; она вылилась и тотчасъ же была отпечатана и пущена.

По всей вѣроятности, скоростью ея выпуска и объясняется отчасти та рѣзкость формы, которая дана прокламаціи. Можетъ быть, если-бъ она составлялась обдуманно, то сгладились бы ея угловатости. Теперь разсмотримъ ее по содержанію, т. е. по основной мысли, которая въ ней лежитъ, и по формѣ. Ткачевъ до настоящаго времени убѣжденъ—я долженъ это заявить—что онъ правъ по содержанію прокламаціи. Онъ убѣжденъ—и я долженъ привести это убѣжденіе какъ смягчающее его вину—что если съ 50-хъ годовъ вплоть до настоящаго времени происходить почти непрерывный рядъ студенческихъ исторій во всѣхъ университетахъ и всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если эти волненія происходятъ и въ тѣ эпохи, когда общество возбуждено, и въ тѣ эпохи, когда общество не возбуждено, во времена такъ называемой реакціи, то, конечно, причина этого явленія должна быть внутренняя. Значитъ не всѣ условія умственнаго воспитанія юношества нормальны

и хороши. Эти самыя мнѣнія заявлялись въ печати; они заявлялись здѣсь, даже и въ показаніяхъ свидѣтелей. Я долженъ привести слова изъ показанія, прочитаннаго на судѣ, студента Енишерлова. Енишерловъ опредѣлилъ такимъ отразомъ причины недовольства: „Безтолковая долбня тетрадей за малую субсидію, которая можетъ быть отнята по усмотрѣнію непосредственнаго начальства“. При томъ эта субсидія выдается не смотря на заслуги, а смотря по тому, кто какъ о ней проситъ и заискиваетъ. Значитъ трудность для человѣка бѣднаго найти себѣ дорогу въ университетъ—громадная. Преподаваніе во многихъ отношеніяхъ слабо и плохо. Невозможно при томъ воспользоваться помощью товарища. Вотъ причины неудовольствія. Я долженъ сказать, хотя я не берусь совсѣмъ быть судьею въ этомъ трудномъ дѣлѣ, но дѣйствительно, гг. судьи, въ жизни народной не всѣ отрасли дѣятельности идутъ параллельно. Иногда выдается особенно какая-нибудь сторона, напримѣръ сторона военная, иногда сторона законодательная, иногда науки и искусства. Нашъ вѣкъ весьма замѣчателенъ тѣмъ, что нѣкоторыя стороны жизни въ немъ особенно выдались, напримѣръ сторона законодательная. Но я долженъ сказать также, что сторона науки, искусства, воспитанія, стоитъ на заднемъ планѣ, и общество весьма мало интересуется этимъ вопросомъ. Г. прокуроръ указывалъ вамъ, что если бы та же мысль, которую выразилъ Ткачевъ, была выражена въ болѣе приличной формѣ, то она могла бы быть помѣщена въ газетѣ. Я не знаю, была ли бы она помѣщена въ какой нибудь газетѣ, потому что случалось, что газеты получали предостереженія за вопросы о воспитаніи. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, еслибы она была помѣщена въ газетѣ, то ни одна газета не подвергалась бы уголовному преслѣдованію за подобную статью. Вотъ что я могу сказать о содержаніи прокламаціи. Что касается до формы, то нельзя сказать, чтобы способъ выраженія мысли, избранный Ткачевымъ, былъ безу-

коризненъ. Въ способѣ выраженія этой мысли оказались отчасти тѣ, не скажу недостатки, но качества умственной организаціи Ткачева, которыя здѣсь передъ вами были раскрыты однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, именно г. Анненскимъ. Г. Анненскій говорилъ—и это совершенная правда,—что Ткачевъ человѣкъ весьма сосредоточенный, углубленный въ себя, молчаливый, человѣкъ прежде всего книжный, абстрактный, который живетъ въ отвлеченностяхъ, у котораго сильна рефлексія, т. е. задній умъ, который не имѣетъ качествъ пропагатора и даже не дѣйствуетъ сильно на молодежь. Если онъ дѣйствуетъ на молодежь, то скорѣе съ перомъ въ рукахъ, посредствомъ своихъ сочиненій, а никакъ не посредствомъ живого слова. У него недостаетъ въ характерѣ той способности сейчасъ ощупью натолкнуться на симпатическую черту характера каждаго другого лица. Молодые люди говорили, что Ткачевъ важничаетъ. Это не было важничанье: это былъ естественный образъ отношеній Ткачева къ другимъ лицамъ. Именно эта сосредоточенность, именно эта жизнь въ абстрактной сферѣ и незнаніе жизни дѣйствительной и заставили Ткачева допустить въ способѣ выраженія своей идеи нѣсколько коренныхъ, капитальныхъ ошибокъ. Первая ошибка была та, что онъ думалъ, что этотъ вопросъ о воспитаніи есть такой капитальный вопросъ, которымъ все общество заинтересовано, вопросъ первѣйшей важности. Оказалось, что нѣтъ. Какъ я заявлялъ, общество наше считаетъ этотъ вопросъ, который въ будущемъ займетъ видное мѣсто, вопросомъ второстепеннымъ или третьестепеннымъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, Ткачевъ ошибся и насчетъ общественнаго мнѣнія, къ которому онъ обращался. Онъ полагалъ, что общественное мнѣніе у насъ такая сила, на которую можно разсчитывать, съ которой можно говорить. Наше общественное мнѣніе еще дѣтски-молодое; оно увлекается легко, увлекается слѣпо и въ ту и въ другую сторону. Наконецъ онъ ошибался, въ треть-

ихъ, и въ томъ, что этимъ обращеніемъ къ общественному мнѣнію думалъ склонить къ чему-нибудь правительство. Если правительство выслушиваетъ общественное мнѣніе, то оно выслушиваетъ его къ свѣдѣнію, а не къ руководству. Такое обращеніе къ обществу могло скорѣе попортить дѣло, чѣмъ привести его къ желанному результату. Наконецъ, что касается до самой внѣшней формы выраженій, то тутъ, мнѣ кажется, есть также нескладности. Безыменная прокламація, подписанная „студенты", ставитъ это произведеніе какъ будто въ одинъ рядъ съ тѣми подпольными произведеніями, которыя носятъ на себѣ извѣстный планъ и съ которыми эта прокламація не имѣла ничего общаго— съ „Великоруссомъ", „Молодою Россіею" и т. под. Мнѣ кажется, что Ткачеву было гораздо прямѣе и гораздо лучше просто подписаться: Ткачевъ. Конечно, спросили бы: что за птица Ткачевъ? Онъ хотя и имѣлъ нѣкоторую извѣстность, но въ ограниченномъ кругу читателей. Можетъ быть онъ отчасти побоялся того гомерическаго хохота, который раздастся, когда увидятъ, что является одинъ человѣкъ, отвергающій все то, что совершается. Кромѣ того сообразимъ, что онъ долженъ былъ стараться и о томъ, чтобы не выдать г-жу Дементьеву. Онъ старался, чтобъ за его вину не пострадала г-жа Дементьева, въ типографіи которой печаталось это произведеніе. Такимъ образомъ Ткачевъ издалъ эту штуку. По его мнѣнію она была задумана, очень искусно, но, тѣмъ не менѣе, она открыта, обнаружена и привела его на скамью подсудимыхъ. Теперь единственный вопросъ—это подведеніе этого преступленія подъ ту или другую статью закона. Значитъ, надо перебрать всѣ тѣ статьи закона, которыя грозятъ наказаніемъ за преступленіе печати подобнаго рода, потомъ разобрать прокламацію и найти, какіе признаки находятся въ ней, по которымъ можно бы ее подвести подъ ту или другую статью. Господа судьи! Мнѣ всегда въ процессахъ политическихъ приходитъ на мысль изреченіе отца Жозефа,

который былъ правой рукой кардинала Ришелье, что достаточно имѣть двѣ строки человѣка, чтобы его повѣсить. Съ извѣстной точки зрѣнія можно сказать, что достаточно какой-нибудь оппозиціонной статьи, чтобы усмотрѣть въ ней оскорбленіе Величества, измѣну, или что-нибудь подобное. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, говорится о властяхъ, о правительствѣ не упоминается, но всякая власть, установленная правительствомъ, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ представитель Государя. Слѣдовательно, во всякой прокламаціи, хотя бы направленной и противъ властей, можно видѣть неуваженіе къ верховной власти. Самъ даже прокуроръ, когда разбиралъ эту прокламацію, намекалъ на то, что тутъ есть неуваженіе къ верховной власти. Идя этимъ путемъ, можно бы судить Ткачева по первымъ двумъ пунктамъ, какъ говорилось въ старину, или по 251 ст., гдѣ говорится о посягательствѣ на неприкосновенность верховной власти. Но вѣдь такимъ образомъ судить никого нельзя. Нужно держаться почвы реальной, нужно разобрать эту прокламацію по ея существеннымъ признакамъ, а не по однимъ предположеніямъ. И такъ, изъ двухъ статей, которыя могутъ быть примѣнены къ этой прокламаціи, возможными я считаю только двѣ: одна 274-я, подъ которую г. прокуроръ требуетъ, чтобы было подведено это дѣло, вторая статья 1,035.

Затѣмъ я долженъ сказать, что въ наукѣ уголовнаго права принято за неопровержимую аксіому, что когда опредѣляется родъ преступленія, когда рѣшается вопросъ о томъ, подъ какое преступленіе подвести извѣстное дѣяніе, то это опредѣленіе дѣлается единственно и исключительно только по объективной сторонѣ дѣянія, т. е. не потому, совершено ли оно Ткачевымъ, Петровымъ, Ивановымъ, а потому только, какимъ представляется оно съ внѣшней его стороны, совершенно независимо отъ субъекта. Субъектъ, его образъ мыслей, его направленіе могутъ, конечно, вліять на установленіе мѣры наказанія въ извѣстныхъ предѣлахъ, высшей

и низшей мѣры наказанія; но родъ преступленія опредѣляется всегда свойствами дѣянія. Значитъ, при опредѣленіи рода преступленія, подъ которое слѣдуетъ подвести дѣйствіе Ткачева, я прошу, гг. судьи, не обращать вниманія на то, какова была его литературная дѣятельность, былъ ли онъ человѣкъ крайній, забыть, что онъ самъ себя назвалъ *нигилистомъ*, и даже не обращать вниманія на ту теорію фиктивнаго брака, которую онъ развивалъ. Слово нигилистъ—весьма новое. Оно изобрѣтено Тургеневымъ въ его *извѣстномъ* романѣ „Отцы и Дѣти“, но оно попало какъ разъ подъ стать обществу. Одна часть общества усвоила его себѣ какъ обидную кличку, которою обозвала людей отрицательнаго крайняго направленія; другая часть общества взяла эту кличку какъ знамя и стала подъ это знамя. Въ этомъ самомъ отрицательномъ направленіи были люди высокоталантливые, принесшіе извѣстную долю пользы, потому что, когда шли реформы за реформами, тогда и все подвигалось разомъ, и эти реформы были, надо сказать, весьма радикальны; несомнѣнно, что онѣ не были бы столь радикальны, если бы вопросы не были затронуты до дна самою безпощадною критикою, если бы въ ихъ разработкѣ не участвовали всѣ органы, рѣшительно всѣ направленія, даже самыя крайнія. Крайнія направленія именно тѣмъ и полезны, что разсѣкаютъ предметъ до корня, что ставятъ всякій вопросъ ребромъ. Это отрицательное направленіе не есть нѣчто навѣянное, нѣчто принесенное извнѣ, оно вовсе не проистекаетъ изъ дѣла Каракозова, ни изъ иныхъ прежнихъ тайныхъ обществъ, но оно есть вполнѣ естественное произведеніе русской почвы и климата. Вамъ случалось, гг. судьи, живать въ деревнѣ въ маѣ и въ іюнѣ, когда являются комары безчисленными толпами; они непріятны; но что бы вы сказали тому, кто задумалъ бы ихъ истреблять цѣлыми массами въ извѣстной мѣстности: истребишь одного, являются тысячи другихъ. Но вѣдь всякому также извѣстно, что придетъ іюль, и всѣ ко-

мары пропадутъ сами собою, потому что измѣнятся климатическія условія. И вотъ, я думаю, что по политическому календарю Россіи былъ май въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, что въ настоящее время мы переживаемъ іюнь, и что, дастъ Богъ, мы доживемъ до іюля. Я приведу, гг. судьи, для историческаго сравненія слова одного изъ величайшихъ государей—Сигизмунда I, который говорилъ, когда ему предлагали истреблять протестантовъ: „я хочу быть королемъ и надъ козлами и надъ овцами". И это былъ тотъ самый король, который говорилъ, „что онъ спокойно можетъ переночевать у каждаго изъ своихъ подданныхъ". Я думаю, что и наше правительство держится того же мнѣнія, что оно вступило на тотъ путь широкой, открытой терпимости религіозной, терпимости политической. Вотъ почему я полагаю, что то соображеніе, что Ткачевъ назвалъ себя нигилистомъ и что въ особенности его теорія фиктивнаго брака, не будутъ имѣть никакого вліянія. Эта теорія брака, я долженъ сказать, мнѣ самому противна; но, гг. судьи, въ нашемъ обществѣ такъ много фарисейства, такъ много лжи, что если выбирать изъ двухъ золъ, то лучше зло открытое, чѣмъ лицемѣріе и фарисейство. Да будетъ мнѣ позволено сослаться на притчу о блудной женѣ. Кто же, спрашиваю я, броситъ въ этихъ людей камень за ихъ мысли? Я, по крайней мѣрѣ, не осмѣлился бы на это, потому что я видалъ въ нашемъ суетномъ обществѣ такъ много примѣровъ торга человѣческой совѣстью и человѣкомъ вообще.

Затѣмъ, послѣ этого предисловія, я приступлю прямо къ прокламаціи. Вотъ два преступленія: одно изъ нихъ по статьѣ 274 заключается въ распространеніи сочиненій съ намѣреніемъ возбудить къ противодѣйствію или сопротивленію властямъ отъ правительства установленнымъ. Другая статья—1,035 гласитъ о напечатаніи оскорбительныхъ отзывовъ о законахъ, о постановленіяхъ и распоряженіяхъ властей, объ оспариваніи въ печати обязательной силы законовъ и одобреніи воспре-

щенныхъ закономъ, дѣйствій, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ закону. Подъ какую же статью подвести прокламацію? Какія основныя черты этихъ двухъ преступленій? Я искалъ этихъ основаній въ рѣчи г. прокурора. Онъ, между прочимъ, главнымъ образомъ налегалъ на рѣзкость выраженій: „будь эти выраженія менѣе рѣзки, говоритъ онъ, то преступленіе могло бы быть подведено подъ статью 1,035, но такъ какъ они весьма рѣзки, то и слѣдуетъ подвести ихъ подъ статью 274“. Я думаю, что рѣзкость выраженій не можетъ имѣть никакого значенія при опредѣленіи состава преступленія, потому что нѣтъ такого словаря, по которому можно было бы сказать, что одни выраженія болѣе рѣзки, другія менѣе. Если бы Ткачевъ выбралъ другую форму, если бы вмѣсто того, чтобы сказать: „общество куетъ на себя оковы“, онъ сказалъ: „общество подготовляетъ себѣ узы“, если бы вмѣсто: „задыхаются въ казематахъ и ссылкахъ“, онъ сказалъ: „пропадаютъ вдали отъ родины“, то все-таки мысль была бы та же самая и все-таки изъ прокламаціи нельзя было бы вывести ничего другого, кромѣ того, что въ ней содержится. Но были и другія основанія въ рѣчи г. прокурора. Онъ говорилъ слѣдующее: „прокламація была пущена въ ходъ тогда, когда общество было возбуждено, и будь это въ болѣе спокойное время, то не представлялось бы такой опасности. Но такъ какъ она была выпущена тогда, когда общество было возбуждено, то и заслуживаетъ болѣе строгой мѣры“. Но, гг. судьи, возбуждено или не возбуждено общество—это такой фактъ, который слѣдуетъ провѣрить; откуда знать, было ли оно возбуждено или въ спокойномъ состояніи въ то время. Мнѣ кажется, что общество всегда бываетъ возбуждено. Физіологія насъ учитъ, что глазъ получаетъ впечатлѣніе свѣта даже и тогда, когда вѣки закрыты, даже и въ темнотѣ. Я думаю, что точно то же можно сказать и объ обществѣ, что и оно всегда находится въ возбужденномъ состояніи, но въ спеціально

возбужденномъ состояніи оно не могло быть и не было, потому что кто же былъ возбужденъ: студенты или общество? Студенты были уже укрощены, сидѣли въ карцерахъ, ихъ ссылали — значитъ исторія кончилась, и именно потому, что она кончилась и появляется воззваніе къ обществу; а общество и не откликнулось, не обратило на студенческое движеніе никакого вниманія. Единственная газета, напечатавшая это воззваніе, была совершенно противоположныхъ убѣжденій, эта газета—„Вѣсть". Слѣдовательно и это основаніе уходитъ изъ-подъ ногъ и на немъ нельзя держаться. Можно было бы привести еще то основаніе, что преступленіе по 274-й статьѣ — воззваніе; что когда сочинитель взываетъ къ гражданамъ: „сдѣлайте то-то и то-то", то совершается преступленіе, предусмотрѣнное въ 274-й статьѣ. Когда же мысль выражается критически, безъ прямого обращенія къ гражданамъ, то это будетъ преступленіе, подходящее подъ 1,035 статью. Но опять-таки эти основанія шатки, потому что и воззваніе можетъ не заключать въ себѣ ничего такого, чтобы могло подвести его подъ 274-ю статью. Я приведу такой примѣръ: у насъ бываютъ каждый годъ публичные университетскіе обѣды; положимъ, что полиція вдругъ запретила бы дѣлать такой обѣдъ публично, и кто-нибудь бы вздумалъ пустить такую прокламацію: „я приглашаю всѣхъ своихъ бывшихъ сотоварищей ко мнѣ отобѣдать". Конечно, это воззваніе и даже печатное, но какъ же подвести его подъ ст. 274, подъ ссылку въ Сибирь на поселеніе? Или, напримѣръ, является такого рода воззваніе: „завтра казнятъ такого-то человѣка; да не выходитъ народъ на улицу смотрѣть казнь; да запрется каждый дома и да покажетъ этимъ воздержаніемъ, что онъ скорбитъ объ участи казненнаго". Опять-таки — это воззваніе, но такое, которое не ведетъ къ сопротивленію властямъ, которое не ведетъ къ неповиновенію, и опять-таки это воззваніе, которое если и можетъ быть караемо закономъ, то только не по

статьѣ 274. Съ другой стороны, я долженъ сказать, что могутъ быть заявленія и въ критической формѣ, но такія, которыя прямо подходятъ подъ понятіе воззванія. Напримѣръ, если бы кто-нибудь напечаталъ статью такого содержанія: „Какъ глупы петербургскіе жители! какъ имъ не придетъ въ голову, что можно за одинъ разъ прогнать всю полицію". Тутъ всѣ выраженія — въ видѣ простой замѣтки, но въ сущности это настоящее воззваніе, которое стоитъ того, чтобы его подвести подъ ст. 274. Такимъ образомъ, гг. судьи, по моему крайнему убѣжденію, надо судить о прокламаціи Ткачева не по формѣ ея, не по тому, есть ли это воззваніе или нѣтъ, есть ли въ ней рѣзкія выраженія или нѣтъ, а по содержанію, т. е. по тому, на что должна дѣйствовать эта прокламація или статья, должна ли дѣйствовать на чувство и умъ критическимъ разборомъ или возбужденіемъ неудовольствія, негодованія, или же она идетъ далѣе, указываетъ на прямое неповиновеніе или сопротивленіе извѣстной власти. Если она останавливается на первомъ, то, конечно, это нехорошо, но, во всякомъ случаѣ, представляется менѣе преступнымъ, нежели прямое указаніе: „вооружайтесь противъ такой-то власти и сдѣлайте то-то". Я, напримѣръ, совершенно вѣрю, что энциклопедисты Вольтеръ и Руссо значительно подготовили французскую революцію; но они подготовили ее, дѣйствуя на чувство и на умъ, и между ними и какимъ-нибудь Маратомъ есть громадная, неизмѣримая разница. Слѣдовательно, если такимъ образомъ дѣйствовать на чувство, на умъ, то, конечно, это будетъ преступленіе по ст. 1,035; но если взывать къ возстанію противъ опредѣленной власти съ указаніемъ, что надо дѣлать, напримѣръ: „не платите податей, прорвите цѣпь полицейскихъ, которая поставлена" и т. п., то вотъ это преступленіе предусмотрѣно дѣйствительно 274 ст. Это такъ ясно, что и разговоровъ быть не можетъ. Вы, гг. судьи, не присяжные, вамъ принадлежитъ примѣненіе самаго закона и опредѣленіе

мѣры наказанія. Вамъ могутъ сказать, что наказаніе по 1,035 ст. слишкомъ слабо, что она грозитъ заключеніемъ въ тюрьмѣ до одного года и 4-хъ мѣсяцевъ. Насчетъ этой слабости, гг. судьи, еще можно поспорить. Мой товарищъ по защитѣ, князь Урусовъ, приводилъ нѣкоторые иностранные законы; да будетъ мнѣ позволено привести одну маленькую статью изъ того же Сѣверо-Германскаго Кодекса, законодательства самаго новаго, изданія 31-го мая 1870 г., существующаго менѣе года, и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательства народа, который признается самымъ крѣпкимъ, самымъ здоровымъ въ политическомъ отношеніи. Спрашивается: какія же наказанія полагаются въ немъ за аналогическія съ настоящимъ дѣйствія. А вотъ какія наказанія. Я прочту ст. 110 этого кодекса. По этой статьѣ за воззваніе въ рѣчи или посредствомъ выставленныхъ или вывѣшенныхъ объявленій и плакатовъ къ неповиновенію или сопротивленію законамъ или постановленіямъ и распоряженіямъ властей въ предѣлахъ ихъ вѣдомства, полагается наказаніе: денежный штрафъ до 200 талеровъ или тюрьма до двухъ лѣтъ. Значитъ то преступленіе, которое предусмотрѣно въ 274 ст. улож. подводится въ Германіи подъ наказаніе несравненно болѣе легкое: тюрьма и штрафъ вмѣсто ссылки въ Сибирь на поселеніе. Какъ же послѣ того подводить еще подъ этотъ строгій законъ такія дѣйствія, которыя подъ него прямо не подходятъ?

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ я полагаю, что нельзя подвести прокламацію Ткачева подъ какую бы то ни было статью, кромѣ ст. 1,035. Затѣмъ что касается до мѣры наказанія, то мѣру эту въ тѣхъ предѣлахъ, которые я привелъ въ 1,035 ст., я предоставлю совершенно вашему усмотрѣнію; я не буду и касаться этого. Замѣчу только, что Ткачевъ сидитъ съ 26 марта 1869 г. въ заключеніи, слѣдовательно $2^1/_2$ года, и сидитъ въ заключеніи одиночномъ, т. е. въ самомъ тяжеломъ какое только у насъ существуетъ. Я кончилъ.

Рѣчь въ защиту Елизаветы Томиловой.

Гг. судьи! Въ двухъ предыдущихъ моихъ рѣчахъ я стоялъ на почвѣ обвиненія. Въ дѣлѣ Кузнецова я признавалъ во всей полнотѣ и обширности приведенные обвинителемъ факты; въ дѣлѣ Ткачева хотя я и отрицалъ содержаніе обвинительнаго акта, но самъ прокуроръ отступился отъ части обвиненія и обвинялъ Ткачева только въ извѣстной прокламаціи. Но въ защитѣ г-жи Томиловой я долженъ отрицать самый фактъ, приводимый обвинительнымъ актомъ въ самомъ его основаніи. Этотъ обвинительный актъ, по моему мнѣнію, составленъ не совсѣмъ логически; въ немъ нѣтъ точной связи; онъ можетъ быть расколотъ на нѣсколько частей. Между лицами, которыя сведены въ немъ въ одну группу, нѣтъ ничего общаго. Мы видимъ въ первыхъ четырехъ подсудимыхъ, по крайней мѣрѣ, такихъ лицъ, которыя участвовали въ организаціи. Они стоятъ очевидно гораздо ближе къ 33 другимъ, которые будутъ судиться въ слѣдующей группѣ, нежели ко всѣмъ остальнымъ своимъ прежнимъ товарищамъ; остальные же подсудимые тутъ ни при чемъ. Между одной категоріей лицъ и другой категоріей нѣтъ ровно никакихъ общихъ дѣйствій. Въ настоящую минуту можно сказать, что обвиненіе падаетъ относительно Коринфскаго; другое обвиненіе совершенно измѣнилось относительно Ткачева и Дементьевой; затѣмъ изъ остальныхъ 8, по крайней мѣрѣ, три такія лица, которыя стоятъ совершенно особо отъ перваго разряда, потому что связь тѣхъ и другихъ только самъ Нечаевъ, предполагаемое возникновеніе всего тайнаго общества, еще весною 1869 года, и развитіе дальнѣйшаго этого предпріятія общими силами до самаго конца. Если бы Нечаевъ здѣсь судился, то это было бы понятно; тогда онъ былъ бы тѣмъ центромъ, къ которому стекались всѣ эти люди, какъ лучи. Но какъ скоро его нѣтъ, то внѣшнія дѣйствія пропадаютъ, то вся связь основана на чисто-субъективныхъ признакахъ, на предполагаемомъ одинаковомъ отношеніи

всѣхъ дѣйствовавшихъ къ общему дѣлу. На основаніи такихъ субъективныхъ признаковъ не бываетъ дѣленія подсудимыхъ на группы. Я думалъ, что обвиненіе впослѣдствіи отступится отъ этого дѣленія, по крайней мѣрѣ относительно Орлова, Томиловой и Волховскаго; но оно поддерживается, слѣдовательно я долженъ его оспаривать. Прежде чѣмъ я перейду къ отвѣту на всѣ возраженія обвиненія и воспользуюсь выгодами оборонительнаго положенія, я поставлю нѣсколько тезисовъ совершенно безспорныхъ, которыя помогутъ мнѣ уяснить дѣло и разрѣшить его относительно Томиловой. *Первый* тезисъ тотъ, что во всякомъ дѣлѣ преступномъ, совершенномъ однимъ человѣкомъ или многими лицами сообща, необходимо доказать въ каждомъ изъ преступниковъ присутствіе воли совершить дѣйствіе, которое произведено особнякомъ или сообща и знаніе ближайшихъ его послѣдствій. О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ никто не говоритъ; они ускользаютъ отъ ума человѣческаго. Напримѣръ я даю цѣлковый нищему и не знаю, не пойдетъ ли онъ и не купитъ ли ножъ и не зарѣжетъ ли кого-нибудь. Но я за это не отвѣчаю, такъ какъ мое знаніе не простиралось дальше того, что этотъ рубль очутится въ рукахъ человѣка который что съ нимъ сдѣлаетъ—неизвѣстно. Вотъ это то знаніе и должно быть доказано; его легче доказать въ ничтожныхъ обыкновенныхъ преступленіяхъ, напримѣръ въ кражѣ, подлогѣ, убійствѣ и т. п. Трудность увеличивается, когда число обвиняемыхъ ростетъ; оно велико даже и при совершенно организованномъ заговорѣ. И такъ возьмемъ настоящую организацію. Она вмѣщала въ себѣ до 50 лицъ, изъ которыхъ, не всѣ находятся на лицо; но между здѣсь находящимися лицами, какъ трудно доказать степень знанія цѣли и средствъ, отъ которыхъ зависитъ и самая квалификація преступленія: политическій заговоръ или тайное общество; напримѣръ Кузнецовъ, который далеко не зналъ конечной цѣли организаціи; да она, можетъ быть, и не была никому изъ под-

судимыхъ вполнѣ извѣстна. Трудность становится чрезвычайно большою, когда не было тайной организаціи, сложившейся въ сплоченный организмъ, когда люди дѣйствовали одушевленные одною мыслью, ибо трудно рѣшить, какъ они дѣйствуютъ—заговоромъ или скопомъ, съ согласія или безъ согласія. Во всякомъ обществѣ есть партіи. Особенность всякой партіи та, что всѣ входящія въ ея составъ лица дѣйствуютъ дружно, какъ по приказу, безъ всякаго на то между собою соглашенія. Когда является общее движеніе въ массахъ, предполагать, что это подстрекательство, значило бы поступать какъ тотъ публицистъ, который, въ виду ли французской революціи, или польскаго движенія, или студенческихъ сходокъ, или сепаратистическихъ стремленій, кричитъ не умолкая: «интрига! интрига!» Очевидно, что такое объясненіе доказываетъ только или убожество пониманія, или неразборчивость въ средствахъ, или то и другое вмѣстѣ. Люди одной партіи идутъ не сговариваясь, какъ солдаты, въ одну шеренгу, въ предѣлахъ и до предѣловъ законнаго порядка. Бываютъ такіе случаи, когда приходится перескочить черезъ этотъ барьеръ и очутиться внѣ предѣловъ законнаго порядка; перескочитъ одинъ, другой, третій; но нельзя предполагать, чтобы при перескакиваніи они были въ заговорѣ. Убѣдительный примѣръ такого дѣйствія сообща, безъ заговора—это прокламаціи по поводу студентовъ, потому что Енишерловъ пишетъ ихъ, есть нѣчто подобное и у Волховскаго, наконецъ является прокламація «Къ обществу» Ткачева. Предполагать, что всѣ эти три статьи исходятъ изъ одного источника невозможно, но они порождены одною причиною. *Второе* мое положеніе слѣдующее: одинъ и тотъ же человѣкъ мѣняется въ различные періоды своей жизни и дѣятельности. Напримѣръ Магницкій, другъ и домашній у Сперанскаго, не похожъ на Магницкаго, попечителя Казанскаго университета. Сперанскій много разъ мѣняется. Бонапарте консулъ не похожъ на Наполеона императора. Перемѣна

въ лицѣ бываетъ на столько велика, что ее надо принимать въ соображеніе въ особенности когда привлекается кто-нибудь къ отвѣтственности на основаніи знакомства съ этимъ мѣняющимся въ своихъ качествахъ лицомъ. Нужно сказать къ какому періоду знакомства относится то или другое обстоятельство, въ которомъ обвиняютъ человѣка. Въ настоящемъ случаѣ этихъ періодовъ два и они обозначены рѣзко и въ обвинительномъ актѣ и въ обвинительной рѣчи г. прокурора. Г. прокуроръ раздѣляетъ преступную дѣятельность Нечаева отъ студенческихъ сходокъ до пріѣзда его въ Россію и затѣмъ отъ пріѣзда въ Россію до конца. Между этими періодами находятся, безъ сомнѣнія, бытность Нечаева въ Женевѣ, связь его съ лицами, тамъ находящимися, полученіе отъ нихъ извѣстныхъ идей, извѣстныхъ правилъ, которыми онъ позаимствовался. Наконецъ, *третье* мое положеніе слѣдующее: что государственный преступникъ, заговорщикъ, имѣющій въ виду ниспроверженіе существующаго порядка, есть все-таки, несмотря ни на что, человѣкъ, т. е. лицо, которое имѣетъ своихъ знакомыхъ, родныхъ, близкихъ; значитъ, если даже онъ находится на незаконномъ пути, и они, зная это, давали ему деньги, оказывали какую-нибудь услугу, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ помощь была непремѣнною лептою на алтарь общаго дѣла. Она можетъ быть просто на просто личнымъ одолженіемъ. Она можетъ истекать изъ личныхъ отношеній того, кто оказалъ, тому, кому оказана. Допустимъ такой случай: приходитъ къ кому-нибудь пріятель, преслѣдуемый, хотя бы за студенческое движеніе, хотя бы даже и за большее преступленіе, и говоритъ: „Я пропадаю. Дай мнѣ сто рублей, они мнѣ необходимы, чтобы бѣжать“. Дать ему—это, можетъ быть, составитъ укрывательство; но считать, чтобы этотъ человѣкъ тою дачею, которую онъ сдѣлалъ, вошелъ въ заговоръ и сдѣлался соучастникомъ революціи—вотъ что невозможно. Теперь послѣ этихъ положеній постараюсь объяснить и вполнѣ оправдать Томилову.

Исторія ея весьма коротка. Вѣроятно, всякій изъ насъ знаетъ дома средней руки, небогатые, но гостепріимные и открытые, въ особенности для молодыхъ людей. Хозяева ихъ чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Несмотря на ограниченныя средства, у нихъ всегда найдется для гостя лишній приборъ за столомъ, лишняя чашка чаю и даже лишняя кровать. Хозяева небогаты, но и гости невзыскательны; здѣсь господствуютъ неумолкаемый смѣхъ, неподдѣльная веселость. Умѣнье со стороны хозяина стать на одну доску съ молодыми людьми дѣлаетъ то, что исчезаетъ различіе возрастовъ. Я знаю, что память о такихъ домахъ принадлежитъ къ самымъ чистымъ и золотымъ воспоминаніямъ моей юности. Такимъ домомъ былъ домъ полковника Томилова. Томиловъ отставной горный инженеръ, больной, любящій книги, любящій молодежь, большой идеалистъ. Заключеніе его жены свело его въ могилу. Она урожденная Дриттенпрейсъ, женщина прилежная, трудящаяся. Они были бездѣтны; средства ихъ были малыя, такъ что, вслѣдствіе этого стѣсненнаго положенія, она должна была купить швейную машину, принимать заказы и заниматься работой. Въ этотъ домъ, тихій, спокойный, весьма буржуазный, вошелъ Нечаевъ и внесъ несказанное горе. Нечаевъ явился къ Томиловой въ 1868 году, познакомясь съ нею совершенно случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Онъ пришелъ къ ней подъ видомъ полученія латинскихъ уроковъ, познакомился, зашелъ разъ, другой, понравился, какъ человѣкъ бойкій; рѣзкость его манеръ, рѣзкость рѣчи принимали за откровенность и прямоту. Нечаевъ, вообще, человѣкъ, могущій производить впечатлѣніе, внушать уваженіе къ себѣ и даже привязывать, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы онъ самъ привязывался. Отношенія были еще довольно далеки до тѣхъ поръ, пока Нечаевъ не вздумалъ помѣстить свою сестру у г-жи Томиловой. Извѣстно, какъ состоялось дѣло. Сестра жила у брата. Она приходила къ Томиловой только работать, и вечеромъ кто-нибудь,

или Томилова или Евлампій Аметистовъ, отводили ее изъ Поварского въ Сергіевскую. Такъ было до Рождества. Послѣ Рождества сестра Нечаева заболѣла тифомъ. У брата не было женщины, которая бы могла быть сидѣлкой; въ квартирѣ у него были классы и нѣсколько комнатъ, гдѣ жили онъ да Аметистовъ. Вотъ г-жа Томилова, изъ состраданія къ этой молодой дѣвушкѣ, которую она полюбила, потому что эта дѣвушка необразованная, полуграмотная, неразвитая, имѣла, однако, прирожденныя способности и хорошія наклонности, стала ходить и просиживать у ней вечера до поздней ночи. Тутъ, весьма естественно, она сблизилась со студенческимъ движеніемъ, которое, впрочемъ, не было для нея новостью. Я думаю, что едва-ли кто-нибудь изъ петербургскихъ жителей высшихъ классовъ не соприкасался со студенческимъ движеніемъ 1861 года. Г-жа Томилова охотно согласилась пойти на сходки и бывала на нихъ. Къ ней доходили слухи о томъ, какъ развивается это движеніе, что такое Езерскій, что такое Нечаевъ, какія противоположности партій. Наконецъ Нечаевъ начинаетъ поговаривать, что онъ опасается за себя, что его требуютъ въ канцелярію оберъ полиціймейстера. Разъ приходитъ онъ встревоженный и говоритъ: «прощайте! можетъ быть, не увидимся», и исчезаетъ. Чрезъ нѣсколько дней является записка отъ студента и отъ Нечаева, записка, которая служила документомъ, удостовѣряющимъ поддѣльное бѣгство Нечаева изъ Петербурга. Г. прокуроръ указывалъ на то, что отношенія Томиловой должны были быть близки къ Нечаеву, когда она такъ встревожилась запискою, что, несмотря на то, что была больна, заразившись тифомъ, бѣгала, отыскивала, хотѣла разъяснить дѣло. Я могу вывести изъ этого факта совершенно другое заключеніе: я вижу только, что отношенія Томиловой къ Нечаеву были искреннія; но они не были искренни со стороны Нечаева къ г-жѣ Томиловой, когда онъ и для нея сдѣлалъ изъ бѣгства

секретъ и обманъ, когда прислалъ эту бумагу и заставилъ ее таскаться по Васильевскому острову и другимъ мѣстамъ. Однимъ словомъ, до конца 1869 года не можетъ быть рѣчи ни о какой отвѣтственности г-жи Томиловой, ни о знаніи ея о намѣреніяхъ и планахъ Нечаева. Первый видный слѣдъ революціонныхъ замысловъ по указанію обвиненія—это та безымянная программа революціи, которая ходила по рукамъ и которую считаютъ доказательствомъ, что планъ дѣйствій Нечаева явился раньше бѣгства его за границу, документъ весьма сомнительный. Исходною точкою этой революціонной программѣ служитъ фактъ позднѣйшій — высылка студентовъ изъ Петербурга, случившаяся въ апрѣлѣ, а Нечаевъ бѣжалъ въ концѣ января. Слѣдовательно, до бѣгства Нечаева изъ Петербурга въ Москву г-жа Томилова совершенно къ дѣлу не причастна. Значитъ, когда же она сдѣлалась причастною? Когда-нибудь должно было явиться знаніе и одушевленное знаніемъ содѣйствіе. Г. прокуроръ строго проводилъ эту мысль для всѣхъ подсудимыхъ въ этомъ преступленіи, то есть предусмотрѣнномъ 249-ю и 250-ю ст. уложенія. Онъ поставилъ себѣ задачею показать въ каждомъ изъ подсудимыхъ знаніе о цѣли и совершеніе пріуготовительныхъ дѣйствій, разумѣется, совершенныхъ съ знаніемъ цѣли, а о знаніи цѣли были кое-какія данныя и намеки, но относительно всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ первыхъ четырехъ, пріуготовительныя дѣйствія обойдены у г. прокурора молчаніемъ, потому что ихъ въ дѣлѣ нѣтъ. Если г-жа Томилова вошла въ это общество формально, или поддерживала самое революціонное предпріятіе хотя и не формально, то она должна была быть кѣмъ-нибудь посвящена въ это общество или предпріятіе. Единственнымъ такимъ лицомъ является Орловъ. Отъ него вполнѣ зависитъ обвиненіе г-жи Томиловой: виноватъ Орловъ—тогда еще вопросъ, виновата ли г-жа Томилова или нѣтъ, но когда Орловъ не виноватъ, тогда не можетъ быть и рѣчи объ обвиненіи Томило-

вой, потому что единственной уликой противъ Томиловой служатъ тѣ письма, изъ которыхъ одно было къ Орлову, тѣ деньги, относительно которыхъ Орловъ сказалъ, что онъ просилъ Томилову послать ихъ Нечаеву; затѣмъ записки Орлова и, наконецъ, послѣднее письмо котораго г-жа Томилова не читала и, слѣдовательно, за которое она не можетъ отвѣчать. Итакъ, вотъ положеніе дѣла: или Орловъ виноватъ, и тогда о виновности Томиловой еще можно поспорить; или Орловъ не виноватъ, и тогда всякое сомнѣніе относительно виновности Томиловой падаетъ само собою. Что касается до отношеній Орлова къ Томиловой, то прежде всего надо опредѣлить, что за человѣкъ Орловъ? При этомъ я долженъ оговориться... Я нисколько не желаю бросать тѣнь на показанія Орлова и на способъ его держать себя на судѣ; но, однако-же, я не могу согласиться съ нѣкоторыми его объясненіями, которыя противорѣчатъ показаніямъ Томиловой. Г. Орловъ, человѣкъ не очень бойкій и развязный; онъ съ трудомъ соединяетъ и высказываетъ свои идеи; товарищи считали его способнымъ и говорили даже, что изъ него выйдетъ другой Пушкинъ. Но во всякомъ случаѣ большой послѣдовательности въ его дѣйствіяхъ и мысляхъ нѣтъ; онъ самъ признавался, что не можетъ объяснить многаго, что говорилъ и писалъ. Орловъ едва ли по своей натурѣ можетъ быть способенъ къ дѣятельному участію въ дѣлѣ, хотя такомъ, какъ настоящее, требующемъ все-таки гораздо болѣе послѣдовательности. Орловъ объясняетъ свой пріѣздъ въ Петербургъ въ мартѣ разными соображеніями, напримѣръ, сердечною наклонностью къ Нечаевой. Это можетъ быть, но во всякомъ случаѣ въ этомъ разсказѣ о Петербургѣ для меня есть много сомнительнаго, напримѣръ, его болѣзненное нежеланіе быть нахлѣбникомъ. Онъ нахлѣбникомъ не былъ у Томиловой; домъ ея былъ открытый и слѣдовательно, если ему случилось переночевать одинъ-два раза и даже много разъ, то это еще не значитъ нахлѣбничество—въ этомъ

гостепріимномъ домѣ бывали многіе. Я полагаю, что дѣло объясняется весьма просто: Орловъ струсилъ и сталъ даже отказываться отъ такихъ вещей, въ которыхъ онъ могъ бы чистосердечно и искренно сознаться. Орловъ, узнавъ, что Нечаевъ такой страшный преступникъ, такая, какъ онъ выразился, позорная личность, говоритъ, что онъ не питалъ къ нему особенной дружбы, что единственное, что влекло его къ Нечаеву, это была любовь къ его сестрѣ. Но весьма легко предположить, что онъ былъ подъ вліяніемъ Нечаева не организатора, сговаривавшагося въ Женевѣ съ выходцами, а Нечаева-товарища, который велъ студенческія движенія и который убѣжалъ изъ Петербурга. Для этого-то Нечаева, изъ личной къ нему дружбы, онъ старался дѣлать многое, но эта услужливость не можетъ быть уликой противъ Орлова въ государственномъ преступленіи, даже если-бы и было обнаружено по дѣлу, что Орловъ зналъ, что Нечаевъ отправился за границу; если бы онъ получалъ какія-нибудь письма изъ-за границы, то и это также еще ничего не значитъ, потому что письма изъ-за границы можетъ получать всякій. Зналъ-ли Орловъ, что будетъ къ нему письмо отъ Нечаева, или нѣтъ— я не знаю; но если бы онъ зналъ, что письма будутъ, то и въ этомъ еще нѣтъ ничего преступнаго. Письмо получается; письмо это пришло около 14-го или 15-го марта, оно, какъ говоритъ г-жа Томилова, было предназначено для Орлова, содержало требованіе денегъ; Орловъ отрицаетъ это обстоятельство, но есть свидѣтельница—сестра Нечаева, которая подтвердила полученіе этого письма. Поэтому я полагаю, что есть основаніе думать, что письмо было. Можетъ быть, оно было написано безъ вѣдома Орлова, но во всякомъ случаѣ было прислано письмо изъ Брюсселя, въ которомъ говорилось: „пришли денегъ“. Орловъ туда-сюда, но денегъ найти не можетъ, товарищи не даютъ, взять негдѣ, онъ и обратился съ просьбою къ Томиловой. Въ этомъ дѣлѣ онъ поставилъ себя слѣдующимъ образомъ: онъ

позировалъ, онъ хотѣлъ возбудить участіе къ себѣ въ молодой дѣвушкѣ, но чѣмъ же выразить это участіе, какъ не тѣмъ, чтобы показать, что онъ интересуется тѣмъ дѣломъ, которое велъ ея братъ; что онъ знается съ тѣми лицами, которыя помогаютъ студентамъ; наконецъ онъ самъ намѣренъ собирать складчину. Съ другой стороны онъ, стараясь возвысить себя тѣмъ, что онъ человѣкъ образованный, развивалъ предъ ними разныя соціальныя теоріи. Г. Орловъ былъ въ величайшемъ затрудненіи, денегъ у него не было, онъ и обратился къ г-жѣ Томиловой: „дайте, пошлите, я черезъ три недѣли доставлю“. У Томиловой средства весьма ограниченныя, но какъ разъ у ней подвернулись сто рублей, она согласилась, отправилась къ Гинсбургу и послала деньги по адресу: Николаеву, въ Брюссель. Она значитъ знала, что въ Брюсселѣ съ паспортомъ Николаева сидитъ Нечаевъ, бѣжавшій съ чужимъ паспортомъ за студенческую исторію, человѣкъ знакомый, пріятель. Если бы такъ случилось, что положимъ разбойникъ, совершившій одно убійство, пришелъ бы къ пріятелю и сказалъ: „я умираю съ голоду, дай мнѣ поѣсть!“ тотъ накормилъ, разбойникъ ушелъ и совершилъ два или три убійства, можно ли допустить, чтобы въ этомъ кускѣ хлѣба, данномъ этому разбойнику, заключалось приготовительное средство для совершенія двухъ или трехъ убійствъ, средство къ совершенію преступленія—средство объективное, а не средство для поддержанія существованія самого преступника. Такимъ образомъ, по этому пункту Томилова не подлежитъ ровно никакой отвѣтственности. Она дала деньги, дала ихъ заимообразно и надѣялась выручить ихъ, потому что Орловъ сказалъ, что онъ знаетъ людей, которые занимаются складчиной для студентовъ, и что эти деньги можно собрать въ селѣ Ивановѣ и въ другихъ мѣстахъ. Но Орловъ увидѣлъ вскорѣ, что денегъ этихъ ему все-таки не достать, увидѣлъ также, что студенческое движеніе, о которомъ онъ такъ много разсказывалъ г-жѣ

Томиловой, тоже принимаетъ оборотъ весьма неблагопріятный. Наконецъ, какъ человѣкъ не героическаго характера, онъ просто струсилъ. Одно письмо пришло изъ-за границы все-таки отъ бѣглеца, можетъ быть придетъ другое, третье. Всѣ эти причины въ совокупности ихъ и заставили Орлова убояться и удрать изъ Петербурга куда-нибудь подальше, въ землю Донскихъ казаковъ. Уѣзжая, онъ хотѣлъ какъ-нибудь развязаться съ г-жею Томиловой, чѣмъ нибудь свое обязательство замазать—онъ уѣзжаетъ, а деньги не возвращены. Онъ и выбралъ послѣднія 10 минутъ до отхода поѣзда, приходитъ къ ней, суетъ ей въ руки записки и говоритъ: „я уѣзжаю, вотъ это записки, вы дадите тѣмъ, которые собираютъ складчину!“ Г-жа Томилова оставила эти записки, довольно подозрительныя, въ которыхъ говорится: „ходъ дѣла“, „планъ дѣла“, „всѣ друзья по дѣлу“ и т. д. Но, гг. судьи, возьмите, во 1-хъ, въ соображеніе, какія лица названы въ этихъ запискахъ? Ралли, Аметистовъ, т. е. тѣ лица, которыя знались съ Нечаевымъ только во время студенческой исторіи и которыя въ организаціи не бывали. Затѣмъ, темнота выраженія ничего не доказываетъ, потому что Орловъ далеко не логическій человѣкъ, какъ всѣ остальные: многое у него перепутывалось въ головѣ, ну, это и сказалось въ запискахъ. Говорятъ: „зачѣмъ же она не уничтожила эти записки, зачѣмъ она сохранила ихъ?“ Да, дѣйствительно, ей слѣдовало бы уничтожить. Впрочемъ не только женщина, но и мужчина иногда попадается вслѣдствіе того, что не уничтожилъ извѣстнаго письма, документа—много бываетъ такихъ случаевъ. У г. Ткачева есть письмо г-жи Еврейновой, отрывокъ изъ котораго довольно подозрителенъ. Но на отрывокъ этотъ обвинительная власть даже не ссылается, потому что если взять этотъ отрывокъ въ связи съ другимъ письмомъ, то всякое подозрѣніе исчезнетъ и только отдѣльныя фразы могли показаться подозрительными. Точно также было и здѣсь. Г-жа Томилова не уничто-

жила ихъ, потому что она, по ея словамъ, надѣялась посредствомъ этихъ записокъ выручить свои деньги. Я могу прибавить еще другое. Эта женщина довольно чувствительная, а для женщины чувствительной чрезвычайную драгоцѣнность составляютъ малѣйшія воспоминанія: отъ одного она беретъ ленточку, отъ другого книгу, записку и т. д. Я зналъ женщинъ, у которыхъ цѣлые комоды и шкапы были завалены такими сувенирами, въ числѣ которыхъ были и весьма громоздкіе. За это сохраненіе нѣтъ возможности обвинять г-жу Томилову; она женщина весьма добродушная, ко всѣмъ относится одинаково: и Нечаевъ хорошій человѣкъ, и Орловъ хорошій человѣкъ, хотя чудакъ—эти записки его, какъ сувениры, она и уложила у себя и оставила.

Затѣмъ идетъ второе письмо, уже болѣе темное, полученное послѣ отъѣзда Орлова. Оно было сожжено. Письмо это заставило г-жу Томилову задуматься. Потомъ она получила вторую телеграмму, 29-го марта, тоже совсѣмъ непонятную для нея, о какомъ-то Стопинскомъ, который такъ-таки и остался неразгаданнымъ человѣкомъ. И эта телеграмма осталась безъ передачи, потому что Орлова не было. Томилова сожгла телеграмму. Наконецъ получается третье письмо. Г. прокуроръ предполагалъ изъ того, что я требовалъ, чтобы письмо вошло въ число вещественныхъ доказательствъ въ подлинникѣ, а не въ копіи, что я будто мѣчу на то чтобы исключить эту копію изъ числа вещественныхъ доказательствъ. Мысль моя была совершенно другая. Препровожденная копія доставлена изъ III Отдѣленія. Томилова утверждаетъ, что при первоначальномъ дознаніи ей показывали копію и втораго письма, которое она уничтожила. Я полагаю, что и первое письмо было извѣстно, можетъ быть даже копія его существуетъ, изъ чего я заключаю, что въ цѣлой предыдущей корресподенціи Нечаева не заключалось ничего предосудительнаго и подозрительнаго. Значитъ вся сила только въ этомъ третьемъ письмѣ, гдѣ говорится: „зачѣмъ ко мнѣ не пишете, зачѣмъ не

присылаете мнѣ денегъ; я сгораю нетерпѣніемъ, дѣло идетъ быстро, заварится каша не только въ Россіи, но и во всей Европѣ". Гг. судьи, если бы было доказано, что послѣ прочтенія этого письма г-жа Томилова сдѣлала что нибудь для Нечаева, послала ему денегъ, оказала какую нибудь помощь, то можно бы еще подумать, что она была поставлена въ извѣстность о дѣйствіяхъ Нечаева; но эти письма и суть первое поставленіе ее въ извѣстность о революціонномъ дѣлѣ. Г. прокуроръ указываетъ, что отношенія Нечаева и Томиловой были искренни; если онъ писалъ ей такія письма, то слѣдовательно это были отношенія дружбы. Но я уже говорилъ, что если эти отношенія были дружественны со стороны Томиловой, то со стороны Нечаева, наоборотъ. Г. Нечаевъ, по всему, что мы о немъ знаемъ, такой человѣкъ, который именно этихъ чувствъ не питаетъ особенно ни къ кому, и это свойство онъ возводитъ даже въ теорію, въ принципъ; вы читали катехизисъ и знаете что тамъ говорилось: „прочь всякая сантиментальность и всякій романтизмъ, нужно жертвовать всѣмъ". Вы знаете какъ опредѣлялись отношенія къ женщинамъ низшихъ категорій, говорилось, что ими можно пользоваться какъ мужчинами первыхъ категорій, т. е. ихъ можно топить, подводить и т. д. Нечаевъ дѣйствительно считаетъ себя обреченнымъ дѣлу революціи; но эту революцію онъ считалъ своею собственностью, значитъ располагалъ безцеремонно въ свою пользу всѣми людьми, завербованными въ дѣло, и даже незавербованными, какъ капиталомъ. Онъ дѣлалъ это на каждомъ шагу, и съ какою при томъ безсердечностью?— вспомните тотъ эпилогъ той комедіи, которая разыгралась на Руси, эпилогъ весьма печальный. Въ то время когда Успенскій взятъ и сидитъ въ тюрьмѣ, когда схвачены многіе, когда большая часть организаціи выловлена и люди, которыхъ Нечаевъ подводилъ, наполняютъ казематы, въ это самое время Нечаевъ ѣдетъ въ Москву и сочиняетъ извѣстное вамъ послѣднее свое

литературное произведеніе о томъ, какъ Нечаева поймали въ Тамбовѣ, какъ везутъ его въ Пермь, какъ отвозятъ потомъ дальше и держатъ тамъ, и наконецъ, какъ извѣстіе о его смерти доводится по телеграфу до Петербурга. Съ этимъ извѣстіемъ онъ послалъ г-жу Александровскую въ Женеву. Александровская была арестована 11-го января 1870 г.

Я кончилъ, гг. судьи! Полагаю, что во всѣхъ этихъ данныхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія обвинять Томилову. Дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Оно сложное; оно состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: одинъ изъ нихъ—за границею и не подлежитъ суду, другой—здѣсь; общій узелъ Нечаевъ, который не находится въ рукахъ правосудія. Возмѣщать на одномъ изъ факторовъ все, что сдѣлано обоими, было бы крайне несправедливо. Еще несправедливѣе казнить за Нечаева, за государственное преступленіе женщину, которая только тѣмъ согрѣшила, что была добродушна и сострадательна. Что касается до перваго элемента, государственнаго преступленія, то и противъ него приняты самыя дѣйствительныя мѣры—это опубликованіе преступныхъ дѣйствій, представленіе ихъ на судъ публики, на судъ всей Россіи, на судъ всей Европы. Я полагаю, что нѣтъ средства болѣе сильнаго, болѣе способнаго поразить этихъ людей, какъ та широкая, полнѣйшая гласность, съ которою происходитъ первый политическій процессъ въ Россіи.

По резолюціи суда 15 іюля о подсудимыхъ первой группы Кузнецовъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ, Ткачевъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 годъ и 4 мѣсяца. Томилова была оправдана.

(См. «Правительственный Вѣстникъ» 1871 г. № 156 и послѣдующіе).

9.

Дѣло дворянина Полякова, обвиняемаго въ нарушеніи законовъ о печати.

Дворянинъ Поляковъ издалъ книгу 1-й томъ сочиненія Гартполя Лекки, переведенную съ англійскаго А. Н. Пыпинымъ, подъ заглавіемъ: «Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ». Цензурный комитетъ призналъ, что эта книга содержитъ въ себѣ сужденія о религіозныхъ предметахъ, и потому должна подлежать предварительно разсмотрѣнію духовной цензуры. А такъ какъ она была издана безъ предварительнаго просмотра духовной цензуры, то, арестовавъ экземпляры, комитетъ возбудилъ противъ издателя уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1024 ст. улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ 3 отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда 13 сентября 1871 г.

Гг. судьи, 5-го апрѣля 1865 года изданъ законъ, даровавшій такъ-называемую свободу печати, т. е. право авторамъ печатать произведенія извѣстнаго рода и объема, не посылая свои рукописи предварительно въ цензуру. Въ 1866 году вошли въ дѣйствіе новые суды, получившіе власть разрѣшать непредвидѣнные въ законѣ случаи по общему духу законовъ. Какъ ни молоды наши законы о печати, какъ ни новы наши судьи, тѣмъ не менѣе, образовались уже нѣкоторые прецеденты, есть протоптанныя дорожки, вслѣдствіе чего, при возникновеніи какого-нибудь вопроса, необходимо прежде

всего обратиться къ этимъ прецедентамъ, разобрать ихъ, и, такъ сказать, выжать изъ нихъ весь сокъ. Такимъ образомъ, я прежде всего начну съ разбора этихъ прецедентовъ и, затѣмъ, обращусь къ разсмотрѣнію самой книги. Прецедентовъ этихъ три: во-первыхъ, дѣло Павленкова, разрѣшенное въ іюлѣ 1869 года, затѣмъ, дѣло Гайдебурова по поводу книги Вундта „О душѣ“, и, наконецъ, приговоръ сената о книгѣ, изданной Щаповымъ, „Письма объ Англіи Луи-Блана“. Первое изъ этихъ рѣшеній, по дѣлу Павленкова, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно важное начало, а именно то, что напечатаніе книги, еслибъ въ немъ и заключалось преступленіе, безъ выпуска книги въ свѣтъ, есть вообще, само по себѣ, только приготовленіе къ преступленію, а такъ какъ вообще приготовленіе, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, ненаказуемо, то ни о какой личной отвѣтственности издателя не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, и въ двухъ другихъ рѣшеніяхъ по дѣлу Гайдебурова и Щапова сенатъ занялся чрезвычайно важнымъ вопросомъ проведеніемъ границъ между свободою печатнаго слова и вѣдомствомъ духовной цензуры. Вопросъ этотъ не могъ даже и возникать прежде, потому что были два вѣдомства цензурныя: одно духовное, другое свѣтское. Споръ о томъ, которому изъ двухъ подлежалъ просмотръ книги, разрѣшался сношеніемъ этихъ двухъ вѣдомствъ, причемъ самъ авторъ не принимался въ разсчетъ. Рукопись поступала къ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, а потомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который отмѣчалъ то, что подлежитъ вѣдѣнію духовной цензуры и сколько мнѣ извѣстно, никогда духовная цензура не считала, что ей отмѣчено слишкомъ мало мѣстъ подлежащихъ ея сужденію; если и были какія-нибудь столкновенія, то они разрѣшались непосредственнымъ сношеніемъ между двумя администраціями. Положеніе это существенно измѣнилось, когда авторамъ предоставлено было право печатать свои произведенія безъ представленія рукописей въ цензуру.

Стали лицомъ къ лицу, съ одной стороны, вѣдомство духовное, съ другой—частный человѣкъ съ его правами и интересами. Очевидно, что при разграниченіи могли быть двѣ крайности, между которыми надлежало проложить средній путь. Одна крайность заключалась бы въ томъ, еслибъ въ духовную цензуру ничего не было отсылаемо. Ясно, что законъ 5-го апрѣля 1865 года относительно этого вопроса сохранялъ полнѣйшее *statu-quo*, т. е., предоставляя свободу печати, нисколько не предполагалъ умалить вѣдѣніе духовной цензуры или дать какое-нибудь послабленіе распространенію въ народѣ книгъ антирелигіознаго содержанія. Другая крайность имѣла бы мѣсто, если-бъ съ закономъ 5-го апрѣля, въ вѣдомство духовной цензуры перешла гораздо большая часть произведеній, чѣмъ прежде, еслибъ въ это вѣдомство должны были поступать всѣ книги научнаго содержанія, гдѣ говорится что-нибудь о Богѣ, о предметахъ религіозныхъ и вообще о проявленіяхъ религіозныхъ чувствъ, безъ каковыхъ предметовъ никакая серьезная книга обходиться не можетъ. Сенатъ рѣшилъ этотъ вопросъ по дѣлу Гайдебурова, сказавъ, что указъ 5-го апрѣля нисколько не имѣлъ задачею расширить вѣдомство духовной цензуры. Такое расширеніе, которое бы подчинило вѣдѣнію духовной цензуры всѣ сочиненія, касающіяся, въ какомъ бы то ни было отношеніи, духовныхъ предметовъ, было бы даже вредно религіи: оно не содѣйствовало бы распространенію религіознаго чувства, потому что тогда, во избѣжаніе стѣснительныхъ формальностей, авторы старались бы избѣгать всего, что только касается божественнаго, и литература стала бы относиться крайне индиферентно къ богословскимъ вопросамъ. Въ интересахъ духовной цензуры поставленъ, однако, былъ вопросъ: не слѣдуетъ ли наказывать сочинителя, или издателя, который бы не усомнился, нѣтъ ли въ книгѣ его чего-нибудь подлежащаго просмотру духовной цензуры, и который бы, не усомнившись, не представилъ книги на предварительный просмотръ, а

между тѣмъ, въ ней оказались бы мѣста духовнаго содержанія. Правительствующій сенатъ по дѣлу Гайдебурова положительно разрѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что никакая обязанность сомнѣваться и догадываться, нѣтъ ли въ книгѣ мѣстъ, подлежащихъ духовной цензурѣ не лежитъ на авторѣ, или издателѣ, и что за непредставленіе книги, или такихъ мѣстъ въ книгѣ, въ духовную цензуру, онъ не можетъ подлежать никакой отвѣтственности. Но какимъ образомъ опредѣлить, должна ли книга идти въ духовную цензуру, когда авторъ утверждаетъ, что не должна? Для этого слѣдуетъ обратиться къ толкованію 37-го и 38-го §§ цензурнаго устава. На основаніи этихъ двухъ статей, предварительной духовной цензурѣ можетъ подлежать книга или въ цѣломъ объемѣ, или въ отдѣльныхъ частяхъ. Что касается книгъ, подлежащихъ предварительной духовной цензурѣ въ цѣломъ объемѣ, то въ ст. 37-й онѣ опредѣляются такимъ образомъ: „Книги, *занимающіяся изложеніемъ догматовъ вѣры, толкованіемъ священнаго писанія, проповѣди* и т. п., словомъ, всѣ тѣ книги, которыя гораздо подробнѣе перечислены въ ст. 199-й ценз. устава, съ подраздѣленіемъ ихъ на 8 различныхъ категорій, а именно: сочиненія, относящіяся до церковнаго служенія, и житія святыхъ; коментаріи на священное писаніе; церковная исторія; книги, предназначаемыя для употребленія въ духовныхъ училищахъ и т. д. и т. д. Слѣдовательно, для признанія книги подлежащею въ цѣломъ составѣ предварительной духовной цензурѣ, необходимо признать, что она подходитъ подъ одинъ изъ 8-ми разрядовъ, указанныхъ и въ ст. 199-й устава; если же книга не содержитъ въ себѣ ничего подобнаго, то она не можетъ подлежать духовной пензурѣ, не подлежитъ также и какая-нибудь цѣльная отдѣльная ея часть. По дѣлу Гайдебурова о книгѣ Вундта, указываемо было на 8 лекцій, посвященныхъ религіозному чувству и его различнымъ проявленіямъ, происхожденію религій и. т. п. Сенатъ при-

зналъ, что всѣ эти восемь лекцій, составляющія часть книги, подлежатъ духовной цензурѣ. Что касается отдѣльныхъ мѣстъ въ книгѣ совершенно духовнаго содержанія, то правительствующій сенатъ занимался этимъ вопросомъ преимущественно по дѣлу Щапова и пришелъ, по этому поводу, къ такимъ заключеніямъ, которыя могутъ имѣть отчасти руководящее значеніе. Въ данномъ случаѣ правительствующій сенатъ нашелъ, что авторъ можетъ разсуждать о всѣхъ церквахъ и вѣроисповѣданіяхъ, кромѣ православнаго, т. е., что можно разбирать все, происходящее въ нѣдрахъ римскаго католицизма и протестантизма, что можно даже свободно разсказывать о томъ, что происходитъ въ русскомъ расколѣ, такъ какъ подобныя сужденія и сообщенія допускались цензурою свѣтскою безъ отсылки въ цензуру духовную; значитъ и на будущее время слѣдуетъ держаться той-же самой практики. Что же касается общихъ сужденій и умозаключеній, касающихся догматовъ вѣры и религіозныхъ ученій, то на этотъ счетъ сенатъ остановился на слѣдующемъ различіи: бывали случаи, когда авторъ, излагая свое убѣжденіе, старается что-нибудь доказать и убѣдить въ томъ же другихъ, то-есть, когда онъ придаетъ излагаемой имъ мысли дидактическую форму. Въ такомъ случаѣ произведеніе его подлежитъ вѣдѣнію духовной цензуры; если же авторъ только разсказываетъ о томъ, что происходило въ православной церкви, то мѣста эти не подлежатъ вѣдѣнію духовной цензуры.

По дѣлу Щапова представляется слѣдующій замѣчательный примѣръ: Луи-Бланъ разсуждаетъ въ одномъ письмѣ о преимуществѣ протестантизма передъ католицизмомъ и видитъ одно изъ самыхъ существенныхъ преимуществъ протестантизма въ томъ, что онъ неспособенъ къ тиранніи, т. е. предоставляетъ болѣе простора каждому вѣрить по своему. Эта мысль найдена правительствующимъ сенатомъ совершенно возможною въ печати, безъ отсылки книги въ духовную цензуру, потому что это сужденіе иновѣрца объ иновѣрческихъ же

вѣроисповѣданіяхъ и, слѣдовательно, не касается православія. Подлежащими духовной цензурѣ найдены только два мѣста, отчасти дидактическаго характера. Если остановиться на этомъ коренномъ правилѣ, которое дано сенатомъ для руководства судамъ въ подобныхъ случаяхъ, то надо сознаться, что правило это чрезвычайно тонкое, что если оно и послужило къ разрѣшенію недоумѣній по дѣлу Щапова, то къ другимъ подобнымъ же случаямъ оно должно быть примѣняемо съ разборчивостью и осторожностью. Правило это столь тонко, какъ, напримѣръ, остріе иголки: оно основано на формѣ; но всякій знаетъ, что форма въ сочиненіи не есть самое главное, что авторъ въ другой формѣ можетъ провести ту же мысль и произвести то же самое впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, одною только ловкою группировкою фактовъ можно достичь того, что изъ нихъ всякимъ смышленнымъ читателемъ будетъ выведено то заключеніе, котораго желалъ авторъ и которое другой авторъ облекъ бы въ дидактическую, поучительную форму. Такимъ образомъ, всегда представляется возможность обойти то правило, которое поставлено въ руководство правительствующимъ сенатомъ. Сверхъ того, я полагаю, что сенатъ, конечно, не имѣлъ въ виду отсылать въ духовную цензуру такія сужденія, даже и въ дидактической формѣ, которыя, очевидно, согласны съ катехизисомъ и не противорѣчатъ ни христіанской вѣрѣ, ни православію. Напримѣръ, если-бъ я хотѣлъ выразить мысль, что я вполнѣ вѣрю въ будущую жизнь, что я вполнѣ вѣрую въ Христа, какъ Спасителя рода человѣческаго, то, спрашивается, возможно ли, чтобъ такая мысль, очевидно вполнѣ согласная съ ученіемъ православной церкви, подлежала просмотру духовной цензуры и чтобъ авторъ, ее выразившій, долженъ былъ подвергаться той задержкѣ, тѣмъ стѣсненіемъ, какими сопровождается отсылка книгъ вообще въ какую угодно предварительную цензуру. Однимъ словомъ, я полагаю, что и сенатъ, оставляя два мѣста у Луи-Блана, под-

лежащія отсылкѣ въ духовную цензуру, вникъ въ ихъ содержаніе и, по крайней мѣрѣ, усомнился въ томъ, согласны ли эти два мѣста съ катехизисомъ. Я полагаю, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ происходитъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ нѣчто подобное тому, что происходило въ римско-католической церкви въ средніе вѣка. Тогда судилъ еретика сначала судъ духовный, который, произнеся надъ нимъ, такъ сказать, *теоретическое* осужденіе, отсылалъ его суду свѣтскому, который и совершалъ надъ нимъ аутo-да-фе. У насъ съ книгою поступается наоборотъ: ее просматриваетъ сначала судъ свѣтскій; но когда онъ отсылаетъ отдѣльныя мѣста въ духовную цензуру, то его отсылка по отношенію къ этимъ мѣстамъ имѣетъ для этихъ мѣстъ, по крайней мѣрѣ, значеніе обвинительнаго акта. Важнѣе чѣмъ руководящее начало сената, основанное на формѣ, то, что сенатъ пропустилъ лекціи Вундта, касающіяся исторіи религій, и призналъ, что сочиненія научнаго содержанія должны подвергаться гораздо меньшимъ стѣсненіямъ, чѣмъ сочиненія легкія, беллетристическія. Думаю, что я покончилъ со всѣми прецедентами и теперь могу прямо обратиться къ книгѣ Лекки, т. е. разобрать ее по содержанію.

Всякая книга, по закону, можетъ подлежать предварительной духовной цензурѣ или въ цѣломъ объемѣ, по 37-й ст. цен. уст., или въ отдѣльныхъ частяхъ, на основ. 38-й ст. Изъ рѣчи товарища прокурора для меня остался неразъясненнымъ вопросъ о томъ, какъ онъ полагаетъ распорядиться съ книгой: послать ли ее въ духовную цензуру въ цѣломъ объемѣ, или же въ тѣхъ страницахъ, на которыя онъ указалъ. Если взять обвинительный актъ, то можно заключить, что духовная цензура, а вслѣдъ затѣмъ, и прокурорскій надзоръ полагаютъ всю книгу отослать въ духовную цензуру на томъ основаніи, что книга эта, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, *главнымъ образомъ* религіознаго содержанія. Я полагаю, что такъ нельзя относиться къ

этому предмету: въ законѣ говорится *„совершенно* духовнаго содержанія“, а говорить *„главнымъ образомъ“* значитъ распространять смыслъ закона, значитъ раздвигать предѣлы вѣдѣнія духовной цензуры, между тѣмъ, какъ въ рѣшеніи сената по дѣлу Гайдебурова сказано, что законъ 5-го апрѣля нисколько не имѣлъ въ виду расширеніе вѣдѣнія духовной цензуры. Сверхъ того, въ обвинительномъ актѣ сдѣлана слѣдующая замѣна словъ, имѣющая чрезвычайно важное значеніе; вмѣсто *„духовнаго* содержанія“, сказано: *„религіознаго* содержанія“; но всякій пойметъ, что между словами *„духовный“* и *„религіозный“* есть громадная разница, что понятіе *„религіозный“* гораздо обширнѣе, что о религіи могутъ писаться книги и духовныя и свѣтскія. Если потребуются доказательства, я могу ихъ привести. Я, напримѣръ, пишу обширный трактатъ о религіи древнихъ индѣйцевъ или персовъ, толкованіе корана или исторію миѳологіи греческой. Конечно, мнѣ могутъ сказать, что это лжерелигіи; но лже или не лже, а онѣ, все-таки, религіи, притомъ, онѣ касаются вѣроисповѣданій весьма распространенныхъ, такъ какъ послѣдователи другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ христіанскихъ, въ прошедшемъ и въ настоящее время, безъ сомнѣнія, составляютъ большинство въ родѣ человѣческомъ. Во-вторыхъ, книгою не духовнаго, а свѣтскаго содержанія должна считаться всякая, которая содержитъ философскія разсужденія о религіи, причемъ эссенція религіи отдѣляется отъ исторической оболочки религіи, отъ миѳологіи, отъ религіознаго міросозерцанія даннаго народа. Если я дѣлаю то, что сдѣлано Вундтомъ въ его 8 лекціяхъ, если я выдѣлю изъ книги Вундта эти 8 лекцій и выпущу ихъ особо, то изданіе мое не можетъ подлежать духовной цензурѣ, какъ это признано рѣшеніемъ сената по дѣлу Гайдебурова. Въ третьихъ, въ самой области христіанства я могу брать предметы для своихъ произведеній, не спросясь у духовной цензуры, могу писать книги о христіанствѣ, лишь бы не о православномъ.

Всякому извѣстно, что православная церковь имѣетъ общіе корни со свѣми другими христіанскими вѣроисповѣданіями и что корни эти даже заходятъ въ исторію еврейскую. Вотъ этихъ-то общихъ мѣстъ и корней еврейскихъ и нельзя касаться; разсуждать же обо всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣданіяхъ можно совершенно свободно, особенно если разсуждающій иновѣрецъ; это будетъ разсужденіе иноврѣца объ иновѣрческихъ вѣроисповѣданіяхъ и нѣчто, до православной церкви не относящееся. Эту свободу разсужденія о фактахъ, касающихся даже христіанскихъ вѣроисповѣданій, можно изобразить графически въ видѣ огромной рѣки, которая у устья своего раздѣляется на множество рукавовъ; одно русло главное, всѣ же остальныя побочныя; по всѣмъ побочнымъ рукавамъ можно плавать свободно, и только въ этомъ главномъ руслѣ требуется предварительный пропускъ. Слѣдовательно, можно говорить свободно, безъ предварительнаго спроса, и о протестантизмѣ, и о католицизмѣ, и даже о русскомъ расколѣ: это вполнѣ признано сенатомъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, я признаю свободу печати безъ предварительной цензуры за особымъ родомъ историческихъ сочиненій, на который прошу обратить особенное вниманіе. Это такой родъ, который имѣетъ своимъ предметомъ не исторію возникновенія вѣры или церкви, но исторію религіозныхъ убѣжденій и нравовъ общества въ извѣстное время, позднѣйшее, когда религія уже сложилась. Я, напримѣръ, хочу писать о христіанствѣ, но я не изображаю при этомъ ни земной жизни Христа, ни апостоловъ и святителей церкви, я не касаюсь даже церкви, ея соборовъ и постановленій, я все это оставляю въ сторонѣ; я начинаю мое историческое изложеніе съ того вѣка, когда перестали твориться чудеса, когда всѣ догматы уже формулированы; притомъ, я изслѣдую не то, что истинно и что неистинно въ извѣстномъ вѣроисповѣданіи, а только то, какъ люди вѣровали въ XII-мъ, XIII-мъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ; я слѣжу за ними и въ массахъ и въ самыхъ

главныхъ представителяхъ общества, великихъ людяхъ, мыслителяхъ и вывожу заключеніе о томъ, какъ они представляли себѣ Бога и т. п. И тутъ я не критикую ихъ убѣжденій а просто только опредѣляю, что въ такомъ-то вѣкѣ общество думало такъ-то и такъ-то. Понятно, что о такихъ историческихъ сочиненіяхъ нельзя сказать, что онѣ посвящены исторіи церкви или исторіи религіи. Эти сочиненія особаго рода, которыя возможны такъ же, какъ возможна логика, какъ возможна исторія, критика. Логика есть наука, имѣющая предметомъ самый процессъ мышленія безъ его содержанія, она теорія этого процесса. Занимаясь теоріей критики я изучаю, напримѣръ, не самого Пушкина, а мнѣ пришло на мысль изучить, какъ смотрѣли на Пушкина Кирѣевскій, Бѣлинскій, Писаревъ; я изучаю, положимъ, не самого Данта, а только коментаторовъ Данта; моя книга будетъ рефлексомъ рефлекса. Если мнѣ запрещено дѣлать наблюденія надъ спектромъ солнечнымъ, то я, все-таки, могу дѣлать наблюденія надъ луннымъ спектромъ, такъ какъ запрещеніе существуетъ только относительно солнечнаго. Всякая религія отражается извѣстнымъ образомъ въ словахъ какъ массъ, такъ и великихъ людей, представителей эпохи. Возможна ли такая исторія? Весьма возможна и полезна. Нынѣ принято, что гораздо бо̀льшее значеніе имѣетъ бытовая исторія народа, чѣмъ политическая; въ этой послѣдней много шуму и треску въ такъ-называемыхъ большихъ міровыхъ событіяхъ, но если вникнуть въ смыслъ этихъ событій, то оказывается, что они подготовлены вѣками, что они произошли вслѣдствіе того, что общество пріобрѣло извѣстный складъ ума, извѣстныя привычки, извѣстные нравы. Если будутъ изучаемы не вѣра сама въ себѣ, а вѣрованія людей и общества въ различныя эпохи, то спрашивается, относить ли подобныя сочиненія къ тѣмъ, которыя могутъ печататься свободно, безъ просмотра духовною цензурой, или къ тѣмъ, которыя этой отсылкѣ подлежатъ? Но гдѣ же у духовной цензуры тотъ гла-

зомѣръ, то мѣрило, которымъ она можетъ мѣрить подобнаго рода сочиненія. Я излагаю, напримѣръ, какъ вѣрили Декартъ, Спиноза, Шлейермахеръ, какія были ихъ понятія о религіи вообще; спрашивается, что будетъ дѣлать духовная цензура...

Предсѣдатель. Я прошу васъ на минуту остановиться; вы вдаетесь въ область, вовсе не подлежащую обсужденію суда; вы разбираете вопросъ о дѣйствіяхъ, какія должны происходить въ духовной цензурѣ и которыя, въ настоящее время, вовсе не касаются суда. Вопросъ, подлежащій въ данномъ случаѣ разрѣшенію суда, заключается въ томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ извѣстную книгу, или отдѣльныя мѣста этой книги отослать для просмотра въ духовную цензуру; затѣмъ, вопросъ о дѣйствіяхъ духовной цензуры никакого значенія въ данномъ случаѣ не имѣетъ.

Пр. пов. Спасовичъ. Я заговорилъ о духовной цензурѣ, чтобъ вывести заключеніе, что, по моему мнѣнію, священная исторія и церковная исторія составляютъ такой предметъ, по которому сочиненія не могутъ быть печатаемы безъ предварительнаго разрѣшенія духовной цензуры, но что этой цензурѣ не можетъ подлежать исторія вѣрованій людей, принадлежащихъ къ церкви иновѣрческой въ историческія эпохи, которыя послѣдовали за раздѣленіемъ церквей. Теперь подведемъ подъ это мѣрило книгу Уилльяма Гартполя Лекки. Она появилась въ 1865 году и имѣла три изданія въ два года и много переводовъ. Вы, гг. судьи, вѣроятно, читали эту книгу; она оставляетъ такое впечатлѣніе, что авторъ ея стоитъ весьма близко къ Боклю и къ другимъ знаменитымъ историкамъ его націи, что онъ, восторженный апостолъ знанія, что онъ изучаетъ вліяніе успѣховъ знанія на идеи массъ и на образъ дѣйствій массъ. Первой изъ этихъ задачъ посвящена „Исторія раціонализма“; второй—„Исторія нравовъ въ Европѣ“—сочиненіе, донынѣ неоконченное. Гартполь Лекки не излагаетъ собственно самыхъ открытій и изобрѣтеній, которыя обогатили человѣчес-

кое знаніе: онъ не предлагаетъ намъ исторіи этихъ открытій—онъ представляетъ только вліяніе этихъ открытій на идеи массъ. Результаты этого вліянія могутъ быть отдѣлены отъ самаго открытія весьма продолжительнымъ періодомъ времени, нѣсколькими десятками, нѣсколькими сотнями лѣтъ. Для примѣра возьмемъ космографію вселенной. Въ VI столѣтіи былъ въ Александріи монахъ Козьма Индикоплевстъ, великій путешественникъ и космографъ, который, на основаніи текстовъ священнаго писанія, изобразилъ землю, какъ плоскій параллелограмъ, кругомъ его четыре стѣны и крыша—небесный сводъ. Въ книгахъ Моисея сказано, что вселенная устроена подобно шатру скиніи завѣта, а шатеръ устроенъ такъ, что на сѣверѣ земли гора, вокругъ которой обращаются мѣсяцъ и солнце. Словами св. писанія опровергалось существованіе антиподовъ. Прошли крестовые походы, Колумбъ, Коперникъ. Несмотря на открытія, космографія Козьмы оставалась въ такой силѣ, что конгрегація кардиналовъ осудила, въ 1616 году, ученіе Коперника, а потомъ осудила и подвергла, кажется, пыткѣ Галилея. Что же случилось? То, что въ концѣ-концовъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: съ одной стороны, совершено отступленіе, въ виду невозможности спорить противъ очевидности; съ другой, пріобрѣтено то, что вѣрованіе сдѣлалось чище и тоньше, оно освободилось отъ фактовъ неистинныхъ, которые принимались за истину, между тѣмъ, какъ они были только предразсудкомъ. Точно также не вдругъ, но постепенно поколеблена была вѣра въ магію, въ прямое вмѣшательство злыхъ духовъ, вѣра въ то, когда явилась смерть. Невозможно было отстаивать положеніе, что смерть вошла въ міръ черезъ перваго человѣка; когда геологія научила, что смерть господствовала въ громадныхъ размѣрахъ и прежде появленія человѣка, въ періодъ мастодонтовъ и дипотсріевъ. Слѣдя за процессомъ измѣненія религіозныхъ вѣрованій, Лекки замѣчаетъ, что вѣрованія эти почти никогда не измѣнялись

вслѣдствіе доводовъ и аргументовъ богословскихъ. Ведется, положимъ, ожесточенный споръ, приводятся доводы самые убѣдительные въ подтвержденіе извѣстнаго мнѣнія, но они не производятъ ровно никакого впечатлѣнія и проходятъ безслѣдно, потому что общество не расположено къ ихъ принятію. Попробовалъ бы кто-нибудь распространяться съ самымъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ о свободѣ вѣроисповѣданій передъ Торквемадою или какимъ угодно трибуналомъ инквизиціи; его, разумѣется, тѣмъ скорѣе засудили бы и сдѣлали бы auto da fe. Но послѣ спора проходитъ нѣсколько времени, въ теченіи котораго атмосфера измѣнилась, была болѣе богословская, а потомъ сдѣлалась болѣе свѣтскою, и тотъ-же самый аргументъ, который не производилъ никакого впечатлѣнія, принимается съ энтузіазмомъ и совершаетъ, повидимому, переворотъ. Мало того, въ исторіи были и такіе случаи (Лекки приводитъ ихъ много), что вѣрованія, повидимому, весьма крѣпкія, подобныя дубу, раскинувшему во всѣ стороны свои вѣтви, покрытыя листьями, вдругъ, безъ всякой видимой причины, рушились, проваливались, пропадали. Что же оказывалось? Что дубъ держался, но корни его давно перегнили, а сердцевина истлѣла. Когда началось гніеніе? Оказывается, что очень давно, можетъ быть, за сто, можетъ быть за пятьдесятъ лѣтъ произведено какое-нибудь открытіе въ статикѣ, химіи, физикѣ, то есть въ знаніяхъ, которыя не имѣютъ, повидимому, ни малѣйшей связи съ богословіемъ, однако-жъ, вліяніе его отразилось на богословіи. Мало того, люди, которые дѣлали это открытіе, которые сообщили обществу извѣстныя умственныя привычки, стояли сами подъ сѣнью дуба и совсѣмъ не подозрѣвали, что ихъ ученіе, что открытіе ими извѣстнаго закона произведетъ упадокъ раздѣляемаго ими самими вѣрованія. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этой истины? Тотъ ли, что религія падаетъ, что знаніе водружаетъ свое побѣдное знамя на развалинахъ религіи, ступаетъ ногою на церковь? Нисколько.

Если прочитать какъ тѣ самыя страницы, на которыя указывалъ г. товарищъ прокурора, такъ и тѣ, на которыя прошу обратить вниманіе, то придется вывести заключеніе, что книга Лекки не только не противна катехизису, но способствуетъ укрѣпленію религіознаго чувства. Прошу прочесть страницу 143-ю: смыслъ ея тотъ, что никогда религія не изсякнетъ, никогда не прекратится, что основаніе ея—вѣра, а вѣра есть родъ нравственнаго познанія; что критика можетъ только уничтожить ту или другую подробность въ общей картинѣ религіознаго міросозерцанія, но корень и основаніе всякаго вѣроученія вѣчны. Религія можетъ признать тѣ подробности, тѣ обстоятельства, которыя несогласны съ успѣхами знанія, несущественными; если ея представители отстаиваютъ упорно эти подробности, то не обходится безъ борьбы, безъ тягостнаго столкновенія, но въ концѣ концовъ, эта подробность, оказывающаяся противною очевидности, противною здравому смыслу, будетъ все-таки, взорвана и устранена. Очень часто случается такъ, что эта подробность, которая оказывается несогласною съ успѣхами знанія, обходится нѣкоторое время съ той и другой стороны; на нее прямо не нападаютъ, ее прямо и не отстаиваютъ, но, по безмолвному соглашенію сторонъ, происходитъ то, что, бывъ прежде центральнымъ представленіемъ въ извѣстномъ міросозерцаніи, она отодвигается въ окружность и уходитъ, наконецъ, въ ту оболочку, которая окружаетъ всякую живую вѣру—въ область недѣйствительнаго и не дѣйствующаго, въ край призраковъ и тѣней, къ которымъ нельзя относиться серьезно. Иногда же бываетъ, что тѣ представленія, которыя были религіею прошлаго, дѣлаются поэзіею послѣдующаго времени; что когда охладѣваетъ живая религіозная вѣра, то тѣ образы, которые ее окружали въ прежнемъ міросозерцаніи, дѣлаются предметомъ творческой фантазіи народовъ. Такое явленіе было въ древней Греціи и въ Западной Европѣ въ періодъ возрожденія. Это же самое солнце, которое,

когда стояло на зенитѣ, было религіей и согрѣвало, потомъ, склоняясь къ закату, посылаетъ еще яркіе лучи, но лучи, уже лишенные теплоты.

Измѣняемость подробностей всякаго вѣроисповѣданія приводитъ необходимо къ заключенію, что въ религіи самое важное, самое существенное не догматическая ея система, а сторона ея нравственная. Догматическія системы мѣняются. Лекки представляетъ превосходно эту измѣняемость слѣдующимъ образомъ. Представимъ себѣ солнце, оно окружено облаками; облака свѣтятся ярко отъ солнечныхъ лучей, и насѣкомое, которое живетъ одну минуту, можетъ, глядя на эти облака, думать, что ихъ складки и суть настоящій источникъ свѣта и теплоты. Но черезъ нѣсколько минутъ дунетъ вѣтеръ, эти облака разсѣются и солнце будетъ сіять еще ярче или озлатитъ другія облака. Утверждая, что догматическая сторона имѣетъ теперь гораздо меньше важности, чѣмъ въ прежнія времена, Лекки не выражаетъ своего собственнаго убѣжденія: онъ говоритъ только, что вѣкъ нашъ придаетъ догматической формѣ менѣе значенія, чѣмъ сторонѣ нравственной, вслѣдствіе чего на видъ можетъ показаться, что нынѣ какъ будто бы менѣе религіозной ревности, меньше усердія къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ, гораздо меньше чудеснаго, изъ чего не вытекаетъ нисколько, чтобъ въ этомъ вѣкѣ было меньше христіанскихъ плодовъ любви и милосердія, было меньше помощи ближнимъ, меньше заботливости о судьбѣ неимущихъ, о водвореніи равенства и братства между людьми. Въ этомъ отношеніи свѣтъ христіанства сіяетъ въ наше время самымъ полнымъ блескомъ. Я передалъ, по возможности, словами самаго Лекки главныя положенія его книги. Сказаннаго мною достаточно, чтобъ опровергнуть тѣ мнѣнія, несовсѣмъ справедливыя, которыя выражены въ обвинительномъ актѣ и поддерживались здѣсь на судѣ. Я полагаю, что невѣрно то, будто бы это сочиненіе было не только исключительно, но даже

главнымъ образомъ духовнаго или религіознаго содержанія, потому что, какъ вы видите, господа судьи, оно касается не возникновенія, не сущности религіи, а только религіозныхъ идей, въ вѣкахъ довольно близкихъ къ намъ, когда религія уже сложилась. Оно не главнымъ образомъ религіознаго содержанія потому, что въ ней столько же мѣста занимаетъ исторія искусствъ и успѣхи знанія, какъ и вѣрованія религіозныя. Я полагаю, что несправедливо также и то положеніе обвинительнаго акта, будто бы Лекки излагаетъ вѣрованія и ученія отцовъ церкви IV, V и VI вѣковъ. Онъ этихъ вѣковъ не касается. Исторія раціонализма начинается только съ того момента, когда родился самъ раціонализмъ, то есть, съ XII вѣка; но не простирается на тѣ вѣка наивность вѣры, когда люди не сомнѣвались. Только въ томъ вѣкѣ, по мнѣнію Лекки, человѣкъ началъ сомнѣваться, но не дошелъ еще до того, что это сомнѣніе невиновно, и считалъ его величайшимъ грѣхомъ, вслѣдствіе чего самъ вѣкъ сталъ сумрачный и печальный. Болѣе грознымъ явился сатана, менѣе ободряющимъ—Христосъ. Самый видъ Христа измѣнился въ иконописи и, вмѣсто добраго пастыря, явился Rex tremendae majestatis изъ Dies irae.

Но слѣдя за религіознымъ сомнѣніемъ, Лекки изучаетъ его въ обществахъ западно-европейскихъ, а не въ русскомъ, во всѣхъ христіанскихъ религіяхъ, кромѣ православной. Такимъ образомъ, я полагаю, что обвиненіе Лекки въ томъ, что книга его изучаетъ IV, V и VI столѣтія, то есть, общехристіанскую церковь, несправедливо. Равнымъ образомъ, я полагаю, что совершенно несправедливо обвиненіе Лекки, будто онъ утверждаетъ, что въ религіи все то, что не можетъ быть объяснено разумомъ, необязательно и должно быть исключено изъ религіи, и что Лекки ставитъ судьей въ дѣлѣ обязательности религіозныхъ вѣрованій личную совѣсть. Лекки никогда не произноситъ такой нелѣпости, будто въ религіи должно заключаться только то,

что объяснимо умомъ. Далеко не все въ мірѣ можетъ быть объяснено умомъ. Лекки прямо говоритъ, что глубокая тайна лежитъ въ существѣ всякой вещи. Мы можемъ открыть извѣстный законъ, напримѣръ, законъ тяготѣнія, но самое тяготѣніе остается тайной. Тайны всегда будутъ, какъ бы велики ни были успѣхи знанія. Всякое вѣрованіе религіозное покоится на томъ что навсегда останется непостижимымъ уму. Лекки только доказываетъ, что съ теченіемъ времени отъ вѣрованія отходитъ все, что оказывается противнымъ здравому смыслу. Точно такъ же я не могу согласиться съ тѣмъ, будто онъ придаетъ такое значеніе совѣсти что совѣсть есть единственный судья въ дѣлѣ религіи Говоря о совѣсти, Лекки разумѣетъ не совѣсть индивидуальную, но общественную; онъ развиваетъ ту мысль, что вѣрованія религіозныя приводятъ въ соотвѣтствіе съ совѣстью цѣлаго общества, то есть, съ суммою нравственныхъ идей, которыя выработаны въ данную минуту; что общество, съ точки зрѣнія этихъ идей, можетъ относиться такъ или иначе къ своимъ вѣрованіямъ; что оно, соображаясь съ суммою накопленныхъ идей, выдвигаетъ нѣкоторыя вѣрованія на первый планъ, вслѣдствіе чего другія отходятъ на задній, и теряютъ то первенствующее значеніе, которое имѣли до сихъ поръ. Лекки излагаетъ это не какъ свое личное мнѣніе, но какъ выводъ изъ исторіи человѣчества. Замѣтимъ, что Лекки протестантъ и что значитъ это мнѣніе иновѣрца о томъ, что происходитъ въ иновѣрческихъ обществахъ? Замѣтимъ, притомъ, что эта мысль о совѣсти есть повтореніе въ другой формѣ положенія, которое, дѣйствительно, составляетъ краеугольный камень его книги, и которое, кажется, не имѣетъ ничего антирелигіознаго и антицерковнаго, а именно, что догматическая сторона въ религіи въ нашъ вѣкъ имѣетъ менѣе значенія, нежели нравственная. Наконецъ, замѣтимъ, что эта идея, что совѣсть общества есть органъ религіозный, и повѣрочная способность относи-

тельно оцѣнки вѣрованія есть ничто иное, какъ выраженная въ научной формулѣ сущность протестантизма, какъ культурной идеи. Спрашивается, какимъ же образомъ культурная идея протестантизма можетъ быть отсылаема въ духовную цензуру православную? Въ такомъ случаѣ пришлось-бы отсылать туда очень многое, напримѣръ, „Натана Мудраго“ Лессинга, потому что, собственно говоря, основная идея этой драмы есть не что иное, какъ религіозная терпимость; въ этой драмѣ сопоставляются три лица: храмовникъ, рабби Натанъ и Саладинъ и оказывается, что самый религіозный изъ нихъ — Натанъ Мудрый, его вѣрованія чище, потому что онъ гуманнѣе другихъ. Однако, сколько мнѣ извѣстно, эта драма, явившаяся у насъ недавно въ переводѣ, не отсылалась въ духовную цензуру.

Я разобралъ книгу Лекки, и мнѣ кажется, что эта книга, въ своемъ объемѣ, посвящена предметамъ свѣтскимъ, и хотя касается вѣрованій религіозныхъ, но со стороны свѣтской; значитъ, въ цѣломъ объемѣ она не подлежитъ духовной цензурѣ. Спрашивается, могутъ ли подлежать духовной цензурѣ отдѣльныя мѣста изъ этой книги? Въ обвинительномъ актѣ я не встрѣтилъ никакого указанія на страницы: тамъ сказано глухо, что эта книга касается нѣкоторыхъ догматовъ, которые потомъ перечислены. Мнѣ предстояла-бы работа дѣлать собственно не мое дѣло—читать книгу, помѣчая страницы, чтобъ разсмотрѣть, дѣйствительно ли заключаются въ ней мѣста, которыя могутъ быть отнесены къ изложенію догматовъ религіозной и церковной исторіи. Нынѣ я слышалъ указанія на нѣкоторыя страницы, между прочимъ, на страницы: 9, 56, 59, 150, 145-ю. Я не знаю, что на этихъ страницахъ стоитъ—такъ скоро я не могу справиться, я ихъ не прочелъ—но я позволю себѣ взять обвинительный актъ и разобрать подробно тѣ догматы, которые приведены въ обвинительномъ актѣ, чтобъ доказать, что если книга

Лекки и касается этихъ догматовъ, то такимъ образомъ, что не выходитъ за предѣлы нашей свободы печати. Въ обвинительномъ актѣ изъ догматовъ указана церковь, то есть, девятый членъ символа вѣры.

Да, но какая это церковь? XII и послѣдующихъ вѣковъ, когда великій расколъ уже совершился. Лекки слѣдитъ за ходомъ идей въ тѣхъ частяхъ христіанства, которыя отдѣлились отъ православія, въ римско-католической и протестантской церквахъ. Приведенъ въ актѣ догматъ будущей жизни, то-есть XII членъ символа вѣры. Да, Лекки касается этого ученія. Но какъ касается? отвергаетъ эту будущую жизнь? Нѣтъ, не отвергаетъ. На страницахъ 263-й и 264-й онъ утверждаетъ положительно, что нѣтъ ни одной религіозной системы христіанства до настоящаго времени, которая могла бы обойтись безъ догмата будущей жизни. Спрашивается: описываетъ ли онъ, какова будетъ эта жизнь? Нѣтъ, напротивъ: онъ утверждаетъ, что во всѣхъ катехизисахъ римско-католическихъ и протестантскихъ ученіе это было гораздо подробнѣе развиваемо въ прежніе вѣка, чѣмъ нынѣ. Да оно и понятно; въ средніе вѣка эта будущая жизнь людямъ, которые были болѣе матеріальны, представлялась какъ жизнь, сопровождаемая матеріальными муками и матеріальнымъ блаженствомъ. Они представляли ее въ видѣ вѣчнаго огня, который опаляетъ души, а души понимались какъ тончайшія и, притомъ, несгораемыя тѣла. Это представленіе составляло центральный пунктъ міросозерцанія христіанскаго, закрѣпленіе всего закона нравственнаго, главное побужденіе къ тому, чтобъ быть добродѣтельнымъ. Мало того, видъ страданій несчастныхъ, ввергнутыхъ въ огонь вѣчный, входитъ, какъ составной элементъ, въ счастье блаженныхъ. Какіе результаты должна была дать подобная постановка этого вопроса въ общей системѣ религіозной? Тѣ, что она должна была ожесточать человѣка, вѣчно помышлявшаго о страшныхъ мукахъ, которымъ бо̀льшая часть человѣчества будетъ

предана; свыкаясь съ чужими муками, онъ не могъ быть мягкосердечнымъ. Представленіе объ адскомъ огнѣ, понимаемомъ какъ огонь буквально, и пытка въ законѣ гражданскомъ—это два однородныя явленія, произрастающія на одномъ корнѣ. Когда Декартъ сталъ учить, что существо души заключается въ мышленіи и что она не матеріальна, то изъ этого положенія вытекаетъ, что душа не можетъ быть опаляема огнемъ, значитъ огонь ада надо понимать въ переносномъ значеніи, какъ его понимали нѣкоторые немногіе учители среднихъ вѣковъ, напримѣръ, Іоаннъ Скотъ Эригенъ. Съ тѣхъ поръ картина вѣчныхъ мукъ въ догматической системѣ западноевропейскаго христіанства отодвигается отъ центра болѣе къ окружности, само понятіе ада изъ живой картины, дѣтствующей потрясающимъ образомъ на нервы, превращается въ логическій постулатъ. И дѣйствительно, въ современныхъ катехизисахъ уже не описываются муки ада и будущая жизнь обозначается самыми общими чертами. Сверхъ того, боязнь мукъ замѣнена отчасти чувствомъ справедливости, правиломъ: дѣлать добро для добра. Гораздо болѣе затрудненій, нежели будущая жизнь, у Лекки представляютъ тѣ мѣста, въ которыхъ Лекки касается догмата о первородномъ грѣхѣ и о вѣчной гибели какъ всѣхъ некрещенныхъ дѣтей, такъ и язычниковъ. Есть религіи, которыя за исходную точку принимаютъ гордое сознаніе чувства достоинства человѣка, и есть религіи, которыя за ту же точку принимаютъ смиренное сознаніе грѣха. Христіанская религія принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Родъ человѣческій упалъ, искупленъ только Христомъ: что станется съ неискупленными? Выводъ, что они обречены на вѣчныя муки, былъ развитъ съ гораздо бо̀льшею, нежели въ римскомъ католицизмѣ, послѣдовательностью протестантами. Лютеръ и Кальвинъ не допускали никакого исключенія въ этомъ отношеніи. Если слѣдовать этому догмату со всею строгостью, то необходимо предположить, что есть двоякаго рода мораль: мораль

человѣка и мораль Бога. Преслѣдованіе всѣхъ людей за грѣхъ наслѣдственный, совершенный не ими, не совпадалъ съ выработывающимся въ житейскихъ отношеніяхъ началомъ, что наслѣдственной вины быть не можетъ. Вотъ почему, мало по малу, стало распространяться воззрѣніе, что, можетъ быть, и язычники могутъ сподобиться блаженства. Представителемъ этого мнѣнія былъ Цвингли. Въ своемъ предсмертномъ исповѣданіи онъ изобразилъ великолѣпную картину: небо, въ которомъ великіе отцы христіанской церкви соединяются съ великими людьми языческаго міра, Сократомъ, Катономъ и др. Лютеръ, прочитавъ это исповѣданіе, отчаявался за спасеніе Цвингли; Боссюэтъ приводитъ это мнѣніе, какъ самое высшее изъ обвиненій противъ Цвингли. Въ настоящее время оно если не преобладаетъ, то весьма распространено. Въ катехизисахъ обходятъ догматъ о погибели некрещенныхъ дѣтей и самое понятіе объ участи язычниковъ смягчилось. Я обращаюсь къ вамъ, гг. судьи. Не правда ли, ученіе это не дѣйствуетъ въ такой силѣ, какъ въ прежнее время? Не испытывали ли вы, прощаясь съ умирающимъ, котораго вы считали хорошимъ человѣкомъ, но который принадлежалъ къ другой вѣрѣ, что онъ пропавшая погибшая душа? Озабочивала ли васъ его будущая судьба? Вы, вѣроятно, думали: Богъ правосуденъ. Я обращаюсь къ воспоминаніямъ моего дѣтства; я видалъ, какъ хоронили православнаго человѣка хорошаго; римско-католическое духовенство выходило въ облаченіи и окропляло гробъ священною водой. Я видѣлъ, какъ православные священники совершали панихиды по умершимъ иновѣрцамъ. Не есть ли это подтвержденіе того положенія, которое приводитъ Лекки? Я полагаю, что это несомнѣнно. Въ обвинительномъ актѣ, въ числѣ догматовъ, упомянуто, что у Лекки затронуто поклоненіе святымъ иконамъ, святымъ мощамъ и другимъ церковнымъ предметамъ. Да, конечно, Лекки касается вскользь и этихъ предметовъ религіознаго по

читанія не православной, а римско-католической церкви. Но, вѣдь, онъ и не можетъ не касаться ихъ, какъ скоро онъ излагаетъ исторію христіанской символики, живописи, пластики. Къ тому же, я полагаю, что иконы, святыя мощи и т. д. не вошли въ символъ вѣры и что, поэтому, ихъ почитаніе не есть такой предметъ, который бы составлялъ коренное основаніе вѣры, о которомъ нельзя было совсѣмъ разсуждать, хотя бы приводя слова священнаго писанія, хотя бы ссылаясь, напримѣръ, на 20-ю главу 4-й и 5-й стихи книги Исхода, гдѣ говорится: „не сотвори себѣ кумира, ни всякаго другого подобія".

Предсѣдатель. Г. защитникъ, вы возбуждаете споръ по такимъ вопросамъ, которые рѣшены вселенскими соборами; вопросъ о поклоненіи иконамъ рѣшенъ никейскимъ соборомъ. Я покорнѣйше прошу васъ воздержаться отъ контроверсовъ, въ которыхъ судъ не компетентенъ.

Пр. пов. Спасовичъ. Я скажу лишь нѣсколько словъ еще о двухъ догматахъ, которые упомянуты въ обвинительномъ актѣ: о чудесахъ и о бытіи злыхъ духовъ и дьявола. Я прошу васъ обратить вниманіе, что глава, гдѣ говорится о чудесахъ, озаглавлена: „Чудеса римской церкви"... Глава эта озаглавлена такъ потому, что одно изъ отличій протестантизма отъ римскаго католичества состоитъ въ томъ, что протестантская церковь не утверждаетъ вовсе, чтобъ въ настоящее время совершались чудеса. Но есть ли во всей этой главѣ хотя одна страница, въ которой бы чудеса эти отвергались? Нѣтъ; въ ней проводится та мысль, что вѣра въ чудеса постепенно ослабѣвала и что, наконецъ, въ настоящее время всякій разсказъ о нихъ встрѣчается съ недовѣріемъ. Какъ объяснить перемѣну? Лекки объясняетъ ее тѣмъ, что складъ ума сдѣлался другой, то есть, что во всѣхъ тѣхъ необычайныхъ явленіяхъ, въ которыхъ въ прежнія времена человѣкъ доискивался вмѣшательства сверхъестественныхъ силъ, нынѣ онъ доискивается вѣчныхъ законовъ, причемъ представленіе о главномъ созда-

телѣ и руководителѣ вселенной, какъ о высшемъ вѣчномъ законѣ, становится преобладающимъ. Относительно вопроса о бытіи злыхъ духовъ я замѣчу слѣдующее: въ средніе вѣка и послѣ среднихъ вѣковъ, въ XVII сильно была распространена вѣра въ волшебство. Являлись нѣкоторые сомнѣвающіеся люди, но строгіе ревнители римскаго католицизма, нисколько не колеблясь, называли сомнѣвающихся въ магіи атеистами. Таковъ смыслъ сочиненій Жана Бодена въ XVI, Гленвиля и Кодворта въ XVII ст. Конечно, съ теченіемъ времени эта вѣра вымерла окончательно. Я полагаю, что она исчезла окончательно въ виду указа Екатерины II-й, 1782 года, вошедшаго въ сводъ законовъ, т. 14 и 15, въ которомъ волшебство и чародѣйство прямо названо обманомъ: „кто будетъ чудесничать и чародѣйствовать, т. е. совершать обманъ, происходящій отъ суевѣрія, невѣжества и мошенничества". Магія, такимъ образомъ, пала; остаются злые духи. Но Лекки не разбираетъ вопроса о бытіи злыхъ духовъ, онъ говоритъ только, что вѣра въ непосредственное вмѣшательство дьявола исчезла, и это несомнѣнно справедливо. Гг. судьи, есть одно начало, на которомъ построена вся книга Лекки, то, что онъ называетъ *морфологическимъ представленіемъ мнѣній*, именно, что вѣрованія религіозныя, какъ и всякія другія вѣрованія, видоизмѣняются и совершенствуются. Это положеніе, выработанное свѣтскою наукой, не можетъ быть отсылаемо въ духовную цензуру; это положеніе до такой степени важно, что, недопустивъ его, придется страшно стѣснить литературу. Настоящій споръ, по виду, какъ будто чисто формальный, имѣетъ для литературы вообще весьма существенное, весьма матеріальное значеніе. Вотъ почему я прошу разрѣшить этотъ спорный вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для защиты, т. е. признать книгу, ни въ цѣломъ ея объемѣ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ, неподлежащею отсылкѣ въ духовную цензуру.

Судъ призналъ подсудимаго Полякова неподлежащимъ наказанію по ст. 1,024 ул., такъ какъ книга была арестована до выхода ея въ обращеніе, что составляетъ приготовленіе къ преступленію, ненаказуемое по закону; самую же книгу судъ заключилъ всю передать на разсмотрѣніе духовной цензуры. Судебная палата, куда было перенесено дѣло вслѣдствіе апелляціоннаго отзыва Полякова, нашла, что нѣкоторыя мѣста книги Лекки подлежатъ предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры и, въ измѣненіе приговора окружнаго суда, опредѣлила: 1) означенныя мѣста препроводить на разсмотрѣніе духовной цензуры, для просмотра, послѣ котораго и разрѣшить выпускъ книги и 2) но такъ какъ мѣста эти могутъ представляться непонятными, безъ соображенія со всѣмъ содержаніемъ сочиненія Лекки, то сіе послѣднее для сего соображенія также препроводить въ духовную цензуру.

1872.

10.

Дѣло о дуэли между Утинымъ и Жоховымъ.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Евгеній Исаковичъ Утинъ, обвинялся въ томъ, что, по вызову титулярнаго совѣтника Александра Ѳедорова Жохова, вышелъ, 14-го мая 1872 года, близъ большой муринской дороги, въ лѣсномъ участкѣ Беклешова, съ Жоховымъ на поединокъ, послѣдствіемъ котораго произошла смерть Жохова отъ огнестрѣльной раны, нанесенной ему Утинымъ, каковое преступленіе предусмотрѣно ст. 1507-ю улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ 3 отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда 16 августа 1872 г.

Статья 1,503-я, подъ которую подходитъ дѣйствіе подсудимаго Утина, степенитъ наказаніе слѣдующимъ образомъ. Она назначаетъ бо́льшее тому, кто былъ причиной поединка, кто первый обидѣлъ, и если этого нельзя узнать съ достовѣрностью, то кто сдѣлалъ вызовъ; затѣмъ, меньшее наказаніе тому, кто не былъ причиной поединка, или если этого съ достовѣрностью узнать нельзя, кто принялъ вызовъ. Такимъ образомъ, по требованію 1,503-й ст., нѣтъ никакой возможности миновать разборъ вопроса, кто далъ поводъ къ обидѣ, кто былъ первою причиной поединка; необходимо раз-

смотрѣть этотъ вопросъ въ предѣлахъ того, что выяснилось на судебномъ слѣдствіи, и, затѣмъ только, если будетъ доказано, что подсудимый Утинъ не обидѣлъ, не далъ повода къ поединку, что онъ безъ всякой своей вины вовлеченъ въ поединокъ, то я полагаю, что это обстоятельство можетъ послужить смягчающимъ преступность его обстоятельствомъ. Вотъ почему я вскрою причины поединка и представлю ихъ во всемъ взаимнодѣйствіи, отъ возникновенія ихъ до окончательнаго результата. Причины событій бываютъ крошечно—ничтожны, какъ сѣмя, какъ маленькое зерно; но если это сѣмя или зерно упадетъ на плодородную почву, увлажится дождемъ и согрѣется солнцемъ, то и выростетъ въ рослый колосъ, въ сосну, или въ дубъ. Такимъ зерномъ въ настоящемъ случаѣ было дѣло Гончарова, на стенографическій отчетъ о которомъ я просилъ позволенія ссылаться, по крайней мѣрѣ, на рѣчь Утина. Дѣло Гончарова заключалось въ томъ, что не доучившійся, незрѣлый юноша написалъ, напечаталъ и распустилъ нелѣпыя, возмутительныя прокламаціи. Когда его арестовали, то онъ при первоначальномъ дознаніи показалъ, что причиной его дѣйствій были тяжелыя нравственныя обстоятельства. На предварительномъ слѣдствіи онъ взялъ назадъ это показаніе, изъ чего можно было заключить, что имѣется въ виду серьезный политическій дѣятель. Наконецъ, когда принялъ его защиту Утинъ, увидѣлся съ нимъ въ тюрьмѣ, то между подсудимымъ Гончаровымъ и защитникомъ установилось такое полное соглашеніе, что Гончаровъ ничего не прибавилъ къ защитѣ и сослался только на первоначальное свое показаніе при дознаніи. Защита г. Утина, можетъ быть, была плоха, не даровита—это вопросъ личнаго вкуса, но нельзя не сказать, что эта защита была вполнѣ добросовѣстная. Она была вполнѣ согласна съ тѣми правилами, которыя выработались въ нашемъ сословіи и которыя мы хранимъ строго и свято. Утинъ, конечно, не возвелъ своего кліента въ герои, не сдѣ-

лалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ совсѣмъ не былъ: онъ представилъ его въ видѣ человѣка, который рѣшился покончить съ жизнью, но, не имѣя рѣшимости пустить себѣ пулю въ лобъ, вознамѣрился попасть, по крайней мѣрѣ, въ каторжную работу; онъ представилъ его не сумасшедшимъ, а находящимся въ состояніи психической подавленности, въ томъ, которое прежніе психіатры называли меланхоліей и которое граничитъ съ сумасшествіемъ и ведетъ къ сумасшествію. Указавъ на это состояніе, онъ долженъ былъ объяснить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и причину этой подавленности. Онъ указалъ на несчастную женитьбу, на то, что Гончаровъ, женившись разошелся потомъ съ женой...

Предсѣдательствующій. Я просилъ бы васъ эти подробности нѣсколько обойти, потому что дѣло идетъ не о достоинствѣ рѣчи г. Утина, а о поводахъ къ настоящей дуэли...

Присяжный повѣренный Спасовичъ. Позвольте мнѣ заявить только, что въ рѣчи Утина даже имя г-жи Гончаровой не было произнесено, не было сказано, кто виноватъ: можно было думать, что оба они не сошлись, не поладили... Можно было быть какого угодно мнѣнія о мужѣ и женѣ. Нельзя сказать, чтобъ эта защита была даже неуспѣшна: подсудимый Гончаровъ былъ признанъ виновнымъ, по 245-й статьѣ улож., т. е. по такой статьѣ, которая грозитъ наказаніемъ отъ 10 до 12 лѣтъ.

Предсѣдатель. Я только-что сейчасъ просилъ васъ устранить сужденія о томъ, насколько удовлетворительна была рѣчь г. Утина по дѣлу Гончарова. Мы здѣсь не входимъ въ обсужденіе тѣхъ юридическихъ послѣдствій, которыя вытекали для Гончарова.

Присяжный повѣренный Спасовичъ. И такъ, гг. судьи, Гончаровъ сходитъ со сцены, но по поводу его и въ особенности по поводу его защиты сплелись, спутались страннымъ образомъ отношенія между тремя лицами, до того страннымъ, что ихъ потомъ пришлось

разрубать картелью, выстрѣломъ и смертью. Г-жа Гончарова не была знакома съ Утинымъ. Она познакомилась и съ Жоховымъ незадолго до дѣла мужа. Жоховъ не зналъ лично и въ глаза никогда не видалъ Гончарова. Когда они стали толковать о защитѣ Гончарова, Жоховъ и г-жа Гончарова пришли къ тому заключенію, что этой защитѣ нужно придать болѣе серьезный, политическій характеръ (я ссылаюсь на посмертныя письма Жохова), что нельзя сводить это дѣло до шальной выходки; а надо, конечно, не приписывая Гончарову намѣренія возбудить къ бунту, напугать тѣхъ лицъ, которыя дѣлаютъ дѣйствительный вредъ Россіи и затѣмъ явиться обличителемъ этихъ лицъ на судѣ. (Это также находится въ письмахъ и явствуетъ изъ показанія свидѣтеля Арсеньева.) Кому первому пришла эта мысль, теперь трудно сказать, но ключъ къ этому вопросу находится тоже въ письмахъ. Жоховъ пишетъ, что г-жа Гончарова не захотѣла, чтобъ мужъ ея представлялся такимъ жалкимъ, ничтожнымъ и пошлымъ человѣкомъ, какъ большинство замѣшанныхъ по нечаевскому дѣлу. Вотъ почему пишетъ Жоховъ: „Она просила меня дать ей совѣтъ, какъ показывать мужу“, начертить планъ показанія, который она, по ея словамъ, имѣла возможность сообщить Гончарову. Этотъ разсказъ какъ нельзя больше натураленъ; г-жа Гончарова, какъ женщина, какъ жена человѣка, имя котораго она носитъ, хотя и разошлась съ нимъ, естественно желала, чтобъ это лицо явилось достойнѣе, эфектнѣе передъ судомъ. Но Жоховъ не знаетъ Гончарова и, какъ человѣкъ практическій, онъ усматриваетъ возможность осуществить извѣстную политическую цѣль. Чтобъ заставить Гончарова показывать, какъ имъ хотѣлось, сговорившіеся должны были убѣдить, уломать защитника. Вотъ почему Жоховъ, отношенія котораго къ Утину были далеко не короткія, подходитъ къ нему на одномъ изъ литературныхъ обѣдовъ, приглашаетъ на домъ къ г-жѣ Гончаровой; тамъ, у г-жи Гончаровой, и происходятъ переговоры, относительно

содержанія которыхъ господствуетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Спорные пункты слѣдующіе: Жоховъ въ предсмертномъ письмѣ къ г-жѣ Гончаровой и въ другомъ—къ брату, напираетъ на то, что онъ хотѣлъ осмыслить не само дѣло, а только показаніе Гончарова. Я полагаю, что это—игра словъ, незаслуживающая вниманія. Дѣло осмыслить не было въ силѣ и власти Утина, а можно было осмыслить только показаніе. А какъ это сдѣлать? Подложить подъ него такой смыслъ, котораго оно не имѣло. Но измѣненіемъ смысла показанія, измѣнялся характеръ дѣла, значитъ оно и осмысливалось. Слѣдовательно, тутъ споръ о словахъ, а не о дѣлѣ. Сверхъ того, есть еще одно разнорѣчіе. Утинъ утверждаетъ, что онъ положительно отвергъ этотъ планъ защиты, находя его неудобнымъ, между тѣмъ, какъ Жоховъ стоитъ на томъ, что Утинъ, будто бы, отвѣчалъ уклончиво, не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Мнѣ кажется, и это разнорѣчіе не важно. Возьмемъ же среднюю пропорціональную между двумя величинами. Утинъ, конечно, не прочелъ нравоученія, не отказалъ наотрѣзъ. Сказать рѣшительное „нѣтъ“, онъ не могъ еще, не зная Гончарова, но его оттолкнуло отъ плана Жохова, такъ сказать, по инстинкту. Затѣмъ, когда Утинъ сошелся ближе съ Гончаровымъ, когда онъ у него побывалъ и поговорилъ съ этимъ жалкимъ, бѣднымъ, но безхарактернымъ человѣкомъ, тогда у него и сложилось то строгое мнѣніе о г-жѣ Гончаровой и о Жоховѣ, которое онъ высказалъ нѣсколькимъ близкимъ ему лицамъ. Совѣтъ Жохова въ самомъ дѣлѣ нехорошъ, и тѣмъ меньше нравится, чѣмъ больше въ него вдумываешься. Онъ нехорошъ, во-первыхъ, по той причинѣ, по которой его не могъ одобрить, напримѣръ, г. Арсеньевъ, который сказалъ, выразившись, конечно, весьма мягко и вѣжливо, чтобъ не оскорбить Жохова, что находитъ его неудобнымъ, рискованнымъ, по крайней мѣрѣ, неосторожнымъ, весьма неосторожнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, какой бы ни былъ исходъ дѣла, но такая постановка вопроса,

какая предлагалась, могла только усилить и значительно усилить наказаніе Гончарова на нѣсколько лѣтъ каторжной работы. Но, во-вторыхъ, совѣтъ Жохова поражаетъ еще по другому соображенію. Мысль критическая никогда не останавливается на отдѣльномъ клочкѣ, на одномъ поступкѣ изъ жизни человѣка: она заключаетъ изъ части о цѣломъ... Предложеніе Жохова не могло не освѣщать, извѣстнымъ образомъ, невыгоднымъ для Жохова, характеръ Жохова; оно давало основаніе и поводъ Утину составить убѣжденіе, невыгодное для Жохова, о его характерѣ вообще. Я не имѣю намѣренія и мысли сказать что-нибудь оскорбительное для памяти умершаго. Я самъ былъ его пріятелемъ до конца его жизни и уважалъ его, какъ дѣятеля полезнаго, но не могу сказать того же, что сказалъ Утинъ, для поясненія только взгляда Утина на Жохова, а именно, что Утинъ принялъ его за натуру агитаторскую, то-есть, такую, для которой люди и отношенія—это пѣшки, которыми можно смѣло играть по произволу. Есть такія агитаторскія натуры; онѣ бываютъ бойки, предпріимчивы и потому часто полезны, но особенность ихъ заключается въ томъ, что у нихъ своя особенная мораль, не такая какъ у другихъ, т. е. они считаютъ совершенно позволительнымъ то, отъ чего другіе сторонятся; онѣ очень гибки, легко становятся на точку зрѣнія другихъ людей, способны быстро подмѣчать слабыя стороны другихъ, онѣ способны увлекать другихъ и властвовать. Для оцѣнки людей у нихъ есть своя мѣрка, свой аршинъ, который они прикладываютъ ко всякому. Въ большинствѣ случаевъ, мѣрка эта совершенно вѣрная, но иногда имъ приходится также и ошибаться... Этимъ я и ограничусь относительно характеристики Жохова. Онъ былъ именно одна изъ подобныхъ натуръ; онъ имѣлъ необычайно обширный кругъ знакомства; дѣлая карьеру, имѣлъ видное положеніе на службѣ и участвовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ редакціи „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“—газетѣ, имѣющей напра-

вленіе весьма извѣстнаго умѣренно-либеральнаго характера; онъ имѣлъ еще обширныя связи въ кругу молодежи. Что ему приходилось иногда ошибаться, наталкиваясь на людей которые относительно выбора средствъ держались болѣе строгихъ принциповъ, это доказывается обращеніемъ его къ Утину и выборомъ такихъ посредниковъ, какъ Арсеньевъ и Буренинъ. Почему онъ обратился къ Утину? Онъ не былъ съ нимъ близокъ, они были скорѣе непріязненно настроены другъ къ другу задолго, а именно за годъ до дѣла Гончарова. Еще и не предвидѣлось дѣла Гончарова, когда Утинъ имѣлъ стычку съ Жоховымъ, довольно сильную, о которой разсказывалъ здѣсь свидѣтель Пыпинъ. Между ними не было почти ничего общаго, нечѣмъ имъ было другъ у друга позаимствоваться. Почему же обратился Жоховъ къ Утину? Я полагаю, что этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, разрѣшается предсмертнымъ письмомъ Жохова, въ которомъ говорится, что г-жа Гончарова сказала: „надо выбрать защитника, который подходилъ бы къ образу мыслей моего мужа“; Жоховъ одобрилъ этотъ планъ. Значитъ, онъ считалъ Утина человѣкомъ въ родѣ Гончарова, человѣкомъ легкимъ, энтузіастомъ, способнымъ осуществить такой планъ защиты, какого именно хотѣлось. Онъ его выбралъ, не обдумавъ послѣдствій. Тутъ опять проявилась та же безпринципность въ дѣйствіяхъ, о которой я уже говорилъ: выбираютъ человѣка, увлекающагося по ихъ понятіямъ, и предлагаютъ ему роль, которую, если-бъ онъ ее взялъ на себя и выполнилъ, то подвергъ бы риску не только подсудимаго Гончарова, но и самого себя. Утинъ былъ здѣсь тоже пѣшка. Но разсчетъ не удался: Утинъ не принялъ ихъ предложенія, далъ отвѣтъ, положимъ нерѣшительный на первыхъ порахъ, сказалъ, что ничего не можетъ еще рѣшить, потому что не видѣлся съ подсудимымъ. Но когда онъ переговорилъ съ Гончаровымъ и они ближе сошлись и когда онъ убѣдился, что это человѣкъ, преступленіе котораго проистекло изъ совер-

шенно другихъ причинъ, тогда онъ дѣйствительно составилъ въ себѣ невыгодное мнѣніе и о г-жѣ Гончаровой, и о Жоховѣ, и это мнѣніе сообщилъ нѣсколькимъ лицамъ. Кому онъ сообщилъ и въ какой формѣ? Это главный и существенный вопросъ, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе другого вопроса: обидѣлъ ли Утинъ Жохова и, слѣдовательно, далъ ли онъ поводъ къ дуэли, или нѣтъ? Что же касается лицъ, которымъ были сообщаемы неблагопріятные отзывы о Жоховѣ, то Утинъ назвалъ ихъ, а именно: гг. Арсеньева, Буренина и Пыпина. Оказалось, что былъ еще одинъ человѣкъ, съ которымъ Утинъ имѣлъ разговоръ о Жоховѣ и котораго Утинъ позабылъ. Это—Чайковскій. Сверхъ этихъ лицъ, изъ которыхъ объ Арсеньевѣ Жоховъ ничего не зналъ, Жоховъ упоминаетъ, съ своей стороны, о Суворинѣ; но это невѣрно. Суворина можно прямо устранить; изъ разговора съ Суворинымъ Жоховъ не могъ вывести никакого заключенія объ Утинѣ. Это явствуетъ изъ показанія Суворина. Напротивъ онъ съ предвзятымъ уже намѣреніемъ объясняется съ Утинымъ. Жоховъ явился къ Суворину и выпытывалъ у него, не говорилъ ли ему чего-нибудь Утинъ о Жоховѣ и, узнавши, что нѣтъ, ушелъ. Затѣмъ, остаются только эти три или четыре лица. Кто эти лица? Во-первыхъ Арсеньевъ, Буренинъ и Пыпинъ—лица очень между собою близкія: всѣ они участвуютъ или въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“, или въ „Вѣстникѣ Европы“; сходятся почти еженедѣльно или еще чаще; всѣ они литераторы, видятся очень часто другъ съ другомъ и, какъ люди, принадлежащіе къ одному кружку, зорко налюдаютъ за поступками каждаго; у нихъ нѣтъ тайнъ; они строго слѣдятъ другъ за другомъ, потому, что отъ этой строгости зависитъ порядочность того кружка, къ которому они принадлежатъ. Что же передавалъ ему Утинъ? передавалъ ли онъ что-нибудь положительное, опредѣленное? Нѣтъ. Онъ выражался дѣйствительно неблагопріятно о Жоховѣ, съ указаніемъ, положимъ, на дѣло Гончарова. Такъ, Пыпину

онъ говорилъ, что не слѣдуетъ знаться съ Жоховымъ. Мнѣніе, какъ мнѣніе, оно заключаетъ въ себѣ только порицаніе—порицать можно всякаго. Свобода порицанія, это необходимое условіе общественнаго мнѣнія, иначе оно не свободно. Порицая, онъ дѣлалъ ссылки на дѣло Гончарова. И это ничего:, онъ указывалъ на вѣрный, дѣйствительный фактъ, на событіе, изъ котораго Утинъ выводилъ свое мнѣніе о Жоховѣ: онъ не совершалъ клеветы и не распространялъ ложныхъ слуховъ. Притомъ, и порицаніе и ссылка были сдѣланы въ такой формѣ, что, напримѣръ, Пыпинъ и не счелъ нужнымъ измѣнить свои хорошія отношенія къ Жохову и даже предупредилъ его, не указавъ, конечно, на источникъ, что о немъ ходятъ такіе-то слухи. Жоховъ потомъ самъ догадался, какой это источникъ и предположилъ не безъ основанія, что, вѣроятно, извѣстіе идетъ отъ Утина. Перехожу къ Буренину. Утинъ сказалъ ему, что онъ находилъ поведеніе Жохова страннымъ по дѣлу Гончарова. Здѣсь, опять-таки, порицаніе и указаніе на фактъ. Третій человѣкъ — г. Арсеньевъ: ему тоже сообщилъ Утинъ свое неодобреніе по поводу плана защиты по гончаровскому дѣлу, но также не вдаваясь въ детали. Значитъ, всѣ эти три показанія, вмѣстѣ взятыя, давали, конечно, право Жохову очиститься, оправдаться и вызвать Утина на объясненіе: но больше никакого права ему не давали. Что касается показанія Чайковскаго, то я нахожусь въ такомъ положеніи относительно этого свидѣтеля, что не совсѣмъ вѣрю тому, что онъ говорилъ. Онъ показывалъ, будто бы Утинъ передавалъ ему, что г-жа Гончарова совѣтовала не щадить мужа, причемъ Жоховъ молчалъ, изъ чего явственно для Чайковскаго вытекло предположеніе, что г-жа Гончарова преслѣдовала въ планѣ защиты свои личные виды, желала вредить мужу? Но въ первый разъ является это извѣстіе. Если-бъ такія слова были сказаны Гончаровою, то я здѣсь не понимаю, почему бы ихъ не повторить Утину. Они не были сказаны: онъ передавалъ Чайков-

скому только общее впечатлѣніе по дѣлу Гончарова и, притомъ, по очень простому случаю, котораго Утинъ никакъ не искалъ. Не Утинъ обратился къ Чайковскому для сообщенія ему неблагопріятнаго мнѣнія о Жоховѣ, а Чайковскій пришелъ къ Утину объясниться по дѣлу Гончарова и заявилъ свое несочувствіе плану защиты Утина; при этомъ разговорѣ Утинъ, между прочимъ, сказалъ Чайковскому то же самое, что и Арсеньеву, Пыпину и Буренину. Словомъ, изъ всѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ подъ рукой видно, что больше никакихъ другихъ нѣтъ, потому что если-бъ ихъ было больше, то они нашлись бы и были бы заявлены Жоховымъ въ предсмертныхъ его письмахъ. Выходитъ, что Утинъ ничего не сказалъ о личныхъ отношеніяхъ Жохова къ Гончаровой, что никому онъ не намекалъ на стачку, съ цѣлью какъ можно глубже запрятать Гончарова; онъ не сообщалъ ничего подобнаго и не могъ сообщать. Замѣтьте, гг. судьи, еще одну странность въ этомъ дѣлѣ: единственное лицо изъ всѣхъ спрошенныхъ, которое постоянно намекаетъ, что Утинымъ былъ сдѣланъ неблаговидный намекъ на г-жу Гончарову и которое мотивируетъ этимъ, какъ клеветой, свой вызовъ, является одинъ только Жоховъ. Мало того, Жоховъ передъ смертью требуетъ еще подписанія одного удостовѣренія, которое, однако, не было подписано Утинымъ, слѣдующаго содержанія: „такіе-то обязуемся, выходя на дуэль, причинъ дуэли не открывать, потому что тутъ замѣшано имя женщины“. Утинъ не могъ подписать этого удостовѣренія, потому что для лицъ, близко знающихъ дѣло, оно ровно ничего не выражаетъ, а незнающимъ даетъ возможность предполагать очень многое и, притомъ, скабрезное. Для постороннихъ оно содержитъ туманные намеки, вслѣдствіе которыхъ можно предполагать Богъ знаетъ что. Не по рыцарски поступилъ бы Утинъ, если-бъ подписалъ это заявленіе. Онъ не хотѣлъ признать, что въ этомъ дѣлѣ замѣшана женщина, и дѣйствительно женщина не была замѣшана, а

замѣшана была г-жа Гончарова, какъ политическая союзница Жохова, и ея дѣйствіе можетъ свидѣтельствовать о томъ, что она легко относилась къ мужу. Я полагаю, что послѣ этихъ объясненій можно заключить съ полною достовѣрностью и совершенно правильно, что Утинъ никакого повода въ дуэли не давалъ. Почему же онъ вызванъ; какъ сложилась у Жохова рѣшимость вызвать Утина на поединокъ? Кто намъ поможетъ разрѣшить эту загадку? Да очень просто—самъ Жоховъ; онъ самъ и есть лучшій свидѣтель. Въ дѣлѣ находятся два письма Жохова къ его брату и г-жѣ Гончаровой. Въ обоихъ этихъ письмахъ онъ излагаетъ мотивы и факты, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ практическій выводъ—вызовъ Утина на дуэль. Эти факты слѣдующіе: „Двадцать дней тому назадъ—пишетъ Жоховъ—одинъ изъ моихъ знакомыхъ, котораго я очень люблю (Суворинъ), сказалъ мнѣ при другихъ, что я человѣкъ нечестный. Слово было сказано въ запальчивости. Я просилъ его объясниться письменно; онъ пришелъ ко мнѣ и извинился при тѣхъ же лицахъ, объяснивъ, что былъ введенъ въ заблужденіе. При нашемъ объясненіи, происходившемъ одинъ на одинъ, онъ высказалъ, что променя говорятъ, будто я причиной погибели Гончарова“. Далѣе: „Одному лицу онъ (Утинъ) говорилъ, что знаетъ компрометирующіе меня факты (оказалось, что это былъ г. Буренинъ); предъ другимъ удивлялся, что со мной знакомы (это г. Пыпинъ); а Вѣра Ивановна (Грибоѣдова) передавала, что Чайковскій и Ватсонъ слышали отъ Утина предположеніе, будто я желалъ погубить вашего мужа, чтобъ обвѣнчаться съ вами“. Этого Чайковскій здѣсь не подтвердилъ; если онъ и говорилъ про Утина, то только то, что Утинъ былъ раздраженъ противъ г-жи Гончаровой; но о предполагаемой связи Жохова съ Гончаровой нѣтъ ни малѣйшаго намека даже въ показаніяхъ Чайковскаго. Спрашивается: изъ этихъ двухъ-трехъ данныхъ, изъ того, что Утинъ говорилъ, можетъ быть, еще кому-нибудь, что Жоховъ

не хорошо относился къ дѣлу Гончарова, какъ можно вывести то практическое заключеніе, что Утина нужно вызвать на дуэль? Для того, чтобъ объяснить какимъ-нибудь способомъ эту рѣшимость Жохова, я полагаю, что опять также нужно обратиться къ особенностямъ его положенія и къ его характеру, которымъ обусловливалось это положеніе. Какъ извѣстно, Жоховъ, на что указывали многіе, имѣлъ обширный кругъ знакомства въ разнообразныхъ сферахъ. Человѣкъ, который такимъ образомъ разбрасывается, необходимо долженъ чрезвычайно чутко и подозрительно относиться къ тому, что про него говорятъ. Мы, люди обыкновенные, болѣе ограниченные въ своей дѣятельности, конечно, бываемъ недовольны, когда о насъ говорятъ дурное; но мы покоряемся судьбѣ и думаемъ: поговорятъ-поговорятъ, да и перестанутъ; мы не принимаемъ никакихъ мѣръ противъ этихъ разговоровъ. Но для Жохова предупрежденіе этихъ слуховъ составляло почти необходимое условіе существованія. Я повторяю, что уже говорилъ, что считаю его человѣкомъ безъ принциповъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не такой строгой морали, какъ другіе. Подобные люди, естественно, избирая какое-нибудь средство, часто сами не понимаютъ, что это средство не придется по нутру другимъ лицамъ, имѣющимъ болѣе строгіе принципы, требующимъ нетолько, чтобъ конечныя цѣли человѣка были хороши, но чтобъ и всякія средства подходили къ руководящей идеѣ. Я не смѣю заподозрить, чтобъ коренныя идеи Жохова были нехороши; онъ, повидимому, былъ человѣкъ глубоко и искренно преданный тому направленію, раздѣляемому литературнымъ кружкомъ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ. Но что касается отношеній его къ другимъ лицамъ, то я полагаю, что еще до начала дѣла Гончарова между нимъ и этими другими лицами, съ болѣе строгими принципами, возникала и возвышалась, мало-помалу, та стѣна, которой онъ одинъ только не замѣчалъ; постепенно и мало-помалу возникали нѣкоторыя подозрѣнія, ни на

чемъ, повидимому, неосновательныя. Люди, строго держащіеся одного направленія и одного рода дѣятельности, чрезвычайно подозрительны. Если кто-нибудь изъ близкихъ къ нимъ успѣваетъ чрезъ мѣру на многихъ и притомъ, совершенно противоположныхъ поприщахъ, то у нихъ является подозрѣніе, что ему трудно не свихнуться, трудно ладить съ тѣмъ и другимъ дѣломъ, что онъ долженъ будетъ потерять балансъ и или погибнетъ, или превратится въ простого обыкновеннаго честолюбца, который броситъ свою идею, отречется отъ своихъ убѣжденій. Вотъ почему отъ него отдалялись такіе люди, какъ, напримѣръ, г. Суворинъ. Но когда начнется подобное отчужденіе, то люди, подобные Жохову, никакъ не понимаютъ и не замѣчаютъ этого отчужденія и особенно его причинъ. Какъ только такой человѣкъ видитъ, что на него косятся и смотрятъ подозрительно, то онъ тотчасъ же объясняетъ этотъ фактъ либо завистью, которая въ настоящемъ случаѣ, конечно, не могла имѣть мѣста, либо сплетнями, то есть, распространеніемъ какихъ-либо фактовъ невѣрныхъ, вымышленныхъ, вредящихъ репутаціи и составляющихъ клевету. Предположеніе о клеветѣ заставляетъ принимать мѣры, какъ возстановить свою репутацію. Но какъ возстановить репутацію? какъ уничтожить вредные слухи въ источникѣ? Одно средство—обратиться къ этому человѣку и объясниться. Жоховъ и обратился къ Суворину, разсказалъ ему всю свою жизнь и примирился съ нимъ. Но есть люди, съ которыми объясненіе не поможетъ и не поведетъ ни къ чему. Что же тогда остается дѣлать? Остается обращеніе къ кулаку. Я не могу не назвать дуэли облагороженною кулачною дракой, она, все-таки, не что иное, какъ употребленіе грубой силы. По положенію Жохова, по его связямъ, воспитанію—по всему, поединокъ долженъ былъ, съ его стороны, казаться весьма страннымъ и невѣроятнымъ. Всякій бы отвѣтилъ ему сразу, какъ отвѣчалъ Пыпинъ, когда зашла рѣчь объ обычаѣ, что бываютъ обычаи весьма

глупые. Вотъ почему Жоховъ, рѣшившись вызвать Утина на дуэль, соединилъ съ этимъ средствомъ, на которомъ онъ остановился, еще другое средство—объясненіе предъ посредниками. При вызовѣ Утина на дуэль, я полагаю, что у Жохова была та практическая цѣль, которую онъ и высказалъ — заставить замолкнуть то, что онъ считалъ клеветой, уничтожить въ зародышѣ слухи, которые о немъ ходятъ и источникомъ которыхъ онъ считалъ Утина. Что тутъ не было участія никакого другого чувства, напримѣръ, зависти, ненависти, личнаго раздраженія въ отношеніи къ Утину— это я могу положительно доказать. Жоховъ, какъ человѣкъ безпринципный, для котораго люди и отношенія были не болѣе какъ пѣшки, какъ вещи, который рѣшается холодно, по обдуманному разсчету, въ одномъ письмѣ дать слѣдующую характеристику Утина: „Я не думаю, чтобъ Утинъ сознательно говорилъ неправду; онъ могъ спутать и, затѣмъ, увлеченный озлобленіемъ противъ г-жи Гончаровой, причинъ котораго я, впрочемъ, не знаю, приписать мнѣ всѣ ужасы. Причиной всего была его увлекающаяся натура, сочувствіе къ несчастнымъ, характеръ и нѣкоторое легкомысліе". Прямо вызвать Утина Жоховъ почти не могъ, это значило бы получить отказъ и Утинъ такъ не вышелъ бы на дуэль съ Жоховымъ. Притомъ, вызовъ безъ объясненія неблаговиденъ былъ бы въ томъ кружкѣ въ которомъ онъ старался возстановить свою репутацію. Надо было прежде объясниться, и вотъ Жоховъ подбираетъ людей для объясненія; но и въ этихъ людяхъ онъ ошибается. Подбирая этихъ людей, онъ, вѣроятно, думалъ, что онъ вызоветъ Утина на объясненіе при нихъ, представитъ, что предлагавшійся имъ планъ защиты прекрасенъ, потому что далъ бы такіе-то хорошіе результаты, планъ этотъ будетъ одобренъ, а Утинъ нравственно побитъ и потомъ, побитый на этомъ объясненіи, онъ долженъ будетъ или дать письмо, въ которомъ бы повинился, отъ начала до конца, во всѣхъ

слухахъ, или выдти на поединокъ. Жоховъ выбираетъ Арсеньева, Суворина и де-Роберти. Объясненіе не состоялось при этихъ лицахъ. Повидимому, Жоховъ требуетъ настоящихъ третчиковъ, рѣшителей, до которыхъ непосредственно не доходили слухи; будто бы пускаемые Утинымъ. (О г. Арсеньевѣ онъ не зналъ, что ему извѣстны эти слухи.) Онъ беретъ, между прочимъ, Суворина, потому что Суворинъ съ ссорѣ съ Утинымъ. Утинъ, напротивъ, стоитъ на томъ, чтобъ объясненіе происходило при тѣхъ лицахъ, которымъ онъ что-нибудь передавалъ. Такимъ образомъ, объясненіе состоялось въ присутствіи гг. Арсеньева и Буренина. Жоховъ подчинился этому желанію Утина. Но я не могу думать, чтобъ онъ подчинился ихъ рѣшенію, не надѣясь, что тѣ рѣшатъ въ его пользу. Онъ былъ убѣжденъ, что его одобрятъ, что съ нимъ согласятся, примутъ его планъ и совершенно оправдаютъ. Онъ жестоко ошибся. Объясненіе вышло совершенно не въ его пользу, потому что г. Арсеньевъ и г. Буренинъ сказали ему, конечно, въ весьма мягкихъ выраженіяхъ, что планъ защиты его былъ совсѣмъ нехорошъ. Отвѣтъ посредниковъ вмѣщалъ въ себѣ, при мягкости формъ, прямое порицаніе образа дѣйствій Жохова по дѣлу Гончарова. Тогда Жоховъ прямо, бросивши объясненія, которыя не могли дать ему благопріятнаго результата, тутъ же протестуетъ противъ мнѣнія посредниковъ, обращается къ Утину и вызываетъ его на дуэль. Вызовъ былъ самый неожиданный; Утинъ принялъ вызовъ, и дѣло вступило въ новую фазу. Эта фаза будетъ, вѣроятно, подробно изложена моими товарищами по защитѣ, потому что она касается больше секундантовъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ принятъ вызовъ, жрецами обряда являются секунданты, а сами дерущіеся дѣлаются пассивными лицами до встрѣчи на полѣ поединка. Но и въ этотъ короткій промежутокъ времени, который раздѣлялъ среду, 10-го мая, и въ воскресенье, 14-го мая, когда поединокъ состоялся, а не могу не указать на характеристическія

особенности въ образѣ дѣйствій какъ Жохова, такъ и Утина. Жоховъ во всѣ эти дни какъ будто бы неутомимо, нетерпѣливо и нещадно гонитъ событія впередъ, старается ихъ ускорить и какъ бы озабоченъ, чтобъ Утинъ не ушелъ, чтобъ дѣло не кончилось миролюбивымъ образомъ. Письмо, которое писалось у г. Арсеньева, не привело ни къ какому результату. Жоховъ съ четверга старается, чтобъ поединокъ былъ непремѣнно въ субботу. Въ четвергъ собраніе у де-Роберти. Секунданты и Утинъ стараются отдалить встрѣчу до понедѣльника. Секунданты, затѣмъ, рѣшаютъ удвоить свое число; сначала ихъ было только двое, а вечеромъ приглашены еще двое, Неклюдовъ и Ватсонъ. Секунданты и, по ихъ настоянію, Утинъ дѣлаютъ еще отчаянное усиліе, чтобъ предотвратить поединокъ; они склоняютъ Утина написать письмо. Они старались представить Утину, что Жоховъ могъ поторопиться, сдѣлавъ вызовъ, но вслѣдствіе вызова, сталъ въ столь неловкое положеніе, что не можетъ уже сдѣлать первый шагъ къ примиренію, что нужно открыть ему какую-нибудь возможность взять свой вызовъ назадъ. Вотъ почему въ письмѣ Утина повторяется все то, что было заявлено у г. Арсеньева, что я, Утинъ, вотъ что передавалъ о васъ, и такъ какъ больше ничего не передавалъ, кромѣ того, что случилось въ самомъ дѣлѣ, то и прошу васъ при такихъ условіяхъ взять вызовъ назадъ. Письмо это привозится на совѣщаніе секундантовъ; всѣ четверо признаютъ его удовлетворительнымъ. Ватсонъ идетъ къ Жохову, убѣждаетъ его цѣлый часъ, но получаетъ отказъ и слышитъ желаніе, чтобъ какъ можно скорѣе состоялась дуэль. Потомъ, послѣ этого отказа, за обѣдомъ въ Лѣтнемъ Саду, между секундантами были приняты условія, которыя представляли самую наименьшую опасность для стрѣляющихся. Кто же недоволенъ этими условіями? Утинъ принимаетъ ихъ пассивно. Жоховъ требуетъ болѣе строгихъ. Въ субботу происходятъ переговоры о мѣстѣ поединка и тутъ дѣлается

еще попытка къ примиренію. У Ватсона является мысль, нельзя ли, для удовлетворенія Жохова, добыть родъ протокола объясненія, бывшаго при гг. Буренинѣ и Арсеньевѣ, у послѣдняго. Но отъ Буренина Ватсонъ узнаетъ, что этотъ способъ былъ уже испытанъ и отвергнутъ. Несмотря на то, Ватсонъ ѣдетъ къ Жохову и предлагаетъ ему этотъ способъ, но получаетъ отказъ; Жоховъ заявляетъ ему, что не можетъ удовольствоваться наканунѣ дуэли тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ удовлетворенъ за нѣсколько дней. Въ воскресенье пріѣзжаютъ на мѣсто поединка: дѣлается предложеніе со стороны секундантовъ о примиреніи. Д-ръ Воловскій обращается къ противникамъ и отъ Утина получаетъ отвѣтъ, что онъ не можетъ сказать ни да, ни нѣтъ; онъ явился на поединокъ, на который вызовъ былъ не отъ него, а Жоховъ отвѣчаетъ положительнымъ нежеланіемъ мириться. Наконецъ, противники становятся въ позицію, и начинается дуэль. Въ этой дуэли, которая кончилась такъ несчастливо для Жохова, какую роль принимаетъ Утинъ съ момента принятія вызова до момента, когда дуэль кончилась такъ плачевно? имѣлъ ли онъ малѣйшую возможность въ какой-нибудь моментъ, въ теченіи времени отъ 10-го до 14-го мая, повліять или на то, чтобъ дуэль не состоялась, или на то, чтобъ она кончилась менѣе кровопролитно? Что же, спрашивается, могъ онъ сдѣлать? Не принять вызова? Полноте, такъ ли? Если-бъ кто-нибудь сказалъ, что онъ могъ не принять вызова, то я скажу, что это онъ говоритъ потому, что ничего подобнаго не испыталъ, что онъ не имѣетъ, въ виду, никакого конкретнаго случая; но если-бъ ему самому пришлось быть въ подобномъ положеніи, то онъ бы не выдержалъ. Мы всѣ—люди, которые не поглощены всецѣло офиціальною или иною спеціальною дѣятельностью и которые претендуютъ, все-таки, на то, чтобъ насъ считали свѣтскими людьми, находимся всегда въ такомъ состояніи, что тотъ, кто пожелалъ бы настоятельно вовлечь насъ въ дуэль, могъ бы почти всегда

достигнуть своей цѣли. Для всякаго изъ насъ гораздо лучше выйти на дуэль, нежели подвергаться риску получить обиду публично, гдѣ-нибудь на улицѣ, въ театрѣ. Конечно, обидчика засадятъ въ тюрьму, но этого мало. Человѣкъ не вполнѣ поглощается государствомъ, честь его не совершенно охраняется государствомъ, и для большинства людей обиженный такъ и останется навсегда со слѣдами обиды на лицѣ. Это глупо, но это вѣрно. Я констатирую фактъ и не думаю, чтобъ кто-нибудь сталъ оспаривать его. Что же, затѣмъ, могъ сдѣлать Утинъ, и чего онъ не дѣлалъ? Былъ ли какой-нибудь моментъ, въ который онъ могъ бы повліять на то, чтобъ дуэль не состоялась? Письмо предложить? Оно было предложено, но противники разошлись на весьма существенномъ пунктѣ: отъ Утина требовали, чтобъ онъ написалъ неправду, что онъ ничего предосудительнаго о Жоховѣ и о г-жѣ Гончаровой не говорилъ, между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, что находитъ образъ дѣйствій ихъ по дѣлу Гончарова неодобрительнымъ, заслуживающимъ порицанія. Послѣ объясненія у г. Арсеньева, онъ былъ раздраженъ противъ Жохова; онъ думалъ, что Жоховъ нарочно вовлекъ его въ объясненіе, поставивъ ему ловушку, чтобъ заставить его выйти на дуэль. Несмотря на то, онъ не прочь мириться; его убѣждаютъ секунданты, онъ пишетъ еще письмо; но когда и это письмо не подѣйствовало, когда всѣ средства примиренія были истощены, то съ тѣхъ поръ до самой встрѣчи не могло быть и рѣчи о мирѣ.

Утинъ долженъ былъ выдти на дуэль. Какъ же онъ долженъ былъ дѣйствовать? Воздержаться отъ выстрѣла, какъ дѣлаетъ человѣкъ, который хотя не одобряетъ поединка, но чтобъ показать, что онъ не трусъ, становится подъ выстрѣлъ? Или, можетъ быть, выстрѣлить на воздухъ? Да, конечно, если разсуждать хладнокровно и отвлеченно, то это такъ, но, гг. судьи, человѣкъ не камень, онъ состоитъ не изъ однихъ только костей да мяса. У него есть нервы — весьма тонкій инструментъ,

на которомъ играютъ внѣшнія событія, раздражительность и впечатлительность весьма различны у различныхъ людей. Представимъ, что передъ нами субъектъ очень нервный, съ которымъ часто случается истерика, у котораго есть, притомъ, порокъ сердца и случаются зачастую обмороки; онъ находится въ возбужденномъ состояніи въ теченіи цѣлой недѣли; въ началѣ недѣли его зовутъ письмами на объясненіе, весьма серьезное; съ каждымъ письмомъ выраженія становятся рѣзче съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ, слѣдуетъ объясненіе у г. Арсеньева, во время котораго онъ имѣетъ основаніе думать (хотя я не полагаю, чтобъ это было такъ), что само объясненіе не что иное, какъ ловушка, что его нарочно завлекали, чтобъ бросить ему въ глаза вызовъ; онъ раздраженъ, несмотря на то, что настолько владѣетъ собою, что не уклоняется отъ примиренія и пишетъ письмо. Наконецъ, всѣ средства истощены; ѣдутъ и становятся на свои позиціи. Я смѣло могъ бы утверждать то же самое, что утверждали секунданты, что, при избранныхъ условіяхъ поединка, результатъ его объясняется только слѣпымъ случаемъ. Но я могу сдѣлать предположеніе еще другое. Я полагаю, что Утинъ не думалъ стрѣляться, желалъ выстрѣлить на воздухъ; когда ихъ поставили на позицію, когда присутствіе того, котораго Утинъ считалъ своимъ противникомъ, вызвавшимъ его на поединокъ понапрасну, озлобленнаго противъ него, еще больше раздражило Утина, и когда, наконецъ, онъ увидѣлъ что дуло пистолета противника направлено ему прямо между глазъ, тогда инстинктивно, по чувству, которое онъ и самъ не въ состояніи теперь объяснить; ненависти или самосохраненія, въ одно мгновеніе, почти непроизвольно, палецъ сдѣлалъ движеніе и спущенъ былъ курокъ, пуля полетѣла и попала въ самый лобъ противнику. Упалъ Жоховъ, а чрезъ минуту упалъ на мокрую траву и Утинъ, потому что съ нимъ случился истерическій припадокъ.

Гг. судьи, если-бъ это былъ судъ съ присяжными, то я на этомъ окончилъ бы защиту; но въ судѣ безъ присяжныхъ я обязанъ коснуться стороны юридической, вопроса о примѣненіи наказанія. Я полагаю, какъ и г. прокуроръ, что дѣйствія Утина подходятъ подъ 1508-ю ст. уложенія о нак., подъ 2-ю ея часть. Но вы имѣете, по 774-й ст. уст. уголов. судопр., полное право по всякому преступленію, безъ исключенія, значитъ и по поединку, если найдете обстоятельства, смягчающія вину подсудимаго, понизить ему наказаніе одною или двумя степенями. Допустимъ, что эти обстоятельства есть (я возвращусь къ этому вопросу)—спрашивается, какъ понизить наказаніе? По 1503 ст. полагается заключеніе въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ. Значитъ, чтобъ понизить, нужно отыскать въ заключеніи крѣпостномъ одну или 2 степени, примыкающія къ сроку отъ 2 до 4 лѣтъ. Но вотъ въ чемъ затрудненіе; заключеніе въ крѣпости—наказаніе особое, которое не стоитъ въ общей лѣстницѣ наказаній; оно и смирительный домъ совершенно въ сторонѣ; оно имѣетъ свои степени, изложенныя въ 34-й и 35-й ст. уложенія, пять степеней, которыя идутъ отъ заключенія отъ четырехъ недѣль до заключенія на четыре года. Но вотъ въ чемъ еще новое затрудненіе: эти степени заключенія въ 34-й и въ 35-й. ст. нисколько не сходятся, ни качественно, ни количественно, съ наказаніями, полагаемыми за дуэли во главѣ 4-й раздѣла X-го уложенія; въ качественномъ отношеніи потому, что въ главѣ 4-й полагаются совершенно иные сроки заключенія, а въ количественномъ потому, что въ 34-й ст. говорится о заключеніи съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ—между тѣмъ, какъ заключеніе въ крѣпости за дуэль налагается болѣе легкое и никогда не влечетъ за собою лишенія правъ. Однако, степени все-таки надо отыскать. Я полагаю, что ихъ можно отыскать на практикѣ по теоріи. Я ссылаюсь на сочиненіе г. Таганцева „О преступленіяхъ противъ жизни“, 2-й томъ. Если сопоставить

всѣ наказанія, которыя полагаются за дуэль въ главѣ 4-й раздѣла X-го, то изъ нихъ образуется своя особая лѣстница, по которой можно спускаться. Если обратить вниманіе на 3-ю часть 1503-й ст., то можно увидѣть, что сейчасъ же послѣ наказанія заключеніемъ въ крѣпости на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, идетъ заключеніе отъ 8-ми мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. Затѣмъ, въ 1507-й ст. полагается наказаніе секундантамъ въ размѣрѣ образующемъ новую ступень—отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ. Еще можно отыскать одну степень—отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ, а если подниматься вверхъ, то можно отыскать степени отъ 4-хъ до 6-ти и 8-ми мѣсяцевъ и даже до 10 лѣтъ. Такимъ образомъ, изъ соображенія наказаній, полагаемыхъ собственно за дуэли, можно составить особую лѣстницу наказаній и, слѣдовательно, можно понизить наказаніе, опредѣленное въ 1503-й ст., и перейти отъ заключенія въ крѣпости отъ 2 до 4 лѣтъ, до заключенія отъ 8 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Затѣмъ, если подсудимый будетъ найденъ заслуживающимъ еще большаго снисхожденія, то можно будетъ понизить наказаніе отъ 4 до 8 мѣсяцевъ и дойти такимъ образомъ до самой послѣдней грани снисхожденія, на которой уже исчерпываются ваши полномочія—до 4 мѣсяцевъ. Я и прошу именно, чтобъ подсудимый Утинъ былъ присужденъ къ этому послѣднему наказанію. Причины, по которымъ я прошу этого смягченія, заключаются въ слѣдующемъ. Вашъ судъ отличенъ отъ суда присяжныхъ тѣмъ, что вы должны мотивировать смягченіе участи подсудимаго, вы должны указать на смягчающія обстоятельства. Есть цѣлый перечень этихъ смягчающихъ обстоятельствъ въ 134-й ст. уложенія, въ 9 ея пунктахъ. Я полагаю, что между этими пунктами найдутся многіе, которые подходятъ къ Утину. Я, по крайней мѣрѣ, нахожу 1-й пунктъ, т. е., что подсудимый тотчасъ заявилъ о совершившемся преступленіи и чисто-сердечно призналъ себя виновнымъ, и 5-й пунктъ—сильное раздраженіе, въ которое былъ поставленъ Утинъ

образомъ дѣйствій своего противника. Но этотъ перечень въ статьѣ 134-й данъ только въ видѣ примѣра; кромѣ этихъ обстоятельствъ, которыя въ 134-й ст. перечислены, вы можете пріискать еще весьма многія, заимствованныя изъ натуры самаго преступленія. Вы можете стать именно на точку зрѣнія прокурора, но вы должны будете, ставъ на эту точку зрѣнія, придти къ другимъ, нежели онъ даетъ заключеніямъ. Натура преступленія и то обстоятельство, что оно совершено образованными людьми, располагаютъ не къ строгости, а къ снисхожденію, по причинамъ, которыя я постараюсь изложить. На поединокъ можно смотрѣть различно, прежде всего, какъ на преступленіе противъ жизни. Есть теоретики, которые подводятъ дуэль подъ эту категорію, разсуждая съ отвлеченной точки зрѣнія, но взглядъ этотъ ведетъ къ систематической безнаказанности дуэлей вездѣ, гдѣ дуэли судятся судомъ присяжныхъ. Народное сознаніе идетъ въ этомъ случаѣ въ разрѣзъ съ теоріей и закономъ. Я думаю, что можно смотрѣть на поединокъ, не какъ на преступленіе противъ жизни, а только какъ на преступленіе противъ государства, противъ его судебной власти, какъ на самосудъ, самоуправство. Конечно, оно можетъ быть разсматриваемо, какъ особый видъ самоуправства; но за это нельзя наказывать жестоко, какъ жестоко наказывали въ прежнія времена; да и къ чему же повели эти жестокія наказанія? Поединки сдѣлались чаще, когда дуэлистовъ вѣшали, напримѣръ, при Ришелье. Вообще, государство и законодательство въ настоящее время смотрятъ иначе на поединки и ограничиваются гораздо болѣе легкими наказаніями. Поединокъ заслуживаетъ этого вниманія потому, что онъ основывается на весьма древнемъ, старинномъ европейскомъ обычаѣ. Вы можете назвать какъ угодно этотъ обычай: глупымъ предразсудкомъ, барскою привычкой, плодомъ праздности, въ которой живутъ богатые классы, но, тѣмъ не менѣе, практика будетъ опровергать на каждомъ шагу ваши положенія, потому,

что этотъ обычай, будто-бы дворянскій, былъ распространенъ повсюду именно тогда, когда было отмѣнено въ Европѣ дворянство, когда стали драться блузники и буржуа. Оттуда онъ перешелъ къ намъ, привился и дѣйствуетъ. Взгляните, какіе люди стали драться? Развѣ Жоховъ—баричъ? Это—человѣкъ дѣловой и нисколько не аристократическій. Значитъ, мы имѣемъ дѣло съ обычаемъ и обычаемъ весьма сильнымъ; онъ существуетъ, и нельзя поручиться, что не будетъ существовать еще 100, 200 или больше лѣтъ. Почему? Потому что въ этомъ обычаѣ, хотя и въ грубой формѣ, есть нѣчто такое, что заставляетъ людей стоять за него; въ этой грубой, безобразной формѣ проявляется, однако-жъ, извѣстное чувство, одно изъ тѣхъ, о которыхъ заставляетъ насъ забывать цивилизація. Эта цивилизація наша внушаетъ человѣку: себя не защищай, я тебѣ гарантирую всевозможныя блага, только богатѣй, учись да старайся быть какъ можно ловчѣй, старайся только не забѣгаетъ въ область уголовнаго права, и будешь ты знатенъ, и уважаемъ, и богатъ. Обычай поединка является среди этой цивилизаціи какъ символъ того, что человѣкъ можетъ и долженъ въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать самымъ дорогимъ для себя благомъ — своею жизнью, за вещи, которыя съ матеріалистической точки зрѣнія, не имѣютъ значенія и смысла—за вѣру, родину, хотя бы за честь; вотъ почему этимъ обычаемъ нельзя поступаться. Онъ имѣетъ основаніе то же, что и война. Вѣдь война тоже фактъ грубый, дикій, безобразный, противъ войны писались цѣлые томы, ученые будутъ доказывать, какъ безобразенъ этотъ фактъ, поэты будутъ бросать проклятія на воюющихъ, будутъ составляться общества, собираться конгресы друзей мира — и что же? Война будетъ продолжать существовать, и одинъ мигъ такой грозы очиститъ воздухъ гораздо въ большей степени, нежели десятки лѣтъ жаркаго мира, среди котораго растутъ хорошія растенія, но растутъ и сорныя травы. Я бы сказалъ finis Европы, если-бъ всѣ

европейскіе народы устроились такъ, чтобъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не воевать. Я не думаю, чтобъ сила рождала право, но думаю, что всякому нужно быть сильнымъ, мужественнымъ и храбрымъ, чтобъ отстаивать свое право. Вотъ почему въ поединкѣ важно входить не во внѣшнюю сторону дѣла, а въ сокровенныя причины и побужденія къ вызову и прослѣдить дѣйствія человѣка отъ начала дѣла до конца, безупречно или нѣтъ его поведеніе. Если оно безупречно, если результатъ поединка слѣдуетъ приписать стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, то надлежитъ по справедливости понизить наказаніе до послѣдней грани, до которой позволяетъ вамъ доходить законъ.

Окружный судъ, признавая подсудимаго Утина виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 отд. 1503 ст. узож. о накаа., постановилъ: заключить его въ крѣпость на 2 года, но не приводя сего приговора въ исполненіе, по вступленіи такового въ законную силу, въ виду особыхъ уваженій къ облегченію участи подсудимаго, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ чрезъ министра юстиціи о смягченіи наказанія заключеніемъ въ крѣпость на 5 мѣсяцевъ.

1873.

11.

Дѣло о надворномъ совѣтникѣ Пальмѣ, обвиняемомъ въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ и въ подлогѣ.

Надворный совѣтникъ Александръ Ивановъ Пальмъ обвинялся во-первыхъ, въ томъ, что, состоя управляющимъ Полтавскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка и получивъ въ качествѣ управляющаго казенную сумму, препровожденную Полтавской земской конюшней на храненіе въ отдѣленіе банка, самовольно употребилъ въ свою пользу четырнадцать тысячъ рублей серебромъ и не возвратилъ таковыхъ денегъ и послѣ открытія сего злоупотребленія, и, во-вторыхъ, въ томъ, что для сокрытія присвоенія или растраты составилъ подъ вымышленными нумерами ложныя извѣщенія о поступленіи на храненіе въ отдѣленіе банка принятыхъ имъ денегъ, между тѣмъ какъ эти деньги въ отдѣленіе банка имъ, Пальмомъ, внесены не были и по книгамъ отдѣленія не значатся, каковыя преступленія предусмотрѣны 3 ч. 354 и 359 ст. улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ уголовномъ отдѣленіи Харьковской судебной палаты, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 27 марта 1873 года.

„Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Подсудимому, который, подобно настоящему, сознается въ своемъ преступленіи, практическій исходъ дѣла почти безразличенъ. Пословица гласитъ: „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. Повинившись, подсудимый можетъ махнуть ру-

кою на всѣ юридическія подробности. Но не таково положеніе защитника; онъ, по званію своему, обязанъ воспользоваться всѣми способами защиты; онъ долженъ стараться хотя на одинъ волосъ уменьшить отвѣтственность, а слѣдовательно, и наказаніе. Вотъ почему, состязаясь съ обвиненіемъ, я постараюсь, по-крайней мѣрѣ, одинъ изъ пунктовъ обвиненія уничтожить и разрушить. Я вполнѣ признаю фактъ растраты чужихъ денегъ, но я полагаю, что можно опровергнуть другое обвиненіе—въ подлогѣ, въ составленіи подсудимымъ лживыхъ бумагъ, съ цѣлью скрыть преступленіе. Это будетъ составлять первую часть моей задачи. Затѣмъ, во второй, по вопросу о растратѣ, я, не касаясь юридической стороны дѣла, буду ходатайствовать только о снисхожденіи къ подсудимому, и полагаю, что вы найдете весьма много причинъ, располагающихъ къ этому снисхожденію.

„Начинаю съ вопроса о подлогѣ. Да будетъ мнѣ позволено коснуться фактической основы дѣла, которая чрезвычайно проста и ясна. Въ 1868 году Пальмъ переведенъ въ Полтаву изъ Кишинева въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ; его преслѣдовали долги, которые по разнымъ обстоятельствамъ дошли до громадной, по средствамъ его, цифры 17,000 руб. На него подавались взысканія въ полицію, въ судъ, слухи объ этихъ долгахъ доходили до самого министра финансовъ. Въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ, человѣкъ ему близкій, пріятель, съ которымъ онъ былъ на „ты“, полковникъ фонъ-Белли, просилъ его, предложилъ ему или по-крайней мѣрѣ заявилъ ему, что хочетъ перенести въ отдѣленіе Государственнаго Банка, капиталъ земской конюшни, который прежде находился въ уѣздномъ казначействѣ, гдѣ неудобно было для конюшни его держать, потому что приходилось много разъ туда ходить и тратить время. Извѣстно, что былъ изданъ циркуляръ министромъ финансовъ, въ которомъ предлагалось разнымъ вѣдомствамъ, казеннымъ и частнымъ, помѣ-

щать свои капиталы въ отдѣленія банка. Затрудненіе состояло въ томъ, что Белли не хотѣлъ платить за храненіе капитала въ отдѣленіи банка; но Пальмъ взялся устроить это затрудненіе, обѣщавъ сдѣлать представленіе въ правленіе Государственнаго Банка о томъ, чтобы этотъ капиталъ конюшни былъ принятъ безплатно въ отдѣленіе банка. По состоявшемуся между Пальмомъ и Белли предварительному соглашенію, 23-го января с. г. Пальмъ сообщилъ Белли о распоряженіи министра финансовъ, слѣдствіемъ чего была бумага фонъ-Белли отъ 27-го февраля, съ которою г. фонъ-Белли привезъ въ Банкъ капиталъ конюшни въ процентныхъ бумагахъ, и тутъ же передалъ его Пальму. Тутъ представляется вопросъ, которому всего больше времени посвящаетъ г. товарищъ прокурора: зналъ ли или не зналъ г. фонъ-Белли, что Пальмъ употребитъ капиталъ конюшни въ свою пользу, что онъ будетъ на этотъ капиталъ дѣлать спекуляціи? Это обстоятельство въ сущности, съ юридической точки зрѣнія, совершенно не важное и безразличное. Хотя бы и было согласіе со стороны г. фонъ-Белли, г. Пальмъ самъ не могъ не знать, что этотъ капиталъ чужой, что онъ принадлежитъ не г. Белли, а земству, и что имъ нельзя пользоваться; онъ долженъ былъ отклонить отъ себя искушеніе и отказаться отъ дружеской услуги на чужой счетъ, если-бъ таковая предлагалась ему со стороны г. фонъ-Белли, такъ что Пальмъ, во всякомъ случаѣ, виновенъ. Но если-бъ оказалось, что г. фонъ-Белли совсѣмъ не зналъ о томъ, какъ будетъ пользоваться г. Пальмъ этимъ капиталомъ, то къ растратѣ капитала присоединится еще новый элементъ—нарушеніе довѣрія пріятеля, предательство, частная измѣна, которая дѣлаетъ преступленіе Пальма въ нравственномъ отношеніи гораздо худшимъ, менѣе извинительнымъ. Я полагаю, что для подсудимаго въ его нынѣшнемъ тяжеломъ положеніи единственная услуга, которую можно оказать ему, это самая суровая, самая безпощадная правда, безъ всякой фальши, безъ

всякихъ прикрасъ, и защита должна выставить его поступокъ, какъ онъ есть, нисколько не хуже того, какимъ онъ былъ, но и не лучше. Такъ понимая мою задачу, я откровенно говорю, что я не вѣрю тому, будто г. фонъ-Белли далъ свое прямое и открытое согласіе на то употребленіе капитала, которое сдѣлано Пальмомъ. Я не вѣрю, во-первыхъ, потому, что „своя рубашка ближе къ тѣлу“, что дружба дружбой, а все-таки она не можетъ простираться до того, чтобъ отдавать чужую собственность другу и пріятелю. Я не могу этому повѣрить, потому что если-бъ г. фонъ-Белли дѣйствительно далъ свое соизволеніе, то во всякомъ случаѣ, когда онъ переѣзжалъ изъ Полтавы въ Елизаветградъ и покидалъ должность, то онъ не могъ не спросить отчета въ дѣйствіяхъ у Пальма; не могъ не обязать Пальма передать полностью капиталъ преемнику фонъ-Белли, г. Эммануэлю. Я не вѣрю, чтобъ г. Пальмъ велъ дѣло съ фонъ-Белли откровенно и на чистоту. Но, съ другой стороны, увѣренія Пальма по этому предмету столь сильны, столь настойчивы, что я не могу и съ его стороны допустить сознательной, и во всякомъ случаѣ безполезной лжи. Я полагаю, что слѣдуетъ избрать при возстановленіи истины средній путь и допустить что имѣлъ мѣсто психическій самообманъ, самообольщеніе со стороны Пальма. Г. Пальмъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ г. фонъ-Белли; онъ былъ увѣренъ, что если-бъ онъ сказалъ фонъ-Белли прямо: „мнѣ нужны деньги“, то фонъ-Белли согласился бы на услугу. Но та услуга непріятна, о которой откровенно и говорить совѣстно съ ближайшими друзьями. Кому не случалось часто въ общежитіи слѣдующее: я хочу попросить пріятеля о чемъ-то нехорошемъ, мнѣ стыдно говорить прямо, я дѣлаю намеки, которые не отвергаются; мой пріятель какъ будто бы дѣлаетъ видъ, что онъ меня понимаетъ, и предложеніями моими нисколько не смущается; тогда я дѣлаю заключеніе, что мой другъ и пріятель соглашается смотрѣть сквозь

пальцы, и тогда это молчаніе принимается за согласіе; а такъ какъ желается, чтобъ отвѣтъ былъ таковъ, то и вѣрится тому, что онъ былъ именно таковъ. Я полагаю, что съ Пальмомъ произошло нѣчто подобное тому, что я разсказалъ. Г. Пальмъ былъ такъ близокъ съ г. фонъ-Белли, что я не совсѣмъ вѣрю г. фонъ-Белли на счетъ того, чтобъ онъ не зналъ о всей затруднительности положенія г. Пальма, которое было извѣстно въ городѣ Полтавѣ многимъ и весьма многимъ. Пальмъ сообщаетъ, положимъ, фонъ-Белли о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а г. фонъ-Белли говоритъ ему тутъ же, что деньги земской конюшни будутъ долго лежать въ банкѣ, что изъ нихъ потребуется ежегодно на расходы не болѣе 1,500 или 2000 руб.; г. Пальмъ говоритъ: „Я не могу теперь выдать квитанціи, я долженъ объ этомъ войти съ представленіемъ въ правленіе банка“; хорошо, говоритъ фонъ-Белли, беретъ вмѣсто квитанціи временную росписку и довольствуется ею, никогда уже потомъ не заикаясь о перемѣнѣ росписки на квитанцію, и такъ проходятъ мѣсяцы; кончается годъ. Вотъ что могло навести г. Пальма на мысль, что г. фонъ-Белли смекаетъ, въ чемъ дѣло; а такъ какъ онъ человѣкъ съ живымъ воображеніемъ, то онъ увѣровалъ тому, чему желалъ увѣровать, а именно, что г. фонъ-Белли не прочь дать ему, Пальму, пользоваться капиталомъ конюшни. Такъ продолжалось до смѣны г. фонъ-Белли; тутъ наступила критическая минута; г. Пальмъ могъ опасаться, что г. Эммануэль потребуетъ деньги, но г. Эммануэль не являлся, ничего не требовалъ. Такъ жилось до 10-го апрѣля безъ разсчету подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, что разъяснится неопредѣленное положеніе, что раскроется растрата, съ Богъ вѣсть на чемъ, основанными надеждами, напр., „авось какъ-нибудь вывернусь“. Изъ долгаго молчанія Эммануэля Пальмъ заключалъ, что, можетъ быть, Белли и Эммануэля убѣдитъ дать Пальму пользоваться капиталомъ. Вспомните, гг. присяжные, изъ показанія Эммануэля, что когда раскрылась рас-

трата, то Пальмъ спросилъ его наивно: „а развѣ вамъ г. фонъ-Белли ничего не передавалъ"? Онъ такъ надѣялся, что фонъ-Белли такъ хорошо знаетъ его положеніе, что, можетъ быть, даже и передалъ эти свѣдѣнія другу своему, Эммануэлю. Вотъ какія странныя заблужденія были у этого человѣка.

„Я объяснялъ до-сихъ-поръ, какимъ образомъ капиталъ конюшни перешелъ къ Пальму. Спрашивается теперь, во-первыхъ, какое изъ нихъ употребленіе сдѣлалъ г. Пальмъ и, во-вторыхъ, въ какомъ видѣ отношенія Пальма и Белли къ капиталу представлялось на бумагѣ? какъ оно было оформлено въ официальной корреспонденціи между отдѣленіемъ Государственнаго Банка и земской конюшней? Что касается перваго вопроса, то онъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Процентныя бумаги конюшни были получены, и вмѣсто передачи въ банкъ остались на рукахъ у подсудимаго, который и сталъ ими пользоваться на покрытіе своихъ частныхъ долговъ; билеты конюшни можно было закладывать и въ томъ же отдѣленіи банка, во избѣжаніе продажи перезакладывать; когда же имъ будетъ грозить продажа, ихъ можно выкупать и опять закладывать. 27-го января былъ заложенъ одинъ билетъ въ 5,000 руб. за № 5,114; затѣмъ послѣдовалъ закладъ другихъ билетовъ: заложенъ былъ другой билетъ въ 5,000 руб. за № 5,117, затѣмъ заложены были 2 билета по 300 руб. каждый. Всѣ эти билеты закладывались и перезакладывались передъ срокомъ и послѣ срока; иногда Пальмъ дѣлалъ слѣдующее: закладывалъ не самые билеты а вносилъ ихъ въ банкъ вкладомъ на храненіе, бралъ сохранную росписку и эту сохранную росписку закладывалъ. Въ апрѣлѣ 1869 года вслѣдъ за билетами стали закладываться и серіи. Что касается билетовъ государственнаго казначейства, то Пальмъ держалъ равновѣсіе въ своихъ сдѣлкахъ съ кредиторами довольно хорошо до іюня мѣсяца 1870 г., но въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 г. денегъ у него не хватило на то, чтобъ выкупить банковый билетъ конюшни въ

5.000 руб., такъ что этотъ билетъ былъ проданъ Государственнымъ банкомъ. Такимъ образомъ одинъ конецъ растраты оставался неизбѣжно неприкрытымъ, явно изобличающимъ Пальма въ растратѣ; при малѣйшемъ стараніи, при малѣйшей развѣдкѣ о томъ, куда ушли билеты, растрата должна была обнаружиться. Другіе билеты закладывались, перезакладывались такимъ образомъ, что конецъ сроковъ истекалъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ растрата была обнаружена. Что касается серій, то онѣ были въ цѣлости до послѣдняго времени, хотя и показывались проданными, такъ что даже въ послѣднемъ отчетѣ, данномъ г. Пальмомъ конюшнѣ, значилось гораздо менѣе серій, чѣмъ было ихъ въ дѣйствительности; значитъ—частью этихъ серій можно было даже покрыть тотъ недочетъ, который происходилъ отъ продажи банкомъ билета въ 5,000 р. въ іюнѣ 1869 года. Пальмъ разсказалъ обстоятельства, предшествовавшія раскрытію растраты. Были-ли тутъ при чемъ-нибудь написанная имъ пьеса „Просвѣтители" и то озлобленіе, которая пьеса вызвала въ Полтавѣ—я не берусь судить; ясно только то, что 10-го апрѣля явился въ банкъ полковникъ Эммануэль, потребовалъ капиталъ, капиталъ не могъ быть данъ, растрата была очевидна, и тотчасъ же огласилась. Съ тѣхъ-поръ прошло одиннадцать дней между обнаруженіемъ растраты и первымъ допросомъ г. Пальма. Въ этотъ одиннадцатидневный промежутокъ случилось обстоятельство, на которое особенно сильно налегаетъ обвиненіе, а именно продажа билетовъ конюшни, заложенныхъ банку, и притомъ продажа по распоряженію Пальма. Я никакъ не могу допустить, чтобъ это обстоятельство отягощало вину Пальма, чтобъ оно вину эту видоизмѣняло. Если-бъ процентный билетъ конюшни на 5,000 и серіи на 5,500 руб., всего на 10,500 руб., лежали въ банкѣ, если-бъ конюшня предъявила свои права на нихъ, тогда они можетъ быть и поступили бы въ конюшню, но остался бы недочетъ по банку, и г. Пальмъ былъ бы отвѣт-

ственъ и передъ банкомъ, и передъ конюшней. Я полагаю, что нѣтъ ничего естественнѣе его желанія отвѣчать передъ однимъ взыскателемъ, а не передъ двумя. По банку онъ остался совершенно чистъ, всѣ дѣла по банку найдены въ порядкѣ; между тѣмъ онъ не остался бы чистъ передъ банкомъ, если-бъ билеты не были проданы, потому что растрата 14,000 р. получила уже такую громкую огласку въ Полтавѣ, что Пальму не было никакой возможности получить какую бы то ни было сумму въ займы. Онъ и обращается къ г. Боссе и говоритъ ему: „Продай билеты и покрой долгъ“. Пальмъ въ ту минуту не разсчитывалъ, сколько останется отъ продажи и что онъ сдѣлаетъ съ остаткомъ; онъ былъ тогда совершенно разстроенъ и растерянъ; порученіе продать дано было имъ за два дня до его заарестованія. Боссе объяснилъ вамъ, что для продажи билетовъ, т. е. для полученія за нихъ денегъ онъ поднесъ Пальму бумагу и сказалъ: „Распишитесь“. Пальмъ расписался. Если потомъ Боссе принесъ остатокъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ рублей и отдалъ ихъ женѣ Пальма, и если г-жа Пальмъ взяла эти деньги, и какъ утверждаетъ Боссе, не спрося, откуда онѣ, взяла ихъ и не передала Пальму—то что же тутъ удивительнаго, страннаго? Если встрѣчается въ дѣлѣ какое-нибудь сомнѣніе, то оно должно быть толкуемо не во вредъ обвиняемому, а въ пользу его—такъ говоритъ и законъ. Наконецъ, обвинительная власть могла же пригласить г-жу Пальмъ, которая была спрошена на предварительномъ слѣдствіи, и тогда вы бы услышали отъ нея объясненіе того обстоятельства, что она денегъ мужу не передавала, что эти деньги послужили ей на первое время на прокормъ семейства, послѣ того какъ Пальмъ былъ заарестованъ, и въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

„Я разсмотрѣлъ, какъ пользовался Пальмъ капиталами конюшни. Теперь остается изучить, какимъ представлялось на бумагѣ положеніе капитала, врученнаго

Пальму, каковы были соглашенія и уговоры г. фонъ-Белли съ г. Пальмомъ. Оказывается несомнѣннымъ, что капиталъ конюшни передавалъ не г. фонъ-Белли, а управляющій земскою конюшнею, не г. Пальму, а управляющему отдѣленіемъ Государственнаго банка, лицу официальному. Такая передача суммъ официальнаго лица лицу официальному даетъ преступленію Пальма неизгладимый характеръ преступленія по должности, чего я и не отрицаю. Такая официальная передача общественной суммы между должностными лицами никакъ не могла обойтись безъ облаченія этой сдѣлки въ форму законнаго акта и безъ того, чтобъ въ этомъ актѣ не было извѣстной коренной фальши, извѣстнаго искаженія истины. Эта неправда заключается въ настоящемъ случаѣ въ томъ, что при самомъ полученіи капитала Пальмъ выдаетъ фонъ-Белли тутъ же на мѣстѣ, росписку 27-го января 1869 года, въ которой онъ удостовѣряетъ, что взялъ этотъ капиталъ на храненіе въ отдѣленіе банка, въ его сундукѣ, и обѣщалъ войти съ представленіемъ въ правленіе банка о томъ, чтобъ ему было разрѣшено безплатно хранить эти бумаги, послѣ чего выдана будетъ г. фонъ-Белли надлежащая квитанція. Въ этой роспискѣ неправда состоитъ въ томъ, что деньги показаны взятыми на храненіе въ отдѣленіе банка, что̀ служило бы полнымъ ручательствомъ для конюшни относительно того, что деньги будутъ въ цѣлости. Выдача такой росписки ставила г. Пальма въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ быть постоянно на сторожѣ, долженъ былъ постоянно заботиться о томъ, чтобъ чиновники земской конюшни, явившись въ банкъ, не вошли въ отдѣленіе банка и не обратились помимо его къ контролеру, потому что они не могли бы найти тѣхъ бумагъ, которыя были отданы г-номъ фонъ-Белли г-ну Пальму, чтобъ они только съ нимъ, Пальмомъ, объяснялись и разсчитывались. Выдавая по всякому требованію проценты и самый капиталъ по частямъ, Пальмъ могъ бы взять назадъ первоначальную росписку 27-го января и замѣ-

нить ее новою, послѣ чего повторять каждый разъ эту замѣну старыхъ росписокъ новыми при каждой выдачѣ и каждомъ разсчетѣ. Но Пальмъ этого не сдѣлалъ и предпочелъ оставить основаніемъ всѣхъ своихъ отношеній къ конюшнѣ первоначальную роспиську 27-го января 1869 г. со всѣми нумерами билетовъ, присовокупляя къ ней постепенно въ дополненіе рядъ увѣдомленій, отъ имени управляющаго, въ которомъ сообщалось конюшнѣ, какъ измѣнялся каждый разъ разсчетъ конюшни съ банкомъ и сколько процентныхъ бумагъ остается еще на храненіи. Этихъ отношеній прочитано нѣсколько; всѣ они выданы отъ управляющаго отдѣленіемъ банка, всѣ они, за исключеніемъ одного, на его бланкѣ, а не на бланкѣ отдѣленія, всѣ они за одною Пальма подписью, многія писаны даже его рукою. На всѣхъ этихъ отношеніяхъ были выставлены, какъ я уже замѣтилъ, такъ-называемые летучіе, т. е. вымышленные нумера, несоотвѣтствующіе нумерамъ исходящей книги, въ которой они и не значились. Подобные нумера ставились произвольно, приблизительно; но это происходило безъ всякаго особеннаго злоумысла, потому что особенной исходящей книги для управляющаго банкомъ не было ведено въ банкѣ, а была только общая, въ которую записывались бумаги по надлежащей формѣ дѣлопроизводства, за подписью управляющаго и контролера и за скрѣпою помощника контролера. Вся остальная переписка управляющаго не только съ частными лицами, но даже съ Государственнымъ банкомъ, г. Ламанскимъ, велась подъ летучими, приблизительными нумерами, и на это не обращалось вниманія; таковъ былъ порядокъ. Въ этихъ летучихъ нумерахъ нельзя искать какой-нибудь особой козни, злаго ухищренія; зло явно заключалось въ томъ только, что въ этихъ отношеніяхъ писалось, что на храненіи въ банкѣ остается 15,400 р. 14-го января, потомъ, 8-го декабря 1870 г., что остается 14,000 р.; между тѣмъ какъ въ банкѣ этихъ денегъ не было на храненіи, а онѣ были въ частныхъ

рукахъ. За эти-то отношенія, за этотъ-то рядъ бумагъ, который начинается росписко̀ю 27-го января 1869 года и кончается отношеніемъ отъ 8-го декабря 1870 года г. Пальмъ обвиняется по ст. 359 улож. о нак. въ особомъ видѣ подлога — въ томъ, что, растративъ деньги, онъ, для сокрытія этой растраты прибѣгнулъ къ составленію поддѣльныхъ документовъ. Отъ этого пункта обвиненія я надѣюсь, что успѣю защитить Пальма, опровергнувъ неосновательную на мой взглядъ аргументацію прокуратуры.

„Я прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, обратить вниманіе на всѣ тонкости опредѣленія преступленія, предусмотрѣннаго въ 359 статьѣ уложенія. Это опредѣленіе требуетъ двухъ необходимыхъ примѣтъ: во-первыхъ, того, чтобъ непремѣнно былъ составленъ поддѣльный документъ, и во-вторыхъ, того, чтобъ этотъ документъ былъ составленъ съ спеціальною цѣлью скрыть растрату. Разберемъ же съ этихъ двухъ сторонъ содержаніе тѣхъ бумагъ, которыми обличаютъ Пальма въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 359 статьею; фальшивые ли это документы или нѣтъ? Собственно говоря, не фальшивые. Фальшивыми документами можно признать такіе, которые написаны отъ чужого имени, подъ чужую руку; тогда несомнѣнно представился бы подлогъ, но въ настоящемъ случаѣ документы подлинные: Пальмъ пишетъ отъ своего имени, самъ подписывается. Иное дѣло, если-бъ Пальмъ сочинилъ квитанцію отъ имени банка, которую онъ обѣщалъ дать въ бумагѣ отъ 27-го января, и подъ этой бумагой выставилъ свою подпись, подпись контролера и скрѣпу помощника контролера; если-бъ онъ далъ такой документъ, то это былъ бы подлогъ. Мнѣ могутъ сказать: бумаги слѣдуетъ считать фальшивыми не потому, что онѣ писаны отъ Пальма и имъ подписаны, но потому, что онѣ содержатъ неправду, фальшивое удостовѣреніе въ томъ, что въ банкѣ хранятся 17, потомъ 15, наконецъ, 14 тысячъ рублей, между тѣмъ какъ эти капиталы не хра-

нились вовсе въ банкѣ. На это возраженіе я отвѣчаю слѣдующее: вообще подлогъ есть именно—написаніе бумаги отъ другого лица, подписаніе бумаги подъ чужую руку. Если-бъ я, частный человѣкъ, написалъ какую угодно неправду, вымыселъ, если-бъ ввелъ этою неправдою въ заблужденіе другихъ, меня могли бы судить за обманъ, но никакъ не за подлогъ. Но всякое офиціальное лицо, занимающее правительственную должность, поставлено въ такое положеніе, его слово на бумагѣ имѣетъ такой большой вѣсъ и значеніе и можетъ причинить столько вреда введеніемъ въ заблужденіе другихъ властей, что всякая сознательная ложь, допущенная имъ въ офиціальной бумагѣ, что всякое искаженіе всякая неправильная справка уравнены законодателемъ съ подлогомъ, уподоблены подлогу въ 362 ст. улож. о наказ. Эта статья ввела въ уголовную систему особенный подлогъ, такъ называемый подлогъ по службѣ, состоящій въ томъ, когда кто скроетъ истину въ офиціальныхъ актахъ или включитъ въ нихъ вымышленныя обстоятельства. Если-бъ подводили дѣйствія г. Пальма собственно подъ эту статью, то я не возражалъ бы, потому что его поступокъ дѣйствительно подходитъ подъ эту 362 ст., но все-таки этотъ поступокъ въ сущности не подлогъ, а неправда, уравненная съ подлогомъ законодателемъ. Но если эту неправду можно подводить подъ 362 ст. улож. о наказ., то ее нельзя однако, подводить подъ 359 ст. уложенія, которая непремѣнно требуетъ, чтобъ подлогъ былъ совершенъ съ цѣлью сокрыть растрату. Вникнемъ въ то, были ли уличающія Пальма бумаги составлены съ цѣлью сокрыть растрату? Прежде всего разберемъ главный изъ этихъ документовъ, тотъ документъ, который составляетъ основаніе дѣла, тотъ документъ, о которомъ зашла рѣчь тотчасъ по обнаруженіи пропажи капитала, именно: квитанцію или росписку 27-го января 1869 г. Она такъ важна, что когда г. Эммануэль телеграфировалъ г. фонъ-Белли о пропажѣ капитала, тотъ отвѣтилъ немедленно

что квитанція управляющаго находится въ дѣлѣ конюшни. Можетъ-ли эта квитанція или росписка считаться поддѣльною? Нисколько. Она удостовѣряетъ, что деньги приняты Пальмомъ для внесенія въ банкъ. Могла-ли она служить средствомъ сокрытія растраты? Нисколько. Она не слѣдовала за растратою, а предшествовала растратѣ. Г. фонъ-Белли держалъ свои процентныя бумаги, такъ сказать, при себѣ, пока ему не выдали удостовѣренія, онъ не выходилъ все это время изъ отдѣленія, ждалъ полчаса или и болѣе. Для меня важно только то, что росписка выдана предварительно растраты одновременно съ вручениемъ капитала г. Пальму 27-го января 1869 г., и что безъ полученія ея фонъ-Белли не оставилъ бы процентныхъ бумагъ въ банкѣ. Росписка 27-го января облегчила возможность растраты, но ни чуть не прикрывала этой растраты. Что же сказать о всѣхъ остальныхъ бумагахъ? Онѣ только видоизмѣняютъ количество суммы: разъ извѣщаютъ конюшню, что хранится 15,000 р., потомъ, что - 14,000 руб. Сами по себѣ эти бумаги самостоятельнаго значенія не имѣютъ, по этимъ документамъ нельзя было получить капитала, капиталъ могъ быть полученъ, когда была-бы принесена первоначальная квитанція или росписка 27-го января 1869 г., и когда она была бы принесена, раскрылась бы растрата. Каждый изъ этихъ документовъ, удостовѣряющій о нахожденіи капитала у Пальма, выдавалъ его головою тому, кто имѣлъ эти бумаги. Достаточно было явиться лицу съ бумагою въ банкъ, достаточно было показать ее чиновнику банка, спросить о выдачѣ капитала—и растрата тотчасъ же должна была обнаружиться. Другое дѣло, гг. присяжные, если-бъ Пальмъ дѣйствительно думалъ скрыть преступленіе, то онъ могъ бы это сдѣлать вотъ какимъ образомъ: онъ могъ сочинить подложную квитанцію отъ фонъ-Белли или отъ Эммануэля, что деньги ими получены, и тогда бы онъ защищался этой квитанціей, а до тѣхъ-поръ пока еще раскрыли бы что квитанція подложная, онъ

бы не былъ въ отвѣтѣ. Вотъ это былъ бы подлогъ, о которомъ говорится въ 359 ст. улож. о наказ. Бумаги, выданныя Пальмомъ конюшнѣ, назначенія скрывать растрату не имѣли. Вотъ почему я полагаю, что, признавая фактъ растраты, факта подлога для сокрытія преступленія, вы не признаете. Если обвиненіе будетъ ставить вопросъ такъ: виновенъ-ли Пальмъ въ томъ преступленіи, которое предусмотрѣно въ 362 ст. улож., то я возражать не буду; но по 359 ст. онъ обвиненъ быть не можетъ.

„Гг. присяжные засѣдатели, я покончилъ со всею юридическою стороною дѣла, со всѣми подробностями, со всѣми статьями закона. Послѣ всѣхъ разсказовъ, разборовъ, объясненій, остается нерастворимый осадокъ, непріятный, нечистый — растрата чужой собственности, нарушеніе простѣйшаго правила общественной морали— не трогай чужого—нарушеніе одной изъ десяти заповѣдей Моисеевыхъ и нѣсколькихъ статей уголовнаго кодекса. Если-бъ ваша работа была механическая, если-бъ вашъ приговоръ состоялъ въ томъ, чтобъ признать, что въ данномъ случаѣ есть поступокъ подходящій подъ форму, одинаковую, однообразную, установленную закономъ, послѣ чего судьямъ пришлось бы точно также этотъ отвлеченный поступокъ подвести подъ отвлеченную и разнообразную по качеству и по количеству мѣру наказанія, то мнѣ пришлось бы замолчать и остановиться. Но дѣло въ томъ, гг. присяжные засѣдатели, что вы судьи живого дѣла, живого человѣка; вы должны разрѣшить вопросъ не объ одинаковой, а о большей или меньшей виновности этого человѣка, взвѣсить, на сколько его проступокъ воленъ или неволенъ, вынужденъ внѣшними обстоятельствами или не вынужденъ; наконецъ, если въ этомъ человѣкѣ не все еще испорчено, то слѣдуетъ сострадательно отнестись къ нему, подать ему руку, какъ брату въ человѣчествѣ, какъ брату во Христѣ. Законъ даетъ намъ на этотъ счетъ самыя обширныя, самыя безграничныя полномочія;

этими полномочіями можно злоупотреблять; но вы знаете, что у меня не было такого помышленія; я не старался представлять вамъ бѣлое чернымъ, и наоборотъ; я, однако, утверждаю, что вы обязаны пользоваться этими полномочіями, когда представляется къ тому подходящій случай. Я полагаю, что совокупною дѣятельностью вашею, гг. присяжные засѣдатели и гг. судьи, будетъ установленъ такой приговоръ, который будетъ соотвѣтствовать настоящей правдѣ жизни, а не одной только отвлеченной правдѣ закона".

Человѣкъ, котораго вы судите — старый, надломленный, на склонѣ лѣтъ; онъ имѣетъ на своихъ плечахъ полвѣка. Жизнь была ему, можно сказать, не мать, а мачиха; никогда онъ не имѣлъ положенія прочнаго, обезпеченнаго, въ которомъ могъ бы держать устойчивое равновѣсіе. Въ разсказѣ „Алексѣй Слободинъ", который есть отчасти и автобіографія, изображенъ молодой офицеръ Морицъ, его дружба съ Рудковскимъ и общее бѣдствіе. Морицъ — это самъ авторъ, Рудковскій — Дуровъ, а общее бѣдствіе — это дѣло, извѣстное подъ именемъ Петрашевскаго. Сынъ бѣдныхъ родителей, Пальмъ воспитывался въ дворянскомъ полку на весьма скудныя средства, вышелъ въ офицеры и примкнулъ къ кружку людей, мечтавшихъ несвоевременно о такихъ перемѣнахъ въ обществѣ, которыя впослѣдствіи въ значительной части и осуществились; но въ то время мечтанія эти считались несвоевременными и преступными. Страшная бѣда поднялась на кружокъ этотъ, и въ томъ числѣ на Пальма: онъ былъ приговоренъ къ смертоой казни, потомъ прощенъ и отправленъ въ одинъ армейскій полкъ, съ тѣмъ, чтобъ никогда не быть повышаемымъ въ чинѣ. Прошло много лѣтъ, загорѣлась война, оштрафованный офицеръ своею грудью храбро отстаивалъ границы Россіи, шелъ черезъ Дунай, участвовалъ отъ начала до самаго конца въ осадѣ Силистріи, въ славной оборонѣ Севастополя; единственная награда, которой онъ удостоился, была только та, что ему позволили выйти

въ отставку. Военная карьера, въ которой онъ предназначалъ себя по воспитанію, была совершенно потеряна. При выходѣ въ отставку, ему повидимому улыбнулось счастіе; онъ женился на племянницѣ человѣка, который располагалъ громадными средствами, милліонера: строителя севастопольскихъ доковъ, поставщика матеріаловъ на оборону Севастополя, предпринимателя общественныхъ построекъ въ Одессѣ и откупщика — Данилы Волохова. Пальмъ поступилъ на службу къ Волохову. Этотъ мужъ племянницы Волохова, завѣдывавшій его дѣлами, съ правомъ, по довѣренности, покупать, кредитоваться, продавать, закладывать, почти обезпечилъ себя: онъ уже заработалъ у Волохова 25.000 руб. и получилъ въ этой суммѣ закладную на этотъ долгъ отъ Волохова. Но дѣла Волохова, между тѣмъ, разстроились, казна ему не заплатила всего того, на что онъ претендовалъ за севастопольскія работы, откупа лопались, не принося ожидаемаго дохода, не хватало капиталовъ. Тогда Волоховъ обратился съ просьбою къ Пальму—освободить его домъ отъ закладной, съ тѣмъ чтобъ можно было его заложить въ третьихъ рукахъ. Г. Пальмъ, ни минуты не колеблясь, росписался на закладной въ полученіи всего долга сполна, чѣмъ и лишилъ себя всякаго обезпеченія, чѣмъ и лишилъ себя всего пріобрѣтеннаго достоянія. Назовите какъ хотите этотъ поступокъ — великодушіемъ или слабостью, но во всякомъ случаѣ нехорошимъ назвать его нельзя. Этотъ поступокъ не спасъ Волохова: кончилось тѣмъ, что Волоховъ обанкрутился и застрѣлился въ Петербургѣ въ 1866 году. Домъ, заложенный Пальму, былъ для него потерянъ; вмѣсто закладной онъ получилъ тѣ росписки князя Трубецкаго, которыя сдѣлались для него настоящимъ несчастіемъ. Г. Пальму лучше было бы этихъ росписокъ совсѣмъ не имѣть; тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не имѣлъ бы надежды что-нибудь получить и когда бы то ни было посредствомъ нихъ расплатиться съ кредиторами. Потерявъ 25,000 р. наличными

деньгами, потерявъ мѣсто, г. Пальмъ задолжалъ и былъ въ критическомъ положеніи, когда его друзья выхлопотали ему должность управляющаго кишиневскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка. Жалованье, получаемое имъ на этой должности было незначительно (2,000 р.), а долгу у него было до 3,000 р.; изъ жалованья нельзя было и долги платить, и жить съ семьею. Нельзя сказать, чтобъ онъ жилъ роскошно, чтобъ онъ моталъ деньги; но по самому получаемому содержанію не было возможности свести концы съ концами, и долги по жидовскимъ процентамъ возросли съ трехъ до десяти тысячъ рублей. Съ этими долгами Пальмъ былъ переведенъ на новое мѣсто, въ Полтаву. Новое мѣсто было лучше; здѣсь, кромѣ жалованья, выдавались еще наградныя, была еще и казенная квартира. Но съ Пальмомъ переѣхали изъ Кишинева въ Полтаву и его кредиторы и пристали къ нему съ требованіями немедленнаго платежа, основанными на улучшеніи положенія: его стали осаждать со всѣхъ сторонъ. Тогда въ этой крайности Пальмъ рѣшился на поступокъ, за который онъ судится теперь: онъ воспользовался капиталомъ, который былъ ему предложенъ на храненіе г-мъ фонъ-Белли. Но вотъ, гг. присяжные засѣдатели, гдѣ обнаруживается необычайная странность, а вмѣстѣ съ тѣмъ живучесть и даровитость этой исключительно-талантливой натуры. Въ то самое время, когда скандалъ широко разгласился, когда отъ Пальма отвернулись не только фарисеи, но даже и люди безукоризненно честные, суровыхъ, строгихъ правилъ, въ то самое время, когда всякій другой на мѣстѣ Пальма окончательно упалъ бы духомъ, у Пальма является лучшее развитіе, лучшее проявленіе его литературнаго творчества: онъ взялся за перо, и между допросами, подъ слѣдствіемъ, написалъ лучшія свои произведенія, задуманныя едва-ли не въ тюрьмѣ, которыя обратили на него вниманіе читающей Россіи: своего „Стараго Барина“ и „Алексѣя Слободина“. Не ищите въ этихъ произведеніяхъ ху-

дожественной законченности и совершенства отдѣлки. Въ „Старомъ Баринѣ“ изображено одно лицо, но оно живое: это — отживший свой вѣкъ идеалистъ былаго времени, очутившійся среди поколѣнія, которое ни о какихъ идеалахъ не помышляетъ, а занято только тѣмъ, какъ наслаждаться, пользоваться жизнью и пр. Въ „Алексѣѣ Слободинѣ“ цѣлое запутано и походитъ на тѣ узоры, которые морозъ выводитъ на стеклахъ окошекъ: но возьмите отдѣльно каждую часть, образъ, типъ, картину—они дышатъ такою правдою жизни, такою полнотою чувствъ, что въ памяти неизгладимо запечатлѣваются картины крѣпостнаго права съ его рубцами, раскола, семинаристовъ, выкрестовъ-евреевъ, бѣднаго Личарда и поджога дома Милонова. Это не та элегантная, но холодная сатира Салтыкова, которая безпощадно и не моргнувъ глазомъ бичуетъ до крови пороки общества. Въ „Слободинѣ“ вы слышите вопль сердца негодующаго и болящаго, въ нихъ сказалось все прочувствованное и выстраданное. Кто знаетъ жизнь автора, какъ вы ее теперь знаете, тотъ скажетъ, что эти картины написаны кровью сердца. Читая эти картины чувствуешь себя нравственно поднятымъ, а это и есть величайшая заслуга автора и лучшая услуга, какую литература можетъ оказывать обществу.

Какъ могъ человѣкъ, такой живой и даровитый, съ такими хорошими инстинктами, упасть столь низко, какъ онъ могъ посягнуть на чужое добро, какъ онъ могъ явиться расточителемъ общественныхъ денегъ? Гг. присяжные засѣдатели, эта загадка, которую объяснить трудно, но которая предлагается вамъ въ жизни безчисленное множество разъ и на каждомъ шагу. Ежеминутно и въ себѣ, и въ другихъ вы наблюдаете разладъ между убѣжденіемъ и дѣломъ; человѣку надо быть постоянно на-сторожѣ, чтобъ не упасть и ни разу не пошатнуться; но разъ онъ пошатнулся—остальное уже додѣлаетъ роковоя послѣдовательность человѣческихъ дѣйствій. Я позволю себѣ заимствовать слѣдующія сло-

ва изъ „Алексѣя Слободина“: „Разъ пошатнулся, разъ солгалъ—ну и шатайся и лги до самаго конца, сознавая всю отвратительность лжи и шатанія, потому что людская ходячая мораль такъ сложена, что не даетъ другаго выхода, и того только не клеймитъ, кто искуснѣе и до конца съумѣетъ лгать, кто, шатаясь въ сумеркахъ, умѣетъ твердо ходить днемъ, когда на него смотрятъ“. Я не раздѣляю этого желчнаго взгляда на людскую мораль, я не доопускаю, чтобъ были двѣ морали—одна обыденная для обыкновенныхъ людей, и другая для людей съ талантомъ, и чтобъ люди даровитые не признавали надъ собой законовъ обыденной морали. Но вотъ что я скажу: человѣкъ человѣку рознь; и нельзя не судить каждаго по его натурѣ, нельзя не обращать вниманія на крупныя, коренныя различія въ душевной организаціи. Есть люди мелкіе, средніе, обыкновенные, которые такъ втянулись въ эту лямку, въ это ярмо житейской морали общепринятыхъ правилъ и приличій, что они тянутъ эту лямку спокойно всю жизнь, никогда не чувствуя поползновенія ни падать, ни переступать границы общепринятаго закона, ни воспрянуть и нестись въ какую-то невѣдомую даль. Таково большинство, такова почтенная масса. Есть въ обществѣ также люди ловкіе, организаціи эгоистичныя, ястребиныя, которыя умѣютъ всю жизнь такъ искусно ходить по самой опушкѣ морали, никогда не заходя въ уголовщину, что они всегда правы передъ закономъ, всегда торжествуютъ и сыты. Они всегда почти успѣваютъ втереться между сильныхъ міра сего, на нихъ то и указываютъ обыкновенно пальцами, какъ на примѣръ владычествующаго зла. Наконецъ, есть люди непослѣдовательные, неровные и падкіе, которые однако, столь богаты умомъ и сердцемъ, что, упавъ, способны воспрянуть и стать выше того, какими они были до паденія, способны достигуть такой высоты, до какой никогда не доходили моральныя черепахи и устрицы. Такую натуру вы должны цѣнить по корен-

нымъ условіямъ ея организаціи. Таковъ, напримѣръ, въ „Алексѣѣ Слободинѣ“ воришка лакей Личарда, который идетъ въ рекруты, чтобъ только помочь стѣсненному положенію своихъ господъ. Я полагаю, что таковъ и самъ Пальмъ. Взгляните на него и съ этой стороны, гг. присяжные. Его авторскій трудъ, предпринятый при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, есть добро, есть подвигъ, есть очищеніе до извѣстной степени отъ вины. Онъ упалъ вслѣдствіе служенія мамонѣ, вслѣдствіе дѣятельности, для него не созданной; онъ требуетъ искупить вину честнымъ трудомъ, на поприщѣ гораздо болѣе къ нему подходящемъ. Такъ и хочется сказать этому человѣку: „Бодрись, братъ, не унывай; есть въ заслуженномъ страданіи геройство; не падай духомъ; многое тебѣ за то, что ты любилъ, будетъ прощено. Бѣдная наша страна, убогая культурою, убогая талантами — и ей приходится иногда самой казнить эти таланты! Но эта страна необычайно богата состраданіемъ и незлопамятованіемъ. Міръ не безъ добрыхъ людей: твоя семья, твоя жена и дѣти не погибнутъ“. Вотъ тотъ совѣтъ, который я хотѣлъ бы преподать моему кліенту. Что же касается васъ, гг. присяжные, то я могу сказать: и у васъ сердце не камень; вы оцѣните по достоинству и воздадите по принадлежности Богово—Богови и Кесарево—Кесареви; подъ Кесаремъ я понимаю общество и государство. Признавая виновнымъ подсудимаго, вы дадите ваше снисхожденіе до послѣднихъ границъ возможнаго. Вы, конечно, будете разсуждать, какъ разсуждаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ „Слободина“: „Въ наказаніе видно не то, кто былъ битъ и за что, а то, что изъ него выбито посредствомъ наказанія“.

По окончаніи рѣчи защитника раздались въ публикѣ продолжительныя рукоплесканія. Предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи публики изъ залы засѣданія. Затѣмъ стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями

Предсѣдатель „Подсудимый, что вы имѣете еще добавить въ ваше оправданіе?“

Подсудимый Пальмъ. „Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели. Въ 40-хъ годахъ, еще въ молодости, я горячо и страстно вѣрилъ въ тѣ идеи, которыя осуществились теперь и обновили нашу жизнь. Въ числѣ этихъ идей былъ и судъ присяжныхъ, это высокое учрежденіе, на которомъ разоблачаются не только одни формальныя, внѣшнія такъ сказать, обстоятельства нашихъ житейскихъ отношеній и дѣйствій, но разоблачается вся внутренняя жизнь человѣка. Я бы хотѣлъ вамъ многое сказать объ этомъ, но мой защитникъ разсказалъ это такъ хорошо, что я не въ состояніи ничего болѣе къ этому прибавить. Скажу только, что вся жизнь моя полна промаховъ, ошибокъ, несчастій, потому что я человѣкъ вовсе не практичный. Вамъ извѣстно, что я въ самомъ началѣ жизни испортилъ свою карьеру, такъ что исправить ее не могъ; и боевая жизнь въ Силистріи и Севастополѣ не возвратила мнѣ всего того, что я потерялъ. Я старался добиться чего-нибудь и получилъ большую милость — забвеніе моихъ грѣховъ. Въ молодости, гг. присяжные засѣдатели, кто изъ насъ практиченъ? Мнѣ кажется даже, что практичность въ молодости—это дурное, отталкивающее явленіе. Но не отъ этой непрактичности послѣдовали несчастія въ послѣдній періодъ моей жизни. Вы знаете мои отношенія къ Волохову, у котораго я работалъ. Хотя обвинительная власть и говоритъ, будто я могъ быть причиною его разоренія, но тогда я былъ бы обезпеченъ—я же остался нищимъ, а Волоховъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Послѣдніе два года я былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію. Я получалъ на содержаніе 10 р., и долженъ былъ жить на это съ семьей; тогда я принялся работать. О достоинствѣ моихъ работъ не мнѣ судить, но скажу, однако, что мои пьесы въ теченіе этой зимы внесли въ кассу императорскихъ театровъ 25 руб. Я человѣкъ не погибшій, могу что-нибудь сдѣлать. Я обращаюсь къ вамъ, гг. присяжные засѣдатели, прося у васъ милости, милости

Дѣло о старшемъ фейерверкерѣ петербургской крѣпостной артиллеріи Акимѣ Дементьевѣ, обвинявшемся въ неповиновеніи офицеру и оскорбленіи его словомъ и дѣйствіемъ.

Старшій фейерверкеръ Акимъ Дементьевъ обвинялся въ отказѣ исполнить приказаніе поручика Дагачева и оскорбленіи этого офицера словами и въ высшей степени дерзкимъ дѣйствіемъ. Преступленія эти предусмотрѣны 106-ю, 107-ю и 113-ю ст. XXII кн. св. воен. пост. Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ, 15 мая 1873 года.

Гг. судьи! Хотя судьба, а можетъ быть и жизнь трехъ людей зависитъ на концѣ пера, которымъ судъ подпишетъ свой приговоръ, защита не станетъ обращаться къ чувству гг. судей, играть на первахъ, какъ на струнахъ. Она считаетъ себя не въ правѣ прибѣгнуть къ такого рода пріему, потому что настоящее дѣло похоже на палку, которая имѣетъ два конца. Одинъ только конецъ разсматривается теперь, другой еще впереди. Въ этомъ дѣлѣ такъ слились два элемента: то, что сдѣлалъ солдатъ, и то, что сдѣлалъ офицеръ, что раздѣлить ихъ можно только мысленно, а въ дѣйствительности они нераздѣлимы: насколько смягчится участь

во имя человѣческаго достоинства, которое во мнѣ есть, милости къ моей бѣдной семьѣ, которая ни въ чемъ не повинна... Прося у васъ милости, я позволю себѣ сказать, гг. присяжные засѣдатели, что въ настоящемъ случаѣ вамъ предстоитъ обсуждать не столько преступленіе, сколько несчастіе.

Судебною палатою были постановлены слѣдующіе вопросы: 1) Виновенъ-ли надворный совѣтникъ Алекс. Ив. Пальмъ въ томъ, что получивъ по должности управляющаго отдѣленіемъ банка, при формальномъ отношеніи управляющаго земскою конюшнею, процентныя бумаги этой конюшни, не внесъ ихъ, какъ требовалось въ упомянутомъ отношеніи, на храненіе въ означенный банкъ, а напротивъ закладывалъ эти бумаги отъ своего имени, употребивъ такимъ образомъ 14.000 р. на свои расходы, и не возвратилъ и расходованныхъ имъ денегъ и послѣ открытія его злоупотребленій? 2) Если Пальмъ виновенъ по первому вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что съ цѣлью сокрытія этого противузаконнаго дѣянія, составилъ подъ вымышленными нумерами отношенія управляющему земской конюшнею и при всѣхъ этихъ отношеніяхъ помѣщалъ завѣдомо-ложныя свѣдѣнія о храненіи будто бы процентныхъ бумагъ въ кассѣ отдѣленія государственнаго банка, между тѣмъ какъ эти билеты не находились на храненіи банка?

На первый вопросъ присяжные засѣдатели отвѣтили «Да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія», а на второй вопросъ: «Нѣтъ, не виновенъ». Судебная палата постановила: «Надворнаго совѣтника А. И. Пальма, 50 лѣтъ, лишивъ всѣхъ особыхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Самарскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки съ мѣста жительства впродолженіи трехъ лѣтъ, и взыскать съ него растраченную сумму 14,000 руб. и судебныя издержки».

солдата, настолько отягчится участь офицера, насколько палка опустится для одного, настолько она поднимется для другаго. Подсудимый находится въ очень трудномъ положеніи, вслѣдствіе особенностей военнаго судопроизводства, вслѣдствіе примѣчанія къ ст. 769, въ силу котораго въ виду соображеній высшаго порядка поручикъ Дагаевъ не можетъ быть вызванъ въ судъ. Его отсутствіе чрезвычайно затрудняетъ работу разоблаченія истины, разобранія, кто говоритъ правду, кто говоритъ неправду. Еслибъ г. Дагаевъ былъ на судѣ, еслибъ онъ могъ живымъ словомъ передать подробности происшествія, то какъ человѣкъ молодой, образованный, можетъ быть, онъ и измѣнилъ бы отчасти показанія, данныя имъ на предварительномъ слѣдствіи, и, можетъ быть, участь подсудимаго была бы смягчена. Но еслибъ даже онъ и не измѣнилъ своихъ показаній, то изъ словъ его, изъ образа дѣйствій на судѣ сквозила бы та истина, до которой приходится теперь добираться путемъ весьма труднымъ, окольнымъ, путемъ соображеній, сопоставленій, сравненій, заключеній. Путь этотъ требуетъ бо́льшаго хладнокровія нужно приступить къ дѣлу со скальпелемъ въ рукахъ, съ вѣсами, какъ для химическаго анализа, и только такимъ образомъ, сквзавъ сердцу, чтобъ оно молчало, обуздавъ чувство, установить фактъ. Разъ установивъ фактъ, можно будетъ дать чувству разыграться противъ того, кто окажется виновнымъ, дать мѣсто состраданію къ тому и другому, потому что обѣ стороны одинаково нуждаются въ немъ, потому что офицеръ, если не оклеветалъ, то ввелъ въ искушеніе своимъ образомъ дѣйствій солдата, и виновенъ въ томъ, что ему грозитъ теперь тяжкое наказаніе. Тогда можно будетъ руководиться соображеніями, почерпнутыми изъ сферы военнаго быта, изъ сознанія глубокой необходимости строгой дисциплины. Но до установленія самаго факта нельзя руководиться этими соображеніями; до установленія факта для суда не существуетъ офицера и нижняго чина, а существуетъ только Дагаевъ и Дементьевъ

Приступая къ установленію факта защита не можетъ держаться того порядка, котораго держалась обвинительная власть, которая начала съ конца. Все дѣло развивалось весьма логически изъ перваго шага; изъ перваго шага событія, логически развивавшіяся, довели до послѣдняго результата.

Слѣдуетъ начать съ начала, съ г-жи Даниловой и ея собаки.

На улицѣ Малой Дворянской есть большой домъ, занимаемый внизу простонародьемъ; бэль-этажъ занимаетъ г-жа Данилова и другіе жильцы; затѣмъ въ мезонинѣ живетъ Дементьевъ съ женой и дочерью. У г-жи Даниловой есть собака, большая и злая. Изъ приговора мироваго судьи видно, что она бросалась на дѣтей и пугала ихъ. 5 го апрѣля настоящаго года эта собака ужаснѣйшимъ образомъ испугала малолѣтнюю дочь Дементьева, которую отецъ страстно любитъ, ради которой онъ промѣнялъ свою свободу на военную дисциплину. Дѣвочка шла съ лѣстницы по порученію родителей; собака напала на нее, стала хватать ее за пятки. Малолѣтка испугалась, закусила губу въ кровь и съ крикомъ бросилась бѣжать. На крикъ дочери отецъ выбѣжалъ въ чемъ былъ, въ рубашкѣ, въ панталонахъ, въ сапогахъ, не было только сюртука. Онъ простой человѣкъ, онъ нижній чинъ, ему часто случалось ходить такимъ образомъ и на дворъ, и въ лавочку. А тутъ разсуждать некогда, собака можетъ быть бѣшеная. Собаку втаскиваютъ въ квартиру, онъ идетъ за ней, входитъ въ переднюю и заявляетъ: „Какъ вамъ не стыдно держать такую собаку". Чтобъ онъ сказалъ что-нибудь оскорбительное, изъ дѣла не видно; г-жа Данилова на это не жаловалась. Все неприличіе заключалось въ томъ, что онъ вошелъ безъ сюртука, въ рубашкѣ и съ палкой; г-жа Данилова говоритъ, что онъ ударилъ собаку, онъ говоритъ, что собака сама на него лаяла и бросилась. Насчетъ неприличія существуютъ понятія весьма различныя. Къ человѣку своего круга относишься

иначе, чѣмъ къ человѣку низшаго круга. Если человѣкъ своего круга войдетъ въ гостиную безъ сюртука, на него можно обидѣться. Но Дементьевъ, хотя и кандитатъ, нижній чинъ, онъ зналъ свое мѣсто въ домѣ вдовы надворнаго совѣтника и не пошелъ дальше передней. Г-жа Данилова оскорбилась тѣмъ, что простой человѣкъ вошелъ въ ея переднюю безъ сюртука, и это неудовольствіе увеличилось отъ того, что изъ-за него ее пригласили къ мировому судьѣ. Съ дамами пожилыми, воспитанными въ старыхъ понятіяхъ, чрезвычайно трудно бываетъ разсуждать объ обстоятельствахъ, касающихся ихъ лично. Дама, можетъ быть очень благородная, очень сердобольная, но ей трудно втолковать, что право, что не право, трудно заставить ее стать на объективную точку зрѣнія по личному вопросу, трудно даже почувствовать, что то, что не больно ей, другимъ можетъ быть больно. Въ семействѣ г-жи Даниловой сложились, вѣроятно, такого рода представленія: собака насъ не кусаетъ, на насъ не лаетъ; невѣроятно, чтобъ она могла кусаться и пугать кого-нибудь. Собака невинна, а люди, которые взводятъ все это на нее, клеветники. Г-жа Данилова никого не зоветъ къ мировому судьѣ, почему же ее зовутъ? Это кровная обида. По всей вѣроятности, тутъ и образовалось такое представленіе, что не жильцы—жертвы собаки, а сама владѣлица ея—жертва людской злобы, она—надворная совѣтница страдаетъ, отъ кого—отъ нижняго чина, отъ солдата! Всѣ эти соображенія конечно были переданы г. Дагаеву, когда онъ пришелъ 7-го числа, и тещей, и служанкой, и, въ особенности, женой. Жена весьма сильно, какъ оказывается, передавала, что они страдаютъ отъ нахала, жильца мезонина. По всей вѣроятности, тутъ явились внушенія такого рода: „вѣдь это солдатъ, вѣдь вы офицеръ, покажите, что вы офицеръ, проявите свою власть, призовите, распеките солдата, ему нужно дать острастку“. Нужно извѣстнаго рода мужество, извѣстнаго рода твердость характера, чтобъ противостоять

этимъ внушеніямъ, когда внушаютъ люди весьма близкіе, весьма любимые. Должно явиться сильное желаніе показаться героемъ. Вотъ почему г. Дагаевъ, не разсуждая, повѣривъ вполнѣ тому, что ему передавали, приказалъ позвать къ себѣ солдата. Это была съ его стороны чрезвычайно важная ошибка, которая положила основаніе всему дѣлу. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права звать къ себѣ кандидата. Скоро между Дементьевымъ и г-жей Даниловой былъ споръ гражданскій, который долженъ былъ разрѣшить мировой судья. Всякій офицеръ можетъ требовать отъ нижняго чина почтенія не только для себя, но и для своего семейства, когда солдатъ знаетъ, что это семейство офицера, и образомъ своихъ дѣйствій относительно этого семейства сознательно оскорбляетъ офицера. Но Дементьевъ даже не зналъ о существованіи г-жи Даниловой до 5-го апрѣля; что въ семьѣ были офицеры, это онъ узналъ только 7-го числа, когда его стали звать къ офицеру. При такихъ обстоятельствахъ заявлять превосходство своего офицерскаго званія надъ человѣкомъ, который связанъ по рукамъ и по ногамъ военной дисциплиной, звать его по этому частному дѣлу въ квартиру г-жи Даниловой было дѣйствіемъ совершенно неправильнымъ. Дементьевъ не пошелъ и встлѣдствіе этого его обвиняютъ по ст. 113, за неисполненіе приказанія начальника. Применить эту статью къ человѣку въ положеніи Дементьева, на взглядъ защиты, чрезвычайно трудно. Было ли здѣсь приказаніе начальника? Нѣтъ, потому что г. Дагаевъ не командовалъ въ той командѣ, въ которой состоялъ подсудимый. По статьѣ 110 оскорбленіе нижнимъ чиномъ всякаго офицера приравнивается къ оскорбленію начальника. Но это дѣло совершенно другого рода, оно основано на другихъ соображеніяхъ. Въ законѣ есть цѣлый рядъ преступленій: неповиновеніе, неисполненіе требованій и т. п. Кто бы ни былъ нижній чинъ и кто бы ни былъ офицеръ, если нижній чинъ оскорбилъ его, то онъ наказывается, какъ оскорбившій начальника. Но

ст. 113 говоритъ только о неповиновеніи начальнику, о неисполненіи приказанія подчиненнымъ. Давать ей болѣе широкое толкованіе значило бы ставить всѣхъ солдатъ въ такую страшную зависимость отъ всѣхъ офицеровъ, которая едва-ли согласна съ пользами и требованіями дисциплины. Затѣмъ самое слово—приказаніе—очень неопредѣленно въ законѣ. При сравненіи этой статьи закона съ подобными же статьями въ другихъ законодательствахъ, оказывается, что въ прусскомъ, напримѣръ, употребленъ терминъ «Dienstbefehl», т. е. служебное приказаніе, и это весьма понятно. Точно такъ же и у насъ нельзя понимать это слово въ неограниченномъ смыслѣ, подразумѣвать подъ нимъ всякое приказаніе. Въ самомъ законѣ есть постановленіе, что если нижній чинъ совершитъ по требованію начальника дѣяніе, явно преступное, то онъ все-таки отвѣчаетъ. Слѣдовательно, изъ общаго понятія о приказаніи исключаются приказанія, явно преступныя. То же самое можно сказать и о приказаніяхъ явно безнравственныхъ, какъ если-бъ, напримѣръ, офицеръ приказалъ солдату привести къ себѣ его жену или дочь. Вообще, законность или незаконность приказанія имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ предполагаетъ представитель обвинительной власти. По прусскому кодексу, который считается лучшимъ, нижній чинъ, получившій незаконное приказаніе, можетъ сдѣлать представленіе начальнику, онъ долженъ исполнить приказаніе, но имѣетъ право жаловаться, и во всякомъ случаѣ, эта незаконность приказанія значительно ослабляетъ и смягчаетъ его вину. Поэтому никакъ нельзя подводить дѣйствіе Дементьева, то, что онъ не отправился въ квартиру Даниловой, подъ неповиновеніе. Если же судъ, вопреки доводамъ защиты, признаетъ подсудимаго виновнымъ въ неповиновеніи, то онъ долженъ будетъ въ весьма значительной степени смягчить размѣръ отвѣтственности Дементьева, потому что приказаніе было незаконное, и если-бъ оно было исполнено, Богъ знаетъ, въ какомъ положеніи былъ

бы теперь подсудимый. Его зовутъ въ домъ, гдѣ противъ него вооружены и гдѣ нѣтъ ни одной души, которая могла бы свидѣтельствовать за него. Если на улицѣ его чуть не зарубили, то тоже могло произойти и въ квартирѣ. На улицѣ, по-крайней мѣрѣ, нашлись свидѣтели, которые подтверждаютъ, что и того, и этого не было. Дементьевъ боялся столкновенія съ офицеромъ, онъ предвидѣлъ сцену, въ которой ему, человѣку, почти равному, который къ Пасхѣ, можетъ быть, получитъ производство въ офицеры, грозитъ, что его могутъ съѣздить по физіономіи, онъ боялся этого и потому не пошелъ.

Съ 2-хъ часовъ квартира Дементьева была почти постоянно въ осадѣ до шестого часу, когда произошла катастрофа. Впродолженіе трехъ часовъ г. Дагаевъ, рѣшившись вызвать Дементьева и распечь, употребляетъ всѣ мѣры, чтобъ поставить на своемъ, причемъ каждая неудачная попытка должна увеличивать его раздраженіе, усиливать его гнѣвъ.

Напомнивъ показаніе самого Дагаева о посылкѣ сперва кухарки, затѣмъ двухъ городовыхъ, наконецъ дворника, принесшаго отвѣтъ, что «если офицеру угодно выйти, то я готовъ съ нимъ объясниться», отвѣтъ, вслѣдствіе котораго, по словамъ г. Дагаева, у него явилась мысль жаловаться по начальству на солдата, почему онъ и вышелъ изъ квартиры г-жи Даниловой, защитникъ заявилъ, что считаетъ это показаніе совершенно несогласнымъ съ истиной. Чтобъ жаловаться начальнику, нужно знать, кто этотъ начальникъ; г. Дагаевъ этого не зналъ; ему извѣстно было только, что Дементьевъ кандидатъ; для того, чтобъ узнать, кому жаловаться, онъ послалъ дворника за домовой книгой но дворникъ еще не возвращался, когда Дагаевъ вышелъ изъ квартиры Даниловой. Значитъ г. офицеръ пошелъ совсѣмъ не для того, чтобъ жаловаться начальнику Дементьева. Это можно доказать и другимъ путемъ. По словамъ самого г. Дагаева, прошло пять, шесть минутъ

между тѣмъ временемъ, какъ онъ сошелъ, и тѣмъ временемъ, какъ вышелъ Дементьевъ; по показанію г-жи Даниловой прошло четверть часа между его уходомъ и возвращеніемъ. Если принять, что все послѣдующее совершилось чрезвычайно быстро, почти мгновенно, то слѣдуетъ предположить, что не менѣе 12-ти минутъ прошло между тѣмъ временемъ, когда г. Дагаевъ вышелъ отъ г-жи Даниловой, и тѣмъ временемъ, когда совершилась катастрофа. Что же онъ дѣлалъ это время. Шелъ къ начальнику Дементьева? Начальникъ Дементьева живетъ въ крѣпости, и за это время можно было бы дойти почти до Троицкаго моста. Итакъ, онъ не шелъ, онъ поджидалъ Дементьева, который, какъ ему было извѣстно, часто выходитъ изъ дому. Можно себѣ представить, насколько разгорячало это ожиданіе его гнѣвъ. Наконецъ, Дементьевъ вышелъ, катастрофа произошла. Въ этой катастрофѣ есть множество существенныхъ вопросовъ, которыхъ не выяснило слѣдствіе, какъ напримѣръ, вопросъ о шинели, о ссадинѣ на подбородкѣ Дементьева, объ оторваніи его уса. Дементьевъ не помнитъ, когда онъ потерялъ этотъ усъ, такъ быстро шли событія. Но какъ ни быстро они шли, ихъ можно раздѣлить на два момента: одинъ до обнаженія сабли офицеромъ и другой—послѣ обнаженія. До обнаженія сабли происходилъ только крупный разговоръ у подъѣзда на улицѣ. Увидѣвъ офицера, Дементьевъ дѣлаетъ ему подъ козырекъ; при этомъ движеніи, такъ какъ шинель его была въ накидку, г. Дагаевъ не могъ не увидѣть нашивокъ, которыя находятся у него на рукавѣ, и которыя должны бы были установить нѣкоторое отличіе между Дементьевымъ и простымъ нижнимъ чиномъ; онъ не могъ не увидѣть георгіевскаго креста, который такъ уважается всѣми военными людьми. Но г. Дагаевъ говоритъ, что орденовъ не было. Откуда же взялись ордена, лежавшіе на землѣ, которые видѣли въ первую минуту схватки два свидѣтеля: мальчикъ Лопатинъ и Кругловъ? Не могли же они быть подброшены

до событія, когда неизвѣстно было, чѣмъ оно разрѣшится; не могли они быть подброшены и послѣ, потому что, въ то время, когда катастрофа еще не была кончена, въ коридоръ вошли люди и видѣли эти ордена лежащими.

Начинается разговоръ; по мнѣнію представителя обвинительной власти, вопросъ относительно этого разговора можетъ быть разрѣшенъ только безусловнымъ принятіемъ одного изъ двухъ показаній: показанія офицера или подсудимаго. Но защита полагаетъ, что въ этомъ дѣлѣ весьма важно показаніе свидѣтеля, въ которомъ не сомнѣвается самъ прокуроръ, мальчика Лопатина. Мальчикъ разсказалъ вещи весьма драгоцѣнныя; о шинели, о волосахъ и пр. Это все такія обстоятельства, которыя приходилось слышать въ первый разъ. Изъ показаній мальчика видно, что офицеру не было нанесено оскорбленія солдатомъ. Но если даже не дать вѣры показанію мальчика, то изъ простого сопоставленія двухъ разсказовъ—разсказа офицера и разсказа солдата, для всякаго непредупрежденнаго человѣка станетъ ясно, что правда находится не на сторонѣ г. Дагаева.

Если принимать за достовѣрное показаніе офицерское только потому, что оно офицерское, независимо отъ всякихъ другихъ причинъ, то защищать Дементьева невозможно. Но странно, что это офицерское показаніе находится въ несомнѣнномъ, рѣшительномъ противорѣчіи съ тремя генеральскими отзывами, которые заслуживаютъ вниманія. Есть люди, о которыхъ, не зная, какъ они поступили въ данномъ случаѣ, можно сказать навѣрное: «я знаю этого человѣка, онъ честенъ, онъ не могъ украсть». То же самое можно сказать относительно Дементьева: если, по отзывамъ одного изъ генераловъ, Осипова, онъ характера тихаго, смирнаго, если по отзыву генерала Платова, онъ строго исполняетъ свои служебныя обязанности, если, по отзыву генерала Фриде, это такой человѣкъ, въ которомъ военная дисциплина въѣлась до мозга костей, то рѣшительно

невѣроятно, какъ такой человѣкъ могъ совершить то, что ему приписываютъ. Это идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ его прошедшимъ.

Дементьевъ, сходя, держитъ руку подъ козырекъ; самъ офицеръ признаетъ это, онъ говоритъ только, что онъ то поднималъ руку, то дерзко опускалъ. Если онъ рѣшился явно грубить, то ему не за чѣмъ было держать руку подъ козырекъ. Г. прокуроръ ставитъ въ вину подсудимому, что послѣ перваго столкновенія онъ бѣжалъ въ домъ, а не на улицу, гдѣ легче могъ укрыться. Но Дементьевъ не зналъ, что его будутъ рубить, онъ зналъ только, что съ нимъ грубо обращаются, что офицеръ его можетъ ударить въ лицо,—и потому движеніе его назадъ весьма характеристично; оно можетъ быть объяснено только стыдливостью, нежеланіемъ, чтобъ люди видѣли, какъ съ нимъ обращается офицеръ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, защита считаетъ совершенно доказаннымъ, что разсказъ солдата вѣренъ, и что оскорбленія словами офицера со стороны Дементьева не было.

Затѣмъ является обнаженіе сабли. Тутъ, въ этой сценѣ въ коридорѣ, есть два вопроса, довольно загадочные: первый вопросъ о шинели; была ли она застегнута или нѣтъ, и когда она была сброшена; второй—о ссадинѣ на подбородкѣ и объ отсутствіи праваго уса. Отъ сабли раны имѣютъ форму линейную, а эта ссадина имѣетъ видъ кругловатый, слѣдовательно она произошла не отъ сабли; точно также не саблей могъ быть отрѣзанъ усъ, она слишкомъ тупа для этого. Чтобъ вырвать усъ, нужно было выдернуть его рукою. Чтобъ объяснить фактъ исчезновенія этого уса, нужно обратиться къ тому порядку, въ которомъ были нанесены раны, и по нимъ прослѣдить ходъ событій. Первая рана, которую Дементьевъ получилъ еще на лѣстницѣ, была рана на правомъ глазу, пересѣкающая верхнее вѣко праваго глаза, идущая черезъ високъ и теряющаяся въ волосахъ. Если допустить, что эта рана была нанесена

въ то время, когда офицеръ съ солдатомъ стояли лицемъ къ лицу, то значитъ, офицеръ держалъ свою правую руку на-искосокъ, такъ что конецъ шпаги задѣлъ сначала вѣко праваго глаза и, разрѣзавъ кожу, прошелъ черезъ високъ. Другая рана на макушкѣ головы, слѣдующая къ лѣвому уху; это опять рана, которая должна была быть нанесена на-искосокъ отъ половины головы и затѣмъ скользнула по головѣ. Затѣмъ есть двѣ ссадины на внутренней поверхности лѣваго предплечья у конца локтевой кости. По этимъ ссадинамъ можно заключить, что Дементьевъ защищалъ себя локтемъ, а не руками, какъ показывали свидѣтели. Вотъ порядокъ ранъ по разсказамъ свидѣтелей и даже по разсказу самого Дагаева.

Спрашивается, къ какому же моменту слѣдуетъ отнести сорваніе погоновъ, самый важный, самый существенный вопросъ въ дѣлѣ. По словамъ г. Дагаева, онъ вынулъ шпагу еще на улицѣ и на улицѣ ударилъ Дементьева въ спину. Ударъ по плечу въ шинели могъ быть не почувствованъ солдатомъ, но вѣроятно, этотъ ударъ и согнулъ шпагу. Затѣмъ, говоритъ г. Дагаевъ, когда они уже были въ коридорѣ, „я хотѣлъ нанести, а, можетъ быть, и нанесъ ударъ солдату, когда онъ вцѣпился въ мои погоны и оторвалъ ихъ“. Значитъ, по показанію самого Дагаева, сорваніе погоновъ произошло послѣ того, какъ онъ стегнулъ Дементьева шпагой по глазу, и эта шпага произвела тотъ рубецъ, который проходилъ до волосъ. Если принять въ соображеніе показаніе мальчика, который видѣлъ, какъ офицеръ сталкивалъ солдата съ лѣстницы, то легко представить, что офицеръ сначала сбросилъ шинель и лѣвою рукою схватился за усъ, а правою нанесъ ударъ, послѣ чего, по его словамъ, солдатъ вцѣпился въ его погоны. Можно ли допустить нѣчто подобное со стороны Дементьева? Такой сильный ударъ по глазу, разсѣкающій вѣко, ударъ, отъ котораго не могло не заболѣть яблоко глаза, долженъ былъ на 30, на 40 секундъ совершенно лишить

человѣка способности относиться сознательно къ тому, что происходитъ вокругъ него; у него движенія могли быть только рефлексы. Обыкновенно между получаемымъ впечатлѣніемъ и движеніемъ человѣка становится цѣлая область размышленій, соображеній, привычекъ, то, что составляетъ характеръ человѣка. Но здѣсь этого быть не могло, здѣсь былъ такой безпромежуточный переходъ отъ удара къ рефлексу, что еслибъ въ ту минуту, какъ Дементьевъ получилъ этотъ ударъ, онъ раздробилъ офицеру голову, ударилъ его въ лицо, онъ долженъ бы былъ быть признанъ сдѣлавшимъ это въ безсознательномъ состояніи. Г. прокуроръ доказывалъ, что судъ не въ правѣ признать безсознательности, потому что не было экспертизы. Экспертиза нужна только для опредѣленія болѣзненнаго состоянія; но кромѣ болѣзни есть еще цѣлая громадная область того, что называется аффектами, сильными душевными волненіями, вызванными внезапнымъ событіемъ. Всякому извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производитъ испугъ на организмъ не только людей, но и животныхъ. Извѣстно, что дѣлается съ медвѣдемъ, когда онъ чего-нибудь испугается. Для такого рода явленій нѣтъ экспертовъ. Слѣдовательно, есть основанія допустить у Дементьева, послѣ полученнаго имъ удара, такое безсознательное состояніе, при которомъ ему не можетъ быть вмѣнено въ вину, что бы онъ ни сдѣлалъ.

Но если даже допустить, что онъ не лишился сознанія, защита не понимаетъ, почему г. прокуроръ отрицаетъ, что было состояніе необходимой обороны. При всей строгости воинскаго устава, ограничивающаго необходимую оборону, онъ все-таки допускаетъ ее въ отношеніи начальника, если дѣйствія этого начальника угрожаютъ подчиненному явной опасностью. А тутъ развѣ не было явной опасности? Вѣдь смертью могло угрожать нападеніе на человѣка безоружнаго, которому наносятъ удары въ голову, а бѣжать некуда. Онъ хотѣлъ бѣжать къ себѣ въ квартиру, но его стащили

внизъ, мало того оторвали усъ. Опасность была неминуемая, неотвратимая.

Но не смотря на такую возможность защищать подсудимаго на основаніи состоянія необходимой обороны, защита не прибѣгла къ ней вслѣдствіе глубокаго убѣжденія, что не Дементьевъ сорвалъ погоны съ офицера. Въ какомъ бы положеніи человѣкъ ни былъ, у него не можетъ быть двухъ идей въ одно и то же время. Очевидно, что въ ту минуту, когда Дементьеву нанесли ударъ по глазу, въ немъ прежде всего должно было заговорить чувство самосохраненія и не дать мѣста другимъ размышленіямъ. Между тѣмъ предполагаютъ, что въ ту минуту, какъ Дементьевъ получилъ ударъ, за которымъ грозили послѣдовать другіе, онъ совершилъ въ умѣ слѣдующій рядъ силлогизмовъ: „Офицеръ меня обидѣлъ, надо отомстить офицеру. Какъ ему отомстить почувствительнѣе? Что у полка знамя, то у офицера эполетъ, погонъ—символъ чести. Сорвать погонъ самое чувствительное оскорбленіе: дай-ка я сорву съ него погоны, а потомъ подумаю какъ спастись, если до того времени меня не зарубитъ мой противникъ, который можетъ искрошить меня, какъ кочанъ капусты“. Вотъ какія соображенія должны бы были быть у него, еслибъ онъ рѣшился сорвать погоны и привелъ въ исполненіе свое намѣреніе. Но это психологическая невозможность. Еслибъ элементъ мести примѣшивался къ чувству самосохраненія, то онъ попытался бы ударить по той рукѣ, которая наносила удары, вырвать шпагу, нанести ударъ въ лицо, сдѣлать однимъ словомъ что-нибудь, чтобъ защититься. Между тѣмъ ничего этого не было. Мало того, есть еще другія обстоятельства, которыя наводятъ на мысль, что обвинять Дементьева въ сорваніи погоновъ съ г. Дагаева невозможно. Одно изъ такихъ важныхъ обстоятельствъ—это тотъ погонъ, съ которымъ емен тьевъ пошелъ къ начальству. Еслибъ Дементьевъ продѣлалъ въ умѣ своемъ въ сознательномъ состояніи то, что ему приписываютъ, сорвалъ погоны, чтобъ

отомстить, то это движеніе должно было оставить слѣдъ въ его сознаніи и первымъ его дѣломъ, когда ему подсовывали этотъ погонъ было бы отбросить его, чтобъ не установить никакой связи между собою и этимъ погономъ. Онъ же напротивъ, беретъ его самымъ наивнымъ образомъ и заявляетъ, что вотъ по этому погону можно узнать офицера, и въ участкѣ только узнаетъ, что его обвиняютъ въ сорваніи погоновъ.

Но спрашивается, кто же сорвалъ эти погоны? Кто нибудь долженъ же былъ ихъ сорвать. Если не Дементьевъ, то необходимо предположить, что Дагаевъ. Защита могла бы не касаться этого предположенія, съ нея довольно, если судъ будетъ внутренно убѣжденъ, что Дементьевъ не могъ совершить этого сорванія; но чтобъ досказать свою мысль до конца, она должна сознаться, что выйти изъ дилеммы нельзя иначе, какъ предположивъ, что погоны сорваны офицеромъ. Для этого нѣтъ необходимости дѣлать обводнаго предположенія, которое было высказано г. прокуроромъ, что офицеръ, видя, что увлекся, понимая, что ему грозитъ большая отвѣтственность, хотѣлъ подготовить средство къ защитѣ, хотя защита не можетъ согласиться съ опроверженіемъ, представленнымъ на это предположеніе г. прокуроромъ, а именно, что Дагаевъ былъ въ состояніи сильнаго гнѣва, при которомъ невозможенъ такой холодный разсчетъ. Нужно отличать гнѣвъ какъ аффектъ, отъ гнѣва какъ страсти. Гнѣвъ, который разжигался въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ часовъ, былъ уже не аффектомъ, а страстью, подъ вліяніемъ которой человѣкъ можетъ дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ послѣдствій. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ надобности въ этомъ предположеніи, возможно и другое. Очень можетъ быть, что г. Дагаевъ не былъ въ такомъ хладнокровномъ состояніи, когда влетѣлъ со шпагой въ рукѣ въ коридоръ. Онъ кажется изъ тифлисскихъ дворянъ, онъ уроженецъ юга, гдѣ люди раздражаются скорѣе, чувствуютъ живѣе, чѣмъ люди сѣвернаго климата,

болѣе сдержанные, болѣе флегматичные. Очень можетъ быть, что такой человѣкъ, придя въ ярость, теряетъ сознаніе, готовъ самъ себя бить, способенъ самъ себя ранить. Онъ могъ сорвать одинъ погонъ, когда сбрасывалъ шинель, другой послѣ и забыть объ этомъ. Противъ этого приводятъ то, что онъ сейчасъ же заявилъ о сорваніи погона. Но въ томъ то и дѣло, что первый человѣкъ, котораго онъ увидѣлъ послѣ этого событія, была г-жа Данилова, и ей онъ ничего объ этомъ не сказалъ. Онъ заявилъ о сорваніи у него погоновъ въ первый разъ въ участкѣ, черезъ четверть часа или 20 минутъ послѣ того, какъ видѣлся съ г-жею Даниловой. Этого времени было совершенно достаточно, чтобъ пораздумать, сообразить; не зная, какъ онъ потерялъ погоны, онъ могъ придти къ заключенію, что, вѣроятно, ихъ сорвалъ солдатъ и занесъ объ этомъ обстоятельствѣ въ протоколъ, видя въ немъ средство защиты себя. Самое показаніе Дагаева подтверждаетъ мысль, что онъ могъ сорвать погоны съ себя и не замѣтить этого. Въ этомъ показаніи г. Дагаевъ отрицаетъ такіе факты, которые были совершены при многочисленной публикѣ. Такъ, онъ говоритъ, что не билъ на улицѣ Дементьева, когда люди видѣли, что онъ билъ; говоритъ, что не выправлялъ шпаги, когда люди видѣли, что онъ выправлялъ ее. Поэтому можно утверждать, что онъ былъ въ такомъ же разгоряченномъ состояніи, какъ Дементьевъ, хотя сталъ въ него по доброй волѣ, и что онъ могъ дѣйствительно многаго не помнить.

„Подводя итоги всему сказанному“ — „я не могу придти къ другому заключенію какъ то, что Дементьевъ невиненъ и прошу его оправдать, оправдать вполнѣ, еще и потому, что это событіе особаго рода, это такая палка, которая дѣйствительно должна кого-нибудь поразить. Его она поражаетъ несправедливо. Она должна обратиться на кого-нибудь другого. Я полагаю, что къ военной дисциплинѣ совершенно примѣнимо то, что говорили средневѣковые мыслители о справедливости:

justitia regnorum fundamentum, основа царства есть правосудіе. Я полагаю, что правосудіе есть основаніе всякаго устройства, будетъ ли то политическое общество, будетъ ли то строй военный. Дисциплина, если брать это слово въ этимологическомъ значеніи, есть выправка, обученіе начальниковъ ихъ правамъ, подчиненныхъ ихъ обязанностямъ. Дисциплина нарушается одинаково, когда подчиненные бунтуютъ и волнуются, и совершенно въ равной степени, когда начальникъ совершаетъ то, что ему не подобаетъ, когда человѣку заслуженному приходится труднѣе въ мирное время передъ офицеромъ своей же арміи, нежели подъ выстрѣлами турокъ, когда георгіевскому кавалеру, который изъятъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія, наносятъ оскорбленіе по лицу, отрываютъ усъ, когда лицо его покрывается безславными рубцами. Я васъ прошу о правосудіи".

На вопросъ предсѣдателя, что можетъ подсудимый прибавить въ свое оправданіе, подсудимый Дементьевъ произнесъ: «Ваше высокоблагородіе, обратите на мои лѣта и на мою службу, и на семейныя обстоятельства ваше милостивое вниманіе. Больше я ничего не могу дополнить».

Военно-окружной судъ призналъ обвиненіе Дементьева въ отказѣ исполнить приказаніе поручика Дагаева и въ оскорбленіи его словами и дѣйствіемъ недоказаннымъ, а потому постановилъ считать Дементьева по суду оправданнымъ.

1874.

13.

Дѣло по иску опекуновъ надъ имѣніемъ умершаго маіора Сергѣя Ивановича Терпигорева: титулярнаго совѣтника Чаплыгина и прапорщика Бехтѣева, къ мѣщанкѣ Екатеринѣ Купріяновой и коллежскому ассесору Хилкову объ уничтоженіи арендnаго договора, совершеннаго съ послѣдними маіоромъ Терпигоревымъ 16-го января 1870 г., въ бывшей Тамбовской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда.

17-го іюня 1870 года умеръ отставной маіоръ, козловскій помѣщикъ Сергѣй Ивановичъ Терпигоревъ, надъ имуществомъ котораго состояли опекунами Чаплыгинъ и Бехтѣевъ. Передъ смертью, 7-го апрѣля 1870 г. онъ былъ признанъ Тамбовскимъ губернскимъ присутствіемъ одержимымъ хроническимъ страданіемъ мозга, лишающимъ его возможности дѣйствовать сознательно и самостоятельно. Затѣмъ, при вскрытіи черепа умершаго, въ мозгу были найдены такія болѣзненныя измѣненія, которыя заставляли съ достовѣрностью заключить о полнѣйшемъ разстройствѣ его душевныхъ способностей, развивавшемся постепенно и длившемся многіе годы до его кончины. Съ женою своею Терпигоревъ давно не жилъ, отъ родственниковъ отсталъ; какъ жизнь его, такъ и все имущество находилось въ полной власти и распоряженіи его экономки, Екатерины Купріяновой, пользовавшейся

въ своихъ отношеніяхъ къ Терпигореву наставленіями и совѣтами мужа младшей сестры своей Авдотьи, Ѳедора Хилкова. Оба названныя лица, обвинявшіяся также по особому уголовному дѣлу въ расхищеніи и присвоеніи капиталовъ и движимости Терпигорева, успѣли достигнуть того, что Терпигоревъ выдалъ на имя какъ ихъ, такъ и жены Хилкова Авдотьи Хилковой разныя обязательства и, между прочимъ, арендный контрактъ 16-го января 1870 г. объ отдачѣ части земель села его, Песчанаго, съ господскимъ домомъ и строеніями за 25,000 р., взятыхъ будто бы впередъ, Хилковой и Куприяновой на 12 лѣтъ. Хотя выдавая эти обязательства, Терпигоревъ не состоялъ еще подъ опекою, но опекуны, ссылаясь на цѣлый рядъ свидѣтелей и заключеніе экспертовъ, доказывали, что Терпигоревъ не могъ, совершая названные акты, имѣть того сознанія и той свободы воли, которыми обусловливается дѣйствительность всякой гражданской сдѣлки и всякаго вообще изъявленія воли въ области юридическихъ отношеній, а потому просили Тамбовскій окружный судъ, признать недѣйствительнымъ и неимѣющимъ силы арендный контрактъ 16 января 1870 года.

Засѣданія Тамбовскаго окружнаго суда происходили съ 8-го по 14 марта 1873 года. Судъ опредѣлилъ договоръ, заключенный маіоромъ Терпигоревымъ 16-го января 1870 года объ отдачѣ имъ (Терпигоревымъ) въ аренду земли при селѣ Песчаномъ, Козловскаго уѣзда, г. Хилкову и мѣщанкѣ Куприяновой, признать недѣйствительнымъ, взыскавъ въ пользу истцовъ вознагражденіе за веденіе дѣла и судебныя издержки.

Вслѣдствіе апелляціонныхъ жалобъ, поданныхъ повѣренными отвѣтчиковъ, дѣло было перенесено въ Саратовскую судебную палату, гдѣ слушалось 9-го января 1874 года.

Гг. судьи! Большое преимущество апелляціоннаго производства заключается въ томъ, что дѣло разсматривается во второй инстанціи только въ предѣлахъ апелляціи, что существо его представляется чище, свободнѣе отъ всякихъ налетовъ, отъ всякихъ усложненій и побочныхъ обстоятельствъ, за которыми стороны держались какъ за ретраншементами, но которые они должны были оставить, какъ ненужные, убѣдясь, что въ этихъ укрѣпленіяхъ пробиты бреши, что за ними нельзя держаться.

Такихъ налетовъ было много отъ первой инстанціи. Къ числу ихъ я отношу вопросы, можетъ ли быть

уничтожаемъ договоръ совершенный лицомъ, которое въ то время еще не признавалось официально сумасшедшимъ, можетъ ли быть уничтожаемъ такой договоръ, если онъ былъ явленъ у крѣпостныхъ дѣлъ?

По первому вопросу сама противная сторона признала превосходство прогрессивнаго взгляда, допускающаго недѣйствительность актовъ лицъ, еще въ сумасшествіи неосвидѣтельствованныхъ.

По второму вопросу противная сторона не оспорила заключенія Тамбовскаго окружнаго суда, что явка акта у крѣпостныхъ дѣлъ есть доказательство только подлинности акта, но не психическаго здоровья контрагентовъ, которое могло и не существовать, но не быть у крѣпостныхъ дѣлъ замѣчено. Нынѣ судебное состязаніе сведено къ самой сути спора, къ простому и единственному вопросу: былъ ли Терпигоревъ сумасшедшимъ въ теченіе 1870 г. или нѣтъ? Если былъ сумасшедшимъ, значитъ дѣйствія его не могутъ быть оспариваемы.

Вопросъ этотъ, относясь къ области прошлаго, есть вопросъ чисто-историческій. Правильное его рѣшеніе обусловливается прежде всего качествомъ и количествомъ источниковъ. Если бы этотъ вопросъ былъ только историческій, тогда онъ могъ бы быть перерѣшаемъ много разъ до безконечности по вновь открывающимся источникамъ. Но это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ судебный. Судебные вопросы имѣютъ свои сроки, до истеченія которыхъ они остаются открытыми. Въ первой инстанціи вопросъ оставался открытымъ, пока судьи ушли совѣщаться. Во второй онъ опять, открытъ подачею апелляціи. Еще въ настоящую минуту стороны вправѣ представлять новыя доказательства, ссылаться на новыхъ свидѣтелей.

Если бы противная сторона просила о спросѣ новыхъ свидѣтелей, то и мы съ своей стороны, вызвали бы по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые, бывъ вызваны въ Тамбовскій судъ, не явились и остались неспрошен-

ными, напримѣръ докторъ Взоровъ, участвовавшій въ вскрытіи черепа Терпигорева, тамбовскій врачебный инспекторъ докторъ Зедергольмъ, кирсановскій исправникъ и многіе другіе. За свидѣтелями дѣло не станетъ, но, по моему мнѣнію, они совершенно излишни. Всѣ будущіе свидѣтели могутъ быть заранѣе подраздѣлены на двѣ категоріи: одни изъ нихъ сообщатъ нѣсколько новыхъ курьезовъ, странностей, причудъ и анекдотовъ о Терпигоревѣ, которыхъ и безъ того набралось достаточно: другіе скажутъ, что ничего не знаютъ и хотя и видали, но ничего въ немъ не замѣчали, потому что наблюдали поверхностно (нир., докторъ Николавъ). Такіе отрицательные свидѣтели, всѣ вмѣстѣ взятые, ничего не значатъ и не должны быть принимаемы въ разсчетъ, потому что все наше знаніе пріобрѣтено наблюденіями крайне малаго числа наблюдателей, а результаты наблюденій немногихъ — принимаются на вѣру всѣми и считаются истиною.

Два—три достойные вѣры человѣка знаютъ о фактѣ наглядно, непосредственно; но этого достаточно, чтобы фактъ считался несомнѣннымъ. Конечно, и свидѣтели, показывающіе о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей Терпигорева, могли бы быть отвергнуты, но только въ такомъ случаѣ, когда бы было доказано, что у Терпигорева послѣ смерти, при вскрытіи черепа, не оказалось: размягченія мозга, сращенія твердой мозговой оболочки съ черепомъ, атрофіи мозга, смѣшенія въ немъ сѣраго вещества съ бѣлымъ; когда бы было доказано, что онъ не смѣшивалъ Хмѣлевой съ Липецкимъ, однихъ съ другими, что у него не было сведенія руки, и т. п. Но дѣло въ томъ, что сами отвѣтчики въ своей апелляціонной жалобѣ не опровергаютъ вовсе свидѣтельскихъ показаній, клонящихся къ признанію Терпигорева сумасшедшимъ. Они сами признаютъ — что и требовалось доказать — именно *ненормальность* психическихъ отправленій и разложеніе силъ души и тѣла, разложеніе, по ихъ словамъ, только начинающееся, но

которое я считаю завершеннымъ, конченнымъ, прошедшимъ весь свой циклъ. Сами отвѣтчики не могутъ отрицать, что нѣтъ ни единой черты въ первой части заключенія экспертовъ, которая бы не была живьемъ взята изъ источниковъ. Они въ претензіи только за то, что въ эту картину не занесены всѣ тѣ показанія, которыя удостовѣряютъ, что хотя мозгъ у Терпигорева былъ атрофированъ, размягченъ, но этотъ мозгъ не вполнѣ бездѣйствовалъ, что Терпигоревъ все-таки до конца жизни своей говорилъ, ходилъ, сопротивлялся, когда его заставляли дѣлать то или другое. Но съ этимъ, гг. судьи, и мы вполнѣ согласны; мы сами не отрицаемъ того, что Терпигоревъ до конца своей жизни говорилъ, хотя запинаясь, отвѣчалъ, хотя не кстати, ходилъ, хотя спотыкаясь, бралъ вещи, хотя онѣ у него изъ рукъ валились, чего-то желалъ, хотя окружающіе его могли имъ управлять, какъ двухлѣтнимъ ребенкомъ. Болѣзнь Терпигорева поражаетъ еще одною особенностью, весьма рѣдкою. Ходъ ея можно прослѣдить съ начала до конца; этотъ ходъ былъ необыкновенно послѣдовательный, чрезвычайно правильный. Въ большинствѣ случаевъ сумасшествіе является или вслѣдствіе внезапной случайности, напримѣръ вслѣдствіе сильной болѣзни физической, которая потрясла и подкопала весь организмъ человѣка, или вслѣдствіе того, что человѣкъ потерпѣлъ страшное горе, потери, неудачи, что это горе подломило его вдругъ и разслабило его и душевно и тѣлесно. Ничего подобнаго не случилось съ Терпигоревымъ, никакихъ острыхъ болѣзней и надломовъ, никакихъ трудно изслѣдуемыхъ вліяній физическаго на психическое и наоборотъ, а присутствовали мы при изслѣдованіи увяданія и отцвѣтанія организма, обреченнаго роковымъ образомъ на сумасшествіе отъ самаго рожденія и даже прежде рожденія, еще въ утробѣ матери.

Черепъ у этого человѣка былъ неправильный, *несимметрическій*, притомъ непропорціонально-малый. Есть

въ жизни каждаго человѣка періоды роста, зрѣлости, увяданія. Обыкновенно это увяданіе или отцвѣтаніе начинается съ конечностей: руки, ноги отказываются служить; но умъ свѣжъ, и мозгъ питается и дѣйствуетъ. У Терпигорева отцвѣтаніе, остановка жизненныхъ функцій началась съ того органа, которымъ его обидѣла природа. Онъ страдалъ постоянными приливами крови къ мозгу, а впослѣдствіи воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и приращеніемъ къ кости черепа. Потомъ послѣдовали атероматозныя, костяныя отложенія на стѣнкахъ венъ, вслѣдствіе чего кровообращеніе замедлилось, питаніе мозга остановилось, послѣдовала атрофія мозга, а за атрофіей—размягченіе мозга, съ паралитическимъ состояніемъ оконечностей, а въ концѣ этого процесса смерть отъ болѣзни органа мышленія.

Картина столь полна, фактъ столь обстоятельно прослѣженъ отъ начала до конца, что прибавлять къ нему нечего; нѣтъ надобности ни въ какихъ новыхъ свидѣтеляхъ, очевидцахъ послѣднихъ дней жизни Терпигорева. Но, покончивъ съ свидѣтелями, я отдѣлался только отъ одной части моей задачи. За свидѣтелями слѣдуютъ эксперты, давшіе заключеніе въ пользу сумасшествія Терпигорева.

Всѣ усилія отвѣтчиковъ направлены къ тому, чтобы подорвать, разрушить эту экспертизу. Но если устранить эту экспертизу и добиваться новой, то и эта новая можетъ повторить результаты первой, значитъ дать неблагопріятный отзывъ для отвѣтчиковъ. Вотъ почему они стараются поколебать довѣріе ко всякой психіатрической экспертизѣ вообще. По ихъ понятіямъ, экспертиза можетъ имѣть научный авторитетъ только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Иногда эксперты призываются сказать суду о такихъ фактахъ, которые имъ только однимъ, какъ спеціалистамъ, могутъ быть извѣстны, — тогда слова ихъ имѣютъ за собою авторитетъ науки, напримѣръ, какъ по дѣлу Бабаева, именующагося княземъ Гокчайскимъ, вызывался сенаторъ

Торнау сказать, какіе роды признаются княжескими въ Персіи. Но иногда эксперты призываются только съ тѣмъ, чтобы изъ извѣстныхъ фактовъ помочь суду сдѣлать выводы. Тогда ихъ мнѣніе совсѣмъ не авторитетъ. Судъ можетъ его игнорировать, потому что оцѣнка того, доказаны ли факты доказательствами, которыя представлены къ дѣлу, есть исключительно дѣло суда и судебнаго разбирательства, потому что самый опытнѣйшій изъ экспертовъ, знающій всю глубь человѣческой природы, менѣе смыслитъ въ дѣлѣ установленія достовѣрности фактовъ на основаніи доказательствъ, нежели самый неопытный судья. Сильно сказано, надо признаться: жаль только, что вся эта теорія есть рядъ однихъ парадоксовъ, которые можно весьма легко разбить. Слава Богу, не надо далеко ходить за примѣрами. Существуетъ неподалеку институтъ присяжныхъ, основанный на томъ началѣ, что каждый простой смертный въ дѣлѣ открытія истины скорѣе способенъ установить достовѣрность фактовъ первѣйшей важности, почерпаемыхъ изъ доказательствъ, фактовъ уголовныхъ, нежели записные юристы. Если бы у насъ существовала донынѣ искусственная теорія доказательствъ, доступная однимъ только юристамъ и достигающая искусственной, условной истины, искусственными путями, тогда можно бы было еще сказать, что никто не можетъ устанавливать достовѣрности фактовъ, кромѣ судей. Но такъ какъ достовѣрность достигается не посредствомъ особыхъ и спеціальныхъ пріемовъ, а просто по внутреннему убѣжденію, по внушеніямъ здраваго смысла, которыми, по крайней мѣрѣ, эксперты одарены въ одинаковой степени, какъ и всѣ остальные люди, и такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ экспертами являются люди высоко образованные, представители одной изъ самыхъ великихъ и трудныхъ наукъ о человѣкѣ, психологіи, то я полагаю, что въ дѣлѣ установленія достовѣрности фактовъ они стояли въ одномъ уровнѣ съ судьями, дѣлая выводы изъ предлагаемыхъ источни-

ковъ. Если эксперты съ своей стороны, а судьи съ своей изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ вывели одни и тѣ же факты, пришли изъ этихъ фактовъ къ одинаковымъ заключеніямъ, то можно прямо сказать, что фактическая сторона дѣла обставлена великолѣпно. Теперь пойдемъ дальше и посмотримъ, какіе элементы вносятъ въ судъ эксперты, что изъ внесеннаго ими можетъ быть судомъ игнорируемо. Законъ отдѣляетъ экспертровъ отъ свидѣтелей; они не вызываются сказать о томъ, что видѣли, слышали, ощущали своими собственными чувствами; они призываются сказать свое мнѣніе, за которое не подвергаются никакой отвѣтственности. Они въ правѣ отказаться отъ своего назначенія. Они не могутъ быть судимы за подачу того или другаго мнѣнія, какъ, напримѣръ, свидѣтели за ложное показаніе. Въ качествѣ экспертовъ порою являются простѣйшіе люди, но являются также и первостепенныя знаменитости, первосвященники науки, колоссы знанія. Въ лицѣ ихъ наука снисходитъ къ тому, что оказываетъ пособіе обществу при устраненіи житейскихъ дѣлъ и разрѣшеніи споровъ. Наука и судъ, сходясь, хранятъ каждый свою свободу и самостоятельность. Экспертъ въ своемъ мнѣніи свободенъ; но и судъ въ своихъ убѣжденіяхъ тоже свободенъ и нисколько не связанъ тѣмъ, что скажутъ эксперты. Ст. 533 уст. уг. суд. говоритъ: «судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей». Если брать эту фразу дословно, то выходитъ, что судъ можетъ не убѣдиться даже и фактомъ, который только и можетъ быть сообщенъ спеціалистомъ, напримѣръ, о дворянскихъ родахъ въ Персіи. Конечно, это такъ съ формальной точки зрѣнія. Судъ только по внутреннему убѣжденію рѣшаетъ дѣло; никто ему не навязываетъ этого убѣжденія, судъ можетъ отказать во взысканіи даже по закладной или по векселю, признанному векселедателемъ. Этого, однако, не бываетъ, потому что въ судѣ дѣла рѣшаются не по капризу или лицепріятію, а по резонамъ, потому что

рѣшеніе бываетъ не безотчетное, а мотивированное, и что въ той же 533 ст., въ которой сказано, что судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей, вслѣдъ за тѣмъ прибавлено: «несогласному съ обстоятельствами дѣла». Итакъ, необходимо разобрать критически во всякой экспертизѣ вообще и, въ особенности, въ заключеніи экспертовъ—психіатровъ Мержеевскаго, Чечота и Чехова о Терпигоревѣ, дабы опредѣлить, что въ этой экспертизѣ если не формально, то логически обязательно для суда, что въ этой экспертизѣ имѣетъ за собою авторитетъ науки. Знаніе, умѣнье, спеціальность оказываютъ свои услуги суду двоякимъ образомъ: знаніе теоретическое или наука, и знаніе практическое, или искусство. Иногда вызываются только люди искусства, для того, чтобы продѣлать передъ судомъ извѣстныя дѣйствія, которыя и могли быть совершены только весьма искусными руками и которыя необходимы для разъясненія истины. Напримѣръ, оружейниковъ зовутъ для того, чтобы они испробовали, какъ далеко стрѣляютъ пистолеты, химика, чтобы разложить чернила, которыми писаны документы, архитектора, чтобы узнать, сколько употреблено кирпича для постройки зданія. Что же касается до зданія теоретическаго, то или требуется знаніе какихъ-либо дробныхъ мелкихъ фактовъ, которыхъ совокупность никогда не можетъ составить науки, или знаніе общихъ фактовъ, или такъ-называемыхъ законовъ жизни, законовъ мірозданія. Для объясненія значенія этихъ общихъ научныхъ законовъ въ приговорѣ суда, я долженъ присовокупить, что существуютъ два метода мышленія: индукція и дедукція. Всякое мышленіе бываетъ сперва индуктивно, пока изъ частности не выведенъ общій законъ. Напримѣръ: Иванъ умеръ, Петръ умеръ, Степанъ умеръ, значитъ всѣ люди смертны. Затѣмъ заручась общимъ закономъ, можно его примѣнять къ отдѣльнымъ случаямъ, можно выводить изъ него всѣ содержащіяся въ немъ частности посредствомъ дедукціи,

посредствомъ такъ-называемаго силлогизма: всѣ люди смертны, Иванъ человѣкъ, значитъ и Иванъ смертенъ. Всякое рѣшеніе суда есть въ сущности ничто иное, какъ силлогизмъ, и судоговореніе есть работа построенія такого силлогизма. Въ настоящемъ дѣлѣ силлогизмъ, который требуется построить, такой: первая посылка: кто одержимъ такими-то признаками болѣзни, тотъ сумасшедшій, а слѣдовательно неправоспособный человѣкъ; вторая посылка: Терпигореву были тогда-то присущи эти признаки, заключеніе—значитъ Терпигоревъ былъ когда то сумасшедшій. Вывести авторитетное заключеніе изъ имѣющихся двухъ посылокъ есть исключительно дѣло суда. Суду дана полнѣйшая свобода не подчиняться экспертамъ; но, разумѣется, что никому и никогда не дано не подчиняться законамъ логики, законамъ здраваго смысла, которое если не строго—юридически, то нравственно для всякаго обязательны. Если бы изъ двухъ посылокъ: всѣ люди смертны, Иванъ человѣкъ, какой ни есть судъ вывелъ заключеніе: слѣдовательно Иванъ безсмертенъ, то это былъ бы чистѣйшій абсурдъ, несмотря на какіе бы то ни было авторитеты. Что-же касается до второй посылки, т. е. о томъ, были ли замѣчены въ Терпигоревѣ такіе-то болѣзненные признаки въ его физическихъ и психическихъ отправленіяхъ, то этотъ вопросъ долженъ разрѣшаться и судомъ и экспертами совмѣстно. Этотъ вопросъ доступенъ пониманію каждаго человѣка, одареннаго здравымъ смысломъ. Сначала эксперты констатировали факты, вывели признаки болѣзни изъ доказательствъ; затѣмъ, окончивъ свою работу, они ее представили суду, который повѣрилъ ее и дополнилъ, причемъ самъ вопросъ остался открытымъ, такъ что повѣрить ее можетъ и вторая инстанція. Способъ повѣрки объясню примѣрами. Положимъ эксперты занесли въ историческую часть своего заключенія, что Терпигоревъ страдалъ зубною болью, между тѣмъ какъ никто изъ свидѣтелей этого не показывалъ. Судъ, повѣряя, долженъ этотъ

признакъ устранить и отвергнуть, какъ совсѣмъ недоказанный обстоятельствами дѣла. Про Терпигорева говорятъ одни свидѣтели одно, другіе другое. Эксперты взвѣсили и тѣ и другія показанія, отвергли или приняли фактъ; судъ затѣмъ долженъ совершить ту же самую работу. Противная сторона не обвиняетъ экспертовъ вовсе въ томъ, что они внесли въ картину болѣзни Терпигорева несуществующіе и недостовѣрные факты; всѣ черты этой картины отвѣтчики принимаютъ оптомъ; всѣ факты записаны экспертами. Они въ претензіи лишь за то, что эксперты не опредѣлили, сознательно ли относился Терпигоревъ къ контракту 16-го января 1870 года. Имъ незачѣмъ было и опредѣлять. И истцы, и эксперты допускаютъ, что Терпигоревъ не былъ въ безсознательномъ состояніи 16-го января. Но безсознательность и сумасшествіе двѣ вещи разныя. Большая часть сумасшедшихъ дѣйствуютъ сознательно.

Отвѣтчики жалуются еще на то, что эксперты извлекли изъ матеріала, добытаго судебнымъ слѣдствіемъ, только то, что говорило въ пользу истцовъ и обошли все то, что говорило въ пользу отвѣтчиковъ. Положимъ, что эксперты не воспользовались показаніями Николаева, Евдокимова, Благонравова, не занесли ихъ въ свое заключеніе, какъ данныя недостовѣрныя, сомнительныя; но этотъ недостатокъ, если онъ и былъ, пополненъ судомъ, критически оцѣнившемъ показанія Николаева, Евдокимова и Благонравова. Итакъ, вторая посылка построена вѣрно. Остается первая или большая посылка. Я не ошибусь, когда скажу, что установить ее, дать ее суду только и могли эксперты-спеціалисты, и что суду приходилось либо повѣрить имъ, либо, по ст. 526 уст. угол. суд. назначить новую экспертизу и ей точно также повѣрить, во всякомъ случаѣ повѣрить кому-либо, потому что судъ самъ не можетъ установить эту посылку, если въ средѣ его нѣтъ психіатровъ.

Гг. члены судебной палаты! Я не оскорблю никого изъ васъ, утверждая, что въ психіатрическихъ вопросахъ

незанимавшійся спеціально психіатріею не можетъ выдавать свои идеи и фантазіи за выводы науки, за научныя истины. Безбрежно море знаній человѣческихъ, и необходимо правильное раздѣленіе труда. Отдѣльная голова, отдѣльный умъ не въ состояніи вмѣстить тысячной части накопившагося цѣлыми вѣками капитализированнаго опыта. Каждая спеціальность доработалась до особыхъ законовъ. Если случится суду или частному человѣку необходимость въ другой спеціальности, тогда, вмѣсто того, чтобы начать изучать всю ту спеціальность и, такъ сказать, ѣхать открывать Америку, можно прямо обратиться къ спеціалисту по той или другой спеціальности и взять у него готовую формулу, не заботясь уже нисколько, какимъ образомъ она выведена. Положимъ, мнѣ дали уравненіе четвертой степени, а я знаю только уравненіе второй степени. Положимъ, мнѣ нужно знать, съ какою скоростью летитъ и съ какою силою ударяетъ масса, падающая съ извѣстной высоты. Я обращаюсь къ математику или механику, который и разрѣшитъ мои сомнѣнія въ одну минуту.

У меня въ рукахъ документъ неизвѣстнаго языка и вѣка. Вмѣсто того, чтобы изучить всю филологію и всю исторію, я иду къ историку или филологу, и онъ прочтетъ документъ и передастъ мнѣ его содержаніе. Если бы судъ состоялъ изъ психіатровъ, въ такомъ случаѣ полезно бы было призвать еще болѣе опытныхъ психіатровъ, на томъ основаніи, что умъ хорошо, а два лучше, и что занимаясь судомъ, судьи можетъ быть немного поотстали отъ науки и не знаютъ послѣднихъ ея результатовъ. Но если судьи не психіатры, то какъ имъ справиться съ задачей?—обложить себя книгами, прочесть Пинеля, Эквироля, Гризингера, Маудоли, Тардье? Но кто изъ нихъ лучше? И не открыли ли еще послѣ нихъ чего-нибудь новаго?

Или придется сѣсть на школьную скамью, посѣщать клиники, выучиться психологіи? Но на это у судей

нѣтъ времени, нѣтъ досуга. Остается одно только средство: обратиться къ свѣдущимъ людямъ, наблюдавшимъ тысячи сумасшедшихъ, знающимъ физіологію и психологію и пріобрѣвшимъ навыкъ, сноровку. Способные индуктивно заключать изъ частностей объ общемъ, изъ дѣйствій человѣка и физическихъ его отправленій: движеній, походки, произнесенія словъ—о процессѣ мышленія и состояніи мыслительнаго органа, какъ центра нервной системы, и наоборотъ дедуктивно заключать изъ того, что у такого-то человѣка мозговой снарядъ попорченъ, о томъ, что у него должны быть такія-то неправильности въ дѣйствіяхъ, тѣлодвиженіяхъ и поступкахъ. Эксперты и дали суду требуемую имъ большую посылку, до которой судъ своими средствами никогда бы не добрался. Они сказали: сумма такихъ-то признаковъ въ какомъ бы то ни было субъектѣ есть показатель сумасшествія. Таковъ ихъ выводъ въ общихъ чертахъ. Его можно разложить на множество частныхъ. Я разберу эти частные законы и покажу, что ни къ одному изъ нихъ судъ не имѣетъ ключа, и что кто не прошелъ всей науки, тотъ не въ состояніи ни одного изъ нихъ повѣрить. Итакъ, напримѣръ: лихорадка и сильныя головныя боли, затѣмъ общее разстройство нервной системы съ сосредоточеніемъ всѣхъ умственныхъ способностей на своей болѣзни есть ипохондрія, первичная форма помѣшательства. Синкрозъ черепныхъ костей, приращеніе твердой мозговой оболочки къ черепу, воспаленіе мягкихъ оболочекъ, атрофія мозга, водянка, атероматозъ, все это въ совокупности должно было выразиться въ ипохондріи и дойти до полнѣйшаго сумасшествія. Размягченіе мозга въ одномъ изъ полушарій его сопровождается паралитическимъ и паретическимъ состояніемъ противоположныхъ конечностей. Наоборотъ, параличъ лѣвой руки, ноги, сведеніе ихъ заставляютъ предполагать поврежденіе праваго полушарія мозга. У кого оказались такія-то хроническія измѣненія въ регрессивномъ періодѣ бо-

лѣзни, до воспослѣдовавшаго почти безразличія между сѣрымъ и бѣлымъ веществами мозга, тотъ долженъ былъ весьма задолго передъ тѣмъ страдать извѣстнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ за два года. Сумма болѣзней, обрѣтенныхъ въ мозгу при вскрытіи, вмѣстѣ съ суммою наблюденныхъ прижизненныхъ явленій, соотвѣтствуетъ виду психической болѣзни, называемому dementia, безуміе, и подвиду его dementia paralitica senilis. Этотъ подвидъ содержится въ родѣ разстройства, которому законъ присваиваетъ названіе сумасшествія. Такое безуміе есть неизлѣчимое, полное разстройство умственныхъ способностей, безъ возврата самообладанія. Такое безуміе не допускаетъ свѣтлыхъ промежутковъ, а только временное послабленіе болѣзни, въ теченіе котораго хотя и существуетъ разстройство, но дѣлается менѣе замѣтнымъ. Пускай хотя одинъ профанъ скажетъ, а если скажетъ, то докажетъ, что любое изъ этихъ положеній невѣрно. Сказать могутъ только новые эксперты. Я ничего не имѣю противъ новой экспертизы, хотя я и не вижу никакихъ къ назначенію ея основаній, тѣмъ болѣе, что мои противники не указали, почему они желаютъ вызова новыхъ экспертовъ. Разберемъ сдѣланныя ими нападки на экспертизу и экспертовъ. Эксперты не обратили вниманія на теоріи, которыя допускаютъ сумасшествіе при неповрежденномъ мозгѣ и сумасшествіе при поврежденномъ.

Экспертовъ не спрашивали, какихъ они держались теорій. Любопытно было бы, конечно, если бы эксперты въ своемъ заключеніи изложили въ историческомъ порядкѣ теоріи психіатріи съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ; но эта исторія такъ же мало шла бы къ терпигоревскому дѣлу, какъ изложеніе астрономическихъ теорій отъ Птоломея до Коперника, Ньютона или Гершеля. Второй упрекъ: эксперты не опредѣлили того минимума самообладанія, которое необходимо для того, чтобы человѣкъ считался дѣеспособнымъ. Объ этомъ ихъ не спрашивали, да и не могли спрашивать.

Самъ вопросъ былъ бы противенъ здравому смыслу и похожъ на слѣдующую задачу: опредѣлить кубическими футами чьи-либо познанія, способности, или пудами измѣрить силу патріотизма, которая должна быть присуща обществу для того, чтобы оно держалось. Отъ экспертовъ требуютъ бездѣлицы, которую если бы они совершили, то заслужили бы, чтобы имъ поставленъ былъ памятникъ превыше Наполеонова столба и даже любой египетской пирамиды. Еслибы они дали мѣрку, которою мѣрили бы minimum человѣческихъ способностей, то, во-первыхъ, не нужно было бы никакихъ сроковъ для гражданскаго совершеннолѣтія, и во-вторыхъ, такую мѣрку можно бы приложить ко всѣмъ званіямъ и занятіямъ. Можно было бы заранѣе сказать, что такого-то minimum'а храбрости потребно для солдата, такого-то количества ума для того, чтобы быть судьею, сенаторомъ, министромъ, такого-то minimum'а геніальности, чтобы сдѣлать какое-нибудь открытіе въ наукѣ, и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что опредѣлить силу души человѣка почти невозможно, что судятъ о способностяхъ каждаго человѣка только по внѣшнимъ проявленіямъ, только приблизительно; ни одинъ физіологъ и психологъ не скажутъ вамъ опредѣлительно: вотъ безошибочные признаки типа: глупый человѣкъ; но по словамъ и поступкамъ даннаго лица судятъ всѣ, что онъ глупый или умный человѣкъ. И такъ, и первая и вторая посылки непоколебимы въ рѣшеніи тамбовскаго суда. Что же касается до заключенія, то его вывелъ самъ судъ, и вывелъ совершенно согласно съ посылками. Я прошу это рѣшеніе суда утвердить; но если судъ найдетъ необходимымъ предварительно рѣшенія дѣла по существу назначить новую экспертизу, то я бы просилъ сдѣлать выборъ самый строгій. Спеціалистовъ по этой части въ Россіи не много: всего можетъ быть какихъ-нибудь семь, восемь человѣкъ.

Судебная палата опредѣлила: рѣшеніе тамбовскаго окружнаго суда, 15-го марта 1873 г. состоявшееся, утвердить; частную жалобу Хилкова и Куприяновой оставить безъ послѣдствій, и судебныя и заведеніе дѣла издержки апелляціоннаго производства въ размѣрѣ четырехсотъ четырнадцати рублей 98 коп. взыскать съ Хилкова и Куприяновой.

14.

Дѣло объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Николаѣ и женѣ его Евгеніи Н., обвинявшихся въ убійствѣ коллежскаго ассесора П. Чихачева.

Отставной штабсъ-капитанъ Николай Петровъ Н., 36 лѣтъ, и жена его Евгенія Александрова Н., 27 лѣтъ, были преданы суду: первый по обвиненію въ томъ, что 26 ноября 1873 г. въ запальчивости и раздраженіи, но не случайно, а съ намѣреніемъ убить коллежскаго ассесора Петра Чихачева, нанесъ ему ножемъ нѣсколько ранъ, отъ которыхъ онъ умеръ, а вторая по обвиненію въ томъ, что того же 26 ноября 1873 г. въ запальчивости и раздраженіи, но не случайно, а съ намѣреніемъ, убить Чихачева, выстрѣлила въ него два раза изъ револьвера, но выстрѣлы эти, по причинамъ отъ воли ея независѣвшимъ, въ Чихачева не попали. Преступленія эти предусмотрѣны въ отношеніи Н. 2 ч. 1455 ст. улож. о нак. и въ отношеніи жены его 9, 114 и 2 ч. той же 1455 ст. улож. о нак. Засѣданіе по этому дѣлу происходило 2-го и 3-го марта 1874 года, въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, въ которомъ главными двигающими силами являются не денежные разсчеты, не волчья корысть, но гнѣвъ, месть, любовь, ненависть, словомъ самыя сильнѣйшія страсти, какія могутъ волновать душу человѣка, самое послѣднее тотъ окончательный результатъ, тотъ ударъ ножемъ или выстрѣлъ изъ револьвера, которымъ

кончается продолжительная драма, важнѣе всего психологическое развитіе страсти, анализъ трехъ характеровъ, которыхъ столкновеніе составляетъ содержаніе этой драмы. Если бы я забылъ на одну минуту то, что главная суть дѣла,—его психологическая сторона, то мнѣ напомнилъ эту истину мой талантливый противникъ *), который съ свойственнымъ ему чутьемъ перенесъ дѣло почти цѣликомъ на психологическую почву такъ, что мнѣ необходимо идти по его слѣдамъ и разбирать тѣ же психологическіе факты, только при нѣсколько иномъ освѣщеніи и въ иной группировкѣ. Въ предстоящемъ мнѣ и моему товарищу по защитѣ состязаніи, мы сравнительно съ обвиняющею стороною находимся не въ авантажѣ. Наше положеніе чрезвычайно трудное. Если мы будемъ идти рука объ руку съ моимъ товарищемъ по защитѣ и закрывать нашихъ кліентовъ взаимно, скажутъ, что подсудимые стакнулись между собою. Станетъ наговаривать мужъ на жену, а жена на мужа, то произведено будетъ на васъ то непріятное впечатлѣніе, которое бываетъ всегда, когда кто-нибудь выгораживаетъ себя на счетъ другого, хотя бы онъ и говорилъ настоящую правду. Каждый изъ нашихъ кліентовъ давалъ намъ такое порученіе: „обо мнѣ не заботьтесь; старайтесь только спасти моего мужа или мою жену.“ Каждый изъ нашихъ кліентовъ готовъ былъ самъ себя обличать, лишь бы только облегчить участь своего супруга. Но пока они дѣлали другъ другу реверансы, можно было предвидѣть, что присяжные засѣдатели ихъ засудятъ, потому что имъ до этихъ нѣжностей нѣтъ никакого дѣла. Я полагаю, что есть однако средство выйти изъ самаго труднаго положенія, и что для сего нужно только отыскать ту золотую середину, по которой можно не спотыкаясь пройти, какъ проходитъ акробатъ по натянутому канату. Эта середина можетъ быть обрѣтена. Первое правило при отысканіи ея за-

*) А. Ѳ. Кони. См. его «Судебныя Рѣчи», стр. 309.

ключается въ томъ, чтобы говорить правду и одну только правду, но конечно не всю правду, конечно обходя нѣкоторыя подробности; вы легко поймете въ полслова. Во всякой любви, какъ бы она ни была возвышенна, и въ какихъ бы ни витала эмпиреяхъ, есть нѣчто чувственное, сильное. Таковъ уже по природѣ своей человѣкъ: полубогъ, полуживотное. Гдѣ есть насиженное мѣсто, тамъ найдутся непремѣнно и кучи навоза и бываютъ любители, которые первымъ долгомъ считаютъ отправиться на задній дворъ и раскапывать эти кучи. Я полагаю, что вамъ, гг. присяжные, не подобаетъ эта работа; васъ интересовать могутъ не эти подробности, а общія начертанія предмета. Представлять вамъ дѣло должны состязающіяся стороны, не прибѣгая къ средствамъ и пріемамъ китайской живописи, изображающей отдѣльно и отчетливо каждый волосокъ въ бородѣ, каждую бородавку на тѣлѣ, а скорѣе подражая пріемамъ античной скульптуры, которая, если надо было представить гадкій, непріятный предметъ, напр., трупъ человѣка или лицо, искаженное страданіемъ, то накидывала на этотъ предметъ покрывало. Такъ сдѣлаю и я и скрою многое подъ покрываломъ и укажу только, намекну, что въ такомъ то мѣстѣ есть рана, а въ такомъ-то мѣстѣ нарывъ.

Извѣстное намъ дѣло происходитъ во времени и подраздѣляется на дѣйствія. Дѣйствіе первое происходитъ въ Пищинѣ у Дьяконовыхъ и происходитъ между Евгеніею Дьяконовою и Чихачевымъ. Дьяконова дочь весьма бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ новоржевскаго уѣзда. Такъ какъ сестра ея была преподавательницею музыки въ Смольномъ институтѣ, то по ея протекціи и Евгенія Дьяконова принята въ тотъ же институтъ. Смольный есть одно изъ аристократическихъ женскихъ учебныхъ заведеній; аристократическое женское заведеніе всегда аристократичнѣе мужского. Въ каждомъ классѣ имѣются, такъ сказать, царицы заведенія, которыхъ особенно ласкаютъ и отличаютъ потому, что у нихъ есть связи или деньги

на лакомства и прихоти или острый языкъ или, наконецъ, милость начальницъ. Есть также плебсъ, на который мало обращаютъ вниманія, который держатъ въ черномъ тѣлѣ. Это держаніе въ черномъ тѣлѣ выражается не въ томъ, чтобы этихъ дѣвицъ хуже, чѣмъ другихъ кормили, одѣвали, а въ томъ, что ихъ хуже воспитываютъ или, лучше сказать, почти совсѣмъ не воспитываютъ, за ними почти совсѣмъ не смотрятъ и требуютъ, чтобы передъ начальствомъ онѣ не портили общаго впечатлѣнія отъ заведенія; легко понять, что изъ замкнутаго заведенія, въ которомъ внутреннюю его жизнь мало кто знаетъ, а только внѣшняя жизнь на показъ блистательна, можетъ выйти дитя природы, дѣвушка неразвитая, полудикарка. Она выучилась говорить по французски, имѣетъ нѣкоторый внѣшній лоскъ при отсутствіи положительнаго знанія, при отсутствіи также всякой нравственной дрессировки, т. е. умѣнья держаться чинно, строго, порядочно при людяхъ и безъ людей, наблюдать за собою каждый часъ и каждую минуту. Такое дитя природы и была Евгенія Дьяконова при выходѣ изъ института. Природа не обдѣлила ее; она имѣла, если не красивую, то миловидную наружность, умъ, не лишенный остроты, сердце доброе, мягкое, сердобольное, но она была до того не воспитана, до того приноровилась держать себя небрежно, вальяжно, фамиліарно со всѣми, что это невниманіе къ себѣ могло почесться распущенностью въ глазахъ людей, которые ее мало знали. Ей ничего не стоило выйти къ мужчинѣ въ пеньюарѣ или легко одѣтой, мужъ долженъ былъ учить ее и передѣлывать ея манеры Когда такая дѣвушка, неопытная и дурно воспитанная, по выходѣ изъ института, встрѣтится съ мужчинами, то положеніе ея можетъ быть весьма опасно, если она не сумѣетъ съ перваго раза провести ту границу, которая должна быть строго наблюдаема. Мужчина, въ особенности тотъ, который считаетъ себя опытнымъ съ женщинами, можетъ очень легко принять эту

фамиліярность за авансы, эту наивную, неподозрѣвающую зла нескромность за бызстыдство этой дѣвушки, за потерянную женщину, что и случилось съ Дьяконовой. Ея соблазнителемъ явился г. Чихачевъ. Сначала Евгенія Дьяконова жила у родителей. Жизнь бѣдная, тяжелая, средства скудныя, каждый кусокъ хлѣба сосчитанъ. Она переѣхала гостить къ брату, который жилъ въ Новоржевскомъ уѣздѣ въ Пищинѣ, также не имѣлъ большихъ средствъ и хлопоталъ о мѣстѣ судебнаго пристава или нотаріуса. Въ этомъ домѣ бывали разные люди, въ томъ числѣ и Чихачевъ, родственникъ жены хозяина — Дьяконовой. Казалось бы, что говорить о Чихачевѣ для меня затруднительно, такъ какъ de mortuis aut bene aut nihil, и такъ какъ я, говоря дурно о немъ, то подвергаю подсудимыхъ тому, что объ нихъ скажутъ: убили, да вдобавокъ еще и очернили. Но эта задача, съ виду трудная, упрощается тѣмъ, что Чихачева всѣ хвалятъ, и что сами Н—ны отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, добромъ, но только безхарактерномъ, у котораго, еслибы было побольше твердости, то онъ былъ бы вполнѣ хорошій человѣкъ. Жизнь общественная Чихачева вполнѣ безупречна. Всегда сочувствующій всякимъ благимъ начинаніямъ, всегда щедрый, Чихачевъ былъ весьма полезный дѣятель, его даже любили гораздо болѣе, чѣмъ Н—на, потому что былъ человѣкъ мягкій, податливый, идущій всегда по теченію и незаходящій никому поперекъ дороги. Что касается до его отношеній къ женскому полу, то я долженъ сказать, что онъ былъ то, что называется *любитель* женскаго пола, хотя нельзя сказать, чтобы счастливый. Красавица-жена, въ которую онъ былъ, говорятъ, влюбленъ, покинула его для другого и потомъ играла съ нимъ: то привлекала, то отталкивала. Въ жизни Чихачева сближеніе съ женщинами было любимымъ занятіемъ, занимало много мѣста. Онъ любилъ особенно женщинъ извѣстнаго сорта, женщинъ-полусвѣта. Даже та подробность, которая была открыта при осмотрѣ его квартиры, указы-

ваетъ на нѣкоторыя застарѣлыя и легко извиняемыя привычки дебоширства. Отношенія г. Чихачева къ дѣвицѣ Дьяконовой всего лучше обрисовываются его же письмами. Въ черновой запискѣ, служившей первоначальнымъ проектомъ письма къ Н—ой, нѣсколько словъ, изображающихъ самое начало связи: «Однажды вы мнѣ предложили придти въ комнату послѣ ужина продолжать бесѣду. Вы были въ кровати и раздѣты. Вспомните, какъ я держалъ себя въ этотъ вечеръ: самая наивная изъ наивныхъ понимаетъ, что такъ немного опасно бесѣдовать». Вотъ все, что говоритъ намъ Чихачевъ. Его родные добавляютъ съ его словъ, слышанныхъ при жизни, кое-что. Прибавки эти не въ пользу Н—ыхъ, а болѣе въ пользу Чихачева, что объясняется расположеніемъ и любовью этихъ родныхъ къ умершему, а также тѣмъ, что устное преданіе всегда искажаетъ событіе и передаетъ только одну его сторону, да и ту въ преувеличенномъ видѣ. По словамъ фонъ-Раабена, Чихачевъ не воспользовался въ первый вечеръ фамиліарностью Дьяконовой, но даже далъ ей урокъ, наставленіе какъ ей себя держать. Странно, гг. присяжные засѣдатели, что тотъ самый человѣкъ, который читалъ ей мораль заходилъ къ ней на слѣдующій день уже въ халатѣ. По всей вѣроятности, онъ не морализировалъ и въ первый разъ. Племянникъ г. Чихачева, лицеистъ Поповъ, съ благороднымъ, но весьма юношескимъ увлеченіемъ выражался при предварительномъ слѣдствіи, что если кто-нибудь былъ изнасилованъ, такъ это его дядя. Съ другой стороны Н—на твердитъ, что Чихачевъ ее почти изнасиловалъ, что онъ творилъ съ нею вещи, отвратительно гадкія. Она его ненавидитъ, такъ сказать, всѣми силами души. Хотя эта ненависть запоздалая и нѣсколько напускная, но она не можетъ быть безъ весьма глубокихъ причинъ. Вспомните, что это была дѣвушка, только что вышедшая изъ института, что, по всей вѣроятности, она была до встрѣчи съ Чихачевымъ невинная, что въ провинціальномъ захолустьѣ, обиль-

номъ сплетнями, никто дурного слова про нее не сказалъ, что, когда она вышла замужъ за Н—на, то она сдѣлалась вѣрною и хорошею женой и такою пробыла пять лѣтъ. Если сопоставить всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, если сообразить, что Чихачевъ человѣкъ бывалый, что онъ имѣлъ связи съ женщинами и въ особенности съ женщинами-полусвѣта, то необходимо придти къ такому заключенію, что этотъ человѣкъ, знающій женщинъ съ извѣстной только стороны, нашелъ дѣвушку совершенно наивную, которую принялъ за испытанную, знающую всѣ тайны половыхъ отношеній. Онъ соблазнилъ эту дѣвушку, онъ это совершилъ безъ любви, безъ страсти, безъ увлеченія, такъ, какъ выпиваютъ рюмку коньяку послѣ сытнаго обѣда.

Что онъ дѣйствовалъ безъ любви — это ясно изъ того, что до послѣдняго времени единственная женщина, имъ любимая, была его жена, и что, кромѣ этой страсти къ женѣ, у него не было никакой другой. Нѣсколькихъ словъ жены было достаточно для отвлеченія отъ Дьяконовой. Нельзя также объяснить связь Чихачева съ Дьяконовой тѣмъ, что Чихачевъ сказалъ себѣ: «попробую, либо меня увлечетъ другая женщина, либо я влюблюсь въ нее и забуду о женѣ». Ни на одну минуту Чихачевъ не переставалъ помышлять о женѣ. По всей вѣроятности началось съ того, что Чихачевъ плакалъ передъ Дьяконовою и изливалъ свое горе по поводу того, что жена его покинула; Дьяконова его утѣшала и соболѣзновала. Онъ разсудилъ такимъ образомъ: «она плачетъ, сожалѣетъ; она меня любитъ; если она въ меня влюблена, то отчего не угодить ей; отчего не удовлетворить ея пожеланій?»..... Связь длилась недолго и, конечно, по иниціативѣ Чихачева сопровождалась грязными циническими предосторожностями, которыя я долженъ обойти. Когда сношенія прекратились, этотъ человѣкъ думалъ, что онъ совершенно расквитался съ нею, что связь эта совершенно такая, какъ между двумя обесѣдниками, которые сошлись пообѣдать, вмѣстѣ по-

эбѣдали и разошлись. Рыцарскія чувства Чихачева внушаютъ ему только то, чтобы, имѣя связь съ дѣвушкой, потомъ объ этой связи никому не говорить. Завѣтъ молчанія онъ сохранилъ, но не больше. Вотъ, что содержитъ его письмо къ Н—ой: „въ отношеніи къ вамъ я сдѣлалъ все: хранилъ тайну, и до настоящей исторіи никто не смѣлъ вамъ сказать ни слова". Это было правда. Дѣйствительно до 22 іюня никто не зналъ о прежнихъ отношеніяхъ Н—ой къ Чихачеву. Съ своей точки зрѣнія Чихачевъ даже старался до извѣстной степени загладить свою вину, признать ее, участвуя въ выходѣ ея замужъ за другого. Когда знакомый его—Н—нъ сдѣлалъ предложеніе Дьяконовой, предложеніе, которое было принято, Чихачевъ предложилъ себя обязательно въ посаженые отцы. Чья эта была мысль? Что ни говорятъ о томъ, будто Н—на просила настоятельно, чтобы Чихачевъ былъ посаженымъ отцомъ, я этому не повѣрю, потому что настоящій, прямой интересъ въ томъ, чтобы быть посаженымъ отцомъ былъ у Чихачева, а не у Дьяконовой. Если-бы въ первую ночь открылось, что она не невинна, если-бы по этому поводу у мужа возникли подозрѣнія, то отъ этихъ подозрѣній ее не защитило бы ничто, она бы страдала независимо отъ того, кто былъ ея посаженый отецъ. Но для Чихачева очень важно было быть посаженымъ отцомъ; онъ становится черезъ то въ такое положеніе, что былъ самый послѣдній изъ всѣхъ, на которыхъ могло направиться подозрѣніе Н—на. Психологически разбирая этотъ вопросъ, становится несомнѣннымъ, что въ посаженые отцы напросился самъ Чихачевъ, который былъ близко знакомъ съ Н—мъ и былъ сотоварищемъ Н—на и даже его пріятелемъ. Н—нъ еще и теперь помнитъ, что за годъ до его свадьбы, Чихачевъ его спрашивалъ, можно-ли, имѣя жену, имѣть любовницу. Тогда Н—нъ никакъ немогъ подозрѣвать, что разговоръ этотъ такъ близко касается его самого. Въ отношеніи къ Н—ну образъ дѣйствій Чихачева при свадьбѣ былъ родомъ предательства, измѣны. И такъ,

изъ мною сказаннаго вытекаетъ то заключеніе, что если Чихачевъ былъ хорошій дѣятель въ дѣлахъ общественныхъ, если онъ и былъ честный человѣкъ въ дѣлахъ денежныхъ, то не все было рыцарское въ его отношеніяхъ къ женскому полу; что въ его организаціи былъ отшибленный уголъ, было нѣкоторое притупленіе нравственнаго чувства, за что онъ и поплатился жестоко въ дальнѣйшемъ ходу этой исторіи. Перехожу ко второму дѣйствію. Оно очень долгое, оно длится 5 лѣтъ, начинается со свадьбы Н—хъ, съ 1868 г. и до объясненія съ мужемъ 21 іюня 1873 года. Въ томъ же Новоржевскомъ уѣздѣ былъ другой помѣщикъ, человѣкъ молодой, служившій въ военной службѣ въ должности капитана генеральнаго штаба и вышедшій въ отставку. Онъ поступилъ также въ мировые посредники при введеніи въ дѣйствіе крестьянскаго положенія, былъ предсѣдателемъ земской управы при введеніи земской реформы, наконецъ избранъ мировымъ судьею. Оба они— и онъ, и Чихачевъ принадлежали къ одной и той-же партіи. Я повторяю—«къ одной партіи» потому, что въ каждомъ уѣздномъ захолустьѣ есть партіи, что я и буду утверждать, не смотря на слова свидѣтеля Львова— помѣщика Новоржевскаго уѣзда, доказывающаго, что Новоржевскій уѣздъ, есть такой особый уѣздъ, въ которомъ никакихъ партій не бываетъ. Партія, къ которой принадлежали Чихачевъ и Н—нъ, была партія прогресса, которая добивалась разныхъ хорошихъ вещей, разныхъ преобразованій, совершающихся съ большимъ трудомъ, очень туго въ настоящій періодъ, который можно назвать періодомъ застоя послѣ великихъ реформъ, періодомъ, въ которомъ организмъ покоится и среди сна продолжается одинъ только процессъ—переваріванія воспринятыхъ нововведеній. По иниціативѣ Н—на заводились школы, больницы, натуральныя повинности перелагались въ денежныя. Дѣло дѣлалось и спорилось, хотя отчетность велась не совсѣмъ аккуратно. Сильная оппозиція образовалась въ 1868 г. противъ, соб-

ственно, земской управы и ея направленія. Н—нъ своимъ характеромъ способствовалъ ея образованію, потому что былъ рѣзкій, желчный человѣкъ и всякому всегда говорилъ правду въ глаза, не стѣсняясь выраженіями. Я не могу согласиться съ г. прокуроромъ, что будто бы онъ человѣкъ самолюбивый и безсердечный, въ одной только семейной жизни могущій находить счастье. Напротивъ того, онъ весь былъ поглощенъ общественною жизнью, общественными интересами и, ради этого качества, общество извиняло ему рѣзкость выраженій. Объ немъ сложилось въ уѣздѣ такое представленіе, что всѣхъ онъ коститъ, всѣхъ ругаетъ, а тѣ, которые имъ обруганы выбираютъ его при всякихъ выборахъ въ самыя важнѣйшія общественныя должности. Въ 1868 г., въ промежутокъ между готовившеюся неудачею по управѣ и выборомъ въ миров. судьи, Н—нъ познакомился въ домѣ Дьяконовыхъ съ будущей своей женой. Сначала она не произвела на него большого впечатлѣнія; но при третьемъ свиданіи онъ уже влюбился и, не долго думая, весною 1868 г., сдѣлалъ ей предложеніе. Она отправилась за покупками въ Петербургъ. Во время ея отсутствія у него появились разныя предчувствія, колебанія—онъ хотѣлъ отложить свою женитьбу. Онъ еще не былъ такъ страстно влюбленъ, какъ впослѣдствіи. Его поражала неразвитость жены, необходимость учить ее, перевоспитывать. Когда свадьба, порѣшенная мамой, стала подходить, невѣста предложила Чихачева въ посаженые отцы. «Почему?» спрашиваетъ ее Н—нъ. Да вотъ братъ мой (Дьяконовъ) стѣсняется, говоритъ, что это сопряжено съ расходами, а онъ человѣкъ не богатый. Чихачевъ же такой смѣшной, уморительный, онъ ухаживалъ за мною и въ отчаяніи, что я выхожу за тебя замужъ. Н—нъ согласился. Свадьба состоялась благополучно, и добраго отношенія супруговъ не разрушили открытія первой, проведенной ими вмѣстѣ, ночи. Н—нъ, имѣя нѣкоторыя подозрѣнія, разспрашивалъ жену, не была ли она больна, разспрашивалъ о привычкахъ воспитанія и успо-

коился, получивъ отрицательные отвѣты. Она отнесла къ его деликатности прекращеніе дальнѣйшихъ разспросовъ, за что была ему весьма благодарна. Ему и въ мысль не приходило, что она была кѣмъ-нибудь обольщена. Все, что пугало и томило Н—на до свадьбы, разсѣялось, и насталъ долгій, ясный солнечный день полнѣйшаго супружескаго счастья. Ничто не предвѣщало, чтобы это счастье могло разрушиться внезапно. Спустя нѣкоторое время, въ 1869 г., Н—нъ былъ выбранъ мировымъ судьей. Ему опять открывалась та публичная дѣятельность, которую онъ такъ страстно любилъ. Въ это время онъ переселился въ Андрюшино—свою усадьбу. Онъ работалъ, жена ему помогала. Все было хорошо до 21 іюня 1873 года, до того времени, когда *въ ночь* съ 21 на 22 іюня она сама открыла свои прежнія отношенія къ Чихачеву и была причиною того взрыва, который отравилъ все ихъ будущее.

Что заставило ее открыться мужу? Въ дневникѣ своемъ Н—на говоритъ: „какъ я жалѣю, что у меня сорвались эти слова.“ Но можно ли предполагать такую нечаянность? Мужъ утверждаетъ, что жена открылась ему не сразу и, своими настойчивыми намеками на фактъ, вызвала съ его стороны разспросы. Если слова вырвались не случайно, то какія же причины побудили Н—ну къ признанію, и прежде всего не было ли внѣшнихъ причинъ, тѣхъ именно, о которыхъ спрашивалъ г. предсѣдатель. Я утверждаю, что внѣшнихъ причинъ не было никакихъ. Есть какой-то разсказъ о томъ, что Н—на поражена была дурными о ней отзывами г-жи Чихачевой, что г-жа Чихачева ревновала ее къ своему мужу. Но это слишкомъ далекое обстоятельство, дающее поводъ предполагать, что г-жа Чихачева знала о прошедшемъ г. Н—ой что либо предосудительное. Не было ли причинъ *внутреннихъ*? Не раскаяніе ли привело Н—ну къ самообличенію? Не думаю. Я понимаю, что раскаяніе могло явится сейчасъ же за событіемъ, даже черезъ годъ, но по прошествіи 5 лѣтъ? Почему Н—на не открылась мужу у колыбели ребенка,

у его могилы? Нѣтъ, она промолчала 5 лѣтъ. Я думаю, что съ опасностью сживается человѣкъ, и что, кто 5 лѣтъ прожилъ неоткрывшись, тотъ похожъ на человѣка, который построилъ виллу на скатѣ кратера вулкана, и который такъ привыкъ къ землетрясеніямъ и взрывамъ, что опасность его не безпокоитъ. Я теряюсь въ догадкахъ; для меня объясненіе Н—ой съ мужемъ необъяснимый психологическій фактъ, а такъ какъ нѣтъ человѣческаго дѣйствія безъ достаточной причины; то я и полагаю, что этому дѣйствію есть своя причина, которой я не знаю. Заявляя, что я ее не знаю, я позволю себѣ построить догадку, которая можетъ отчасти способствовать къ уразумѣнію этого событія. Гг. прис. засѣдатели! Вы знаете безъ сомнѣнія, что такое дитя, какія психологическія особенности этого возраста. У дитяти слаба дѣятельность разсудка, т. е. та именно дѣятельность, которая граничитъ между воспринимаемыми впечатлѣніями и рефлексами, перерабатываетъ впечатлѣнія и задерживаетъ рефлексы. Есть люди, у которыхъ эта разсудочная дѣятельность никогда не достигаетъ полнаго развитія, и которые остаются такъ сказать цѣлую жизнь дѣтьми до сѣдыхъ волосъ. Я полагаю, что госпожа Н—на есть именно такое дитя. Передавая эту же мысль иными словами, я скажу, что у дитяти критика слаба и есть постоянныя увлеченія, какъ въ воспроизведеніи наблюдаемыхъ фактовъ, такъ и въ составленіи замысловъ не по силамъ. Примѣровъ такого увлеченія и легковѣрія у Н—ой бездна. Ими объясняется то, что она повѣрила Чихачеву и приняла за наличную монету всѣ тѣ комплименты, увѣренія и обѣщанія, которыя онъ расточалъ по своему обыкновенію. Она повѣрила, что онъ влюбленъ въ нее, что онъ готовъ пожертвовать ей жизнью: какъ не повѣрить, когда онъ поклялся. Она беретъ его за слово и дѣлая скачекъ, котораго не сдѣлалъ бы ни одинъ разсудительный человѣкъ, она вывела заключеніе, что онъ долженъ лишить себя жизни, если того потребуютъ.

Тѣ же увлеченія явственны въ перепискѣ Н—ой. Мой противникъ говорилъ, что письмо Н—ой къ Чихачеву написано подъ диктовку мужа, что въ немъ даже выраженія мужа. Я этого вліянія не замѣтилъ, напротивъ, я полагаю, что ея письмо къ Чихачеву оригинально и не носитъ отпечатка ни слога, ни мыслей Н—на. Оно нисколько не похоже на проектъ его берлинскаго письма. Въ письмѣ Н—ой пропасть фразъ напыщенныхъ, исполненныхъ афектаціи. „Не вамъ знать, пишетъ она, какой адъ въ моей душѣ; моя тѣнь будетъ преслѣдовать васъ, вездѣ будетъ кричать вамъ: безчестный! Никакіе океаны не отгонятъ эту тѣнь отъ васъ“, и т. д. Вся переписка Н—ой въ такомъ родѣ. У нея есть несомнѣнная наклонность къ такъ называемой экзальтаціи; эта наклонность можетъ превратиться у человѣка въ привычку, въ постоянную черту характера. Такою я и представляю себѣ г. Н—ну. Представьте же теперь, что это взрослое дитя хранитъ тайну, отъ которой зависитъ семейное счастье и что она играетъ этою тайною точно зажженнымъ фитилемъ или коробочкою спичекъ возлѣ бочки съ порохомъ. Въ 1868 г. ея мужъ былъ особенно къ ней нѣженъ. Однажды онъ сказалъ ей, что у него аневризмъ и ужасался при мысли, что можетъ быть по смерти его она сдѣлается женою другого. Очень могло быть, что и она разчувствовалась и сказала: „Ахъ, какой вы добрый человѣкъ! я гораздо менѣе достойна васъ, чѣмъ вы думали, я во многомъ передъ вами виновата“. Я не могу конечно излагать вамъ, гг. присяжные, что такое чувство, и что такое страсть: тотъ не пойметъ страсти, кто самъ ея не испыталъ, кто не заливался горькими слезами, кто не худалъ и не чахъ отъ душевныхъ страданій, отъ горя и любви. Во всѣхъ психическихъ процессахъ, какъ умственныхъ, такъ и иныхъ, далеко не все сознательно, а многое совершается безсознательно, машинально, по старой привычкѣ, по заученнымъ пріемамъ. Можно работать недумая, можно даже молиться наизусть, не зная, что

произносятъ уста; какъ есть привычки ума и привычки воли, такъ есть привычки чувствъ, они называются страстями. Когда человѣкъ сильно пораженъ, когда весь онъ пораженъ этимъ ударомъ, когда привычка чувства пріобрѣтена, поселилась въ немъ, когда она находитъ пищу, то эта страсть можетъ завладѣть всѣмъ существомъ человѣка, поработить его и исказить его психическій организмъ. Она похожа на изнурительную лихорадку, на тифъ. Подъ ея вліяніемъ дѣятельность человѣка получаетъ одностороннее направленіе, онъ дѣлается несправедливымъ, даже жестокимъ въ отношеніи къ другимъ. Если ударъ поразившій человѣка шелъ извнѣ и зависѣлъ отъ неразумныхъ силъ природы, то самыя глубокія раны если ихъ вынесетъ страдающее лицо, залѣчиваетъ время, великій лѣкарь. Но если ударъ нанесенъ какимъ-нибудь злымъ человѣкомъ, если этотъ ударъ нанесенъ братомъ, пріятелемъ, любимою женщиною, тогда послѣдствія зависятъ вполнѣ отъ натуры страдающаго лица. Есть натуры мягкія, слабыя, дряблыя, которыя раскиснутъ, расплачутся и станутъ отливать свое горе въ жалобахъ и вздохахъ, но ни на что нерѣшаются. Люди болѣе крѣпкаго закала, люди мощные, энергическіе возмутятся причиняемымъ имъ зломъ, измѣною до глубины души, они вознегодуютъ и проникнутся чувствами ненависти и мести. Надо быть необыкновенно нравственнымъ, высоконравственнымъ человѣкомъ, чтобы одолѣть себя, наложить узду на свое негодованіе и убѣдить себя въ томъ, что есть еще другія цѣли, кромѣ мести: что есть еще общество, есть природа, есть искусство, есть наука, есть Богъ, есть разныя другія блага, которыя краше, лучше и желательнѣе удовлетворенія чувства мести. До такой нравственной высоты доводятъ весьма немногіе, это удѣлъ избранныхъ. Н—нъ не принадлежалъ къ этой послѣдней категоріи, не принадлежалъ онъ и къ первой, людей раскисающихъ, плаксивыхъ, а принадлежалъ ко второй, къ людямъ обыкновеннымъ, сильно ненавидящимъ

тѣхъ, которые имъ причинили зло. Онъ вознегодовалъ всею душою, точно въ него вонзилось жало змѣи. Онъ подумалъ: какъ долженъ былъ въ душѣ насмѣхаться и издѣваться надо мною Чихачевъ, который полѣзъ въ посаженые отцы, выдавъ за меня дѣвушку, которую онъ осквернилъ. Любимая женщина оказывалась немногимъ лучше публичной. Онъ былъ проведенъ человѣкомъ, котораго считалъ едва ли не идіотомъ. Рана была глубокая, мысль стала работать, сондируя ее. У Н—на явилось непреодолимое желаніе узнать всю истину, самое худшее, самое гадкое. Непреодолимая потребность влекла Н—на къ тому, чтобы возстановить въ полнѣйшей наготѣ позоръ жены и измѣну пріятеля. Точно клещами сталъ онъ вытягивать отъ жены кусокъ за кускомъ, подробность за подробностью—всѣ обстоятельства ея связи съ Чихачевымъ, самыя сильныя, самыя циничныя. Но въ томъ то и дѣло, что лицо ослѣпляемое страстью никакъ не можетъ быть хорошимъ изслѣдователемъ истины. Разъ онъ усомнился, онъ уже не остановится и при всякомъ открытіи будетъ доискиваться еще худшаго еще болѣе сквернаго. Мало того, онъ желаетъ отыскать еще нѣчто худшее, потому что это худшее дастъ ему возможность оправдывать жену и сваливать всю вину на третье лицо, на Чихачева. Бѣдная женщина была поставлена по собственной волѣ въ такое положеніе, что для успокоенія человѣка, который сталъ почти съ ума сходить отъ сообщеннаго ему, она въ угоду ему стала выдумывать и прибавлять, стала сочинять, а потомъ когда онъ порывался ѣхать къ Чихачеву, она, удеживая его, отрекаясь отъ всего сказаннаго, брала опять всю отвѣтственность на себя. По ея разсказамъ оказывалось, что она безобразничала съ Чихачевымъ и въ Ашевѣ, и въ Новоржевѣ, много разъ и въ самой чудовищной обстановкѣ. Какъ не ослѣпленъ былъ Н—нъ страстью, не могъ онъ не замѣтить, что онъ истратилъ на распросы 3 или 4 недѣли даромъ, что онъ меньше знаетъ теперь, чѣмъ 22 іюня. Тогда явилась

потребность узнать все, какъ было? Поставивъ жену съ очей на очи съ Чихачевымъ, и принудивъ ее уличать Чихачева, разсказывая ему подробности ихъ связи. Такова была причина первой поѣздки въ Ашево съ тѣмъ, чтобы: во 1-хъ, объясниться съ Чихачевымъ и узнать всю истину, во 2-хъ, отомстить ему. Месть—чувство нехорошее, но я полагаю, что вы будете менѣе претендовать къ Н—ну если я употреблю другое, болѣе практичное слово, искупающее многое и скрадывающее многое, Н—нъ рѣшился потребовать удовлетворенія отъ Чихачева. Вы знаете, что такое значитъ искать удовлетворенія. Въ высшемъ обществѣ, которое имѣетъ нѣкоторыя культурныя традиціи, преданія рыцарства, сильно развитое чувство чести, есть извѣстный обычай, на который намекалъ и мой противникъ. Обычай этотъ поединокъ. Когда нельзя ничего добиться судомъ обыкновеннымъ, остается одно: обратиться къ Божьему суду. Есть извѣстный кодексъ чести, который простъ, какъ таблица умноженія, и по которому, если къ человѣку порядочному, джентльмену обращаются и требуютъ удовлетворенія, то онъ въ этомъ удовлетвореніи не можетъ отказать и долженъ либо загладить свою вину, либо, если это невозможно, драться, искать удовлетворенія. Что съ этимъ именно намѣреніемъ отправился Н. въ Ашево—это не подлежитъ сомнѣнію. Я полагаю, что и Чихачевъ, и Н. были люди, принадлежащіе къ тому обществу, которое признаетъ культъ чести и обычай поединка. Самъ Чихачевъ, какъ это видно изъ его писемъ, сознавалъ обязанность дать удовлетвореніе со шпагою или пистолетомъ въ рукахъ. Передъ своей поѣздкой Н—нъ купилъ дуэльныя шпаги въ Петербургѣ у Шафа. Что онъ хотѣлъ сдѣлать вызовъ на дуэль, этого не отвергаетъ и обвиненіе. Если слово о дуэли не было произнесено на первомъ свиданіи въ Ашевѣ, то очевидно потому, что объясненія еще не кончились и должны были возобновиться. 11 августа, не заставъ Чихачева, Н—нъ передаетъ ему вызовъ на дуэль посредствомъ Церешке-

вича. Онъ повторяетъ вызовъ вновь во всѣхъ своихъ письмахъ, въ формахъ правда грубыхъ, неприличныхъ. Извѣстно, что человѣкъ, ослѣпленный страстью дѣлается дѣйствительно неприличнымъ, грубымъ, и что огромное преимущество предъ нимъ имѣетъ человѣкъ спокойный.

Не буду описывать всѣхъ подробностей первой поѣздки въ Ашево въ концѣ іюля. Н—ны остановились на постояломъ дворѣ, не у родственниковъ. Н—нъ отправился къ Церешкевичу за Чихачевымъ, вызвалъ его къ женѣ и заперъ двери. Изъ участвовавшихъ въ объясненіи лицъ, каждое находилось въ ложномъ положеніи, каждое заблуждалось на счетъ своихъ отношеній къ другимъ и намѣреній другихъ; Н—нъ *инквизитировалъ*, но при такихъ условіяхъ, при которыхъ изъ его затѣй не могло выйти никакого результата. Очная ставка, устроенная Н—ымъ, была такого рода, что каковъ бы не былъ Чихачевъ трусъ или храбрый человѣкъ, онъ необходимо долженъ былъ принять на себя вину, трусъ—чтобы освободиться поскорѣе отъ объясненія, храбрый—чтобы облегчить положеніе женщины, съ которою имѣлъ связь; Чихачевъ повинился, сказавъ: „не я, такъ другой сдѣлалъ бы тоже“, онъ утверждалъ только что не насиловалъ, и что Н—на сама ему далась, но все-таки Н—нъ не могъ узнать, какъ возникла и установилась связь между любовниками. Г-жа Н—на съ своей стороны не столько свидѣтельствовала противъ Чихачева, сколько рисовалась и позировала. Она прочла длинную рацею, потомъ обругала его, наконецъ сдѣлала совершенно женскій скачекъ въ умозаключеніи, предложивъ ему убраться поскорѣе на тотъ свѣтъ: „вы мнѣ обѣщали пожертвовать жизнью, такъ не угодно ли исполнить это обѣщаніе“. Этотъ прыжокъ весьма романическій и совершенно женскій, не могъ бы совершиться ни въ какой мужской головѣ. Н—нъ съ злобною радостью наблюдалъ какъ отнесется къ этой неожиданности Чихачевъ. Чихачевъ сначала засмѣялся, а потомъ струсилъ, предположилъ, что покушаются на его жизнь и сказалъ: „я подумаю“. Тогда Н—на вынула

у мужа часы изъ кармана и назначила Чихачеву 5 минутъ. Но размышленія, еще не прошли, какъ появился Церешкевичъ, прервавшій объясненіе. Чихачевъ былъ отпущенъ, но съ него было взято слово, что онъ придетъ вечеромъ. Придавать серьезное значеніе выходкѣ Н—ой нѣтъ никакой возможности. Спрашивается: чего же хотѣли достигнуть Н—ны? Хотѣли ли они дѣйствительно склонить Чихачева къ самоубійству? Но развѣ возможно допустить, чтобы кто-либо внимая чьимъ бы то ни было самымъ страстнымъ, самымъ краснорѣчивымъ убѣжденіямъ, согласился сдѣлать противное своей природѣ, рѣшится убить самого себя? Нельзя предположить, чтобы Н—ны замышляли довести тутъ же Чихачева до самоубійства, еще и потому, что у нихъ на рукахъ остался бы трупъ, на нихъ бы пало подозрѣніе въ убійствѣ, которое бы они не отвели отъ сего никакими средствами. Если бы Н—ны пріѣхали затѣмъ, чтобы просто на просто убить Чихачева, то они конечно не предлагали бы ему поединка. То, что Н—нъ пріѣхалъ въ Ашево не одинъ, а съ женою, объясняется тѣмъ состояніемъ страсти, при которомъ человѣкъ не владѣетъ собою на столько, чтобы сообразить избираемыя средства съ предполагаемою цѣлью. Притомъ жена сама навязалась ѣхать, она боялась, что когда Чихачевъ станетъ отрицать фактъ связи съ нею, то она окажется солгавшею въ глазахъ мужа. Ножъ и револьверъ сопутствовали Н—ну въ этой поѣздкѣ потому, что они сопутствовали Н—ну во всѣхъ его поѣздкахъ. Такъ какъ Чихачевъ сильно струсилъ, то въ его глазахъ ножъ превратился въ кинжалъ и вся обстановка свиданія получила такой видъ, какъ будто бы скрывалась тутъ какая-то засада. Н—нъ считалъ до такой степени объясненіе не конченнымъ, что не дождавшись Чихачева въ 5 часовъ, ходилъ къ нему и въ 5 и въ 8 часовъ, послѣ чего посылалъ письмо чрезъ фельдшера, наконецъ самъ назначилъ свиданіе у себя въ Андрюшинѣ, между 4 и 8 августа. И этотъ срокъ прошелъ даромъ,

Чихачевъ не торопился ѣхать. Тогда Н—ны отправились за нимъ въ Ашево и началась та гоньба за нимъ, которую вы знаете и во время которой Н—нъ передалъ Черешкевичу, а сей послѣдній Чихачеву вызовъ на дуэль. Потомъ наступилъ продолжительный перерывъ въ сношеніяхъ между враждующими сторонами, потому что Чихачевъ ускакалъ изъ Новоржева въ С.-Петербургъ, распустивъ вѣсть о томъ, что будто бы онъ уѣхалъ заграницу. Съ другой стороны, Н—нъ былъ раздраженъ до бѣшенства, во-первыхъ, раскрытымъ фактомъ связи, во-вторыхъ, уклоненіемъ Чихачева отъ дуэли и въ третьихъ, баснословными, но не выгодными слухами, которые ходили объ исторіи, распускаемые Черешкевичемъ и другими доброжелателями. Захотѣли отдохнуть, освѣжиться, забыться и рѣшились ѣхать заграницу. Они и уѣхали, но вовсе не въ Парижъ, гдѣ разглашаемо было, что пребываетъ Чихачевъ. Они посѣтили вѣнскую выставку, Тироль, Флоренцію, Римъ, потомъ вернулись назадъ чрезъ Берлинъ.

Прежде чѣмъ я перейду къ изображенію ихъ возвращенія и катастрофы 26 ноября, да будетъ мнѣ позволено остановиться и сдѣлать обзоръ положенія воюющихъ сторонъ, свести итоги и сказать, кто въ чемъ правъ и въ чемъ неправъ. Былъ ли совершенно правъ въ своемъ уклоненіи отъ дуэли Чихачевъ? Я увѣренъ, что въ глазахъ большинства людей, Чихачевъ будетъ признанъ поступившимъ вполнѣ благоразумно, хотя мнѣ кажется, что онъ подвергалъ себя гораздо большому риску, бѣгая отъ дуэли какъ *подстрѣленный заяцъ*, нежели если бы онъ вышелъ драться. Всѣ поединки обставлены стѣсняющими произволъ обрядами. Въ каждомъ поединкѣ есть шансы благополучнаго его исхода, есть секунданты старающіяся примирить, есть возможность еще извиниться на полѣ боя, до боя, или послѣ первой пролитой крови, есть возможность драться на рапирахъ, на шпагахъ, которыя, по большей части, не такъ опасны, какъ огнестрѣльное оружіе.

Но если бы большинство и оправдывало Чихачева, то для меньшинства, состоящаго изъ людей, соблюдающихъ обыкновенный кодексъ чести, такой образъ дѣйствія не можетъ казаться правильнымъ, безупречнымъ и хорошимъ. Чихачевъ могъ отвергнуть прямо рѣшеніе дѣла оружіемъ, сказавъ: „Я предъ вами ни въ чемъ невиноватъ, чего вы привязались ко мнѣ? Я не хочу съ вами имѣть никакого дѣла“. Но нѣтъ, Чихачевъ не такъ поступилъ: онъ взялъ на себя вину связи съ нимъ Н—ной. Кто винится, тотъ долженъ отвѣчать за свою вину и ея послѣдствія, отвѣчать по пословицѣ: „любишь кататься, люби и саночки возить“. Никакого другого выхода нѣтъ. Если же не хочешь выходить на дуэль, то рискуешь тѣмъ, что тебя побьютъ. Непринятіе дуэли повинившемся, еще было бы понятно со стороны лица отвергающаго обычай дуэли, какъ нѣчто устарѣлое, отжившее и нелѣпое; онъ могъ бы просто сказать, что не вѣритъ въ дуэль, что отвергаетъ ее въ принципѣ. Но Чихачевъ признавалъ поединокъ, въ доказательство чего я приведу слова его письма: „Въ то время у меня не было исхода, какъ принять предложеніе, дѣлаемое въ подобныхъ случаяхъ. Я былъ увѣренъ, что получу отвѣтъ достойный честнаго человѣка“. Но какъ только случилось предложеніе г-жи Н—ной о самоубійствѣ, Чихачевъ вмѣсто того, чтобы предложить Н—ной устранить женщину и разобрать дѣло вдвоемъ наединѣ, прибѣгнулъ къ пріему, достойному самаго ловкаго адвоката, „а они мнѣ сдѣлали предложеніе, совершенно безчеловѣчное, поэтому я съ ними расквитался и не хочу драться“. Предложеніе было безумное, нелѣпое, оно могло родиться только въ женской головѣ, предложенія этого можно не принять, его можно устранить, но, все-таки, съ Н—нымъ остаются у Чихачева счеты, которые нужно свести, такъ нельзя отвертѣться отъ этихъ счетовъ. Чтобы вы сказали, если бы я долженъ былъ платить по векселю и отозвался, что не буду платить, потому что противникъ меня обидѣлъ, обругалъ. Обида

своимъ порядкомъ, а вексель своимъ. Посему я полагаю, что Чихачевъ, по его же собственнымъ принципамъ, обязанъ былъ дать удовлетвореніе Н—ну не смотря на выходку г-жи Н—ной.

Перехожу къ развязкѣ. Н—ны поѣхали заграницу, побывали и на озерѣ Гарда, и на горахъ Тироля и на развалинахъ Рима, нигдѣ не обрѣли покоя; всюду преслѣдовалъ ихъ противный образъ Чихачева. Настало для нихъ время самое тяжелое, самое грустное, котораго изображеніемъ служитъ дневникъ г-жи Н—ной. Страсть произвела свои губительныя дѣйствія. Н—нъ значительно опустился, одичалъ, упалъ въ своемъ нравственномъ достоинствѣ; онъ по цѣлымъ ночамъ не спалъ, чтобы избавиться отъ бесонницы напивался, билъ жену подъ пьяную руку и обходился съ нею самымъ жестокимъ образомъ.

Въ Берлинѣ Н—нъ писалъ карандашемъ то черновое письмо, которое не было отправлено, но служитъ выраженіемъ того, каковы были его намѣренія въ отношеніи къ Чихачеву.

„Вы трусъ, гласитъ проектъ, жалѣетъ только орла, коему подрѣзаны крылья, но не червяка. У васъ нѣтъ ума. Я гнался за вами, чтобы вызвать васъ на дуэль и гнаться буду, чтобы поступить, какъ поступаютъ съ тѣми, которые отказываются отъ дуэли по трусости, т. е., чтобы отдуть васъ палкою. Вы знаете, что васъ требуютъ для объясненій, а вы разсудили, что вамъ приличнѣе бѣжать“ и т. д. Тѣже окончательныя заключенія содержитъ письмо г-жи Н—ой, отправленное къ Чихачеву. Противникъ мой сказалъ, что въ немъ нѣтъ вызова на дуэль, я не утверждаю, что есть самъ вызовъ на дуэль, но есть, по крайней мѣрѣ, указаніе на то, что къ г. Чихачеву претендуютъ за не выходъ на дуэль: „Съ вами хотѣли переговорить и покончить дѣло такъ, какъ кончается между порядочными людьми“. Значитъ посредствомъ поединка. И такъ отъ конца іюня до ноября, у Н—на одна мысль, одно желаніе: добиться во чтобы ни стало вызвать г. Чихачева на по-

единокъ. Тотъ, къ кому относились всѣ вызовы словесные и письма, сидѣлъ въ Петербургѣ, избѣгая встрѣчи и устроилъ на мѣстѣ свой надзоръ въ особѣ Черешкевича, отъ котораго получалъ подробнѣйшія извѣстія не только о событіяхъ, но и о всѣхъ сплетняхъ, ходящихъ въ уѣздѣ. Есть основанія предполагать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ сплетень исходили прямо отъ самого Черешкевича. Вы замѣтили, вѣроятно, эту особенность въ г. Черешкевичѣ, что онъ умѣетъ подъ каждое дѣйствіе человѣка подкладывать самые грязные мотивы. Онъ обвинялъ Н — на и въ нечестности и въ растратѣ земскихъ денегъ. Онъ въ письмахъ проводилъ такія идеи, что Н—ны хотѣли въ Ашевѣ взять съ Чихачева какую то росписку чуть ли не деньги, что Н—нъ хотѣлъ въ Ашевѣ сбыть съ рукъ жену и навязать ее Чихачеву, наконецъ, что Н — нъ науськиваетъ жену на убійство съ тѣмъ, что ее осудятъ, а онъ сдѣлается свободнымъ и женится на другой.

13-го ноября Черешкевичъ доноситъ Чихачеву, что Н—нъ собирается въ Петербургъ по дѣлу Клингенберга, Чихачевъ долженъ былъ, очевидно, поступить, получивъ это письмо, съ тѣмъ же благоразуміемъ съ какимъ онъ до сихъ поръ избѣгалъ встрѣчи съ Н—нымъ, т. е. собраться и уѣхать пока не пройдетъ дѣло Клингенберга, по которому Н—нъ долженъ явиться въ качествѣ свидѣтеля. На этотъ разъ Чихачевъ поступилъ иначе. Составился семейный совѣтъ изъ Поповыхъ и Раабена, на которомъ по обсужденіи обстоятельствъ рѣшено, что Чихачеву неприлично скрываться, что есть полиція, что есть родные, которые будутъ при объясненіи и помогутъ, что съ нахалами надобно покончить разъ навсегда. Со стороны Чихачева и его родныхъ было все обдумано, все приготовлено къ пріему гостей, напротивъ того, со стороны этихъ гостей, этихъ нападающихъ, только была неожиданность и случайность. Они ѣхали въ Петербургъ не зная, гдѣ Чихачевъ. Они ѣхали не для удовольствія, а по необходимости. По пріѣздѣ въ Петер-

бургъ они справились въ адресномъ столѣ и узнали, что Чихачевъ выбылъ въ Москву изъ дома сестры Поповой въ Захарьевской. Они рѣшили узнать въ домѣ Поповой его московскій адресъ и поѣхали, не переодѣваясь, въ дорожномъ платьѣ. Сверхъ всякаго ожиданія имъ говоритъ дворникъ: „Чихачевъ здѣсь, пожалуйте“. Нечаянно то, чего они такъ долго добивались, должно осуществиться. У Н — на сердце забилось, но онъ еще настолько владѣетъ собою, что вспомнивъ, что у него горячій характеръ, что онъ можетъ увлечься, отдаетъ на лѣстницѣ бывшій при немъ револьверъ своей женѣ. Я не буду повторять въ подробности здѣсь случившагося въ квартирѣ Чихачева и ограничусь указаніемъ на главнѣйшіе моменты событія. Старушка, которая отворила имъ двери, не хотѣла ихъ пустить, пошла докладывать Чихачеву, который велѣлъ впустить. Входятъ въ гостиную, и г-жа Н—на стремительно направляется чрезъ гостиную въ спальню, гдѣ фонъ-Раабенъ надѣваетъ жилетъ и сюртукъ. Тутъ же на лицо и г. Поповъ. Дверь въ гостиную притворена, такъ что Раабенъ и Поповъ не могутъ слышать всего того, что происходитъ за дверью въ гостиной, гдѣ Чихачевъ объясняется съ пришедшими. Г-жа Н—на спрашиваетъ у Чихачева получилъ ли онъ ея письмо. Вмѣсто устнаго отвѣта Чихачевъ даетъ письменный, который г. Н—нъ беретъ и прячетъ въ карманъ, настаивая на объясненіи обоихъ наединѣ. „Никакихъ объясненій вы не получите“ отвѣчаетъ Чихачевъ, „если нужно, то по прочтеніи письма скажите, я назначу свиданіе“. Тогда Н—нъ развертываетъ письмо, хочетъ читать его, но ему говорятъ: „здѣсь не мѣсто, убирайтесь вонъ“. Н—нъ видитъ, что тотъ, кого онъ такъ долго искалъ, ускользаетъ отъ него, другого подобнаго случая вѣроятно не будетъ. Тогда онъ дѣлаетъ вызовъ на дуэль, Чихачевъ отказывается и получаетъ пощечину. Къ этой развязкѣ и шло, она предвидѣлась заранѣе. Но вотъ чего не ждалъ Н—нъ: онъ не могъ предвидѣть, чтобы человѣкъ,

котораго онъ считалъ такимъ трусомъ, такимъ презрѣннымъ, бросился на него съ остервененіемъ, сталъ царапать ему лицо и наносить удары. Въ тоже время изъ спальни выскочили фонъ-Раабенъ и Поповъ: одинъ, схватилъ Н—на за руку, другой, фонъ-Раабенъ, потащилъ Н—на къ дивану. Чихачевъ отъ Н—на не отставалъ и продолжалъ колотить его кулакомъ. Тогда у этого человѣка, у котораго и въ мысли до сихъ поръ не было убить Чихачева, который пришелъ только для того, чтобы покончить разъ навсегда объясненія и самое большое вызвать на поединокъ, если же дуэль не состоится, то побить Чихачева, ударить его по лицу ладонью или кулакомъ (по моему мнѣнію, это одно и тоже), кровь бросилась въ голову, въ глазахъ его потемнѣло, совершенно машинально и безсознательно онъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ ножъ, раскрылъ его и сталъ наносить удары направо и налѣво Раабену, дворнику и Чихачеву, которому больше другихъ досталось потому, что онъ не отходилъ отъ Н—на и все время былъ съ Н—нымъ грудь съ грудью. Я признаю Н—на совершенно виновнымъ въ непростительномъ, преступномъ нанесеніи ударовъ нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ и Чихачеву, ударовъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть Чихачева, но я не могу признать его виновнымъ въ намѣреніи убить Чихачева. Я долженъ исправить двѣ три черты въ изложеніи событій у моего противника. Мнѣ кажется, что онъ заблуждается. Онъ полагаетъ, что когда дворникъ Воронинъ вошелъ въ гостинную, еще въ этой комнатѣ не было ни Раабена, ни Попова, а только Чихачевъ, который барахтался съ однимъ Н—нымъ на диванѣ. Этого не могло быть. Этого не видно ни изъ первоначальнаго показанія дворника Воронина, ни изъ даннаго имъ на судебномъ слѣдствіи. Воронинъ вошелъ въ квартиру Чихачева по крику, когда началась борьба, слѣдовательно когда Раабенъ и Поповъ уже были въ гостиной; они то и отташили Н—на къ дивану. Если, по словамъ фонъ-Раабена, онъ ихъ засталъ бо-

рящихся почти у дверей спальни и потащилъ Н—на къ дивану, то ясно, что Н—нъ былъ оттащенъ фонъ-Раабеномъ къ дивану прежде, чѣмъ пришелъ дворникъ, заставшій Н—на съ Чихачевымъ на диванѣ. Что касается до момента, когда былъ вынутъ ножъ, то дѣйствительно опредѣлить этотъ моментъ трудно. Но я указываю на то, что Раабенъ положительно утверждаетъ, что ножъ онъ увидалъ только тогда, когда на диванѣ находились Чихачевъ и Н—нъ. Ножъ этотъ такой большой, что его нельзя было не замѣтить. Нанесенныя Чихачеву раны различнаго свойства: пять порѣзныхъ и одна въ грудь колотая. Если рука свободна при нанесеніи удара ножемъ, такимъ какой былъ у Н—на, то рана всегда будетъ колотая, порѣзною же она явится только тогда, когда держащая ножъ рука не въ свободномъ состояніи, когда нельзя дѣйствовать ею съ размаху. Вотъ почему я полагаю, что въ то время, когда Раабенъ тащилъ Н—на на диванъ, въ эти нѣсколько секундъ, Н—нъ успѣлъ вытащить изъ кармана ножъ, раскрыть его и порѣзать въ нѣсколькихъ мѣстахъ Чихачева. Рука его освободилась, когда Раабенъ пустилъ его, чтобы схватить его обѣими руками сзади. Въ это мгновенье Н—въ и нанесъ Чихачеву колотую рану, на правой сторонѣ груди. Г. Чихачевъ въ пылу борьбы не чувствовалъ удара, замѣтивъ кровь ушелъ къ сестрѣ. Н—ну вытащили на лѣстницу, Н—на заперли въ прихожей, сначала онъ ругался, потомъ когда онъ увидѣлъ кровь на ножѣ, ему стало гадко, онъ и выбросилъ ножъ этотъ за окошко, не потому, чтобы онъ хотѣлъ скрыть орудіе преступленія, а потому, что ему самому стало противно то, что онъ сдѣлалъ. Черезъ нѣкоторое время Н—нъ узналъ, что Чихачевъ сильно раненъ; онъ выразилъ Попову свое глубокое сожалѣніе, что такъ случилось и что онъ это сдѣлалъ. Надо было составлять протоколы, на что потребовалось много времени. Нѣтъ ничего удивительнаго, что поздно вечеромъ Н—нъ захотѣлъ ѣсть или пить, потому что животныя потребности въ человѣкѣ появляются во всякомъ его положеніи.

Гг. присяжные засѣдатели! Я полагаю, что вы отнесетесь къ этому дѣлу совершенно безпристрастно, и что, изучивъ его, вы найдете, что оно вышло изъ рокового почти столкновенія между собою трехъ лицъ, которыя всѣ безъ исключенія при дурныхъ были надѣлены и весьма хорошими качествами души, людьми исполненными и доблестей, и пороковъ, людьми представляющими, какъ и все человѣческое, удивительную смѣсь прекраснаго и гадкаго, но оцѣните, какіе сильные мотивы заставили ихъ дѣйствовать другъ противъ друга. Такъ или иначе ясное пониманіе этихъ мотивовъ должно на мой взглядъ повести къ большему снисхожденію, къ такому же снисхожденію, къ какому располагаетъ изученіе исторіи человѣчества; были въ исторіи многолѣтнія столкновенія—люди проливали взаимно нѣсколько сотъ лѣтъ свою кровь. Цѣлыя столѣтія боролись католики съ протестантами, многіе года продолжалась французская революція. Теперь, когда кончились эти войны можно отнестись къ нимъ совершенно безпристрастно. Можно понять какъ должны были ненавидѣть себя взаимно народы, какія глубокія имѣли они на то причины, какъ много и съ той и съ другой стороны было хорошаго, но нѣтъ никакой надобности раздѣлять эту ненависть, которая кончена и погасла. Я полагаю, что вы произнесете справедливый приговоръ, если признаете Н—на виновнымъ въ томъ, въ чемъ онъ несомнѣнно виновенъ и отстраните обвиненіе въ томъ, въ чемъ едва-ли онъ виновенъ, а именно въ намѣреніи убить. Замѣтьте, что я избѣгалъ всякихъ объясненій натянутыхъ, я не доказывалъ, что убійство совершено въ дракѣ, или въ необходимой оборонѣ. Драки не было, только Н—нъ пришелъ драться. Необходимой обороны не было, потому что кто рѣшается другаго бить, тотъ неможетъ претендовать на то, что и его побьютъ. Г. Н—нъ зналъ, что ему не грозитъ опасность жизни, что въ худшемъ случаѣ онъ будетъ только арестованъ. Я только сомнѣваюсь въ возможности того, чтобы въ Н—нѣ могло

возникнуть намѣреніе убить. Я не могу допустить, чтобы въ одномъ человѣкѣ совмѣщались одновременно три намѣренія, хотя-бы расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ: намѣреніе вызвать на дуэль, побить и наконецъ убить. И первое и второе несовмѣстно съ третьимъ: намѣреніе вызвать на дуэль не совмѣстно съ намѣреніемъ убить. Все благородство дуэли заключается въ томъ, что вызывая противника, поединщикъ самъ подвергаетъ себя одинаковой съ нимъ опасности. Я понимаю, что убійца можетъ стараться избѣгнуть наказанія за убійство, симулируя дуэль. Но, чтобы человѣкъ серьезно стремящійся къ тому, чтобы вызвать противника на дуэль имѣлъ намѣреніе убить—это для меня непонятно. Мнѣ еще непонятнѣе, какъ можно соединить намѣреніе дать пощечину съ намѣреніемъ убить. Дача пощечины выражаетъ глубочайшее презрѣніе къ тому, кого бьютъ. По естественному сочетанію понятій слѣдуетъ заключить, что получившій пощечину, побитый недостоинъ того, чтобы въ крови его марать свои руки. Въ этомъ отношеніи Н—нъ ошибся. Онъ думалъ, что Чихачевъ такой человѣкъ, что что-бы съ нимъ не случилось, онъ не оскорбится; но какъ ни безхарактеренъ былъ Чихачевъ, однако и въ немъ очнулась мысль и разъяренный бросился онъ на Н—на, сталъ его бить въ свою очередь. Тогда выведенный изъ себя Н—нъ почти безсознательно, машинально вынулъ ножъ и сталъ рѣзать и колоть кого попало, безъ намѣренія убить, но съ намѣреніемъ ранить. Я прошу, чтобы вы разрѣшили предстоящій вамъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Н—нымъ были нанесены сознательно только раны, имѣвшія послѣдствіемъ смерть Чихачева, за что Н—нъ долженъ понести отвѣтственность.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый признанъ *виновнымъ* въ нанесеніи съ намѣреніемъ смертельныхъ ранъ, въ запальчивости и раздраженіи, но безъ умысла на убійство; подсудимая *оправдана*.

15.

Дѣло Долгушина, Дмоховскаго и др., обвиняемыхъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія.

Осенью 1872 г. въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, въ домѣ Меркъ, проживалъ дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, у котораго нерѣдко собирались по вечерамъ знакомые, и въ томъ числѣ дворянинъ Дмоховскій. Общество занималось разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ былъ вопросъ «о нормальномъ человѣкѣ», а также о пропагандѣ въ народѣ экономическихъ воззрѣній, о пользѣ печатанія съ этою цѣлью брошюръ и пр.

Съ апрѣля 1873 г. начинается постепенный переѣздъ указанныхъ лицъ въ Москву, гдѣ Долгушинъ пріобрѣтаетъ въ деревнѣ Сареево, Звенигородскаго у. 5 десятинъ земли и выстраиваетъ тамъ для себя дачу.

На этой дачѣ въ концѣ іюня 1873 г. стали печататься прокламаціи для распространенія ихъ въ народѣ.

Отпечатано было три сорта прокламацій преступнаго содержанія: «Русскому народу», «Какъ должно жить по закону природы и правды» и «Къ интеллигентнымъ людямъ».

Всѣ члены кружка согласились принять участіе въ дѣлахъ разноса прокламацій, чтенія и разъясненія ихъ простому люду, но на самомъ дѣлѣ систематически привели это въ исполненіе, въ первой половинѣ сентября 1873 г., Васильевъ, Панинъ и Плотниковъ.

На основаніи сего, между прочими, Дмоховскій обвинялся въ томъ, что, напечатавъ, въ сообществѣ съ другими лицами, прокламаціи, направленныя къ возбужденію открытаго неповиновенія верхов-

ной власти, распространялъ таковыя съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, что предусмотрѣно ст. 251 улож. о наказ.

Разбирательство дѣла происходило въ особомъ присутствіи правительствующаго сената съ 9 по 15 іюля 1874 г. (Правит. Вѣстникъ отъ 10 іюля 1874 г. № 162 и слѣд.).

Рѣчь въ защиту Льва Дмоховскаго.

Общая нить, связующая воедино этихъ 12 человѣкъ, изъ которыхъ многіе другъ съ другомъ вовсе незнакомы, суть тѣ прокламаціи, или брошюры, или статейки тайно оттиснутыя, которыя ходили по рукамъ—уголовное послѣдствіе изобрѣтенія книгопечатанія. Каждый подсудимый болѣе или менѣе къ этимъ ядовитымъ оттискамъ прикосновененъ, но прикосновенность ихъ различная. Такимъ образомъ и защита подсудимаго должна по логической необходимости раздѣлиться на часть *общую*—изученіе относительной ядовитости содержанія прокламацій, и часть *особенную*—объясненіе связи и отношенія каждаго подсудимаго къ прокламаціямъ. Что касается *общей* части, то она состоитъ изъ разбора прокламацій. Обойти этотъ разборъ нельзя, каково бы то ни было мое нежеланіе злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ; можетъ быть я скажу что-нибудь и лишнее, но на мнѣ лежитъ священная обязанность защиты сказать все то, что можетъ послужить къ облегченію участи подсудимаго. Я не хочу, чтобы на моей душѣ лежалъ упрекъ, что я отнесся къ дѣлу сухо, формально, что я далъ увлечь себя неумѣстнымъ соображеніямъ, хотя бы такимъ, чтобы вамъ не надоѣсть, не наскучить. Разборъ прокламацій дѣло далеко нелегкое, оно требуетъ особеннаго такта. Я не боюсь, конечно, чтобы меня не упрекнули въ томъ, что, забывъ мою присягу не говорить на судѣ ничего клонящагося къ ослабленію церкви, государства, собственности и доброй нравственности, и употребляя даръ слова, данный мнѣ только для облегченія участи подсудимаго, я воспользовался имъ, чтобы пропагандировать пре-

ступныя идеи. Я скорѣе опасаюсь того, чтобы невольно не увлечься возможностью полемизировать съ заблужденіями брошюръ, съ фальшью въ нихъ содержащеюся. Это было бы тоже некстати и не у мѣста. Итакъ, не пропаганда, и не полемика, а только строгая критика и немножко исторіи—вотъ что возможно въ моемъ положеніи.

Есть три брошюры, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ двѣ печатались вмѣстѣ: „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“, и третья, похожая на незаконнорожденное дитя, отъ коей всѣ отрекаются и никто не приписываетъ себѣ заслуги быть ея отцомъ. Каждое изъ этихъ произведеній надо изучить отдѣльно, чтобы опредѣлить ихъ относительную преступность, а такъ какъ у нихъ много общаго, то обнаружить и филіацію идей, и исторію происхожденія одной работы изъ другой, всѣ ли онѣ или нѣкоторыя содержатъ воззваніе къ бунту, или, можетъ быть, не воззваніе къ бунту, а къ сопротивленію власти и оспариваніе началъ собственности. Въ этомъ отношеніи я бы расположилъ эти брошюры такъ: „Какъ жить по закону природы и правды“, „Русскому народу“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“. Двѣ первыя брошюры содержатъ въ себѣ опытъ популярнаго изложенія простонароднымъ великорусскимъ языкомъ экономической теоріи, извѣстной подъ школьнымъ именемъ соціализма или даже коммунизма, но и онѣ не могутъ быть названы самостоятельными. Брошюрка „Какъ надо жить“ есть простое сокращеніе иностраннаго произведенія „О мученикѣ Николаѣ“, которое было поймано на австрійской границѣ въ то время (13-го декабря 1873 г.), когда подсудимый сидѣлъ въ тюрьмѣ. Очевидно, она должна была находиться въ Россіи раньше, потому что нельзя предположить, что эта брошюра, была напечатана въ Москвѣ, пошла за границу и оттуда возвращалась въ Россію. Это произведеніе заграничное, потому что передѣлка брошюры съ увеличеніемъ вдвое ея содержанія никогда не заключается въ

однихъ только вставкахъ и прибавкахъ, но, наоборотъ весьма легко съ помощью нѣсколькихъ штриховъ карандаша сократить бо́льшее произведеніе и сдѣлать изъ него меньшее. Если брошюра: „Какъ жить“ есть простое сокращеніе книжки „О мученикѣ Николаѣ“, то брошюра „Русскому народу“ есть вольное подражаніе той же книжкѣ „О мученикѣ Николаѣ“, въ которой идеи книжки получили большую ясность, опредѣленность, но вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и часть своей силы, своей ширины, своего размаха. Послѣдовательность этихъ работъ была по-моему такая.

Мы имѣемъ дѣло съ идеями и есть извѣстный общій фондъ идей, ходячихъ между самыми крайними людьми такъ-называемаго нашего молодого поколѣнія. Я говорю молодого, потому что большинство люди молодые, но есть между ними и пожилые. Это общій фондъ одинаковъ и у обрѣтающихся въ Россіи, и у скитающихся за границею. Литературное свое выраженіе легче находятъ эти идеи за границею, во-первыхъ потому, что для нихъ за границей существуетъ полная и почти безусловная свобода печатанія, и во-вторыхъ потому, что тамъ, за границею, сильнѣе и тѣснѣе устанавливаются умственныя связи съ волнами рабочаго движенія, съ апостолами и философами рабочаго вопроса. Вотъ почему, хотя желаніе пропагандировать было еще въ 1872 году въ кружкѣ петербургскомъ Долгушина, но осуществленіе намѣренія наступило только тогда, когда нашлась подходящая иностранная книжка „О мученикѣ Николаѣ“. Эта книжка написанная съ силою, со страстью, съ извѣстнымъ несомнѣннымъ талантомъ, оказалась однако слишкомъ абстрактною для подсудимыхъ. Они ее обрѣзали и выбросили вопросы къ Руси непримѣнимые, но и въ такомъ видѣ вещица осталась все-таки слишкомъ отвлеченною; потомъ сдѣланъ еще новый шагъ отъ абстрактнаго къ конкретному и явилось посланіе къ „Русскому народу“.

Итакъ, прежде всего остановимся на брошюрѣ „О мученикѣ Николаѣ“ и на ея сокращеніи. Мученикъ Николай тутъ очевидно не причемъ. Дѣло идетъ не о чудотворцѣ Николаѣ, святителѣ Церкви. Его имя поставлено только для отведенія глазъ, для того, чтобы на таможнѣ не придрались при осмотрѣ къ такой книженкѣ божественнаго содержанія въ память чудотворца, дабы въ народѣ жило и славилось его имя, повѣствующей о томъ, какъ его били, тиранили и мучили; но это всего 6, 7 строкъ, а затѣмъ мученикъ Николай пропадаетъ и вмѣсто него является бесѣдующій съ учениками учитель, вѣщающій слова правды, открывающій новый законъ. Кто этотъ Конфуцій—не объяснено, да и не надо; очевидно книжка предназначена для простонародья, а простой народъ только и постигаетъ законъ какъ заповѣдь власть имущаго, какъ приказъ царя, какъ внушеніе святителя церкви, пророка или боговдохновеннаго человѣка. Народу истина доступнѣе въ притчѣ, сказаніи, легендѣ, нежели въ видѣ логическаго вывода изъ общихъ идей. Мало ли ходитъ по міру легендъ о Христѣ и святыхъ, легендъ несхожихъ съ св. писаніемъ? Къ нимъ легко можетъ прибавиться еще одна. При переходѣ легенды изъ устъ въ уста таинственный учитель можетъ отождествиться съ Христомъ, который тоже бесѣдовалъ съ учениками. Этою вставкою мистическаго учителя и слогомъ, разсчитаннымъ на эффектъ, поддѣлывающимся подъ простонародную проповѣдь, выкупается отсутствіе въ книжкѣ всего божественнаго въ ученіи, даже обходъ имени Бога. Не будь этого суррогата, даже простые люди были бы поражены и не могли бы уразумѣть, что сочинители создаютъ рай безъ Бога. Если отъ внѣшней формы перейти къ содержанію брошюры, то слѣдующій первый коренной законъ правды, препеданный учителемъ, есть тотъ, что *всѣ люди равны*. Да это же законъ Христа, заповѣдь Христова! Нѣтъ, не совсѣмъ. Равенство, преподаваемое въ книжкѣ, иного рода, равенство особенное

Люди не только равны, но даже и совсѣмъ одинаковы. При равныхъ условіяхъ воспитанія и богатства они должны походить другъ на друга какъ песчинки, какъ кирпичи, какъ тѣ тарелки изъ бѣлой жести, которыхъ производство посредствомъ машиннаго штомпованія ѣздилъ изучать подсудимый Дмоховскій. Всѣ люди родятся голыми, малыми, слабыми. Если съ пеленокъ учить, содержать и воспитывать ихъ одинаково, давая имъ равное, то не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни ученыхъ, ни безграмотныхъ, ни гордыхъ, ни смиренныхъ, и между людьми будетъ единственно и исключительно та только разница, что одни будутъ находиться ближе къ центру, другіе къ окружности, что одинъ ляжетъ кирпичемъ въ цоколь общественнаго зданія, а другой помѣстится у крыши. Всѣ могутъ быть учеными, если они равно обучены. У заграничнаго автора брошюры есть какъ будто бы нѣкоторое предчувствіе, что эта аксіома въ ея абсолютномъ видѣ невѣрна, что у Степы голова можетъ быть больше, чѣмъ у Ивана, а у Васи нога больше чѣмъ у Андрея, слѣдовательно шапку для Степы—выкроить побольше и сапоги разбить для Васи на большую колодку. Уступочка крошечная, но растяните, и она въ щепки разобьетъ всю теорію, потому что можетъ быть Степѣ и ѣсть надо давать побольше и если онъ нервнѣе, впечатлительнѣе, способнѣе, то и учить его надо побольше, вслѣдствіе чего онъ выйдетъ и ученѣе и умнѣе другихъ. Перепечатчики книжки и эту уступку вычеркнули. Равенство людей у нихъ полное, абсолютное. Но если они уничтожили и устранили ту малую относительность кореннаго закона правды, заповѣданнаго учителемъ, законъ который свѣтлѣе свѣта небеснаго, восхитительнѣе всего восхитительнаго и отъ него же возрадуются люди больше чѣмъ отъ всѣхъ радостей земныхъ и небесныхъ, то они за то побоялись усвоить себѣ всѣ выводы автора изъ этого закона, а выводы эти дѣйствительно смѣлые и радикальные: 1) всѣ люди равны—значитъ грѣхъ человѣку слу-

жить у человѣка; 2) всѣ люди равны—слѣдовательно вся земля общая и нѣтъ помѣщиковъ, матушку землю закрѣпощающихъ; 3) всѣ люди равны—и земля, т. е. помѣщеніе у всѣхъ общее, слѣдовательно, домовладѣлецъ такой же разбойникъ, какъ помѣщикъ. Съ жильцовъ брать плату за квартиру есть беззаконіе и мерзость. Домъ не промыселъ, не торговое предпріятіе, а каждый годъ жители города мечутъ жребій, гдѣ кому прожить. Изъ всей системы I ч. X тома свода законовъ гражданскихъ тремя одновременными ударами вычеркивается контрактъ личнаго найма, поземельной собственности и контрактъ аренды. Изъ этихъ трехъ выводовъ перепечатчики усвоили себѣ вполнѣ только средній, отмѣну частной поземельной собственности. Вся земля общинная; бѣдный, голодный идетъ изъ города въ село какое угодно, куда захочетъ, когда наступитъ время надѣла, и скажетъ: прошу, дайте мнѣ кормиться отъ груди матери нашей земли. И дадутъ ему надѣлъ равный. Злодѣи поганые, тѣ которые говорятъ, что набьется людей много и будетъ отъ нихъ тѣснота великая. Развѣ труженикъ пойдетъ, гдѣ и безъ него тѣсно. Если всѣмъ будетъ даваться равное, то тотъ, кто другихъ стѣснитъ, и самъ себя стѣснитъ; для другихъ сдѣлается голодно, и самъ онъ будетъ голодать. Кто въ городѣ сытъ, развѣ пойдетъ въ село? Перепечатчики робко и издалека только нападаютъ на личный наемъ: кто другого наймет, чтобы землю пахать и косить, тотъ трижды проклятъ: онъ землю-мать продаетъ и людей-братьевъ служить себѣ заставляетъ. Наконецъ, отъ коммунизма въ домахъ и отъ жребья раздачи квартиръ они совсѣмъ отказались, вѣрно находя эту идею уже сильно неподходящею къ понятіямъ и чуждою интересовъ деревенскаго мужичья, для котораго главнѣйше и назначалась проповѣдь. Итакъ, въ брошюрѣ провозглашается законъ равенства и, какъ практическое его послѣдствіе, ученіе всѣхъ смолоду одинаковое и упраздненіе поземельной собственности. Но это еще не весь

законъ правды. Какъ награда для тѣхъ, которые постигнутъ законъ равенства свѣтлымъ умомъ и чистымъ сердцемъ, предлагается любовь братская, отъ которой отъ одной счастіе и радости рождаются. Какъ видите, гг. судьи, тутъ все навыворотъ. Логическій порядокъ понятій очевидно такой; возлюбите другъ друга, доведите эту любовь до бѣлокаленія, и тогда безъ труда и сами собою и нравы смягчатся и будетъ въ равенствѣ счастіе и благодать. Но въ брошюрѣ, наоборотъ, любовь есть результатъ и порожденіе равенства: любовь въ той мѣрѣ водворяется, по словамъ брошюры, въ какой законъ равенства исполняется, таково послѣднее слово учителя, запечатлѣнное его слезою горючею. Сдѣлаемся сначала равными и одинаковыми, а затѣмъ будемъ другъ друга сладчайше любить. Такихъ перестановокъ, послѣдующаго, вмѣсто предыдущаго, слѣдствія, вмѣсто причины, бездна въ брошюрѣ. Ни въ одномъ мѣстѣ эта логика навыворотъ, это поставленіе послѣдующаго, вмѣсто предыдущаго, перестановка причинъ и слѣдствія не являются въ болѣе поразительномъ видѣ, какъ въ разрѣшеніи вопроса: откуда взялось беззаконіе и чѣмъ оно держится?

Вопросъ дѣйствительно чрезвычайно трудный и сбивающій съ толку. Если это законъ природы, то онъ долженъ бы былъ примѣняться отъ начала міра, а міръ, если имѣетъ начало, то существуетъ многія сотни тысячелѣтій; если же равенство искони не существовало, то оно не законъ природы и за него нельзя такъ крѣпко и стоять. Для людей положительной науки рѣшеніе задачи незатруднительно. Равенство есть послѣднее требованіе культуры, это есть то, до чего дорабатывается мысль человѣческая послѣ многихъ тысячелѣтій существованія. Очевидно, что этотъ законъ равенства ие былъ присущъ ни допотопному человѣку—современнику мамонта и пещернаго медвѣдя, ни нашему праотцу—славянину, умыкавшему женъ и продававшему дѣтей въ рабство. Но такое разрѣшеніе во-

проса располагаетъ къ тому, чтобы ожидать терпѣливо его осуществленія и содѣйствовать успѣхамъ идеи равенства неказистою медленною работою каждаго проживаемаго дня. Для подсудимыхъ это рѣшеніе не подходящее. Какое же другое рѣшеніе возможно? Оно состоитъ въ томъ, чтобы поставить уже въ прошломъ ипотезу о вѣкѣ золотомъ, послѣ котораго послѣдующее время было только паденіемъ. Это отчасти точка зрѣнія богословская. Въ этомъ одномъ пунктѣ брошюра, которая далека отъ религіозности, слѣдуетъ, однако, по стопамъ богослововъ. Конечно, въ ней не сказано, что все зло произошло отъ дьявола, отъ сатаны, но сказано почти тоже: «беззаконіе проистекаетъ отъ злодѣйствій и преступленій? Спрашивается, откуда же взялось само преступленіе? Это рѣшеніе предлагается брошюрою и ничего не рѣшающее, даетъ автору возможность обратиться къ исторіи и, прежде всего, къ русской исторіи и изобразить въ искаженномъ видѣ русскую исторію, начиная отъ Петра Великаго. Это мѣсто брошюры одно изъ самыхъ непріятныхъ для разбора. Всѣ перемѣны правленій, происходившія, считая отъ Петра Великаго, изображены какъ крамола боярская, какъ насиліе и интриги высшихъ владѣющихъ классовъ...

Первоприсутствующій. Я васъ здѣсь остановлю. Вамъ извѣстно, что чтеніе прокламацій было только для насъ, поэтому я просилъ бы васъ, на сколько возможно, не приводить того, что говорится въ брошюрѣ о русской исторіи. Да этого, мнѣ кажется, и не нужно.

Пр. пов. Спасовичъ. Я не могу не отмѣтить, что во всей исторіи отъ Петра нѣтъ ничего похожаго на одобреніе злодѣйствъ и насилій. Авторъ выгораживаетъ себя самымъ тщательнымъ образомъ и гласитъ: «что мы въ этихъ событіяхъ не причастны, что во всемъ виноваты противники наши, враги затѣяннаго нами движенія», апостоломъ котораго является авторъ брошюры. Я повторяю, что нѣтъ никакой солидарности между исторіей Россіи, какъ она изображена въ брошюрѣ и авторомъ.

Я кончилъ разборъ брошюры. Если вникнуть въ содержаніе ея, то очевидно брошюра эта не хороша, очевидно, что во многихъ отношеніяхъ она вызываетъ не только рѣзкую критику, но даже, можетъ быть, и примѣненіе уголовнаго закона. Но какого рода является здѣсь преступность: въ формѣ или въ содержаніи? Я полагаю,—главнымъ образомъ, въ содержаніи, такъ какъ законъ не дѣлаетъ различія между формою и формою, такъ что если-бы можно было изобразить преступную мысль геометрическою фигурою или алгебраическою формулою, то мысль преступная лежитъ въ основаніи рисунка; форма популярная служитъ только обстоятельствомъ, усиливающимъ вину. И такъ брошюра осуждена. Вина есть, но какая? предусмотрѣнная въ 1037 ст. улож. о нак. Несомнѣнно, что въ этой книжкѣ есть оспариваніе начала собственности, т.-е. одного изъ самыхъ крѣпкихъ видовъ собственности — собственности поземельной. Это оспариваніе, какъ напомнилъ мой товарищъ по защитѣ, въ другихъ странахъ, при другихъ условіяхъ, не явилось-бы такимъ преступнымъ, какъ у насъ. Есть страны, гдѣ жизнь сложилась иначе, и гдѣ совершенно возможны, напримѣръ, митинги и не только книги, но и публичныя разсужденія о томъ: существовать ли собственности, государству, религіи или не существовать? Я укажу на движенія чартистовъ въ Англіи, въ 1848 году, но укажу, при возможности оправданія, и на условія ненаказуемости. Условія эти суть: весьма высокая культура, нравы крѣпкіе, здоровые и обратившаяся въ плоть и кровь привычка легальности, до того сильная, что если является новая идея, то никогда и ни въ какомъ случаѣ не предполагается, чтобы она могла осуществиться насильственно нелегальными путями. У народа съ высокой культурой, какъ у человѣка съ высокимъ образованіемъ, между впечатлѣніемъ, которое онъ принимаетъ извнѣ, и между рефлексомъ этого впечатлѣнія, т. е. дѣйствіями, поступками, есть огромная про-

межуточная область перерабатыванія впечатлѣній, вслѣдствіе котораго результаты воспринятаго являются ни въ малѣйшей степени непохожими на само воспринятое въ его первоначальной формѣ. У высоко образованныхъ народовъ есть громадная разница между словомъ и дѣломъ. Если даже такая идея, какъ отрицаніе основъ общественнаго порядка, явится, но явится въ обществѣ такомъ, которое умѣетъ разсуждать, и если она явится съ тѣмъ, что она можетъ быть осуществлена никакъ не раньше 100, 200 или болѣе лѣтъ, то она вовсе не опасна, потому что чрезъ 100 или 200 лѣтъ новая идея перестанетъ быть страшною. Можетъ быть, она приладится къ существующему, можетъ быть и вытѣснитъ существующее безъ всякихъ насилій. Все-таки замѣтимъ, что указанныя мною условія не существуютъ вполнѣ ни у одного изъ народовъ на материкѣ Европы; они не существуютъ и у насъ. Наши нравы грубѣе, скорѣй всего сейчасъ же происходитъ переводъ идей, примѣненіе ихъ къ дѣлу. То, что вычиталось, тотчасъ же и усвоено безъ достаточнаго обсужденія, какъ и что примѣнить. Вотъ почему законъ въ 1037 ст. улож. о нак. запрещаетъ это оспариваніе въ печати начала собственности. Подъ эту ст. 1037 подходятъ безусловно всѣ брошюры. Мало того, я полагаю, что эти брошюры подходятъ и подъ 1035 ст., которая запрещаетъ возбужденіе вражды въ одномъ классѣ населенія противъ другого. Брошюра изобилуетъ выраженіями, возбуждающими вражду, бросаемыми въ народъ какъ горящія уголья. Въ брошюрѣ сказано, что каждый свой животъ да положитъ и, въ случаѣ надобности, да прольетъ кровь сражаясь, т. е. отстаивая свои идеи. Въ одномъ мѣстѣ брошюры сказано, что благословеніе будетъ надъ тѣмъ, кто кровь проливаетъ, землевладѣльцевъ уничтожаетъ и богачей смиряетъ. Понятно, это эти выраженія нельзя брать въ дословномъ смыслѣ. Если взять общее впечатлѣніе, которое производитъ брошюра, то оно дѣйствительно такое, какъ говорилъ мой товарищъ по защитѣ,

что нельзя въ нихъ видѣть воззванія къ оружію, какъ нельзя видѣть въ словахъ Іисуса Христа: „Я принесъ не миръ, а мечъ“...

Первоприсутствующій. Сдѣлайте милость, оставьте это.

Пр. пов. Спасовичъ. Я полагаю, что можно было бы съ нѣкоторымъ основаніемъ говорить, что подсудимые могли бы быть обвинены по 274 ст. улож. о нак., за возбужденіе къ неповиновенію или сопротивленію властямъ, отъ правительства установленнымъ. Я въ брошюрѣ вижу одно такое мѣсто, которое для подсудимыхъ въ этомъ отношеніи опасно. Здѣсь говорится только о воинствѣ и житіѣ его казарменномъ, которое между прочимъ не одному воинству, а и всему народу готовили бы сами наши реформаторы. Книжка предлагаетъ солдатамъ дѣлать по возможности *тайкомъ* послабленія страдающему, укрощаемому мужику. Эти выраженія есть, и вы ихъ припомните. Но если они располагаютъ къ чему-либо противозаконному, то никакъ не къ прямому сопротивленію власти. Авторъ не предполагаетъ даже мысли о томъ, чтобы солдатъ могъ не исполнить того, что ему приказываютъ, а проситъ только о слабомъ исполненіи того, что предписывается. Затѣмъ по всей этой брошюрѣ я не вижу ничего такого, что могло бы быть подведено подъ понятіе возбужденія къ бунту. Я полагаю, что въ этомъ отношеніи я схожусь съ самимъ обвинителемъ, который на эту брошюру не указалъ, и замѣтилъ, что эта брошюра чисто соціалистическаго содержанія. Что касается до второй брошюры, то разборъ ея будетъ весьма коротокъ, потому что она уже разобрана моимъ товарищемъ по защитѣ. Но я обращаю вниманіе гг. судей на крупную разницу въ постановкѣ главнаго вопроса между первою и второю брошюрами. Первая идея, которая служитъ точкою отправленія, есть та, откуда взялась та жизнь впроголодь, та бѣдность, которая гнететъ и не даетъ жить свободно. Нельзя ли устроить такъ, чтобы не было этой бѣдности, чтобы всѣмъ было

хорошо? Авторъ предполагаетъ, что можно; въ брошюрѣ о «мученикѣ Николаѣ» предполагались для упроченія зла двѣ вещи: равенство и братство. Въ брошюрѣ къ—«Русскому народу» предлагается равенство и спутникъ его свобода. Мнѣ кажется, что подставленіе свободы, вмѣсто братства, нехорошо, нелогично. Мнѣ кажется, что авторъ брошюры о «Николаѣ» совершенно основательно выпустилъ свободу, а началъ равенствомъ и кончилъ любовью, потому что бракъ между равенствомъ и свободою можетъ быть только неровный, морганатическій, чего не отрицаютъ и теоретики соціализма. Собственно говоря свобода не можетъ быть спрягаема съ равенствомъ. Свобода всегда предполагаетъ возможность трудиться или лѣниться, употреблять или злоупотреблять. Свобода предполагаетъ отвѣтственность, слѣдовательно различіе въ послѣдствіяхъ отъ дѣяній человѣческихъ, значитъ и безконечныя различія между людьми, различія, которымъ законъ старается противодѣйствовать косвенно, препятствуя тому, чтобы различіе, которое образуется между людьми, отъ ихъ личныхъ качествъ и случая не сдѣлались различіями вѣковыми, наслѣдственными, переходящими изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ прокламаціи «Русскому народу» свобода выводится такимъ образомъ, что гдѣ есть неравенство, тамъ есть богатые и бѣдные, сильные и слабые, а гдѣ есть эти противоположности, тамъ непремѣнно угнетеніе, а гдѣ угнетеніе, тамъ не можетъ быть свободы. Конечно въ обществѣ, основано ли оно на равенствѣ по идеалу подсудимыхъ, гдѣ всѣ точь въ точь другъ на друга похожи, гдѣ всѣ помѣщены одинаково и получаютъ одинаковыя порціи корму,—не будетъ угнетенія одного лица другимъ лицомъ, но будетъ хуже: подавленіе единицы массою, поглощеніе единицы стадомъ, такое построеніе общества, въ которомъ жить будетъ тошно, скучно, нежелательно, и негдѣ развернуться неисчерпаемому богатству природы человѣческой. Такова коренная ошибка въ постановкѣ вопроса. Съ высотъ этихъ теоретиче-

скихъ основаній авторъ спускается прямо на Русь и повѣтствуетъ о крѣпостномъ правѣ и его отмѣнѣ; говоритъ, что оно было уничтожено, потому что казнѣ понадобились деньги, а слѣдовательно и болѣе состоятельные плательщики податей. Затѣмъ онъ переходитъ къ тѣмъ практическимъ требованіямъ, изложеннымъ по-пунктамъ, которыя уже разобраны и которыя состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ элементовъ. Первыя два требованія—одно объ уничтоженіи оброковъ и другое о передѣлѣ земли,—чисто соціалистическія; они даже цѣликомъ заимствованы изъ брошюры «О мученикѣ Николаѣ», нѣкоторыя выраженія взяты прямо изъ этой брошюры, напр. «земля общая кормилица» и т. д. Что касается до другихъ четырехъ требованій, то я могъ бы назвать ихъ проектами реформы административной съ нѣкоторыми оттѣнками политическими. Мало того, всѣ эти реформы были разбираемы нашею печатью, конечно, не съ такою рѣзкостью въ формѣ; нѣкоторыя изъ нихъ были даже отчасти осуществлены законодательствомъ или будутъ осуществлены въ близкомъ будущемъ (общая воинская повинность, пересмотръ паспортнаго устава). Послѣднее требованіе, въ оцѣнку котораго я впрочемъ не вхожу, требованіе о томъ, чтобы земскіе люди участвовали въ постановленіи платимыхъ ими податей и въ расходованіи этихъ податей, ослабляется въ своей преступности—если оно преступно—тѣмъ, что земскіе люди въ земскихъ собраніяхъ вотируютъ уже теперь извѣстныя подати. Мало того, нынѣ признано, что отъ участія выборныхъ нисколько не измѣняется форма правленія. Въ Россіи эта форма правленія—монархическая. Ни одна строка, ни одно слово въ брошюрѣ не затрагиваетъ вопроса о формѣ правленія, вопроса о принципѣ монархіи; нѣтъ здѣсь никакого воззванія къ бунту, къ ниспроверженію существующаго порядка, къ сопротивленію распоряженіямъ правительства, къ измѣненіямъ формы правленія. Всѣ эти предложенія могли бы считаться бунтовщическими, если бы они кончались словами:

„возстанемте и осуществимъ немедленно задуманное“! Но ничего подобнаго въ брошюрѣ нѣтъ. Какимъ же образомъ предлагается осуществить всѣ эти предположенія? Можно сказать самыми комическими — иначе я не могу отнестись къ тому, что предлагаетъ авторъ. Его проектъ походитъ на то, какъ если бы человѣкъ двадцать, тридцать, сто или болѣе отправились на берегъ Невы и стали дуть на воду съ тѣмъ, чтобы произвести волненіе и всколыхать водяную поверхность. Здѣсь тоже самое. Нѣсколько человѣкъ дворянъ и людей изъ средняго класса, въ числѣ которыхъ замѣшался только одинъ крестьянинъ, который притомъ дѣйствовалъ не самостоятельно, идутъ въ эту страшную гущу, гдѣ 70 милліоновъ, гдѣ по крайней мѣрѣ 60 милліоновъ простолюдиновъ, они несутъ народу свою программу соглашенія въ 6 пунктикахъ съ тѣмъ, чтобы изъ села въ село, изъ города въ городъ, изъ губерніи въ губернію всѣ сельскія, городскія, уѣздныя единицы отозвались на зовъ и сказали, что они шесть пунктиковъ принимаютъ. Во всякомъ случаѣ, если разбирать относительную опасность агитаціи, то я полагаю, гораздо опаснѣе тѣ люди, которые стоятъ у самой машины и хватаютъ руками за зубцы въ удобное время, въ удобный часъ, чтобы произвести какое нибудь поврежденіе въ машинѣ, чѣмъ тѣ, которые стремятся къ разрушенію общества такимъ страннымъ и окольнымъ путемъ, что сначала обходятъ народъ образомъ пѣшаго хожденія „по вѣсямъ и градамъ“ Россійской Имперіи. Независимо отъ того, что подобная пропаганда сейчасъ должна была встрѣтить и встрѣтила сопротивленіе окружающей среды въ лицѣ перваго сотскаго, десятскаго и станового пристава, она требовала еще чрезвычайно продолжительнаго времени, цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, что въ политикѣ очень важно.

Итакъ, если по 251 ст. напечатаніе воззванія къ бунту признается приготовленіемъ или началомъ приготовленія, то воззваніе къ „Русскому Народу“, которое не

имѣетъ цѣлью даже возмутить народъ, а только подготовить почву, поставить народъ въ такое положеніе, чтобы онъ пораздумалъ и усвоилъ извѣстные пунктики, воззваніемъ къ бунту не можетъ быть признано. Вотъ почему эта брошюра подъ 251 ст. не подходитъ. Если разложить составные ея элементы, то въ ней есть соціалистическій элементъ, который подходитъ подъ статьи, о которыхъ я сказалъ въ первой части рѣчи, и затѣмъ есть элементъ политическій въ четырехъ предложеніяхъ, которыя только по формѣ предосудительны и никакъ не могутъ быть осуждаемы даже въ такой степени, въ какой достойны наказанія предложенія соціалистическія.

Мнѣ остается разобрать третью самую малую прокламацію, оть которой всѣ открещиваются—„Къ интеллигентнымъ людямъ“. Она состоитъ изъ 36 строкъ и напечатана, какъ вамъ, гг. судьи, извѣстно, инымъ образомъ, нежели двѣ первыя, на немоченной бумагѣ, слѣдовательно, можетъ быть, не въ одно время, съ остальными; она написана довольно цвѣтистымъ литературнымъ слогомъ. Ея начало, состоящее изъ 32 строкъ, нисколько не походитъ на четверостишіе, составляющее ея конецъ. Начало воззванія написано въ тонѣ соціалистической проповѣди, и все содержаніе этой несравненно менѣе криминальной брошюры, чѣмъ обѣ первыя, портится послѣдними четырьмя строками. Эти стихи какъ будто бы живьемъ вырваны изъ пѣсенокъ, которыхъ довольно полный подборъ имѣлся у многихъ изъ привлеченныхъ къ слѣдствію. Ихъ могъ приставить къ соціалистическому началу только человѣкъ, который слышалъ, что гдѣ то звонятъ, но не зналъ, гдѣ звонятъ, и у котораго перепуталась политическая агитація съ соціалистическою. Отличительная черта соціализма есть антагонизмъ между землевладѣльцами - капиталистами и рабочимъ классомъ. Въ этомъ вся суть. Этотъ взглядъ въ соціализмѣ есть корень всего ученія, въ немъ сила, въ немъ и односторонность пониманія задачи.

Для задающагося осуществленіемъ ученія соціализма все остальное безразлично: и форма правленія, и государственное устройство. Вотъ почему, если бы соціалистъ писалъ воззваніе къ интеллигентнымъ людямъ, то такой политической выходкой онъ не могъ бы его окончить, и вотъ почему такъ отказываются отъ этой брошюры эти люди, считающіе себя послѣдователями соціализма.

Я кончилъ разборъ брошюръ. Я полагаю, что изъ числа ихъ нужно выдѣлить «Къ интеллигентнымъ людямъ» и отнести ее не къ цѣлому обществу, а къ тому, кто ее составилъ и напечаталъ безъ участія другихъ, если онъ можетъ быть открытъ. Если его открыть нельзя, тогда эту брошюру нужно отложить. Что касается до двухъ остальныхъ, то если сложить ихъ вмѣстѣ, выходитъ, что въ нихъ имѣется оспариваніе начала собственности, имѣется возбужденіе вражды между сословіями. Что касается до того, какъ вы отнесетесь къ этимъ двумъ преступленіямъ, то я полагаю, что вы, гг. судьи, отнесетесь, во-первыхъ, какъ юристы, привыкшіе укладывать факты жизни въ клѣточки законодательныхъ опредѣленій, во-вторыхъ, какъ люди житейски опытные, и опредѣляющіе зло не только по его вѣтвямъ, но и по корнямъ, не только по слѣдствіямъ, но и по источникамъ зла. Послѣдствія преступленія неважны, никакихъ волненій и смятеній брошюры не могли произвести. Вся эта исторія лишена драматическаго элемента. Въ ней нѣтъ никакихъ страстей, страданій, никакой пролитой крови, никакихъ злодѣяній, которыя бы осложняли ее. Если она сдѣлала несчастныхъ, то единственный несчастный это развѣ тотъ бѣдный крестьянскій мальчикъ, котораго я почти касаюсь правою рукою. Если вникать въ источникъ зла, то дѣйствительно, каждый признаетъ, что настоящее преступленіе вытекло изъ заблужденій ума, а не испорченности сердца. Противъ заблужденій ума есть великое лекарство, которое все излечиваетъ, и неизлечи-

ваетъ только того, кто, какъ говоритъ пословица, горбатъ: «горбатаго» исправитъ только могила; лекарство простое — это время. Вы знаете, что въ исторіи не только нашего народа, но всего человѣчества, заблужденія ума играютъ роль не послѣднюю. Если взять нашу исторію, то въ ней идетъ сначала цѣлая полоса заблужденій въ формѣ религіозной, даже оппозиція противъ петровскихъ реформъ облекается въ эту форму религіозности. Затѣмъ съ половины прошлаго столѣтія до второй четверти нынѣшняго идетъ полоса заблужденій политическихъ: франкъ — масоны, иллюминаты, конституціонализмъ. Въ концѣ 40 годовъ начинается цѣлая полоса заблужденій соціалистическихъ. Я былъ еще юношею, когда наказаны были фуріеристы. Съ этихъ поръ эти типы повторяются. Относительно нашего общества нужно сказать тоже, что и относительно другихъ обществъ. Россія страна, гдѣ народу бездна. Вотъ почему, какъ пошло одно заблужденіе, какъ зарядили имъ, такъ и пошло оно до безконечности, цѣлые десятки лѣтъ, пока жизнь не сложится иначе, пока не произойдетъ метаморфоза. Такъ, напрамѣръ, сколько было сектъ религіозныхъ, основанныхъ на толкованіи той или другой части св. писанія, или на томъ, какъ креститься: двумя или тремя пальцами...

Первоприсутствующій. Сократите эти объясненія.

Пр. пов. Спасовичъ. Продолжительность заблужденія есть отличительная черта и нашего соціализма. Наши соціалисты такіе-же старовѣры какъ и раскольники, какъ задались они мыслью создать нормальнаго человѣка, производить подобныхъ людей способомъ педагогическаго штампованія, такъ на томъ стоятъ и донынѣ. Это опять доказываетъ, что въ настоящую минуту умъ русскій въ особенности воспріимчивъ для извѣстныхъ соціальныхъ идей...

Первоприсутствующій. Я прошу прекратить эти разсужденія. Они совершенно неумѣстны.

Прис. пов. Спасовичъ. Перехожу къ особой части моей защиты, относящейся къ участію Дмоховскаго въ

дѣлѣ прокламацій. Дмоховскій занимаетъ въ этомъ дѣлѣ особое мѣсто; онъ зналъ о замышленномъ предпріятіи съ самаго его начала и даже, можетъ быть, содѣйствовалъ ему, но непосредственно руки своей къ этому дѣлу не прикладывалъ. Онъ прежде всего техникъ; онъ, можетъ быть, болѣе техникъ, чѣмъ кто-либо изъ людей, принадлежащихъ къ категоріи подсудимыхъ, при томъ онъ человѣкъ практическій, безъ малѣйшаго притязанія на литературныя дарованія и способности, онъ весь проза: онъ не могъ бы поэтически написать и двухъ строкъ. Дмоховскій познакомился съ Долгушинымъ въ концѣ 1872 г.; они сошлись въ мастерской Верещагина, сошлись и подружились. У нихъ были общіе дѣловые интересы и общія сердечныя симпатіи. Они оказались оба соціалистами. Когда Долгушинъ уѣзжалъ въ началѣ 1873 г., то управленіе мастерской онъ довѣрилъ Дмоховскому, который оставался управляющимъ до марта 1873 г. Въ мартѣ 1873 г., когда Долгушинъ возвратился, мастерская была переведена въ Москву. Друзья разстались, не зная еще куда каждый изъ нихъ обратится. Дмоховскій затѣялъ поѣздку за границу. Въ поѣздкѣ этой обвиненіе усматриваетъ противозаконныя цѣли, которыхъ однако оно не объясняетъ. Изъ показаній Платонова и Верещагина извѣстно, что Дмоховскій ѣхалъ за границу во 1-хъ, изучать клеевареніе, а во 2-хъ, штампованіе посуды. За приготовленіе записки по тому и другому производству ему были обѣщаны вознагражденія. Можетъ быть сверхъ этихъ двухъ задачъ Дмоховскій имѣлъ еще какіе-нибудь иные виды, которыхъ я не знаю, но я сомнѣваюсь, чтобы эта поѣздка имѣла связь съ печатаніемъ прокламацій, чтобы Дмоховскій ѣздилъ для пріобрѣтенія типографскихъ принадлежностей: машины и шрифтовъ, потому что, если-бы онъ ѣздилъ за этимъ, то понятно на дачѣ въ Сареевѣ мы не встрѣтились бы со станкомъ, который напоминаетъ времена первобытныя, производство недалеко ушедшее отъ Гуттенберга. Приспособленія ти-

пографскія могли быть пріобрѣтены въ самой Россіи, не ѣздя заграницу. Вернувшись изъ путешествія, въ Москву, Дмоховскій поселяется на заводѣ у Платонова. Здѣсь посредствомъ Курдаева и Сахаровой, которая пріѣхала къ нему въ Москву, возобновляются его сношенія съ Долгушинымъ; здѣсь онъ впервые узналъ отъ Курдаева о покупкѣ Долгушинымъ дачи въ Сареевѣ. Онъ ѣдетъ туда 9-го іюня съ Сахаровой, но, не доѣхавъ по причинѣ дурного состоянія пути, возвращается; только 13-го числа имѣетъ свиданіе со знакомыми послѣ долгой разлуки; тогда, по показанію Долгушиной, рѣшено было между находившимися на дачѣ мужчинами, что обѣ женщины не будутъ оставаться на дачѣ, такъ какъ онѣ своимъ присутствіемъ только мѣшали бы предпріятію. Нужно было устроить ихъ переѣздъ въ Москву. Кому поручить провожать ихъ? обязанность эту беретъ на себя Дмоховскій. Дмоховскій зналъ, или узналъ въ то время о томъ, что на дачѣ будетъ происходить печатаніе, онъ зналъ даже о содержаніи тѣхъ двухъ брошюръ, которыя приготовлялись печетать. Г. обвинитель говорилъ, что Дмоховскій ни словомъ не промолвился о томъ, что онъ зналъ, что именно печаталось. Но это произошло потому, что его не спрашивали объ этомъ, если бы его спросили, то, конечно, онъ сказалъ бы, что печатались двѣ брошюры: «Русскому народу» и «Какъ должно жить по закону природы и правды». Онъ помогъ друзьямъ и отвезъ женщинъ въ Москву по желѣзной дорогѣ 14-го іюня. Я указываю на числа и прошу ихъ запомнить. Противникъ мой говоритъ, что на цифры не нужно обращать вниманія. Я же, напротивъ, полагаю, что они чрезвычайно важны. Безъ чиселъ вы спутаете все дѣло. Будетъ какая-то каша и не опредѣлится, на сколько и кто къ чему причастенъ. Я вѣрю тѣмъ числамъ, которыя засвидѣтельствованы не однимъ Дмоховскимъ, но и свидѣтелями. Между данными дѣла, есть прочтенное на судѣ показаніе г-жи Долгушиной, которое признано особымъ присутствіемъ,

имѣющимъ доказательную силу, коль скоро присутствію угодно было разрѣшить его прочесть. Пріѣхавъ 14-го іюня въ Москву, женщины помѣстились въ нанятой для нихъ квартирѣ, на Шабаловкѣ. Самъ Дмоховскій занимался въ это время у Платонова. Правда, онъ не пребывалъ безотлучно на заводѣ, но по его словамъ, въ этомъ и нужды не предстояло, потому что еще не была привезена чешуя, и приборъ для клееваренія не былъ готовъ. Однако же, все-таки онъ былъ на заводѣ ежедневно и Платоновъ замѣтилъ его неаккуратность только тогда, когда ему пришлось ѣхать въ Сареево за женщинами. Вамъ извѣстно, что до Сареева 35 верстъ обыкновеннаго проселка, и чтобы отправиться туда, нужно потерять по крайней мѣрѣ сутки. Ѣхать по желѣзной дорогѣ неудобно, потому что отъ станціи Одинцова до дачи 11 верстъ, которыя нужно идти пѣшкомъ. Такимъ образомъ участвовать въ томъ, что дѣлалось въ Сареевѣ, Дмоховскій не могъ, хотя онъ зналъ, что тамъ дѣлается. Такія отношенія продолжались съ половины іюня до половины іюля, то-есть до того числа передъ Ильинымъ днемъ, когда совершилась по окончаніи печатанія перевозка типографскихъ принадлежностей въ Москву, удостовѣренная множествомъ крестьянъ. Почему совершилась эта перевозка? Очевидно что была окончена работа, что все, что нужно сдѣлать въ Сареевѣ, сдѣлано. Крестьяне, которые помогали перевозить вещи, говорятъ, что въ числѣ вещей были: машина, неуложенная въ ящики, касса со шрифтомъ, два боченка съ краскою, но не говорятъ, чтобы въ числѣ вещей находилась бумага напечатанная, а между тѣмъ это такой предметъ, котораго нельзя бы не замѣтить. Типографскія принадлежности были перевезены въ домъ Степанова. Они пріобрѣтены были Дмоховскимъ, имѣвшимъ на ихъ счетъ особыя намѣренія, которыя онъ изъяснилъ предъ вами. У него былъ замыселъ устроить особую тайную типографію, для печатанія статей противъ собственности. Эта идея не осуществилась, но вслѣдствіе

ея онъ купилъ типографскія принадлежности у Долгушина. Спрашивается, на какія средства онъ ихъ купилъ? Онъ получилъ 200 руб. за свои работы и на эти деньги нанялъ квартиру въ домѣ Степанова и помѣстилъ тамъ станокъ. Съ половины іюля до 15-го августа проходитъ опять цѣлый мѣсяцъ безъ всякихъ осложненій дѣла. Обвиненіе утверждаетъ, что въ это время въ домѣ Степанова продолжали печататься прокламаціи. Я не знаю, на чемъ основано это обвиненіе. На показаніи Сахаровой, данномъ на предварительномъ слѣдствіи? Но показаніе это не могло быть прочитано на судѣ, а если и могло бы быть прочитано, то во всякомъ случаѣ оно есть такое, которому вѣрить безусловно нельзя, если оно опровергается другими фактами, вслѣдствіе которыхъ нельзя допустить, чтобы происходило печатаніе въ Домѣ Степанова. Факты эти заключаются въ слѣдующемъ: Эксперты сказали, что наборъ всѣхъ трехъ прокламацій былъ одинъ, что набраны были онѣ разомъ. Если бы наборъ производился два раза, т. е. въ Сареевѣ и въ домѣ Степанова, то печать прокламацій вышла бы различная въ разныхъ экземплярахъ. По словамъ экспертовъ не только наборъ, но и печатаніе двухъ главныхъ брошюръ совершены одновременно. Притомъ, что-же могло печататься въ домѣ Степанова? То ли самое, что и на дачѣ, но зачѣмъ же печатать, если и напечатанныя прокламаціи не разошлись, а извѣстно, что онѣ разошлись и потомъ лишь въ весьма небольшомъ количествѣ. Поэтому и въ виду того, что печаталось, а также и того, что Дмоховскій не литераторъ, не сочинитель, что онъ имѣлъ только шрифтъ, который дѣйствительно былъ купленъ у Долгушина, и не имѣлъ никакой бумаги, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы онъ печаталъ прокламаціи. Поэтому все это предположеніе о печатаніи чего-то въ домѣ Степанова есть предположеніе, ни на-чемъ не основанное. Съ половины іюля до 15-го августа существовали отношенія слѣдующія: лица, которыя были въ Сареевѣ

неизвѣстно куда пропали, разъѣхались въ разныя стороны. Дмоховскій пребывалъ въ домѣ Степанова и посѣщалъ заводъ Платонова. Къ 15-му августа онъ кончаетъ всѣ свои занятія и окончательно разсчитался съ Платоновымъ, послѣ чего сдѣлался совершенно свободнымъ человѣкомъ. Какъ свободный человѣкъ, онъ и отправился въ Сареево посѣтить Долгушина. Здѣсь съѣхались и другіе товарищи; явился и Ананій Васильевъ. Здѣсь случилось происшествіе, которое отчасти описалъ Васильевъ, а именно, пошла рѣчь о пропагандѣ, о томъ, чтобы идти въ народъ. Дмоховскій одобривъ это намѣреніе. Собственно говоря по образу своихъ мыслей, онъ былъ солидаренъ съ товарищами, но не больше. Послѣ нѣсколькихъ дней бытности въ Сареевѣ, компанія отправляется въ Москву. На пути произошла встрѣча съ зеркальщикомъ Афанасьевымъ, затѣмъ въ Москвѣ произведенъ дѣлежъ прокламацій въ квартирѣ Курдаева. Если при этомъ дѣлежѣ и былъ Дмоховскій, это опять не доказываетъ того, чтобы онъ бралъ на себя роль распространителя прокламацій. Напротивъ того, по своимъ замысламъ онъ долженъ былъ стоять внѣ этого дѣла, по тому что онъ имѣлъ другое намѣреніе, можетъ быть болѣе крупное и серьезное. Чтобы онъ раздавалъ прохожимъ прокламаціи, чтобы онъ самъ ходилъ на пропаганду—этого изъ дѣла не видно. Единственный фактъ, который могъ бы навести судей на мысль, что уже было у него желаніе идти на пропаганду—это встрѣча его и разговоръ съ зеркальщикомъ Афанасьевымъ. Въ чемъ же состоялъ этотъ разговоръ? Предметъ его былъ самый простой: о томъ, какое житье-бытье крестьянина, какіе оброки, какая земля и т. д. Если заговорили о Стенькѣ Разинѣ, о Пугачевѣ, и если Дмоховскій совѣтовалъ прочесть книжку Костомарова, или монографію Мордовцева, то это никакъ не революціонное предложеніе, не преступленіе. Совѣтъ обнаруживаетъ, что Дмоховскій человѣкъ, который относится къ народу книжно-теоретически, который не умѣетъ подойти съ надлежащей

стороны къ простому человѣку. Для простаго человѣка воспоминанія о тѣхъ давно минувшихъ дѣлахъ, какъ бунтъ Стеньки Разина или Пугачева—вещь мертвая, лишенная интереса. Дмоховскій не участвовалъ въ посѣщеніи зеркальщика Долгушинымъ, потому что, если-бы этотъ зеркальщикъ встрѣтился во второй разъ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который говорилъ ему о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ и т. д., то онъ запомнилъ бы это обстоятельство. Зеркальщикъ очень хорошо замѣтилъ черты лица того человѣка, который сидѣлъ съ нимъ на возу во время двадцативерстнаго пути, что онъ имѣлъ длинный носъ, былъ высокаго роста, сухощавый, а между тѣмъ, тотъ же Афанасьевъ рѣшительно не помнитъ, какія были примѣты у товарища Долгушина. Ананій Васильевъ говоритъ, что въ Москвѣ Дмоховскій далъ ему на дорогу деньги; эта дача денегъ могла произойти по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ, а не на пропаганду, Дмоховскій могъ считать, что А. Васильевъ заслуживаетъ того, чтобы дать ему денегъ, потому что онъ недополучалъ за свою службу у Долгушина.

Тутъ нѣтъ ничего такого, что могло бы наводить на мысль о томъ, что Дмоховскій принимаетъ самое непосредственное участіе въ распространеніи брошюръ. Въ началѣ сентября Дмоховскій окончательно убѣдился, что машина и станокъ и всѣ приспособленія къ печатанію, которые привезены имъ изъ Сареева, никуда не годятся. Вотъ почему онъ сжегъ станокъ и отправилъ остальныя типографскія принадлежности въ склады къ Соломатину, гдѣ онѣ и стояли. Потомъ онъ переѣхалъ въ домъ Гурина. Такъ какъ новая квартира представляла возможность осуществить ту идею, которую имѣлъ Дмоховскій, то онъ задумалъ, впрочемъ, весьма непрактически, въ то время, когда пропагандисты, его пріятели, были уже пойманы, устроить новый станокъ, который онъ заказалъ столяру Осипову. Этотъ станокъ Дмоховскій поставилъ въ квартирѣ, гдѣ онъ

и простоялъ одинъ или два дня, когда грянула вѣсть, что арестованы тотъ или другой изъ товарищей. Нужно было убираться. Дмоховскій запряталъ опять всѣ типографскія вещи въ ящики и опять отправилъ ихъ къ Соломатину; отыскалъ для г-жи Долгушиной мѣсто въ нумерахъ гостинницы близь Петербургскаго вокзала и самъ отправился странствовать: былъ въ Петербургѣ, возвратился, добылъ вещи отъ Соломатиныхъ и распродалъ ихъ. Наконецъ онъ былъ арестованъ въ Харьковѣ. Вотъ вся его исторія, вся прикосновенность къ дѣлу. Если вникнуть въ то, что онъ дѣлалъ не предубѣждаясь тѣмъ, что Дмоховскій человѣкъ смышленый, человѣкъ развитой, и что поэтому его надо считать душою предпріятія, то необходимо прійти къ убѣжденію, что Дмоховскій находился только возлѣ предпріятія, а не въ центрѣ его и даже не въ окружности, что онъ былъ, пожалуй пособникомъ, оказавшимъ различныя мелкія услуги тѣмъ, что напримѣръ, давалъ деньги, привозилъ и увозилъ женщинъ, что онъ укрыватель преступниковъ, что онъ укрывалъ слѣды преступленія: шрифты и разныя желѣзныя вещи, которыя купилъ съ этою цѣлью отъ Долгушина. Вотъ и вся прикосновенность Дмоховскаго къ настоящему дѣлу.

Въ заключеніе моей защиты я долженъ упомянуть о событіи, которое случилось между вручеміемъ подсудимымъ обвинительнаго акта и днемъ, когда открыто засѣданіе по сему дѣлу, а именно о воспослѣдованіи новаго закона, измѣняющаго значительно прежній законъ, о новой редакціи статей 250 и 318 улож. о наказ. Новый законъ этотъ дѣйствительно весьма важенъ. Если бы онъ существовалъ въ то время, когда приготовлялся актъ обвинительный, то обвиненіе пошло бы по этому новому закону. Я заключаю это изъ слѣдующаго. Я думаю, что нужно обвинять подсудимыхъ въ одномъ только распространеніи прокламацій, выпуская все предыдущее, какъ будто бы преступная дѣятельность этихъ людей не начиналась до того времени какъ

стали они печатать, но очевидно она началась тогда, когда они условились распространять прокламаціи и составили съ этою цѣлью противозаконное сообщество, котораго средствами дѣйствія были съ одной стороны устная пропаганда, съ другой—раздача прокламацій. Такая постановка вопроса, можетъ быть, даже хуже для Дмоховскаго потому, что онъ обвиненъ по 251-ой ст., между тѣмъ, какъ онъ не участвовалъ ни въ печатаніи, ни въ распространеніи прокламацій, слѣдовательно, если устранить сообщество, онъ могъ бы разсчитывать на то, что будетъ совсѣмъ отъ суда освобожденъ. Между тѣмъ, если считать его членомъ тайнаго общества, то онъ долженъ подлежать отвѣтственности за все послѣдовавшее послѣ того момента, когда общество образовалось. Такимъ образомъ, примѣненіе къ Дмоховскому новаго закона лично для него невыгодно, но такъ какъ его интересы солидарны съ интересами товарищей, то общее усиліе всей защиты, а въ томъ числѣ и моей, должно клониться къ тому, чтобы былъ примѣненъ новый законъ. Я думаю, что этотъ законъ долженъ быть примѣненъ по слѣдующимъ причинамъ. По прежнему закону ст. 249, съ которою измѣненная ст. 250 имѣетъ тѣсную связь, предусматривались два вида одного и того же преступленія. Одинъ видъ—это бунтъ, который сопровождался смутами и волненіемъ, а другой видъ, когда преступленіе открыто при самомъ началѣ, такъ что никакихъ смятеній не произошло, новый законъ присовокупляетъ къ этимъ двумъ видамъ или случаямъ бунта еще третій, а именно, когда не только бунтовщическій заговоръ открытъ при самомъ началѣ осуществленія преступнаго намѣренія, но и злоумышленіе было такого рода, что осуществленіе предполагалось въ отдаленномъ будущемъ и не имѣлось въ виду средствъ осуществленія его насильственно. При наказаніи за прокламаціи, возбуждающія къ бунту, надлежитъ войти въ разборъ того, имѣлся ли въ виду и какой затѣвался бунтъ? Поднять населеніе противъ правительства

сейчасъ, или въ отдаленномъ будущемъ, и были ли предлагаемы населенію насильственныя средства дѣйствія, или такія средства совсѣмъ не были указаны. Я полагаю, что теперь послѣ изданія новаго закона 4-го іюня 1874 г., нельзя примѣнять 251 ст. безъ обращенія вниманія на новое дѣленіе бунта. Такимъ образомъ, если вы будете разбирать, имѣетъ ли мѣсто воззваніе къ бунту, и если найдете, что оно имѣетъ мѣсто, то непремѣнно придете къ заключенію, если бы вы даже и признали, что здѣсь есть воззваніе къ бунту, т. е. посягательство на цѣлость государства и Государя, на ниспроверженіе правительства и перемѣну формы правленія, что во всякомъ случаѣ тутъ не опредѣлялись ни день, ни часъ, ни средства переворота, а все это отлагалось до будущаго времени. Вотъ почему нѣтъ возможности обойти новый законъ. На этомъ основаніи я поддерживаю просьбу моего товарища по защитѣ. По моему мнѣнію, подсудимый Дмоховскій долженъ быть судимъ и можетъ быть наказанъ, прежде всего какъ пособникъ и какъ укрыватель преступленія предусмотрѣннаго въ 1036 и 1027 ст.; если онъ не виноватъ въ большемъ, то можетъ быть обвиненъ въ пособничествѣ по 274 ст. Но если вы признаете, что Дмоховскій виноватъ какъ соучастникъ въ возбужденіи къ бунту, то во всякомъ случаѣ вы примѣните новый законъ, потому что этому закону, какъ облегчающему наказаніе, должно быть дано въ настоящемъ случаѣ дѣйствіе обратное.

Особое присутствіе сената приговорило Дмоховскаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ. Общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ сената кассаціонную жалобу подсудимаго оставило безъ послѣдствій.

Содержаніе V тома.

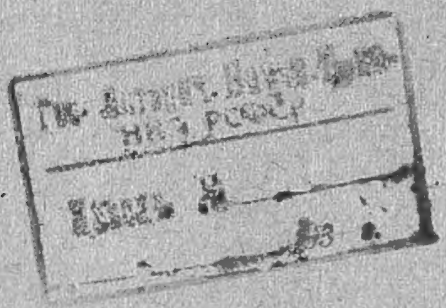
СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

СТРАНИЦЫ.

1. Дѣло о Павлѣ Гайдебуровѣ, судимомъ за изданіе имъ перевода 2 тома книги Вундта: «Душа человѣка и животныхъ» . . . . . 3— 16
2. Дѣло объ уроженцѣ царства польскаго, дворянинѣ Евстафіѣ Шомбергъ-Колонтаѣ, обвиняемомъ въ выпускѣ въ обращеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ. . . . . 17— 34
3. Дѣло объ отставномъ инженеръ-штабсъ-капитанѣ Владимірѣ Шишкинѣ и женѣ его, Вѣрѣ Шишкиной, обвиняемыхъ въ присвоеніи и растратѣ чужого имущества . . . . . 35— 64
4. Дѣло о графѣ Иракліѣ Морковѣ, судимомъ за убіеніе крестьянина Будилы . . . . . 65— 90
5. Дѣло о скопцахъ Плотицыныхъ и др. . . . . 91—100
6. Дѣло о почетномъ гражданинѣ Петрѣ Щаповѣ, судимомъ по поводу изданія перевода «Писемъ объ Англіи» Луи-Блана . . . . . 101—121
7. Дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона . . . . . 122—134
8. Дѣло о заговорѣ, составленномъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи (Нечаевское) . . . . . 135—199
9. Дѣло дворянина Полякова, обвиняемаго въ нарушеніи законовъ о печати . . . . . 201—223
10. Дѣло о дуэли между Утинымъ и Жоховымъ . . . . . 224—247
11. Дѣло о надворномъ совѣтникѣ Цальмѣ, обвиняемомъ въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ и въ подлогѣ . . . . . 248—269

СТРАНИЦЫ.

12. Дѣло о старшемъ фейерверкерѣ петербугской крѣпостной артиллеріи Акимѣ Дементьевѣ, обвинявшемся въ неповиновеніи офицеру и оскорбленіи его словомъ и дѣйствіемъ. . . . . 270—285
13. Дѣло по иску опекуновъ надъ имѣніемъ умершаго Сергѣя Ивановича Терпигорева: титулярнаго совѣтника Чаплыгина и прапорщика Бехтѣева, къ мѣщанкѣ Екатеринѣ Куприяновой и коллежскому ассесору Хилкову объ уничтоженіи ареднаго договора, совершеннаго съ послѣдними маіоромъ Терпигоревымъ 16-го января 1870 г., въ бывшей Тамбовской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда . . . . . 286—301
14. Дѣло объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Николаѣ и женѣ его Евгеніи Н—ныхъ, обвинявшихся въ убійствѣ коллежскаго ассесора П. Чихачева . . . . . 302—328
15. Дѣло Долгушина, Дмоховскаго и др., обвиняемыхъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія . . . . . 329—355



398
4